АҢСНЫ АҬҬААРАДЫРРАҚӘА РАКАДЕМИА
Д.И. ГӘЛИА ИХЬЗ ЗХУ АҢСУАҬҬААРАТӘ ИНСТИТУТ

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

АҢСУАҬҬААРА
АБХАЗОВЕДЕНИЕ

Археологиа Археология
Аҭоурых История
Аетнологиа Этнология

Аҭыжьра
XI
Выпуск

Аҟәа – Сухум
АбИГИ
2018

ББК 72.4 (5Абх) я 5
А17

«Абхазоведение» (историческая серия) – сборник научных статей, в основном сотрудников АбИГИ по археологии, истории, этнологии Абхазии.

Сборник рассчитан на специалистов и тех, кого интересует Абхазия в древности и новейшее время.

Редакционная коллегия: Бгажба О.Х. (главный редактор), **Ашуба А. Э., Авидзба А.Ф.**, **Джопуа А.И., Салакая С.Ш.**, **Нюшков В. А.** (ответственный за выпуск), **Цвинария И.И., Чкок-Эшба Э.М., Отырба А.А.**

Абхазоведение: Археология. История. Этнология.
Сухум: «Дом печати», 2018. – 256 с.

© Абхазский институт гуманитарных
исследований им. Д.И. Гулиа АНА, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

А. И. Цьапуа, В. А. Ниушков
Апсуа баагәара 5

А. Б. Барышников
Железные кресты византийско-кавказского типа из Абхазии 19

Д. А. Канделаки, З. Г. Хондзия
Анализ историко-археологической ситуации на месте проведения работ по водоснабжению города Гагра 25

ИСТОРИЯ

Ф. М. Кобахия
Об абхазо-хеттских этнографических параллелях (на примере брачно-семейных отношений) 35

Н. В. Касландзия
Царевна Гурандухт. Исторический портрет 41

О. В. Маан
Абхазия и Крымский полуостров: этнокультурные взаимоотношения в древний период и эпоху развитого Средневековья 49

М. В. Гумба
Заслуги владетельного князя Михаила Чачба в выводе российских войск из Абхазии в период Крымской войны 70

М. Н. Аргун
Деятельность полковника В. М. Коньяра в Абхазии 79

Е. Г. Гегия
О национально-кадровой политике органов власти Абхазской АССР в 50-е годы XX в. 84

А. Э. Агрба
О демографической экспансии Абхазии (1937 – середина 1950-х годов) 90

Н. И. Медвенский
25-й пограничный полк войск НКВД в боях на Санчарском направлении (август – октябрь 1942 г.). 97

А. Ф. Авидзба
Военно-политическая история Абхазии в 1989-1999 гг. 114

А. Р. Казанчи
Революционные события в Адыгее по материалам Истпарта 137

З. М. Габуниа
Личность В. Г. Ардзинба как один из факторов победы абхазского народа в отечественной войне народа Абхазии 1992-1993 гг. 146

В. В. Цкуа
К проблеме признания новых субъектов Международного права на примере Абхазии и Южного Судана 151

Л. Р. Хагба
Жизнь, отданная без тайного расчета на славу… 161

Э. Д. Эшба
Значение черкесского вопроса на современном этапе 168

ЭТНОЛОГИЯ

О. В. Маан
Размышления по поводу трудов некоторых грузинских этнологов 179

ИСКУССТВО

О. Войцеховская-Брендель
Личность и творчество А. Чачба-Шервашидзе через призму прессы 195

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Р. Гумба
Слово о композиторе и дирижере И. Ч. Акиртава 226

Ф. М. Кобахия
Вклад О. Х. Бгажба в изучение древней металлургии железа в Абхазии 233

М. Д. Кокоскир
Братья Эмхаа 237

М. Д. Кокоскир
История семьи Джото Шервашидзе 244

Архимандрит Дорофей (Дбар)
Ермолай Аджинджал как церковный историк (К 85-летию со дня рождения) 246

Архимандрит Дорофей (Дбар)
О воспитаннике Новоафонской монастырской школы Несторе Лакоба (К 125-летию со дня рождения) 249

А. И. Џьапуа
В. А. Ниушков

АԥСУА БААГӘАРА

Адунеи аҽы имаҷуп Кавказ аҟара архитектуратә баҟақәа рыла ибеиоу аҭыԥқәа. Араҟа иҟоу аҭоурыхтәбаҟақәа еиуеиԥшым аамҭақәа ирытҵанакуеит. Кавказ иашьагәыҵу амилатқәа аскифцәа, сарматаа, ахазарцәа, аџьамцәа, абырзенцәа, аурымқәа араҟа ииаанрыжьит рышьҭа, имонументалтәу еиԥш иматәартәқәоугьы. Аҭыԥ рымоуп аинтерес ду зҵоу еиуеиԥшым аргыларақәа: аингәышцәеи аҟарачқәеи рбаашқәа, ақьырсиантә уахәамақәа уҳәа ирацәаны. Аха иара убасгьы Кавказ иҟоуп даара аинтерес ду зҵоу, еснагь аҭҵааѳцәа ззыгьежьуа, аимак-аиҽак змоу аргыларақәа. Урҭ зыргылази, ианыргылази, иззыргылази ртәы иадҳәалоу азҵаарақәа рыкәша-мыкәша еснагь ирацәоуп ацәажәарақәа, агәааанагарақәа.

Ҳазлацәажәо «Аԥсуа баагәара» даҽеакала Кьалашәыртәи абаагәара ҳәагьы азырҳәоит. Аԥсуаа рхаҭа ари абаагәара жәытәнатә аахыс «Аԥсуа баагәара» ҳәа иашьҭан. Абаагәара ахаҭа Китаитәи абаагәара иаминиатиуроуп уҳәар алшоит. Аԥсуа ҭоурыхҭҵааѳцәа реиҳараѳык М. М. Тра԰шь, В. П. Пачлиа, С. Н. Џьанашьиа, Ш. Д. Инал-ипа, З. В. Анчабаҙе, М. М. Гәынба, Гь. А. Амҷба уи аамҭа Иустиниан I (VI ашә.) ииаамҭахь иаҵанакуеит рҳәоит. Урҭ зқәыԥшуаVI ашәышықәсазы Византиатәи аиҳабыра Кавказ рыҟазаара ашьаҭа арҭәҭәаразыАлада Аԥсны иахьаҵанакуаззымҽехак ҭбааз ахыхьчарҭа аргылара акәын. Аха уртргәааанагара рыцеиѳырымшеит аҵарауаа Т. Бераҙе, И. Воронов, О. Бҭажәба. Урҭ ишырҳәо ала ари абаагәара ргылан ишәхьаз ихьшәоу абжьаратәи ашәышықәсазы.

Раԥхьаҙа акәны ари абаагәара аҙбахә ҳәан ишәхьаз X–XIабжьаратәи ашәышықәсазы, нас XIV–XV ашәышықәса ирытҵаркуа аѳырақәа рҟны. Урҭ рҽеиѳыршоит ижәытәзатәиу ақыртуатә Џьуаншьер Џьуаншьери, Вахушти, Багратиони, иара убас мраҭашәараЕвропатәи Ж. Шардени, А. Ламберти, Кр. Кастелли русумҭақәа ҳәа. Рыцҳарас иҟалаз, уи аамҭа иаҵанакуаз аҭоурыхнҵаѳцәа Аԥсны иахьаҵанакуаз инаркны мраҭашәаратәи Қырҭ-

тәыланӡа ианныҟәоз, инарҭбааны араҟа инхоз ауааҧсыра инадыркны ианрылацәажәоз, хырҩа арымҭеит ари аиҧш иҟазабаагәара. Ишаабо еиҧш, мраҭашәаратәи Кавказ иргылаз асеиҧш ахыхьчарҭатә баагәара ду иацәынхаз ахырҷәҷәарҭақәа ишахәҭаз азҽлымҳара рмоуит.

Ижәытәӡатәиу ақырҭуаҭоурыхҭҭааҩ Ҵь. Ҵьуаншьер XIашәышықәсазы, Мурван Ибн Мухаммед мрагыларатәи Қырҭтәыла анеимиҭәаз ахҭыс дахцәажәо иҳәоит: «Мири Арчили дрышьҭаланы данаауаз дахысит Кьалашәыртәи абаа» ҳәа. Иагьациҭоит «уи абаагәара усҟан Бырзентәылеи Қырҭтәылеи ирҳәаан» ҳәа. Иҟоуп агәаанагарақәа, заатәи Византиатәи аҩырақәа Кьалашәыртәи абаагәара хыхьчарҭак еиҧш иахьалацәажәо шьаҭас ирыҭаны, Ҵьуаншьер дызлацәажәо хықәкыла Аҧсуаа баагәара ауп ҳәа.

М. М. Гәынба[1] игәаанагарала, ақырҭуа ашықәсҩыраҽ Кьалашәыртәи абаа ҳәа зыӡбахә ҳәоу иахьатәи Кьалашәыртәи абаагәара ауп. Иара ахархәара аман усҟан Мурван Ибн Муҳаммед мраҭашәаратәи Кавказнхыҭ анеимиҭәаз VIII ашәышықәсазоуп ҳәа. Аха иҟоуп уи иаҽагыло даҽа гәаанагарак: ажәытәқырҭуа хыҭхырҭаҽ зыӡбахә ҳәоу Клисуреи Прокопи Кесариатәи ииҩыз Клисуреиеиҧшхаҭақәоуп ҳәа. И. Н. Воронов[2] иҭҭаарала, Клисура ҳәа изҽу ари Иустиниан I ихаан VI ашәышықәсазы иргылаз акоуп. Ари аҭарауаҩ игәаанагарала Клисура анырҳәо иаҭанакуа византиаа уи аамҭаз, VI ашәышықәсаз идыргылаз ахырҷәҷәарҭатә система ауп. Ҧыҭҩык аҭҭааҩцәа агха рыхьны, аӡиас Кьалашәыр иахьатәи ахьӡ иацәхҩашьаланы,иадыркылоит Аҧсуа баагәара.

Аҭыхәтәантәи аамҭазы ицәырҭит даҽа гәаанагара ҽыцк, аҵьамцәа ирыдҳәалоу аверсиа. Уи идҳәалоуп апрофессор. З. Алексиӡе[3] Синаи 1994 шықәсазы ииҧшааз X–XIашәышықәсқәа ирыҭаркуа амонускрипт аҽы Клисура аӡбахә ргәалыдыршәоит. З. Алексиӡе иҟаиҭаз аҭоурыхнҭаратәии ахыҭхырҭаҭҭааратәии анализқәа ирылҭшәаны алкаа ҟаиҭеит Кьалашәыртәи абаагәара аргылара аҵьамцәа ршахиншах Хосров I Ануширван ихаан VI ашәышықәсаз, ма византиатәи аимператор Иустиниан инапхгара анҭәамҭаз 553–568 шш. рзы Лазика. Уи амонускрипт иаҳәоит аҵьамцәа идыргылеит Клисуртәи абаагәара, урҭ идыргылаз Овсеҭтәи агәашәқәа акырӡа иҳараркит ахазарцәа ргәашәқәа раасҭа, иагьыҟарҭеит ахазарцәа наҟ ихьаҭыртә ҳәа. Ари аҩыза агәаанагара адгылара арҭеит даҽа ҧыҭҩык аҭҭааҩцәа. Иаҳҳәозар, Л. Г. Хрушкова[4], М. С. Гаджиев[5]. М. С.

---

[1]Гунба М. М. Келасурская стена // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Вып. VI. – Тб.,1977.

[2]Воронов Ю. Н. Келасурская стена // Советская археология. 2. – М., 1973.

[3]Alexidze Z. La Construction de la ΚΛΕΙΣΟΥΡΑ d'apres le nouveau manuscript sinaпtique No 50 // Travaux et Mйmoires. T. 13. – Paris, 2000.

[4]Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (VII-VIII века). – М., 2002.

[5]Гаджиев М. С. Хумара: некоторые строительные параллели и проблема датировки укреплений // Очерки средневековой археологии Кавказа. – М., 2013.

Гаджиев игәааанагарала ари ахытцхырҭа иахьазы хадара зуа аргументуп Кьалашәыртәи абаагәара аныргылаз VI ашәышықәса актәи азбжазоуп ҳәа уҳәаразы.

Ари аверсиа иадгылом аҭарауаа О. В. Маани[1] О. Х. Бгажәбеи[2]. О. В. Маан игәааанагарала аҧьамцәа Аҧсны иҟан ѡынтә; VI ашәышықәса актәи азбжаз ѡымз – Тцабал, нас 555шықәсазы аапын инаркны знынза. Ари аамҭа кьаҿ иалагъаны ари аиҧш зеиҧшу абаагәара аргылара залыршахомызт.

Иазаатгылатәуп даҽеа ҭоурыхтә нтцамҭак В. Багратиони авторс дызмоу «Аҟыртуа аҳра аҭоурых» захьзу. Еиҳараҙак ахытҳәаа шьаҭас иҟаҵаны «Қартлис цховреба» автор иазгәеиҭоит абри аѡыза «Анаҟәаҧиантәи амшын инаркны ашьханза баагәарала итахикааит Леуан Дадиани аҧсуаа хытцны итамларазы, аха уажәазы иара аус ауам» ҳәа. Ари аҳәамҭа еиҧшуп акырза заа, XVII ашәышықәсазы, аиталиан мессионер А. Ламберти[3] аратәи аҭыпқәа данырҭааз инижьыз антцамҭа. Уи антцамҭаҿы иаҳәоит: «Колхида ҧсабарала ихьчоуп ашьхақәа рганахь, аха иаанхоит ихьчам даҽеа ҭыпқәак. Урҭ рыхьчаразы агырқәа раҳ имчқәа рыла иргылан амҿтәы хырҕәҕәартақәа. Уаҟа игылоуп изыхьчо аруаа. Урҭ рѡызцәа ахырҕәҕәартақәа ргылоуп ашьхақәа рганахь ала. Убас, Олуши ҳәа захьзу аҭып аҟны ашьха хытцра ахьымариоу аҭып аҟны ахарць ҕәҕәа ахҭынтцаны иргылан урыла хынѡажәа нызықь шьаҿа инаҙоз абаагәара. Иара убри абаагәарагьы рыхьчоит аруаа. Еизибарханы иахьзаразы еитныпсахло еимданы ирыхьчоит Одышьтәи аепископцәеи аҭауадцәеи, ауаа беиақәа рыуаажәар рымчқәеирыла» ҳәа (1913ш.). Иара убасгьы иазаатгылатәуп А. Ламберти ихсаала Колхида зегьы, уажәы Гыртәыла захьзу инаркны Корак (Кәыдры) Фасиманза (Риони) (1654ш.). «Ахсаалаҿы ибзианы иубоит Леуан II Дадиани (1611–1657 шш.) ахыхьчартатә хырҕәҕәартә хынѡажәа нызқь шьаҿа иҟоу абаагәара ргылан абаскцәа рқәыларақәа раанкыларазы» ҳәа зныз. А. Ламберти ихсаала еиҧш даҽеа италиатәи миссионерк Кр. Кастелли Колхидатәи ихсаалаҿгьы убастцәкьа ануп. Араҟа зызбахә ҳәоу жәаҳәарада Кьалашәыртәи абаагәара ауп ҳәа гәыѡбарада иазгәеиҭахьан И. Н. Воронов иусумҭа ҷыда аҟны (1973ш.). Иара аныргылаз ашықәс ҳәа иазиҧхьаҙеит XVII ашәышықәса. Уаанза ус ауп зҳәахьаз Т. Бераҙе[4] инаишьтархны (1971ш.) А. И. Непрошини Т. М. Шамбеи[5] ирҳәоит арҭ аҭцаамҭақәа, жәаҳәарада, узвамло шәкәкәоуп

[1]Маан О. В. Абжуа. Историко-этнологические очерки Очамчирского района Абхазии. – Сухум, 2006.

[2]Бгажба О. Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера? // Абхазоведение (историческая серия). Выпуск 2. – Сухум, 2003.

[3]Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией // Сборник материалов для описания местностей и племенах Кавказа. Вып. 43. – Тифлис, 1913.

[4]Берадзе Т. Вахушти Багратиони и вопросы исторической географии Одиши. В кн.: Вопросы исторической географии Грузии, IV. –Тб., 1971.

[5]Непрошин А. Ю., Шамба Т. М. История абхазских князей Шервашидзе. – М., 2013.

ҳәа. Дара ргәаанагарала, ари абаагәаара аргылаѡ агыркәа рхада Леуан Дадиани иоуп (2013ш.) ҳәа.

Аха абжьарашәышықәсатәи ахытҵхырҭақәа иргәылоу аинформациа агәыѡбаракәа ахьцәырнаго аҟнытәари аѡыза агәаанагара рацәак иазыразым егьырҭ аҭцараѡцәа. Ҽырпштәыс иаагозар, уаҟа еиҳарак зыҙбахә ҳәоу амҽтәы ргыларакәа рымацара роуп. Иара убри аамҭазы XVII ашәышықәсазы, ари ахыхьчарҭа рацәак атцакы арҭомызт. Уи убарҭоуп аҭырқәа ныҟәаѡ Евлиа Челеби ари атәыла инарҭбааны иқәынхо данрылацәажәоз. Иџьоушьаша, зынҙа хырѳа аимҭеит ари абаагәара!

Аҧсуа баагәара ргылан XVII ашәышықәсазы ҳәа аҳәара, ҳара ҳгәаанагарала, ииашаҙам. Акызатцәык, иуҳәар зылшо убри ауп, А. Ламберти дызлацәажәо абаагәара, афортификациатә ҟазшьа зманы иаанхаз, иалкаау ҭыпқәак реиҭашьақәыргылара ракәхоит[1]. Аха афранцыз ныҟәаѡ Ж. Шарден Одышь даныҟаз аамҭазы, ари абаагәара излаабо ала ахыхьчарҭатә цакы ацәыҙхьан. Избанзар иара уи аҙбахә далацәажәон ииасхьоу аамҭала. Иара иҳәоит ари абаагәара ргылан аҧсуаа реырцәыхьчаразы ҳәа. Уи иаҳнарбоит убри аамҭазы агыркәазегь реиҳа изыцәшәоз аҧсуаа шракәыз[2]. Иара убри аамҭаз галтәи абыргцәа руаҙәк Ҭлабҕан Қьецба излеиҳәоз ала, ари абаагәара XIX ашәышықәсаҙагьы ахархәара аман, иагьыҟан Егри Аҟәеи рыбжьара қәыпшырҭа мѡаны ҳәа. Аѡымҭатә хытҵхырҭақәа ирылтцшәаны абаагәара зыргылаз ҳәа ицәыртцит акы-ѡба гипотеза: византиатәи, аџьамтәи, агыруатәи. Ҳара зинтерес ҳамоу хыцәкыла иҭцаатәны иҟоу аргылара ду ауп. Иара Аҧсны иахьатцанакуа зеиҧш ыҟам ҭоурыхтә баҟоуп. Аҭцааѡцәа иҟартцо аҳәамтақәа зегьы шьатас ирырҭо иаанхаз антцамтақәа рымацара роуп. Уаҟа археологиатә ҧшаарақәа мѡаҧгамкәа ианыргылази изыргылази ртәы аҳәара залыршахом.

Раҧхьаҙатәи, еиҳа инеитцыхыз аҭцаарақәа мѡаҧган XX ашәышықәсаактәи азбжазы М. М. Ивашьенко[3] ила. «Аҧсуа баагәара» иазикыз аусумҭа ҷыдақәа ѡба, Иустиниан ихаантәи. Ашьтахьинарҭбааны аҭцаарақәа дрылагеит Л. Н. Соловьев[4]. Аҭцааѡы ихала XX ашәышықәса 30-тәи ашықәсқәа рзы абаагәара археологоиатә ҭцаара далагоит. Еихыршәшәаны ититцааит Приморсктәи абааши Кьалашәыртәи аҙиас армарахьтәи аҟәареи, аҙиас Маҷара ду аҟны абаашқәабыжьбеи. Иара убас дрыхәаҧшит

[1]Бгажба О. Х., Лакоба С. З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. – Сухум, 2007.

[2]Гунба М. М. Келасурская стена // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Вып. VI. – Тб.,1977.

[3]Иващенко М. М. Великая Абхазская стена. Известия Абхазского научного общества, выпуск IV. – Сухум, 1926; Он же. О направлении Келасурской стены. Известия Абхазского научного общества, выпуск IV. – Сухум, 1926.

[4]Соловьёв Л. Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум // Труды Абхазского государственного музея. Выпуск 1. – Сухуми,1947.

«Аԥсуа баагәаара» еимаздо абааш маҟа Отап–Улыс–Арасаҙыхь. Иара ишьақәирҭәҭәеит Бедиа–Кәазан иахьатцанакуа абаашқәа зынҙа ишыҟам (1947ш.). 60-тәи ашықәсқәа рзы иара даҽеазнык Л. А. Шервашиҙе дицны иҭитцаауеит абаагәара. Урҭ ианырцеит Абрыскьыл иҳапы аҟынтәи (ақ. Отап) мраҭашәарахь ҩынҩажәижәаба бааш злаҟоуи ашәагааи ртәы зҳәоз антцамҭақәа. Дара ирыҙбеит Кьалашәыртәи абаагәара инаваланы иара еиҳа иахьыуадаҩу ашьха ҭыпқәа рҿы, аҙәгьы иахьҭимтцаац инаҙарц. Убас иагьыҟарҭцеит. Аҭтцааҩцәа игәарҭеит абаашқәа назлаз ахырҷәҷәарҭатә ҳәаа «Аԥсуа баагәара» акомплекс иатцанакуаз Цанаҩтәи ашьхеибаркырала.

Иазгәаҭатәуп, «Аԥсуа баагәара» макьаназы даара имаԥны ишыҭцаау. 1966 шықәсазы абаагәара азааигәара иԥшаан ихьшәоу абжьарашәашықәсатә сахьа змаз, ицәыблагәны ақәыԥшылара змоу апифос.

Иара убри ашықәс азы И. Н. Воронов[1] далагеит абаагәаара аҭцаара, иагьазгәеиҭеит 279 бааш рылаишьақәгылоуп ҳәа. Урҭ рахьынтә 275 бааш Кьалашәыри Тҟәарчали рыбжьара иҟоуп. Урыла иара наҙоит 100 км. рҟынҙа. Абаагәара аҕьырак еиқәтцоуп иаабац ақәарахаҳә дуқәа рыла, акьыр рацәаны излоу ашьыхгала еибаркны. Абаашқәа рыбжьара ибжьоуп 40 м. инаркны 120 м рҟынҙа. Иазгәатан иара убасгьы аргыларатә гхақәагьы, ҷьара-ҷьаа иццакны ишеиқәтцаз убарҭоуп. Баашқәак ахысыртақәа рзыҟатцарам, егьырҭ ирымаҙам аихагылаеҩкаагақәа. Зныҙынлагы абаашқәа зынҙа ирымаҙам аҭартәага маҟа. Уи аҩыза аҭып амоуп Баҕмаран иатцанакуа абаа дахьалацәажәо И. Н. Воронов (1973ш.). О. Хә. Бҕажәба иҩуеит: «Баҕмаран иахьатцанакуа ицо Кьалашәыртәи абаашқәа хпа тҷжааны ҳрыхәапшит, аха урҭ ршьапы тартәамызт, ақәарахаҳәла еиқәтцан, иԥшьырқцаҙамызт Тцабалтәи абаа шеиқәтцоу еиԥш. (VII ашә. ҳ. ҟ.), Анаҟәапиа (VII ашә.). Урҭ ирыцын ихьшәоу абжьарашәышықәса иатцанакуа аматериалқәа (акыцлых, амедалион сахьа рыманы адырҷаблақәа змаз апифосҟәа уҳәа уб. итц[2].)

Абасала, аҭтцаарақәа рыбзоурала еилкаахеит абаагәараҿы зегь реиҳа иргәҕәаз аҭып Кьалашәыр аҙиас армарахьтәи аҟәара аган шакәыз. Абаашқәеи еимаздо абаагәареи рыдагьы хырҩа рытан аҕа даарц злалшоз аиҩхаақәа рҟынтәи абжьытцыртақәа реимажьра. И. Н. Воронов иҳәоит: «Излаабо ала, ари абаагәара еиҳараҙак изыргылаз Кьалашәыр аҙиас аҩада-мраҭашәаратәи агани Кәыдрытәи аиҩхааи рыбжьара инхозаҕацәа раанкыларазы акәын» ҳәа.

Мыкә аҙиас инаркны ахыхьчарҭақәа рхыԥхьаҙара иагхо иалагоит, нас Тҟәарчал ианазаигәаха зынҙа иубом. Тҟәарчал нахыс аргылара иахьымҙеит. Нас иупыло абаашқәа рымацара роуп, иара Егры инаватцаны ам-

[1]Воронов Ю. Н. Келасурская стена // Советская археология. 2. – М., 1973.

[2]Бгажба О. Х. Где проходила «Клисура» Джуаншера? // Абхазоведение (историческая серия). Выпуск 2. – Сухум, 2003.

шын аҟынза. Ҷлоу аҟытан Аимара аҳабла иаҳҳысыз ашәышыҟәса 90-тәи ашыҟәсҟәа раан еиҧкаан археологиатә ԥшаарақәа. Иԥшааз аматериал ҧыцқәаидыртцабыргуеит«Аԥсуабаагәара»ашьапышкызVIашәышыҟәсазы. Ашьтахь иара абаагәара акырынтә еиташьақәыргылан[1]. А. И. Ҷьапуа иаԥшьгарала имҩаԥгаз археологиатә ԥшаарақәа иаадырԥшит ари абаҟа шыргылаз заатәи абжьаратәиашәышыҟәсазы. Архитектура аганахьала иара араҟа иргылоу егьырт аҭыԥантәи афортификациатә ргыларақәа роуп изеиԥшу. Зынза иреиԥшым византиатәии аԥьамтәылатәии архитектуратә формақәа. Азааигәара иԥшааy археологиатә маҭәарқәа аҭыԥантәи аҟазшьоуп ирымоу.

Амшынхыҟәтәи абааш иахьатәи аҭагылазаашьа уанахәаԥшлак иубартоуп ахысыртақәа ашьтахь иҭаԥыҽеены ишыҟатцаз. Дара формада ауп ишҭаԥыҽеу. 2010 шыҟәсазы урыстәыла-аԥсуатә проект аҳәаақәа иртагзаны иаԥшьган археологиатә ԥшыхәрақәа. Аҟәатәи араион амшынҧыҟә инаркны Гәылрыԥшь араиони иареи рҳәаақәа ахьеилало Кьалашәыр аҙиас инаваҭаны. Археологиатә ԥшыхәрақәа ҭцаан 19 обиект. Урҭ рахьынтә 11 баҟа «Аԥсуа баагәарахь» иатцанакуеит. Ианыргылаз аамта ашьақәыргылараз иҭцаан ашьыхга хкы ахимиатә еилазаашьа. Раԥхьатәи адыррақәа абаагәара ҟазшьала еиуеиԥшым аамтақәа иртәуп ҳәа удырбоит. «Ашьыхга ахимиатә еилазаашьа аҭцаараан иаарԥшын еиуеиԥшым ахаҳәеиҟәтцашьеи, ашьыхгаҧ ахархәара змаз аҙахкқәеи, иара аныргылаз аамтеи аиԥшымзаареи уҳәа». Араҟа иугәалашәоит Л. Н. Соловиов[2] ууанза абаагәара х-етапкны иргылан ҳәа иихәахьаз. Иара анализгьы иаанарԥшуеит ашьыхга злашьақәгылоу х-хкык ргәыԥқәа. Хыхь зызбахә ҳәоу апроект ала нас изыцтцаз аԥшаарақәа ирылтцшәаны иуҳәар алшоит заатәи абжьаратәи ашәышыҟәса аамтаз ахархәара змаз баҟоуп ҳәа. (VI /VII–X/ XII ашәшә.). Аха арҭ алкаақәа гәеанызаарыла ирызнеитәуп. Агәыԥ ҧхьаҟа изыцнатцаз аусурақәа рыла еилкаан абаагәара Отаԥтәи ахәҭа еиҳа еиқәхаз ҳәа ишыҟоу, амала акультуратә ҧыгҳарақәа араҟа иԥшааҙамызт. Араҟагьы аурыс-аԥсуа гәыԥ итнатцаауаз егьырт аҭыԥқәа рҟны еиԥш археологиатә ԥшаарақәа мҩаԥгаҙамызт.

Отаԥтәи аҭыԥқәа раамышьтахь ицоит Арасаҙыхьтәи аган. Араҟа игылоуп заатәи абжьарашәышыҟәса иатәу абаа Ачапара захьзу. Иара гылоуп абаагәара ахыхьчартатә цәаҳәа аҩадахьы. О. Хә. Бгажәба игәаанагарала, иара уигьы, Генуезтәи абаа аиԥш, излаҟоу ала абаагәара ашьтахь ала ааиртақәа ахьчозар ҟаларын. Абаа иалаҟатцаз агарнизонқәа хыҟәкыла абаагәара ҭыԥқәак рыхьчаразы иаԥшьган. Хыҟәкыла иуҳәозар, абааа-

[1]Джопуа А. И., Джопуа М. Д. Члоу / В книге Очамчыра. 2500 лет. – Сухум-Нижний Новгород, 2008.

[2]Соловьёв Л. Н. Диоскуриада-Себастополис-Цхум // Труды Абхазского государственного музея. Выпуск 1. – Сухуми,1947.

баашқәеи аҭыжқәеи ишиашоу ицо рцәаҳәа иара «Аԥсуа баагәара» иахәҭакуп, ицоит Арасаҙыхь ақыҭа иалгоу амҩаду инаваҵаны. В. В. Бжьаниеи, С. М. Сақаниеи, Д. С. Бжьаниеи[1] ргәаанагарала иара иамаз арратә-стратегиатә ҵакы ауп ааигәара ицәырҵыз ахыхьчарҭатә ргыларақәа ҳәаақәыҙцо. Даргьы ирҳәоит «ари абаагәара аргылара цон аԥсилаа рыдгьыл аҷы заатәи абжьарашәышықәса инаркны етапла» ҳәа. Иара Арасаҙыхь ақыҭа ахаҭа инагоу ԥсыуа қыҭа дууп. Амшынҷықәынтәи ашьхаҳаракыра арахәҳәырҭақәа рахь узгои арратә стратегиатәмҩеи ахьеилалоз аҭыԥ аҟны иубоит. Ари амҩа цоит Кавказнхытынтәи Кавказтәи ашьхеибаркыра Хада иаваҵаны Амшын еиқәа аҷықәахь. Абри амҩала акәзар алшоит Азиаҟа ишцоз аскифқәа, антикатәии абжьаратә шәышықәсаз аурымкәеи, византиатәи архәҭақәеи, арабцәеи аџьамцәеи рырратә ҿцәа ргәыԥқәа[2].

Уи инаԥшьны ихадоуп 2001 шықәсазы аекспедициа ахада А. И. Џьапуа иҟаиҵаз археологиатә ҳасабырба. Археологиатә ԥшыхәрақәа мҩаԥган Очамчыра араион Ҷлоу ақыҭан. Аекспедициа иҭнаҵааит аҙиас Қәмарча инаркны аҙиас Дәабнҙа. Иара хықәкыс иаман И. Н. Воронов иҟаиҵахьаз асхема инақәыршәаны абаагәара ахәҭақәа ашәҟәы рҭагалара. Иуҳәар алшоит ҭыԥқәак рыҟны абаашқәа шырымбаз, аха ашәҟәы иҭаргалеит зынҙа иҷыцзақәаз ҳәа. Абаашқәа ршәагааи роуреи рышьақәыргыларазы аусурақәа мҩаԥган. Иара убас абаашқәа рпланшьақәыргылан. Уааҙагьы, 1988 ш. А. И. Џьапуа деиҭахысхьан «Аԥсуа баагәара»аҵыхәанҙа (Баҕмаран амшынҷықәантәиабааш инаркны Аҟәарчаԥан аҳабланҙеи аҙиас Ингәыри, нас Амшын еиқәанҙеи). Ашьҭахь ҳахысит Баҕмарантәии Ҕәадаахәҵа–Арасаҙыхь иахьаҵанакуа «Аԥсуа баагәара». Иҭаҳҵаауаз абаашқәа 151–156 (И. Н. Воронов иҭҵаарала) ыҟоуп Аимара аҳаблан нырцәтәи аҟәараҷы. Иара абаагәара ашьапи ашьха ашьапи ирыбжьоуп 30–80 метра. Иара убас абаагәара инаваҵаны уахьнадыԥшыло аган ала ицоит амҩахәаста.

Атрактор иԥнаҿыз анышә итҵаз аҳаԥшьа дуқәа ҩба рыбжақәа еибгоуп. Абааш №151 раԥхьатәи аҭҵаарақәа зыбжа еилабгахьаз иаадырԥшуеит мрагыларатәи аган 5 М., ҭыԥқәак рҟны 5,5 М., аиқәҵа аҭбаара 1,20 м. Абааш аҩналарҭеи аҭыжқәа еимаздо абаагәареи аанымхеит. Зегь реиҳа еиҕьны иаанхеит абааш №152. Иара гылоуп 70 м. бжьаны. Абааш аҭбаара 8,30 м. аура 7,10 м. Зегь реиҳа иҳараку абааш ақәцә 4,5 м. ыҟоуп, аҭбаара 1,10 м. аҩналарҭа мраҭашәарантәи иҟоуп. Егьи абааши иареи злеидыло аиқәҵа

[1]Бжания В. В., Сакания С. М., Бжания Д. С. Выявление археологических памятников в селе Арасадзыхь // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. – М., 2014.

[2]Бгажба О. Х. О крепости Ачапара (с. Арасадзых Очамчирского района) // Материалы по археологии и искусству Абхазии. – Сухуми, 1974.

аҭыӡқәа узҽаҧшыло аганахьынтәи иадҭуеит. Абааш №153 гылоуп 50 м. мрагыларахь абааш №152 аҟынтәи. Арҭ абаашқәа еидызкыло аҭӡы аура 2 м. ыҟоуп. Аҩналарҭа мрагыларахь ихоуп, аҭбаара 2 м. ыҟоуп. Абааш аура 8 М., аҭбаара 7,50 м., аҭӡы аура 1,5 м. Абаагәара еиқәуп аӡиас аҟәара хаҳәла, иубарҭоуп ашьапы шҭарҭәоу. Ҵаҟатәи ацәаҳәа ииашаны игоуп. Абааш №154 аҭагылазаашьа уашәшәыроуп. Аҩналарҭа мрагыларахь иҟоуп. Абааш аҭбаара 7,70 м., аура 6,50 ыҟоуп. Абаашқәа 68 м. рыбжьоуп. Ҭыҧқәак рҽы аиқәҵа аҭыӡқәа еиқәхеит.

Иара убри аамҭазы, ҳекспедициа иаанарҧшит «Аҧсуа баагәара» зехьынҵьара ишиашоу ишымцо, ҭыҧла ибжьажь-бжьажьны ишыҟоу. Ҵьара-ҵьара игылоу абаашқәа рымацара роуп. Абаагәара зыргылаз, излоубо ала, аҭыҧқәа алкаан акәын аус шыруаз. Ҭыҧқәак рҟны зынӡа иамаӡам ахыхьчарҭатә ҭыӡқәа, рхы иадырхәон аҭыҧантәи аландшафт. Хазы игоу аҳаракырақәа рҟны идыргылон абаашқәа рымацара. Егьырахь ирбгоуп абаашқәагьы аҭыӡгьы. Зегь реиҳа иҳараку аҭӡы ақәцә 3,8м. ыҟоуп, аҭбаара 1,20 м. Абааш зегь реиҳа иҳараку ақәцә ҩаӡоит 1,5м. Аҩадаҟа ихалацыҧхьаӡа аҭӡы ашәпара иагхо иалагоит, иҭшәахоит. Убас, абаагәара иагәылагылоу аргыларақәа зегьы ршьапы шҭарҭәамыз аабоит. Еиҳараӡак уи ахьубо Дәаб иахьаҵанакуа ауп. Ҳара ҳаҭҵаарақәа иаҳдырбеит абаашқәеи абаагәарақәеи злеимадоу злоумбо ала, раҧхьа абаашқәа дыргылон, нас баагәарала еимардон уҳәар шалшо. Аиқәҵаразы рхы иадырхәон еиҳа иҟьаҟьаз аӡиас ҟәарахаҳәқәа. Еиқәырҵоз ахаҳәқәа рыбжьара акьыри ахаҳәссеи рыла идырҕәҕәон. Иубарҭоуп аргылаҩцәа адгьыл шықәырцәаауаз, ҵьара-ҵьара ацаҟьақәа шҽырцәаауаз. Ҭыҧқәак рҽы аиҟаратәразы адгьыл ықәрыҧсон. Абаашқәа рыбжьара 30–80 м. ыҟан, аха зны-зынлагьы инеиҳан. Аҩналарҭақәа аман мрагыларатәи мраҭашәаратәи аганқәа рыла (мрагыларахьтәи аганқәа рыла еиҳа ирацәаны). Еиҳа ибзианы еиқәхаз абаашқәа рҟны иубарҭоупаихагылақәа рыбжьара рхыҕәразы ибжьаҵаз абалкақәа ахьыбжьакыз рҭыҧқәа рышьҭақәа.

Жәаҳәарада, ари абаагәара аҧсуа жәлар акыршәышықәса зхыҵуа ирҭоурыхтә баҟоуп. Излаабо ала, усҟантәи аамҭазы алшареи амч дуқәеи змаз ҩ-ҳәынҭқарра дуқәак реиҽагылара абри абаҟа аргылара хыҵхырҭас иамазар ҟалап. Иара абаагәара аиқәҵашьа уацәымҩашьо иунарбоит, аҭыҧантәи ауааҧсыра ишдыргыламҭоу. Уи ус ауп ҳәа иазгәеиҭахьан еицырдыруа аҧсуа тәылаҽацәҭҵааҩ И. Е. Аӡынба. Абаагәара иаҭынхаз ашәҟәы анҵареи, иара азеиҧш хырхырҭа аилкаареи рзы[1] уи аус ду инапы иҵиххьан. Ари зеиҕьыҟам иуникалтәу ахыхьчарҭатә ргыларақәа ирбаҟоуп, иагьаҭахуп инҭырҳәцааны комплексла иазнеины аҭҵаара. Убри иазкны аҵыхәтәантәи аамҭазы даара аусура дуқәа мҩаҧыргахьеит

[1]Адзинба И. Е. Архитектурные памятники Абхазии. – Сухуми, 1958.

аҭарауаа: Ш. Г. Ҟаитан[1], Г. В. Требелева[2]. Угәы иахәаратәы иҟоуп ари атема иазкны иаҳҳысыз ашықәс азы аусура дуқәа шымԥаԥыргаз Аԥсуа баагәара еиуеиԥшым ахәҭақәа рҟны археологцәа Ш. Г. Ҟаитани И. А. Џьапуеи. Ҳгәаанагарала, иахьатәи ҳаамҭазы аҭҵаарадырраҽы еимакны иҟоу Аԥсуа баагәара аҭоурых, ианыргылаз, изыргылаз уҳәаеиуеиԥшым азҵаарақәа рҭакқәаҟарҵап ҳәа ҳҵарауаа имԥаԥыргоархеологиатә ҭҵаарақәаирырҭо имаҷым хәызмам аматериалқәа.

Резюме

На основе широкого археологического, источниковедческого, историографического материала исследуется масштабное фортификационное сооружение Кавказа – Великая Абхазская стена. Существует много разных мнений, кто её построил, для чего и зачем. В данной статье даётся максимально полный анализ всех точек зрения по существующей проблеме. Известно, что стена начиналась с Приморской башни у р. Келасур и далее через рр. Мачара и Кодор тянулась на юго-восток до р. Ингур в сторону Чёрного моря. На основании данных письменных источников было выдвинуто несколько гипотез сооружения стены: византийская, персидская, мингрельская. Более вероятная – византийская. В то же время только археологические находки могут дать информацию о датировке и, возможно, о строителях Абхазской стены, поскольку пока ещё надо признать, что сегодня этот объект остаётся в данном отношении малоисследованным. Поэтому в работе главное внимание отведено археологическим разведкам, проводившимся в с. Члоу Очамчырского района Абхазии. Члоуской археологической экспедицией были исследованы башни Абхазской стены от участка р. Кумарча до р. Дуаб. Целью работ была фиксация башен со стенами по схеме, составленной Ю. Н. Вороновым, который в 60-х годах прошлого столетия занялся подробным исследованием Абхазской стены. По его сведениям, она состоит из 279 башен, 275 приходятся на участок Келасур-Ткуарчал. В длину стена около 100 км. Между тем можно сказать, что на исследованном нами Члоуском участке Абхазской стены, что башни и стены не везде сплошные, они прерывчатые. Скорее всего, местами на каких-то участках прослеживается законченная архитектура, башни и

[1]Кайтан Ш. Г. Л. Н. Соловьёв и Великая Абхазская стена // Четвёртая Абхазская Международная археологическая конференция. Тезисы докладов. – Сухум, 2013; Он же. Великая Абхазская стена и перспективы её исследования // Абхазоведение (историческая серия). Выпуск VIII-IX. – Сухум, 2013.

[2]Требелева Г. В., Юрков Г. Ю., Горлов Ю. В., Цвинария И. И., Агумаа А. С., Кайтан Ш. Г. Келасурская стена, еще раз к вопросу датировки // Проблемы истории, филологии, культуры, № 4. – М.,–Магнитогорск-Новосибирск, 2012.

стены соединены. Но есть участки, на которых стоят только одни башни. Строители стены работали, как видно, по участкам, в некоторых из них нет оборонительных стен. Местами использовался ландшафт местности. В отдельных возвышенных местах строили только одни башни, в других снесены и башни, и стены. Самая высокая точка стены 3,8 м, ширина кладки стены 1,20 см., самая высокая часть башни доходит до 5,5 м, широкая часть стены 1,5 м, к верху стена сужается. Так, использовались для кладки камни, представлявшие собой речные, необработанные, отбирали более плоские. Забутовка между камнями в кладке стены осуществлялась известковым раствором и мелкими камнями. По всей видимости, этот участок Абхазской стены был построен в раннем Средневековье и не оставляет сомнения, судя по технике кладки, местным населением. Не исключено, что строительство памятника было связано с противостоянием двух великих держав того времени (возможно, Византии и Персии), или с какими-то другими политическими катаклизмами.

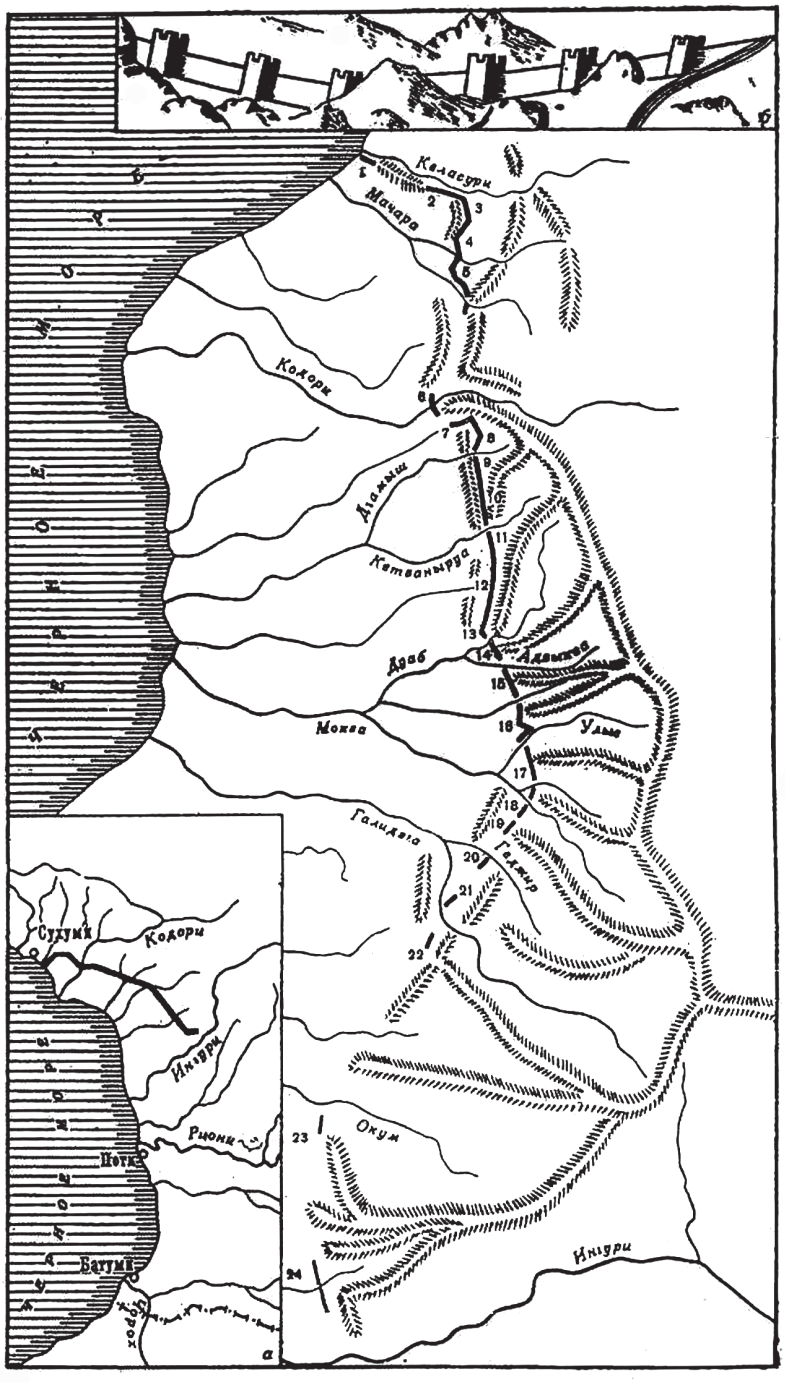
Resume

Based on a wide archaeological, source study, historiographic material, a fortification structure is being explored, which has no equal in the whole Caucasus – the Great Abkhazian wall. There are many different opinions, who built, for what and why. This article gives the most complete analysis of all points of view on the existing problem. It is known that the wall began with the Seaside Tower at Kelasuri and then through the river. Machara and Kodor stretched to the South-East to the river. Ingur towards the Black Sea. Based on the data from written sources, several hypotheses were put forward for the construction of the wall: Byzantine, Persian, Mingrelian. More likely Byzantine. At the same time, only archaeological finds can give information about the dating and, possibly, the builders of the Abkhaz wall, as it must be recognized today that this object remains in this respect little-researched. Therefore, the main attention in the work is given to the archaeological reconnaissance conducted in the village of. Chloe (Ochamchyrsky district of Abkhazia). The expedition explored the towers of the Abkhazian wall from the site of the river. Kumarcha to the river. Dwab. The aim of the work was to fix the towers with walls according to the scheme drawn up by Yu. N. Voronov, who in the sixties of the last century undertook a detailed study of the Abkhaz wall. According to his information, it consists of 279 towers, 275 are located on the Kelasur-Tkuarchal site. The length of the wall is about 100 km. Meanwhile, on the Chlousky section of the Abkhazian wall, we can say that the towers and walls are not always solid, they are discontinuous. Most likely, in some places on some sites can be traced a

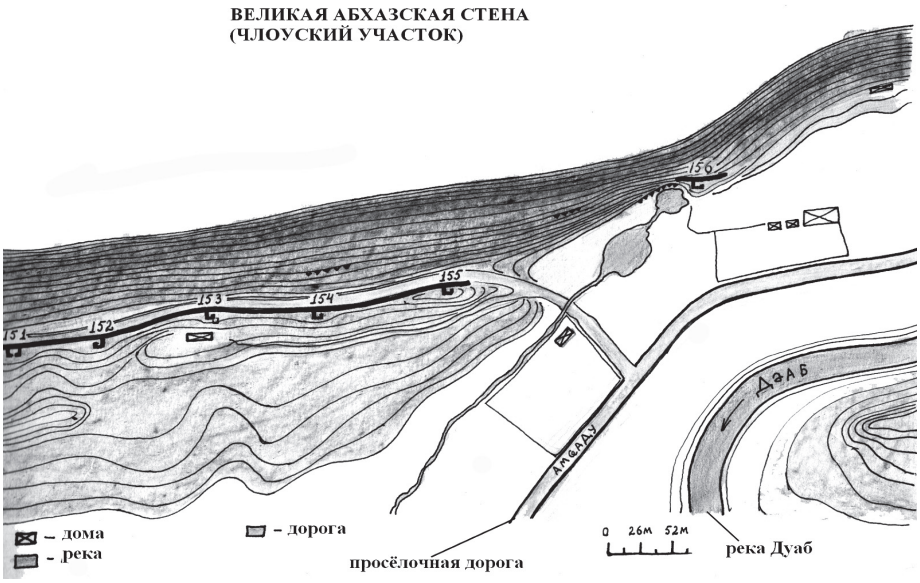
complete architecture, towers and walls are connected. But on some sites there are only one tower. The builders of the wall worked, as can be seen, on the sites, in some of them there are no defensive walls. The terrain was used in places. In some high places, only towers were built, in others towers and walls were demolished. The highest point of the wall is 3. 8 m, the wall masonry width is 1. 20 cm., The highest part of the tower reaches 5. 5 m., The wide part of the wall is 1. 5 m., The wall narrows to the top. So, stones were used for masonry, representing river, untreated, selected more flat. Zabutovka between the stones in the laying of the wall was carried out with a calcareous mortar and small stones. Apparently, the Abkhazian wall was built in the early Middle Ages and leaves no doubt, judging by the technique of masonry, by the local population. It is possible that the construction of the monument was connected with the confrontation of the two great powers of that time (possibly Byzantium and Persia) or with some other political cataclysms.

Асахьа 1. Аҧсуа баагәара. Амшынҷықәантәи абаа, аладатәи ахәҭа.

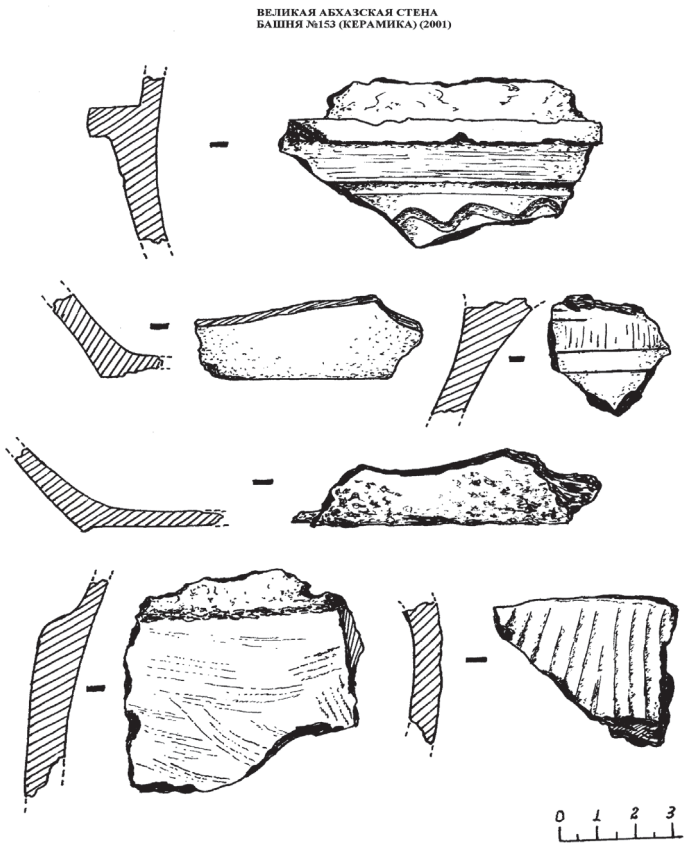
Асахьа 2. Аҧсуа баагәара. Амшынҷықәантәи абаа, амраҭашәаратәи ахәҭа.



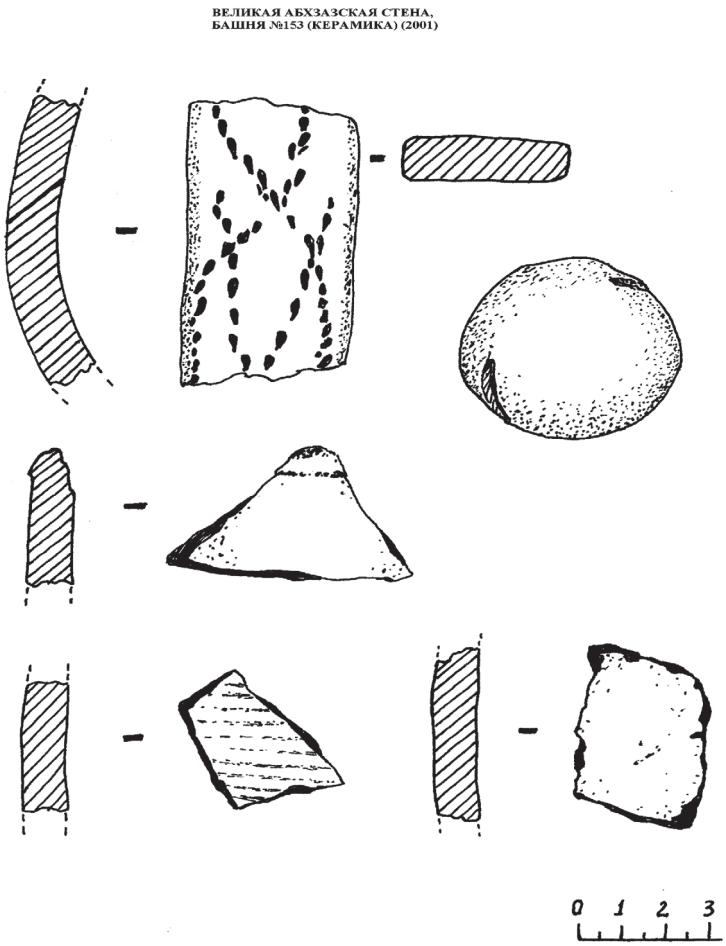
Асахьа 3. Апсуа баагәара, асхема (И. Н. Воронов ила).



Асахьа 4. Апсуа баагәара асхема, Ҷлоутәи ахәҵа (А. И. Џьапуа ила).



Асахьа 5. Абаагәараҿ ипшааз аҳапшьапҧыхақәа.



Асахьа 6. Абаагәараҿ ипшааз ахаҳәи акыцлыхпҽыхақәеи.

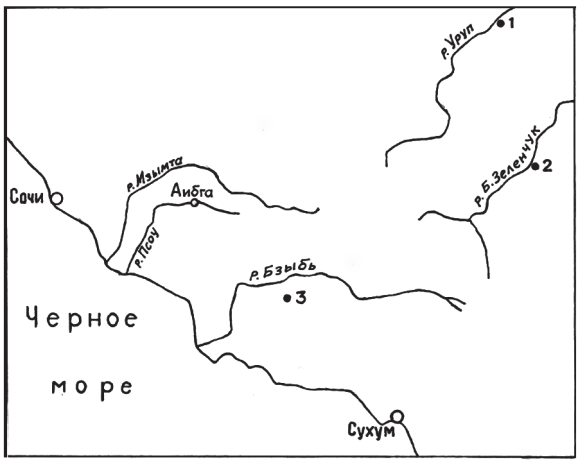
А. Б. Барышников

ЖЕЛЕЗНЫЕ КРЕСТЫ ВИЗАНТИЙСКО-КАВКАЗСКОГО ТИПА ИЗ АБХАЗИИ

На рубеже XX – XXI вв., в связи с распадом СССР, на Северном Кавказе произошли процессы, связанные с образованием ряда новых государств. Здесь в достаточно уникальном состоянии оказалась Республика Абхазия. Абхазии присуще традиции ранней (для Кавказа) государственности и так же ранней христианизации, оставившей яркие памятники монументального и декоративного искусства. При этом хорошо известным и исследованным фактом является наличие мощного дохристианского культурно-обрядового субстрата на территории Абхазии. Ослабление позиций христианства в эпоху позднего Средневековья сопровождалось экспансией ислама и реставрацией (на новом уровне) традиционных верований. Получился своеобразный, самобытный симбиоз. В настоящее время Абхазия оказалась в культурно-идеологическом отношении своего рода трехполярным регионом, где тесно переплелись, не вступая в серьезные конфликты друг с другом, традиционные верования, христианство и ислам. При этом степень христианизации, как и исламизации населения, относящего себя к той или иной конфессии, в целом не велика.

Прежде чем приступить к рассмотрению вынесенной в заголовок темы, хотелось бы, остановиться на следующем. В последнее время появился определенный круг лиц, которые проявляют своеобразный интерес к истории и, используя современную электронную технику, занимаются сбором подъемного материала. Во время походов в горы, мне приходилось встречаться с отдельными представителями этих «любителей истории», слушать вечером у костра рассказы людей, которые по роду своей работы или в силу хозяйственной деятельности много времени проводят на лоне природы. Так как все эти находки утрачены для науки, они, конечно, не могут служить для описания в научной литературе. Вместе с тем их характеристики, помогут нам лучше понять отдельные процессы в рассматриваемом направлении.

Для наглядности восприятия информации, все точки нахождения объектов, изложенных в статье, будем помещать на карту-схему, приведенную ниже. На ней отображена часть территории Республики Абхазия (РА), Карачаево-Черкесской Республики (КЧР) и Краснодарского края (КК).



Карта-схема расматриваемой территории.

В одном из походов, автору показали ряд находок, которые в кавказсковедческой литературе имеют название железные кресты византийско-кавказского типа (были найдены в Республике Абхазия в окрестностях пос. Аибга – 3,4). Данные находки были сфотографированны и описаны. Ниже приводится их общий рисунок (Рис. 1).

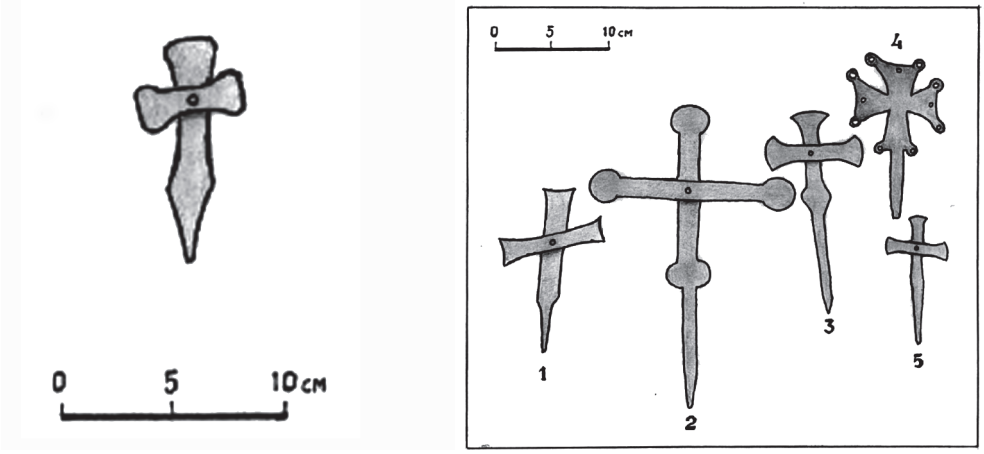


Рис. 1. Кресты из окрестностей пос. Аибга-3,4.

Все представленные кресты можно разделить на три типа: 1 – пластинчатый клепанный с округло-расширенными концами лопастей, с удлиненной ножкой и острием для втыкания на клиновидной удлиненной нижней лопасти (Рис. 1-2); 2 – то же самое, что и тип 1, но окон-

чания лопастей расширенно-заострено (Рис. 1- 1,3,5); 3 – пластинчатый цельнометаллический, с удлиненной ножкой и острием для втыкания на клиновидной удлиненной нижней лопасти, все лопасти расширяются к окончаниям, имеют на окончаниях лопастей отверстия Ф – 3 мм, а на трех верхних лопастях такие же отверстия посредине лопастей ближе к окончаниям (Рис. 1-4).

Кресты имеют следующие размеры: 1 – высота (В) – 13,2 см, ширина (Ш) – 8,7 см; 2 – В – 25 см, Ш – 17,6 см; 3 – В – 16,8 см, Ш – 8,1 см; 4 – В – 13,2 см, Ш – 7,9 см ; 5 – В – 10,6 см, Ш – 5,6 см. Все кресты достаточно хорошо сохранились, заклепки держат части крестов, ржавчина не сильно «съела» поверхность. По рассказу очевидца, все они были найдены в одном месте, там присутствовали ржавые остатки каких-то металлических изделий, которые не были им приобщены к находкам. Наконечники стрел и кости животных, а также керамика отсутствовали.

Другой источник показал найденный им недалеко от пос. Аибга – 3,4 (РА), но довольно далеко от места первой находки, железный крест византийско-кавказского типа (Рис. 2) и фрагмент креста, с тамгой.

Данный крест можно отнести к симбиозу между типами 1 и 2 (пластинчатый клепанный с округло-расширенно-заостренными концами лопастей, с удлиненной ножкой и острием для втока на клиновидной удлиненной нижней лопасти). Размеры креста: В – 10,2 см, Ш – 5,6 см. Состояние хорошее, заклепка не проворачивается, следы ржавчины минимальны. Каких-либо других находок рядом с представленными не было.

Железные кресты византийско-кавказского типа, еще, как мне известно, не становились подробным предметом специального рассмотрения. Между тем топография их местонахождений, типологическая классификация крестов, изучение историко-этнографического материала, освещавшего культовое отношение к кресту у народов Северо-Западного Кавказа в позднем Средневековье, даст возможность реконструировать трансформацию христианских верований, пути синкретизма язычества и византийского православия у народов, населявших Северо-Западный Кавказ в XI-XVIII вв.

Одной из последних работ, наиболее полно освещающих рассматриваемую тему, является статья М. Н. Ложкина и С. Н. Малахова[1]. Здесь описываются, имеющиеся в экспозиции и фондах Отрадненского историко-краеведческого музея им. И. П. Пузырева (ст. Отрадная, Краснодарский край), 14 целых и 15 фрагментированных металлических кованных и клепаных крестов. Все находки происходят из Ильичевского городища (точка 1 на карте-схеме) и его окрестностей. В Отрадненском районе есть памятник

[1] Ложкин М. Н., Малахов С. Н. Железные кресты византийско-кавказского типа из Отрадненского музея. Историко-археологический альманах, №2, г. Армавир, 1996 г.

архитектуры, получивший название – Ильичевское городище. Данное городище было открыто в 1962 году археологом М. Н. Ложкиным, фрагментарно исследовалось Н. В. Анфимовым в средине 60-х годов XX века. В литературе[1] дается выборочное описание городища; его общая площадь занимает около 500 га, площадь крепости-цитадели составляет примерно 90 га, толщина крепостных стен 2 метра. Чтобы еще полнее представить себе масштаб городища, дадим характеристику его объектов по официальным специализированным источникам[2]:

- (п. 74) 8 холмов с остатками строений (предполагаются остатки стен христианских храмов);
- (п. 111) храм;
- (п. 112) часовня;
- (п. 110) архитектурное сооружение;
- (п. 124) 4 храма на территории городища;
- (п. 125) храм.

Данный комплекс, согласно археологических исследований, функционировал позднее античного времени. По имеющимся археологическим данным он пережил в 932 году войну с хазарами. Был разорен и разрушен в 1238 – 1239 г. во время татаро-монгольского нашествия.

В работе описаны и кресты, найденные в плоскостной и горной частях Северо-Западного Кавказа. Есть кресты из Нижне-Архызского городища (точка 2 на карте-схеме). Как общеизвестно, в раннем Средневековье, в Нижнем Архызе, располагался центр Аланской епархии. В работе приводятся описания крестов из Ингушетии и Северной Осетии. Имеются рисунки и описания крестов из собраний Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицина, Национального музея Республики Адыгея, а также приводится ряд других находок. Здесь нужно заметить, что типологически, кресты, приведенные на Рис. 1, Рис. 2 частично совпадают с изображенными в работе – 1.

Что касается восточной части Кавказского хребта по Черноморскому побережью, то источников по крестам из Абхазии и территории Большого Сочи крайне мало. В Цандрипшской базилике найден равноконечный с заостренной рукоятью железный клепаный крест[3]. Два железных креста из Анакопийской крепости: один – цельнокованый на удлиненной «ножке», а другой изготовлен из сложенного по контуру креста металлического

---

[1] Каминский В. Н. Исследование Ильичевского городища на Урупе. Археологические раскопки на Кубани в 1989 – 1990 годах, г. Ейск, 1992 г.

[2] Электронная база данных Управления по охране и реставрации историко-культурных ценностей (наследия) Департамента культуры Краснодарского края, 2005 г.

[3] Хрушкова Л. Г. Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. – Сухуми, 1985 г.

жгута[1]. Ю. Н. Воронов и В. Б. Левинтас в своей книге[2] описали жертвенник на вершине горы Напра (Карта-схема, точка 3). До них из жертвенника были взяты несколько десятков наконечников стрел и два железных креста, а затем чуть позже около 300 разнообразных наконечников стрел. В августе 1975 года авторами, совместно с историком и поэтом С. З. Лакоба, на жертвеннике-святилище Напра, были проведены детальные исследования, в ходе которых было собрано и описано более 15 000 наконечников стрел! Среди наконечников изредка попадались серебряные средневековые монеты, железные кресты, сердоликовые бусы, жертвенные глиняные сосуды, кости животных и другие вещи. Все исследованные находки описаны в литературе.

Трансформация верований из язычества к христианству и обратно к условному симбиозу двух верований, довольно подробно рассматривается в работе Б. С. Хотко (Агрба), С. Х. Хотко[3]. Здесь разбирается вопрос о священных рощах, сакральных мест, поклонения кресту у адыгов и абхазов. Приводится информация из первоисточников, посвященных этому вопросу.

Все авторы в своих работах отмечают, что изначально кресты приносились прихожанами в церковь как индивидуальные вотивные подношения и прикреплялись к алтарной преграде либо размещались в местоположении жертвенника или поблизости, с учетом наибольшей сакральности в храмовом пространстве конкретной церкви.

Очевидно, что по мере угасания литургической практики и приходской жизни у горцев Северного Кавказа после XIII в. в связи с разрушением старых церквей железные кресты стали появляться в специально возведенных «языческих» святилищах, которые собственно, были не языческими по замыслу, а представляли собой реплики христианских храмов, с перенесением на подобного рода сооружения воззрений горского населения о священном пространстве, с учетом их первоначальных дохристианских верований.

Итак, можно предположить, что найденные в окрестностях пос. Аибга – 3,4 и описанные в данной статье железные кресты византийско-кавказского типа, были из какого-то святилища.

В фундаментальной работе Ш. Д. Инал-ипа[4], в разделе «Христианские и языческие верования», дается перечень древних и языческих святилищ Абхазии количеством свыше 60-ти. Он составлен по имеющимся описа-

---

[1] Трапш М. М. Труды, Т. 3. – Тбилиси, 1971 г.

[2] Воронов Ю. Н., Левинтас В. Б. По древним тропам горной Абхазии. – Сухуми, 1982 г.

[3] Хотко (Агрба) Б. С., Хотко С. Х. Нарративные источники об этнических традиционных ритуалах абхазов и адыгов, проводимых в сакральных пространствах. Сравнительно-типологическое исследование: Святилища абхазов и святые места адыгов. – Майкоп, 2015 г.

[4] Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Том III. – Сухум, 2011 г.

ниям и полевым материалам автора. Этот перечень достаточно велик для такой маленькой страны, как Абхазия. К тому же, по-видимому, он является далеко не полным, ибо многие, очевидно, наиболее древние святилища исчезли с лица земли, не оставив о себе никаких воспоминаний у населения (особенно пришлого). В то же время остаются не учтенными целые районы, обезлюдевшие после махаджирства, где находилось гораздо большее количество святилищ.

В перечне приводятся святилища от пос. Лоо (территория Большого Сочи) до границы Абхазии по р. Ингури. Основная их масса расположена в прибрежной зоне. Однако есть объекты, находящиеся и в высокогорной местности (с. Псху и др.). Святилищ, расположенных в окрестностях пос. Аибга или по р. Псоу, нет. В другой литературе, посвященной рассматриваемому вопросу[1], есть информация о местонахождении родового святилища фамилии Ачыгуба – Чыгурныха в верховьях реки Псоу.

Таким образом, можно полагать, что вышеописанные железные кресты византийско-кавказского типа, были найдены в двух различных местах и предположительно в родовых святилищах. Думается, что в дальнейшем, при полевых работах нужно обратить внимание на получение информации в интересуемом направлении, а также приложить усилия для расшифровки тамги, найденной с одним из описанных крестов. Понимание информации, отображенной на фрагменте креста, даст ключ к дальнейшей локализации места находок.

[1] Барцыц Р. М. Паспорта Абхазских святилищ. Сравнительно-типологическое исследование: Святилища абхазов и святые места адыгов. – Майкоп, 2015 г.

Д. А. Канделаки
З. Г. Хондзия

АНАЛИЗ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА МЕСТЕ ПРОВЕДЕНИЯ РАБОТ ПО ВОДОСНАБЖЕНИЮ ГОРОДА ГАГРА

В ноябре месяце 2014 г. при работах по прокладке водопровода по проспекту Ардзинба, в районе между «Приморским бульваром»[1] и гостиницей «Райда», были обнаружены человеческие останки. Прибывший на местом. н. с. отдела истории АбИГИ АНА, житель города Гагры Давид Канделаки подтвердил, что данные останки представляют собою захоронение. Оттуда извлек два бронзовых браслета и бронзовую крестовидную пластинчатую фибулу. Его мнение подтвердили сотрудники АбИГИ АНА и Управления Охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия Олег Бгажба, Игорь Цвинария, Гарик Сангулия, Алхас Аргун, Шандор Кайтан. Ими была дана и датировка этого погребения, которая с учетом найденной крестовидной пластинчатой фибулы была ориентировочно определена позднеантичным периодом, примерно первая половина VI в. н. э. В этой связи интересно и то, что обнаруженное погребение имеет большое значение, ибо еще раз подтверждает, что элементы материальной культуры, относимые к Цебельдинской культуре, и ранее встречались в западной части Абхазии. К сожалению, погребение было частично разрушено во время ремонтных работ, но имеющийся материал и обстоятельства погребения дают общее представление об обряде захоронения. По мнению научного сотрудника отдела археологии АбИГИ З. Г. Хондзия, позже присоединившегося к работе, это было вытянутое трупоположение ориентированное головою на юго-запад.[2] Хорошо сохранившийся череп, а также кости посткраниального скелета позволили установить, что они принадлежали молодой женщине примерно 26-32 лет.[3] Данная находка послужила осно-

[1] «Приморский бульвар» объект садово-паркового искусства – памятник историко-культурного наследия Республики Абхазия, создан по проекту архитектора Е. В. Шервинского в 1949 году, им же был во времена строительства Гагрской климатической/климатолечебной и морской станции создан Приморский парк, ныне носящий имя основателя курорта принца А. П. Ольденбургского.

[2] Археологическая характеристика погребения и инвентаря будет дана археологами.

[3] Палеоантропологическая характеристика останков, а также графическая реконструкция дана автором этих строк в отдельной публикации (См. Канделаки Д. А. Костные

ванием для проведения разведочных работ, которые осуществлялись Д. А. Канделаки и З. Г. Хондзия. В ходе них осуществлялись наблюдения над общей историко-археологической ситуацией в районе. Дальнейшие наблюдения показали, что данное погребение приурочено к песчаным дюнным отложениям новочерноморской террасы, которая хорошо просматривается на участке от ущелья реки Гагрипш до колоннады. Далее она, очевидно, тянется вплоть до реки Жоэквара, но за колоннадой в парковой зоне просматривается слабее из-за антропогенного ландшафта.

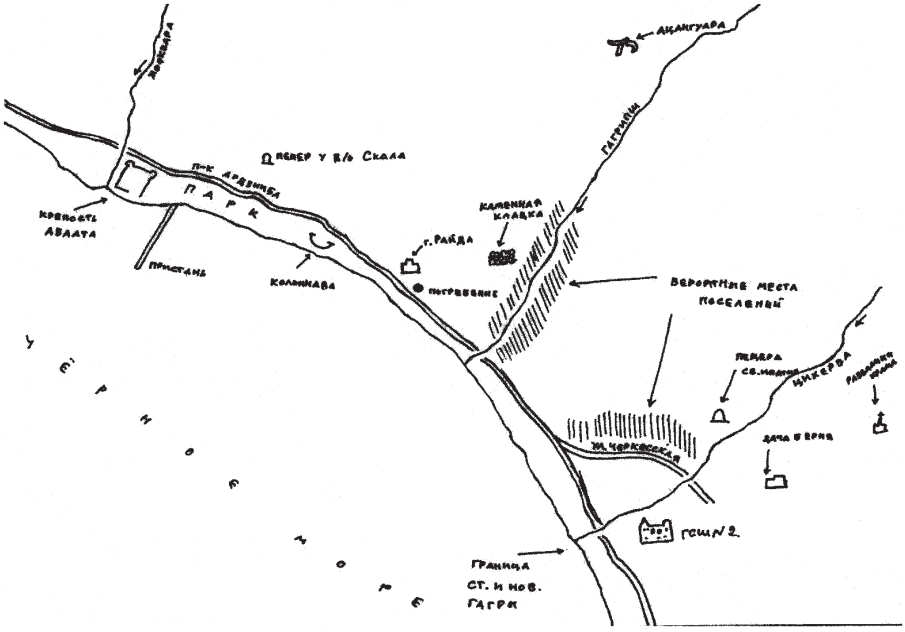


Схема археологической разведки З. Хондзия и Д. Канделаки в г. Гагры за время контроля по прокладке водопровода

Эта дюна, очевидно, сформировалась еще в раннеантичный период, примерно 2000-2500 лет назад. К востоку от обнаруженного погребения заметно возвышение около 3-4 метров. Здесь у выхода из ущелья реки Гагрипш отмечена мощная смятка, а при просмотре слоев видны крупные валуны известняка и щебнистых наслоений. Вероятно, она образована наносами реки и обломочным материалом скальных пород окрестных холмов. На данном участке при работе техники не было обнаружено каких-

останки человека из погребения в крепости Абаата. Историко-археологический альманах. Армавир-Краснодар-Москва, 2013, вып. 12. С. 104-107. Канделаки Д. А. Костные останки человека из погребения VI в. н. э. в г. Гагра. Вестник Академии наук Абхазии. – Сухум, 2016, №6. С. 141-146.).

либо артефактов. Далее простирается дамба, в глубине которой протекает река Гагрипш, и которая по урезу лежит значительно ниже точки нахождения валунов, по сути, приближается к отметке уреза песчаных отложений, где и было обнаружено захоронение. Изученный участок был просмотрен вплоть до берега и в целом подтвердил его естественное геологическое происхождение.[1] Таким образом, для обнаружения других захоронений, перспективным, на наш взгляд, выглядит разведка на противоположной от трассы стороне вдоль пешеходной дороги по «Приморскому бульвару», так как захоронения могут скрываться под асфальтом автодороги.

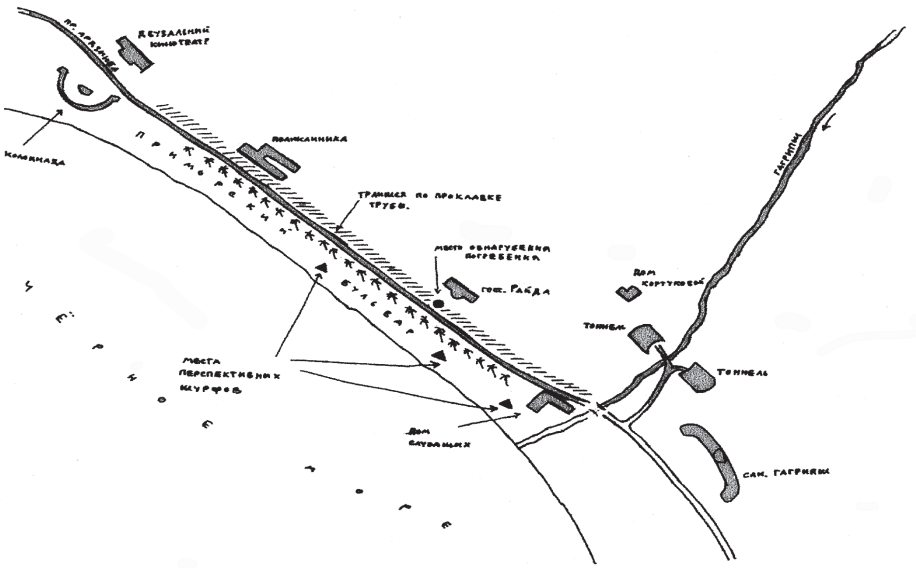


Схема работ на территории обнаружения погребения

В дальнейшем нами совместно с З. Хондзия были проведены анализ ситуации и частичная разведка по нахождению объектов на выявление поселений хронологически синхронных найденному погребению. Анализ

[1] Обстоятельный обзор топонимии, гидронимии и этнонимии дан в работах Бгажба Х. С. (См. Бгажба Х. С. Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии. Тр. АбИЯЛИ. Сухуми, 1956., XXVII. С. 279-303; Бгажба Х. С. Труды. Книга первая. Этюды и исследования. Сухуми, 1987). Гидроним и топоним «Гагрипш/Гагрипшь» имеется в нескольких местах города Гагра и его окрестностей. Сам гидроним Гагрипшь (Гагрыпшьакуара), несомненно, связан с наличием здесь культового места поклонения рода Хагба (См. Шакирбай Г. З. Географические названия Абхазии с элементом «пшь». Известия АбНИИ. – Тбилиси, 1974. Вып. III. С. 80-83). Остается открытым вопрос является ли топоним Гагра и гидроним Гагрипшь одной этимологической природы. Возможно, что это два разных топонима и собственно топоним Гагра восходит к обозначению ландшафтных особенностей района черты одноименного города и к слову «Гакыра» (См. Кварчия В. Е. Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологические исследования). – Сухум, 2006, Канделаки Д. А. Гагра или Гагры? Газ. Гагрский вестник. 2017 г., №№ 37-38.).

ландшафта и условий рельефа в ущелье реки Гагрипш дает право утверждать об очень высокой доли вероятности их обнаружения в этом секторе, а также на территории двора «Дома служащих» и корпусов сан. «Гагрипш» (быв. сан. «Грузия»). Так, в ущелье реки Гагрипш, по информации данной Д. Канделаки, была изучена кладка стены, которая располагалась по правому берегу реки Гагрипш ниже здания нач. XIX в. – «Дома госпожи Кортуковой».[1] Анализ кладки, непосредственно произведенный З. Хондзия, окончательно подтвердил мнение Д. Канделаки об их более позднем возрасте и скорее сама кладка как-то функционально связана с находящимися неподалеку так называемыми «Гротами Принца». [2] Требуется и исследование развалин древнего храма в районе так называемого «греческого кладбища».[3] Данный храм, как и само греческое кладбище, расположен в местности Иагахы, по дороге на первую смотровую площадку.[4] Позже был осуществлен осмотр на участке работ в центре города в районе а/о «Источник». Данный район представляет

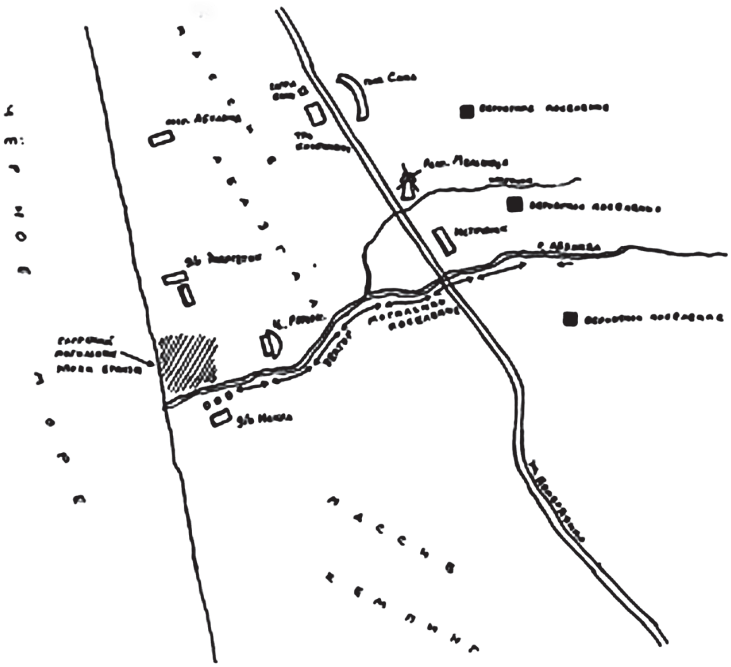
[1]Кортукова Э. Л. – врач, приближенная к персоне е. и. в. принца А. П. Ольденбургского. В черте города Гагра у въезда в имение «Отрадное» сохранился парадный фонтан с барельефами львов. Предположительно фонтан был построен в знак смерти их внебрачного сына Константина, что подтверждается наличием надписи «Памяти Константина», стертой позже с приходом Советской власти. После установления рядом с фонтаном памятника В. И. Ленину были уничтожены и стоявшие по бокам сфинксы. Сейчас фонтан и поныне находится на том же месте в районе, а/о «Фонтан», а местные жители именуют этот район Фонтаном или Фонтанкой.

[2] Так называемые «Гроты Принца», система фонтанов и беседок из известковой кладки, имитирующие формы грота, места для отдыха, которые тянулись от современной трассы напротив «Дома служащих» (ранее на месте этого дома стояло здание «Купален», архитектором которого был Г. И. Люцедарский) до дома госпожи Кортуковой.

[3]Не исключено, что перед нами памятник храмовой архитектуры ранне-византийского периода. Не он ли является тем самым храмом св. Ипатия Гагрского? Здесь же расположен средневековый могильник древних жителей этих мест – абхазов, расположено древнее святилище Гагра инхуу (Гагрская доля божества). Именно здесь жили представители рода Цандаа, которые с места, ныне называемого «Первая смотровая площадка», еще в начале XIX века (в 1830 г.), в период завоевания Абхазии царской Россией, наблюдали, как русская эскадра шла на захват Пицунды и крепости Абаата, во время высадки морских десантов.

[4]Не исключено, что данный топоним имеет и этнонимическую основу. В некоторых случаях эта местность искаженно именуется как «Иагахы». Наверняка, здесь мы имеем факт фиксации с далекого прошлого наличия населения, известного в источниках как Саниги, а оттуда производное «Гениохи». Сравнительно с этим можно привести и сопоставить с гениохами абхазское морское божество «Агных». Кстати, на побережье Гагрской бухты в прошлом обитало злое божество, что лишний раз подтверждает наличие какого-то культового, связанного с морем места, в черте самого города Гагра, аналогичного с «Агныха», и, вероятно, как-то связанного с морским делом, либо связанного с известным фактом морского пиратства у гениохов. Таким образом, топонимы «Агаху», «Агиху», «Ягаиху», и «Иагахы» можно вполне связать с фактом существования в прошлом древнеабхазского населения, в разные хронологические периоды именовавшегося «Гениохи», далее «Саниги» а уже в позднее время «Садзы». Тогда в буквальном смысле этот топоним и район над а/о «Континет» может означать место жительство гениохов, или место, где жили гениохи.

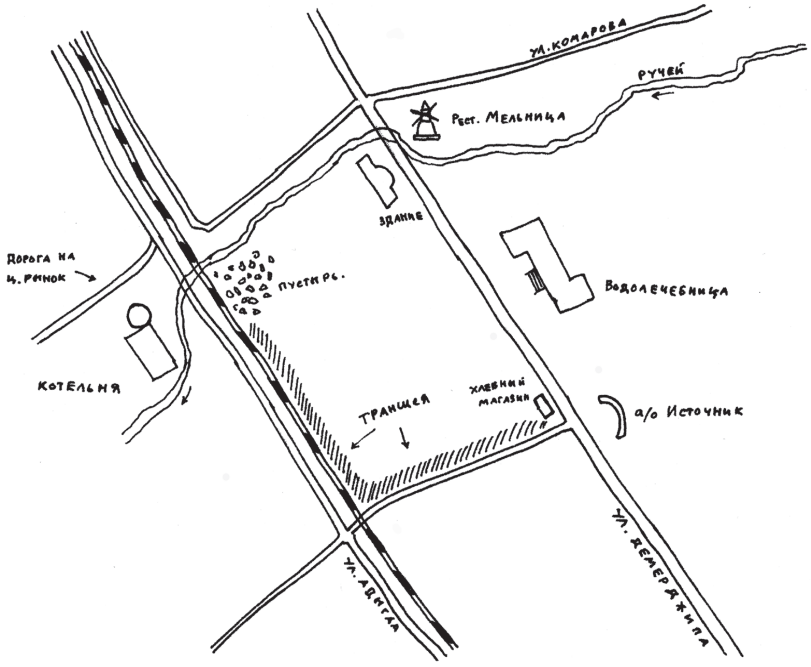
особый интерес, в связи с нахождением здесь реки Адзхыда, и расположенного у ее устья непосредственно за «Центральным рынком» между пансионатами Искра и Энергетик – такого эталонного памятника всего Восточного Причерноморья, как Гагрский могильник эпохи бронзы. Это служит веским основанием того, что археологические артефакты по вектору «могильник-поселение» следует искать по реке Адзхыда, которая в данном случае выступает как вероятная коммуникация (тропы к морю, места забора воды, место швартовки лодок), функционально связывающая могильник и предполагаемое поселение, а также вероятно, пути для рыболовства и т. д.



Территория могильника реки Адзхыда и вероятное местонахождение керамических глин, а также предполагаемых поселений

Здесь нами была осмотрена траншея, вырытая от центральной трассы по направлению к железной дороге и до русла реки по ул. Адыгаа. Прослежены мощные напластования краснозема и красных глин с тонким поверхностным слоем почвы, перемешивающиеся с остатками мусора и камней, несомненно, связанных своим генезисом с современной дневной поверхностью. Ближе к железнодорожному полотну напротив котельни отмечается серия нарушений, несомненно, связанных с обслуживанием железнодорожного полотна. Далее траншея упирается в

русло ручья, притока реки Адзхыда, местность непосредственно перед ней имеет несколько ощутимое понижение с отдельными небольшими вкраплениями реликтового болота, грязи и луж.[1] Здесь заметно повышение влажности почвы с островками незастроенной территории и всякого мусора. Интерес представляет залегание глин, которые имеют непосредственное хозяйственное значение.

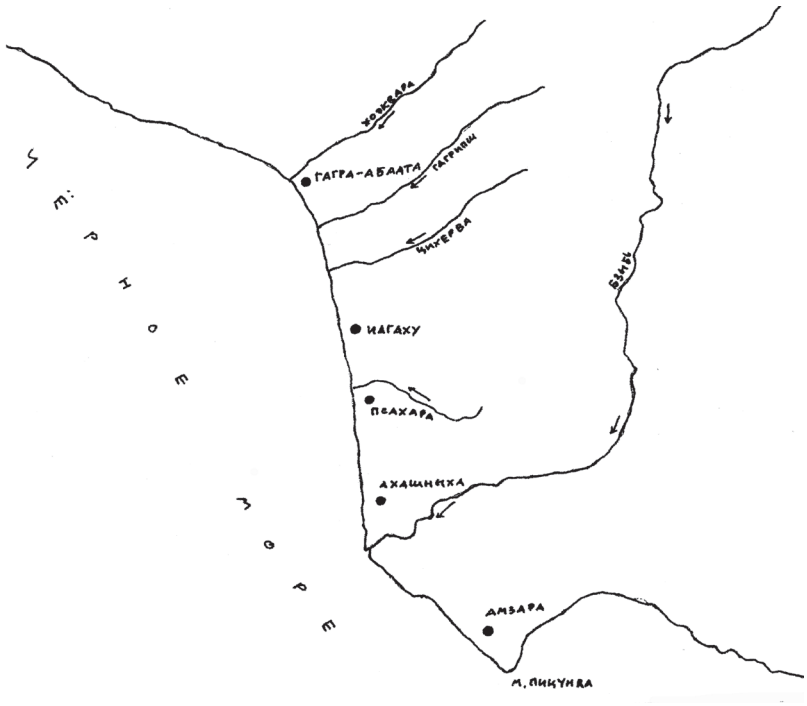


Первоначальный ситуационный набросок района «Источник»

Глины обладают большой толщиной от дневной поверхности до глубины взрытия ковша – от 1,8 до 2,20 м. Это, несомненно, имеет большое значение и представляет большой интерес в связи с вероятным наличием здесь глин для керамического производства. Несомненно, и оссуарии (погребальные урна) Гагрского могильника могли изготавливаться на базе этой глины[2].

[1] Данная река «Адзхыда» (букв., «Река без истока» (несомненное указание на его карстовое происхождение) имеет безымянный ручей – небольшой приток, для обеих рек есть и другое название «Юдзы», то есть «Двуречье».

[2] Для этого, несомненно, возможно проведение анализа глин и их сравнения с глинами, из которых изготавливались оссуарии.

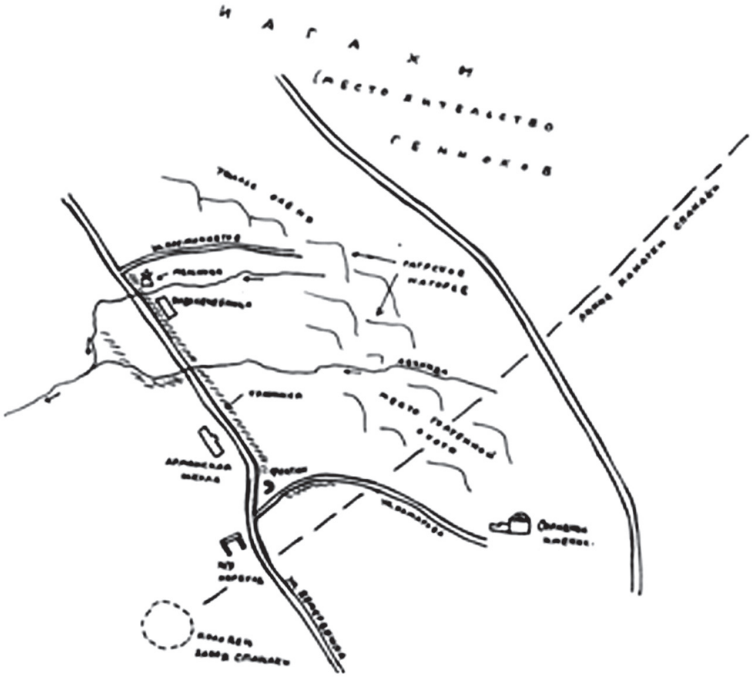


Набросок Гагры и его окрестностей с вероятными центрами керамического производства

Подобные глины, а также крупные керамические центры Средневековья зафиксированы в районе Ахашныха (Алахадзы). Требует проверки наличие аналогичных глин в районе села Псахара (Колхида) в непосредственной близости от места жительства автора этих строк в районе, а/о «6 км», и «Кирпичный», где находился «Кирпичный завод». Дальнейшие работы проводились на отрезке от а/о «Источник» до а/о «Фонтан». На всем этом протяжении просматривались толщи глин, местами перемежавшиеся с галькой, очевидно, речного происхождения с включениями скального обломочного материала. Местами они на отдельных участках сменяли друг друга. Глины в основном имеют ту же структуру, которая наблюдалась и на участке вдоль русла реки Адзхыда. Далее местами отмечаются и некоторые включения явно антропогенного характера. В этой части, в основном, присутствуют мощные глины, с включениями красно- и желтоземных почв, и связаны своим генезисом со склонами Гагрского нагорья[1]. У а/о «Фонтан» траншея выведена на дорогу, ведущую к администра-

[1]Гагрское нагорье, система низких хребтов, которые тянутся примерно от реки Цихерва до района села Бзыбь включительно. Представляет собою остатки древних черноморских

ции бывшего цитрусового совхоза «Сихарули» (ныне цитрусовый совхоз «Адзапш»), и далее – в сторону цитрусовых посадок. Здесь, к сожалению, каких-либо артефактов не обнаружено, что скорее связано с чистой случайностью, так как этот район, несомненно, был значительно заселен. Во всяком случае соседние холмы, несомненно, были обжиты человеком и использовались в хозяйстве еще домахаджирским населением абхазов.



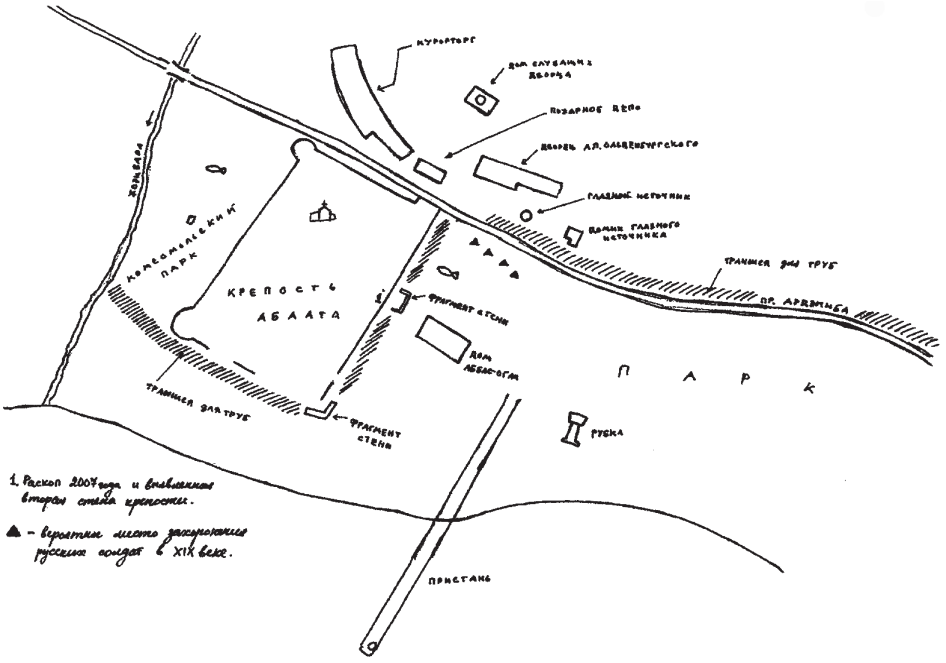
Ситуационный план работ на участке Адзхыда-Фонтан

Рабочими также была дана информация, что при прокладке труб в районе крепости ближе к Приморскому парку находили человеческие кости. Скорее всего в данном случае, есть основание считать, что здесь были задеты поздние слои, которые могли быть кладбищем русских солдат времен Русско-кавказской войны XIX века.[1] В районе крепости Абаата в ходе

террас позднеплиоценового раннеплейстоценового периодов возрастом примерно от 2 – 1,5 мл. л. до 700 тыс. лет. Представляет собою зону активного использования и расселения человека и в более позднее время. Здесь же местами встречены археологические артефакты разного хронологического диапазона от эпохи нижнего палеолита до позднего Средневековья.

[1] Автор (Д.А. Канделаки) идентифицировал местонахождение кладбища солдат времен Русско-кавказской войны по ряду описаний в районе мозаичных панно в зоне Приморского парка. (См. Канделаки Д. А. Гагрская крепость Абаата. Лавровский сборник: Материалы XXXVIII и XXXIX Среднеазиатско-Кавказских чтений 2014-2015 гг. Этнология, история, археология, культурология. – СПб., 2015. С. 32-36).

рытья траншеи нами были прослежены последовательность залегания слоев в промежутке от дамбы, перекрывающей реку Жоеквара и далее по аллее тянущуюся ниже остатков южной стены крепости. Здесь преимущественно представлены щебнистые и глинистые отложения, в которых подъемный материал отсутствует. Траншея со стороны моря прорублась по фундаменту опорной стенки аллеи, соединяющей с южной стороны «Приморский» и «Комсомольский» парки, где также имелись напластования щебня и преимущественно отвального строительного материала (фрагменты марсельской черепицы) времен строительства климатической станции советского курорта.



Район крепости «Абаата»

Здесь же неоднократно встречались фрагменты железнодорожного полотна узкоколейки. Она представляет собою проходившую здесь когда-то железнодорожную трамвайную линию, которая выходила из южных ворот крепости и шла дальше по современной трассе с начала до «Дома служащих», а чуть позже была доведена до современной ГСШ №2, то есть бывшего «Реального училища». При рытье траншеи при подходе к остаткам так называемого Юго-восточного бастиона (в литературе нередко указывается как Генуэзская башня) были задеты фрагменты кладки предположительно функционально связанные с этой башней и непосредственно с

крепостью Абаата. Данное обстоятельство представляет большой интерес, так как с учетом многослойности и долговременности функционирования крепости имеет большое значение для установления последовательности строительных горизонтов стены и ее хронологии. Такие же фрагменты клади были одновременно зафиксированы несколько восточнее протейхизмы примерно в 6-7 метрах от двойной стены, которая обращена к дороге к приморскому парку и пристани. Двойные стены просматривались и во время раскопок крепости в 2007 году. Большой интерес в этой связи для науки представляет, что восточная стена является наиболее ранней из сохранившихся частей крепости, и обнаружение этих кладок, вероятно, прольет свет на вопрос залегания слоев и конфигурации стены. Вероятно, мы имеем дело либо с остатками древней стены, которая когда то располагалась здесь, либо бастиона. Не исключено, что на этом месте будут обнаружены городские кварталы времен позднеантичного и раннесредневекового времени, что можно вскрыть благодаря археологическим раскопкам.

Ф. М. Кобахия

ОБ АБХАЗО-ХЕТТСКИХ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ (на примере брачно-семейных отношений)

На современном этапе развития науки все более очевидным становится необходимость комплексного, т. е. наиболее углубленного изучения прошлого своего народа. В этой связи проблема абхазо-адыго-хаттского родства по-прежнему остается в центре научного исследования. В абхазоведении единственной нитью, связывающей абхаза-адыгов с автохтонами Малой Азии, является тезис о том, что языки доиндоевропейских жителей древней Анатолии были близки по своей структуре и лексике с языками абхазо-адыгской группы. Ею в свое время занималась целая плеяда исследователей разных профилей. (Иванов Вяч. Вс., Старостин С. А., Ардзинба В. Г., Дьяконов И. М., Дунаевская И. М. и др.) Несомненно, их работы значительно продвинули научные знания об абхазо-адыгских древностях. В современном абхазоведении была также предпринята попытка доказать родство абхазов с автохтонами Малой Азии в контексте религии. Реконструкция пантеона богов, выявления общих черт нашло отражение в работах специалистов по истории и этнологии (Бигуаа В. Л., Бгажба О. Х., Бетрозов Р. Ж., Сангулиа Г. А., Тихонова А. П. и др.). В этнографической литературе отмечалось, что значительным дополнением этногенетического фона является сравнительное изучение брачных обрядов. Однако многоаспектного освещения этнографических параллелей и их особенностей, в абхазо-адыгской этнографической литературе пока не наблюдается. Учитывая важность проблемы, данная работа ставит перед собой цель сравнительно-сопоставительного изучения брачных обрядов одного из важнейших сторон традиционной культуры абхазо-хаттов.

Известно, что на рубеже III-II тыс. до н. э. в пределы древней Анатолии проникли хетты-несситы по происхождению индоевропейцы. В результате начинается процесс ассимиляции местного субстратного на-

селения пришлыми. Вместе с тем хетты испытали влияние более развитой культуры хаттов. По словам Льва Клейна: «Хетты позаимствовали у местных титулы, правления, городскую культуру, мифологию, традиции и обряды»[1]. Учитывая широкомасштабный характер хаттского влияния на сопредельные культуры, степень абхазо-хеттского морально-этического соответствия ставит под сомнение было бы некорректным. Объектом нашего сравнения является хеттский «Текст Анитты».[2] В нем прослеживается значение хеттских терминов annus attus,[3] которые переводятся как «матери и отцы». Первый – созвучен с абхазо-адыгским ан-анэ и обозначает тоже самое. В абхазском варианте annus звучит, как ан, то есть означает «мать», что позволяет провести аналогию между кодексом морально-этнической нормы абхазов как Апсуара и «Текстом Аниты». В основу аналога следует взять пассаж из текста о женитьбе царя Анитты,[4] согласно которому царица Канеса в один год родила тридцать сыновей близнецов. В ужасе от этого она поместила их в травниковую корзину и пустила плыть по реке. Затем она родила еще тридцать дочерей близнецов[5]. Согласно основному сюжету после долгих лет скитания, будущий царь Анитта со своими братьями встретился со своей матерью в царстве Канесс (Канеш). Мать царевича решила выдать за своих сыновей своих дочерей, которые доводились им родными сёстрами по материнской линии. Не обладая знаниями о генетических взаимоотношениях, братья были на грани женитьбы. Но когда об этом узнал Анитта, он тут же призвал братьев не нарушать древний брачный обычай[6]. Анитта на предложение своей матери ответил: «…не делай такую нечистилось – это не по (нашему) закону»[7]. В другом же тексте говорится: «…Что ищем мы дальше…Мы нашли нашу мать. … Их на Канесе царица не признает, и дала им своих тридцать дочерей, но молодой [Анитта] предупредил их братья против инцеста собирались совершить…»[8]. Эти действия говорят о наличии «запретных браков» в брачной традиции хаттов, под которыми подразумевают запреты на вступление в брак кровников. Кровосмеше-

---

[1] Клейн Л. С. Время кентавров. Катастрофа Малой Азии. – СПб. 2007. С. 89.

[2] Анитта хетт. – mA-ni-it-ta[ль] mA-ni-ta. Царь хеттского города Куссара правил приблизительно в 1790 — 1750 годах до н. э.

[3] Электронный ресурс. Режим доступа. http:// www. adygvoice. /newsview. php?uid–1218.

[4] Данный текст был исследован проф. Георгадзе Г. Г. «Текст Анитты», некоторые вопросы ранней истории хеттов. ВДИ. 1965, № 4.

[5] Trevor Bryce. Life and Society in the Hittite World. Oxford 2001. P. 221.

[6] Trevor Bryce. Life and Society in the Hittite World. Oxford 2001. P. 221.

[7] См. Hoffner H. A. Hittite Myths. Tr. Py. 1988 г. Hoffner H. A. Atlanta, Georgia: Scholars Press. 1990 г. P. 66. Иванов Вяч. Вс. Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии. – М., 1977. С. 35.

[8] Gurney O. R. Some aspects of Hittite religion. Published for the British by Oxford university press. 1977. P. 7.

ние по Хеттскому своду законов №189, считалось преступлением[1]. Положения этого закона соответствуют нормам брачной традиции абхазов и адыгов, отраженных в Апсуара и Адыгагъэ (Адыгство). Дополнением к сравнительному фону являются некоторые мотивы из нартского эпоса и ранних письменных текстов, связанных с инцестом в хеттском брачно-семейном кодексе. Так, в адыгской традиции он культивируется на примере встречи Сатаней с пастухом у берега реки Тинз (Кубань) и последующим рождением ребенка[2]. Кже, как и мать младенца Анитты, Сатаней не кормит сына молоком, надеясь склонить его к инцесту. В некоторых версиях Сатаней, заставляют кормить сына грудным молоком. В целом данный контекст свидетельствует о том, что действующие персонажи своим поступком подчеркнули одно важное обстоятельство – запрет кровосмешения, хотя этот порядок является в полной мере универсальным в культуре многих народов. Однако у абхазов он соблюдается с исключительной строгостью. Что касается матери царя, то, вероятно, она росла в среде, обычай и обряды которой не соответствовали основным положениям морально-этнического кодекса хаттов. Как видно, в адыгских повествованиях инцест связан главным образом с мотивом грудного молока, несовместимого с кровосмешением. А в цикле о женитьбе царя Анитты он связан с памятью (о родственных узах) и нерушимостью обычаев предков юного младенца Анитты. Проанализированный материал показывает, единство древнейших законов абхаза-адыго-хаттской социальной организации. Обратим внимание и на то, что многодетность в семье царицы Канес, очень близка к кавказскому мотиву о 100 нартах, рождённых одной матерью – Сатаней.

Иллюстрацией ограниченных браков служит, в частности, договор Суппилилиумы с Хукканой, в котором говорится: «В стране же Хатти обычай таков, брат свою сестру или свою казённую в жены не берёт. Это не по праву. Кто же совершит подобное дело, тот в Хатти не должает жить»[3]. Следствием этого нарушения является изгнание виновника из рода. Аналогичный пример приведен в труде Ш. Д. Инал-ипа. «Абхазы». Так, события из с. Адзюбжы в большей мере дублируют события из города Хатти, где кровосмеситель был изгнан решением – панкуса. Функционально этому институту соответствует абхазский совет старейшин, который в повседневной жизни абхазов занимает достойное место.

Определенный интерес заслуживают и некоторые возможные созвучия. Например; др. хетт. царства Канес и имя пастуха Кесси вполне мо-

---

[1] Менабде З. А. Хеттское общество. Экономика, собственность, семья и наследование. – Тбилиси. «Мецниереба» 1965 г. С. 193

[2] Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Нартский эпос: Язык и культура. – М., 1998. С. 125 – 126.

[3] Менабде З. А. Указ. соч. С. 193.

жет быть сопоставимо с именем кабардинского князя Касаевы[1] (Кессаевы). Более того название абазинского культового дерева «Цацы»[2], видимо, имеет соответствие с древ. хетт. топонимом Цалпа (Цалпы). С последним допустимо сопоставить и имя младшего из братьев нартов Цыц (Цыцва)[3]. Однако эта цепная параллель заслуживает более глубокого научного исследования.

Этнологическому абхазоведению, как и хеттологии, известны три формы заключения брака. Это открытый брак – аргама. Тайный брак – маʒала. Похищение – амҭарсра[4]. Одна форма брака отражена в завещании хеттского царя Лабарны, где явно идет речь о похищении невесты племянником царя Хаттусилием I.

Следующими формами проявления общих черт хетто-абхазской семьи являются способы заключения брака. Как правило, отец жениха обязан был посетить родительский дом невесты, где проходила церемония вручения подарков родителям невесты. Это имело место в период существования Хеттского царства. В абхазской этнологической действительности подобный обычай также бытует.

Согласно ему новобрачные обменивались соответствующими подарками – «обмен за рукобития» «анапыемдахь». Его хеттское название «кусата»[5].

Обратим внимание на то, что в общекавказском обычае, согласно которому «мужу стыдно быть в присутствии старших с женой»,[6] есть соответствия с брачным законом хеттов. Один из них гласит: «если в помещении родители, то сын не должен быть с ними там». «Это не по обычаю».

Абхазо-хеттские параллели также обнаруживаются в Хеттском законе №171.[7] В нем фиксируется сравнительно высокое положение женщины в обществе. Закон защищал[8] женщин от произвола мужей. Согласно этому закону, как и в абхазском, так и в хеттском брачно-семейном праве, имеются примеры патриархальной практики и идеологии. Проявляются они в частности, в семейных и имущественных отношениях. Женщина у абхазов не могла быть собственницей или наследницей недвижимого имущества. Право женщины в этих семьях распространялось только на собственное имущество. Примечательно еще и то обстоятельство, что в случае разво-

---

[1] Лавров И. А. Абазины //Кавказский этнографический сборник. – М., 1955. С. 11.

[2] Там же.

[3] Инал-ипа Ш. Д. Памятники абхазского фольклора. – Сухум, 1977. С. 43.

[4] См. под. Бигуаа В. Л. Указ. соч. Сангулия Э. В. Формы заключения брака у абхазов: традиции и современность //Абхазоведение, № 7. – Сухум, 2012. С. 276.

[5] См. Менабде З. А. Указ. соч. Гарни О. Хетты. 2009. С. 131.

[6] По свидетельству Муравьева. Культура и быт народов Сев. Кавказа. В. А. Горданов. С. 188.

[7] Ср. Менабде З. А. Указ. соч. С. 187.

[8] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. С. 472.

да семейно-правовая база отнюдь полностью не дискриминировала права женщины, хотя по Хеттским законам и по абхазским обычаям патриархальная сторона выигрывала при решении «женского вопроса». [1] Не менее показательно и другое хетто-абхазское проявление взаимоотношения в семейном укладе жизни. Основным ее своеобразием является право брака вдовы с братом покойного мужа. Известно, что в недавнем прошлом многие абхазы продолжали, придерживаться обычая левирата. Если мы можем судить о допущении левирата у абхазов по неписаным законам, то по отношению к хеттам у нас в наличии имеется материал в виде письменной законной номенклатуры. Итак, Хеттский закон №193 утверждает следующее: «Если мужчина умрет, его вдова должна выйти замуж за его брата». [2] В том же законе сказано, что «Это ненаказуемо»[3], имеется в виду, что интимное отношение невестки с братом мужа допускается в случае смерти супруга. Как видно, данный закон схож с абхазским вышеуказанным обычаем. Это в свою очередь позволяет ввести в научный обиход хетто-абхазскую формулу от «брата к брату».

Имеющийся этнографический материал допускает абхаза-хеттские параллелизмы и в принципах «кровной мести». Их чрезвычайное сходство подтверждается и данными этимологий. Приведем некоторые термины, связанные с этими обычаями. Спр.: хет. «стремится к крови»[4] абх. «ашьа-аус»[5] хет. «требовать мщения» абх. «ашьа-аура». К характерным выражениям относятся хет. слова «eshanas ishas» «господин крови» и «ehanas uttar» («дело крови»)[6] абх. «ашьа-аус». В основе этих архаических выражении лежит общий корень -шь- «ашьа» бах. «кровь». ср. хет. eshar «кровь». Итак, в свете полученных данных можно вполне приступить к рассмотрению принципов кровной мести у абхазо-хеттов.

Существование кровной мести у хеттов фиксируется в «Указе Телепина»: «Закон крови таков. Кто совершит кровопролития, то, что ни скажет «владыка крови»: если скажет он «Пусть умрет» – то пусть, умрет; но если скажет «Пусть возместит, то пусть возместит ущерб»[7]. Данный Закон всецело схож с абхазским обычаем кровной мести. Соответственно напрашивается мнение о существовании «собственного волеизъявления», которое проявляется в праве выбора «владыки крови», как и в абхазском, так и в хеттском обществе. Другими словами «Закон Талиона»[8] явствует о том,

---

[1] Ина-ипа Ш. Д. Указ. соч. Заморовский В. Тайны хеттов. Вече, 2000. С. 117.
[2] Гарни О. Хетты. Разрушители Вавилона. 2009. С. 129.
[3] Там же.
[4] Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. – М., 2001. С. 26.
[5] Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухум, 1976. С. 144.
[6] Иванов Вяч. Вс. Хеттский язык. – М., 2001. С. 26.
[7] Гарни О. Хетты…. С. 128.
[8] Для сравнения см. Гарни О. Указ. соч. Инал-ипа Ш. Д. Абхазы….

что принцип кровной мести у абхазов и хаттов практически был идентичным. Так, ближайший родственник по отцовской линии потерпевшего мстил обидчику сам. Таковым мог быть брат, отец, сын. Если у пострадавшего отсутствовал единокровный или близкий родственник, то долг мести ложился на плечи его более далеких родственников.

Таким образом, приведенная сравнительная характеристика свидетельствует о существовании общекавказско-малоазийской морально-этической модели, продолжающей действовать в повседневной жизни коренных народов Кавказа. В целом данный анализ претендует на частичное освящение сравнительного этнографического материала. Вне всякого сомнения, подобная попытка воссоздания более полной картины проблемы, будет, осуществляться по мере накопления историко-этнографического материала.

Н. В. Касландзия

ЦАРЕВНА ГУРАНДУХТ. ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

«Всплеск интереса к «женщине в истории», наблюдающийся в современной медиевистике, отчасти обусловлен все большей популярностью социально-культурной истории, исторической антропологии, «истории ментальностей», которые открывают новые горизонты видения и понимания человеческой личности».[1]

Средневековые авторы мало уделяли внимание современницам. Женщины, удостаивались упоминания в источниках, как правило, в связи с важными политическими событиями. Естественно, речь могла идти только о женщинах самого высокого социального статуса.

В источниках по истории раннесредневековой Абхазии информации о женщинах немного, она касается исключительно представительниц правящей династии Абхазского царства. Несмотря на отрывочность сведений, есть основания полагать, что женщины играли существенную роль в политической истории страны. Так, анонимный автор «Летописи Картли» считает неназванную по имени вдову царя абхазов Георгия I главным действующим лицом заговора, имевшего целью устранение законных наследников трона, сыновей царя Дмитрия II, Тинена и Баграта, и возведение на престол в Абхазском царстве Иоанна Шавлийского[2]. Как известно, заговорщики достигли своей цели. Только через двадцать лет после описанных событий Баграту удалось восстановить справедливость, возглавив Абхазское царство.

Другой яркий пример активного участия женщины в политической истории Абхазского царства – деятельность матери первого представителя династии Абхазских Багратидов – Гурандухт.

Гурандухт являлась дочерью царя абхазов Георгия II и сестрой трех абхазских монархов: Леона III, Дмитрия III и Феодосия III. Как и в случае с другими абхазскими царевнами, брак Гурандухт был устроен в соответствии с брачной стратегией правителей Абхазского царства. Леониды в течение длительного времени были связаны тесными династи-

---

[1] Болдырева И. И. Женщина в англосаксонском обществе и его письменной культуре конца IX – середины XI вв. Автореферат диссертации (на правах рукописи). – Саратов, 2009. С. 13.

[2] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1982. С. 50.

ческими узами с домом Тао-Кларджетских Багратидов. В IX в. четыре абхазских царя (Феодосий II, Адарнасе I, Баграт I и Константин III) были женаты на представительницах династии Багратионов Тао. Жена правителя Тао-Кларджетии Адарнасе I, Бюрила (Анастасия), судя по всему, принадлежала к династии Леонидов. В первой половине X в. младший брат царя абхазов Георгия II, Баграт, женился на дочери Гургена Великого, а сестра была выдана замуж за представителя артануджийской ветви дома Тао-Кларджетских Багратидов – патрикия Ашота Кискасиса. Гурандухт же стала женой Гургена, который принадлежал к таойской ветви Багратидов.

Тао-Кларджетия не была строго централизованным государством. «С конца IX в. совершенно четко сформировались два княжества – Тао с центром в Бана (Олтиси?) и Кларджети с центром в Артануджи. Старшинство принадлежало ветви Тао: …высший византийский придворный титул «куропалата» закрепляется за домом Тао и там же утверждается титул «царя картвелов»[1]. Абхазские монархи поощряли соперничество представителей отдельных ветвей дома тао-кларджетских Багратидов, всячески способствуя их ослаблению. Между 923 и 937 гг. царю абхазов Георгию II удалось присоединить к своему государству некоторые области, принадлежавшие ранее тао-кларджетским Багратидам. Его династическая политика, в рамках которой брачная стратегия имела большое значение, была направлена на расширение влияния Абхазского царства в этом важном для него регионе. В X в. под власть абхазского царя перешла Джавахетия, и он получил возможность контролировать транспортные коммуникации. «Владея Джавахети абхазский царь легко мог оказаться в любом краю Южной и Восточной Грузии. Он владел главными дорогами с юга (Армения и юго-запада (Византия). Через Джавахети проходили все дороги в Абхазию (через Самцхе), в Шида – Картли (через Самцхе, Триалети), во Мцхета и Тбилиси (через Триалети и Манглиси) и в Кахети»[2].

Во второй половине X в. северо-восточной частью Тао, землями которые примыкали к территории Абхазского царства, в том числе и областью Самцхе, владел «царь картвелов» Баграт Регуени. Именно его наследник, Гурген, и стал супругом царевны Гурандухт. В интересах дома Леонидов было налаживание союзнических отношений с династом, чей домен имел стратегическое значение. В свою очередь брак с абхазской царевной был выгоден владельцам северо-восточного Тао, поскольку обеспечивал защиту от возможных притязаний со стороны амбициозного правителя южной части Тао, магистра Давида.

---

[1] Очерки истории Грузии. Т. II. – Тбилиси, 1988. С. 313.

[2] Бердзенишвили Н. А. Цит. по: Очерки истории Грузии. Т. 2. – Тбилиси, С. 362.

Отпрыском абхазской царевны и наследника северо-восточной части Тао был Баграт, появившийся на свет в начале 60-х гг. X в. (точная дата рождения источникам неизвестна). Ему предстояло сыграть значительную роль в последующих событиях, и во многом она была предопределена родственными связями Баграта с домом Леонидов.

Во второй половине X в. Абхазское царство постиг династический кризис, причиной которого стало отсутствие наследников мужского пола у трех абхазских монархов: Леона III, Дмитрия III и Феодосия III. «Летопись Картли» сообщает: «Когда же преставился царь Деметрэ, все жители страны, видя, что не осталось у царя преемника в Абхазии и Картли, вывели Феодосия и утвердили его царем»[1]. Нахождение у власти правителя с серьезным физическим недостатком, существенно затруднявшим осуществление им управленческих функций, должно было восприниматься как крайне нежелательное. Чаще всего, любые формы калечества существенно снижали, а то и лишали возможности отпрысков царского рода занять трон. Факт воцарения Феодосия скорее можно объяснить тем, что политическая элита Абхазского царства четко осознавала, насколько опасен для государства вакуум власти. То, что новый абхазский монарх являлся слабой политической фигурой, не был способен лично руководить масштабными военными мероприятиями, создавало значительные трудности, чем не преминули воспользоваться соперники Абхазского царства. Кахетинцы и таойцы вознамерились отторгнуть от Абхазского царства Картлию. Первыми ударили кахетинцы, взявшие на приступ столицу Картли – Уплисцихе. В отличие от кахетинцев, правитель Тао Давид попытался придать своим действиям в Картлии легитимный характер. Началу военной акции таойцев в Картлии предшествовало обращение наместника абхазского царя Иоанна Марушисдзе к правителю Тао, магистру Давиду. Он «предложил выступить с войском своим и взять Картлию: или завладеть ею самому, или пожаловать её Баграту, сыну Гургена, сыну дочери Георгия – царя абхазов…»[2]. «Пришел Давид Куропалат и прибыл в Квахврели, явился к нему Иванэ Марушисдзе, принял от него Давид Уплисцихе и пожаловал его Баграту и отцу его Гургену»[3]. Затем, созвав картлийских азнауров, Давид заявил, что Баграт «есть преемник Тао, Картли и Абхазии, сын и воспитанник мой, я же его попечитель и пособник; повинуйтесь ему все»[4]. Таким образом, согласно данным анонимного повествователя, Баграт утверждается в Картлии в качестве наместника правителя Тао. Вместе с тем подчеркиваются права Баграта на эту территорию в силу родства

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1982. С. 56.
[2] Там же, С. 57.
[3] Там же.
[4] Там же.

с абхазским царствующим домом. В планах магистра Давида в отношении Картлии для Гурандухт не было отведено особой роли. Известно, что абхазская царевна и ее супруг прибыли в Картлию вместе с Багратом, однако соправителем последнего Давид, назначил Гургена. Несмотря на строгие внушения магистра Давида картлийская знать не желала находиться под властью Багратидов и, проявив, по словам летописца, «злобное вероломство» сговорилась с кахетинцами против Баграта. Уплисцихе был сдан, а Баграт с родителями уведен в плен в Кахетию. В ситуацию вмешался магистр Давид, который пригрозил Кахетии войной, пленники были освобождены, но крепости Цирквали и Груи кахетинцы оставили за собой. После описанных событий правительницей Картлии становится Гурандухт. Летописец не поясняет, при каких обстоятельствах это произошло. Скорее всего, приход к власти Гурандухт явился результатом некоего компромисса по вопросу Картлии. Ни кахетинцы, ни таойцы не располагали достаточными силами для того, чтобы надежно закрепиться в Картлии, и в этих условиях, важна была позиция представителей собственно картлийской знати. Своими предыдущими действиями она наглядно продемонстрировала, что не хочет подчиняться Багратидам. К концу X в. Картлия, с небольшими перерывами, почти 150 лет находилась под властью абхазских монархов. Учитывая огромное стратегическое значение Картлии, воеводами этой области обычно становились царские сыновья. Наместниками абхазского царя в Картлии являлись царевичи Тинен (чихский эристав), младший сын Константина III, Баграт, сыновья Георгия II, Константин и Леон. Слова летописца о том, что после смерти царя Дмитрия III «у него не осталось преемника в Абхазии и Картли»,[1] свидетельствуют о том, что правителями последней, чаще всего являлись наследники престола, иногда в статусе соправителя. Политические традиции были на стороне Леонидов и этот факт сыграл в пользу Гурандухт. Согласно правосознанию раннесредневековой эпохи, родовая принадлежность являлась необходимым обоснованием легитимности правителя. Судя по всему, Баграту и его отцу пришлось покинуть Картлию и вернуться в Тао. Картлийская знать предпочла видеть своей правительницей представительницу династии Леонидов. Осуществлять власть над Картлией Гурандухт должна была в качестве наместницы абхазского царя или его соправительницы. Сомнительно, что правление Гурандухт в Картлии было санкционировано Феодосием III, а ее статус признавался правящими кругами Абхазского царства. Не исключено, что картлийская знать подумывала и о создании собственной династии, путем устроения брака Гурандухт с представителем одного из местных аристократических кланов. В средневековой истории были нередки случаи, когда дети, рождённые в неравном

[1] Там же. С. 56.

браке, где муж по своему статусу уступал жене, наследовали статус матери. В таком браке передача благородной крови, вместе с правом на осуществление властных полномочий и территорию осуществлялись по материнской линии. Картлия, возглавляемая Гурандухт, по крайней мере формально, оставалась в руках Леонидов.

В течение второй половины 70-х гг. X в. политический кризис в Абхазском царстве был разрешен вступлением в действие матрилатеральной традиции: когда в отсутствие прямых безусловных наследников по мужской линии, трон наследовался мужскими представителями по женской линии, т. е. призывалось потомство от представительниц данного правящего рода, отданных замуж за рубеж. В Абхазию был призван сын Гурандухт Баграт Багратиони. Однако речь о немедленном воцарении Баграта, судя по всему, не шла. Феодосий III, столь рьяно боровшийся за власть со своим старшим братом вряд ли добровольно отказался бы от престола. Баграт стал соправителем Феодосия, «Летопись Картли» сообщает, что только по прошествии «двух лет, он начал править самостоятельно»[1]. Смещение Феодосия могло произойти, только при наличии поддержки действиям Баграта со стороны правящей элиты Абхазского царства.

Первым значительным военным мероприятием, совершенным царем абхазов Багратом II был поход на Картлию. По сообщению летописца, возглавляемое Багратом войско расположилось в Тигве, населенном пункте на границе с Картлией. Картлийцы, «не желавшие прихода» Баграта и «пребывавшие в повиновении у Гурандухт», «выставили…главарем Кавтара Тбели, отважились на борьбу»[2]. Военное столкновение произошло на подступах к Могриси. Баграт одержал победу. «Вступил (Баграт) в Уплисцихе, отобрал крепость (Уплисцихе) у матери своей, пробыл (здесь немного) дней, несколько поправил дела картлийские, забрал свою мать и ушел в страну Абхазскую»[3]. Несколько дополняет и уточняет картину произошедших в Картлии событий, эпиграфическая надпись из Атенского Сиони. Надпись выполнена Гержиумом сыном ЕрЬасана на армянском языке. Согласно данным эпиграфического памятника, «устроение картлийских дел» заняло у Баграта не менее года, причем мать абхазского царя состояла в заговоре против своего сына. Судя по тексту надписи, она хронологически совпадает с военной экспедицией Баграта в Картлию. По мнению переводчика и комментатора надписи П. М. Мурадяна, она была высечена 982-986 гг.[4] Таким образом, Гурандухт управляла Картлией достаточно длительное время.

---

[1] Там же.

[2] Там же. С. 58.

[3] Там же.

[4] Мурадян П. М. Армянская эпиграфика Грузии (Картли и Кахети). – Ереван, 1985. С. 107-108.

Несмотря на довольно серьезный конфликт Баграта II с матерью, он не исключил ее из политической жизни. Надо полагать, что на всем протяжении царствования Баграта Гурандухт пользовалась особыми привилегиями. Первый представитель дома абхазских Багратидов всячески старался подчеркнуть свою связь с предшествующей династией. Для Баграта генеалогическое родство с Леонидами по материнской линии выступало юридическим обоснованием права на осуществление верховной власти в Абхазском царстве. Это обстоятельство обеспечило Гурандухт особую роль в системе монархии, с титулом «госпожи-матери» (dedopal-i). [1] Под этим титулом ее имя, рядом с именем венценосного сына фигурирует в надписи на золотой чаше для причастия из Бедийского храма[2]. Упоминается мать царя абхазов Баграта в надписях построенного по его приказу Кутаисского храма. Строительная надпись, вырезанная декоративными буквами на аркатуре поверх окон восточного фасада, гласит: «Помощью божию Баграт царь абхазов и карталин и матерь его Гурандухта, построившие святой храм»[3]. По мнению ряда исследователей, рельефное изображение женщины из храма в Кумурдо принадлежит Гурандухт[4]. В памятнике генеалогии, известном как «Диван абхазских царей»», который был составлен при Баграте II, указаны имена его отца Гургена, деда, абхазского монарха Георгия II, в дополнении к этому говорится и о том, что Баграт сын дочери царя абхазов (без указания имени).

После воцарения Баграта II его отец и супруг Гурандухт – Гурген Багратиони стал носителем титула «царя царей». Об этом свидетельствуют «Летопись Картли», «История и повествование о Багратионах», а также данные эпиграфики, исключение составляет Асохик, именующий Гургена «царем картвелов»[5]. Но скорее всего, Гурген не унаследовал титул отца, царя

---

[1] В грузинском языке «засвидетельствованы различные варианты-разновидности слова с общим значением «царица». Кроме упомянутого dedopal-i это, например, dedupal-i, deopal-i, didupal-i, diopal-i, dodpal-i, dodopal-i и др. В отличие от более распространенной формы dedopal-i (детерминативный композит, производный от груз. «deda» – мать, женщина плюс груз. «upal-i» – господин, господь) didupal-i осмысливается как композит, возникший путем сложения-слияния didi плюс upal-i, где перый компонент не грузинское «deda» – мать, женщина, но груз. «didi» большой(ая), великий(ая)», т. е. «великая госпожа». См.: Берадзе Г. Г. Легенды о царице Тамар в персидском историческом сочинении «Ихйа ал-Мулук». В кн.: Источниковедение и текстология Ближнего и Среднего Востока. – М., 1984. С. 66.

[2] Бгажба Х. С. Из истории письменности в Абхазии. Труды АбНИИЯЛИ. 1959. Вып. 30. С. 256.

[3] Ашхацава С. М. Пути развития абхазской истории. Доклад, читанный на 1-м Всесоюзном краеведческом съезде в Абхазии 12 сентября 1924 г. Издание Наркомпроса Абхазии. 1925. С. 24.

[4] Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V-XI веков. – М., 1977. С. 94-96.

[5] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1982. С. 60; Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. – Тбилиси, 1979. С. 37;

картвелов Баграта Регуени. Хорошо осведомленный автор, историк династии Багратидов, Сумбат Давитисдзе объясняет происхождение высокого звания «царь царей»: «А у этого Гургена был (сын) Баграт, сын сестры царей апхазских Деметре и Тевдоси. Еще до воцарения Гургена сей Баграт стал царем в Апхазии и поэтому был Гурген назван царем царей». [1] Вероятно, титул «царя царей» может быть соотнесен с византийским «василеопатор» (отец императора), титулом, который был введен в империи в конце IX в. Таким образом, родители первого представителя династии Абхазских Багратидов не являлись носителями титулов «царицы и царя картвелов».

Местом погребения Гургена Багратиони, который скончался около 1008 г., скорее всего, является построенная по его приказу рядом с храмом в Ишхани, небольшая церковь. [2] Надо полагать, что его супруга не была упокоена рядом с ним. Имя Гурандухт упоминалось и в ряде надписей, сделанных уже после ее смерти, в них она названа усопшей. Дата смерти и место упокоения матери Баграта II неизвестны.

Трудно сказать, была ли у Гурандухт возможность занять абхазский престол, допускал ли действовавший в Абхазском царстве порядок престолонаследия, при определенных условиях, прихода, к власти женщины. Заметим, что имени Гурандухт никогда не были предпосланы титулы мужского рода, которые прилагались к именам женщин, реально осуществлявших верховную власть в средневековых государствах (βασιλεύς Ειρήνη, Tamar mepe и т. д.). Вместе с тем, в устном народном творчестве абхазов термин «азсба» (титул верховного правителя) используется применительно и к особам женского пола. [3]

Своим возвышением Гурандухт была во многом обязана обстоятельствам и, вероятно, собственным амбициям. Но даже если ее авторитет не был результатом общей тенденции к пересмотру статуса знатной женщины, он создал важный исторический прецедент. И, видимо, этот прецедент сыграл не последнюю роль, отчасти предопределив изменения, которые произошли впоследствии. Достаточно сказать, что анализ данных «Летописи Картли» о событиях первой половины XIв. позволяет говорить о высокой степени вовлеченности женщин в сферу политической власти в Абхазском царстве. В частности, это касается супруг царя абхазов Георгия III, Мариам и Алды. Даже повествуя о потомстве вышеназванного монар-

---

Такайшвили Е. Археологическая экспедиция 1917-го года в Южные провинции Грузии. – Тбилиси, 1952. С. 42; Всеобщая история Степаноса Таронского, Асохика по прозванию писателя XI столетия / Перевод Н. Эмина. – М., 1864. С. 200-201.

[1] Сумбат Давитис-дзе. История и повествование о Багратионах. – Тбилиси, 1979. С. 37.

[2] Такайшвили Е. Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии. – Тбилиси, 1952. С. 42.

[3] Инал-ипа Ш. Д. Труды (Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа). – Сухуми, 1988. С. 320, 325.

ха, аноним перечисляет имена не только его сыновей, но и дочерей, одну из которых звали Гурандухт. [1]

В Средневековье вовлеченность женщин в сферу политики была определена хотя бы тем, что союзы между государствами устанавливались посредством династических браков. Для женщины высокого социального статуса уже само вступление в брак являлось актом участия в политической жизни. Вопреки представлениям о маскулинности идеала правителя, а также формальным ограничениям участия женщин в органах публичной власти, в реальности влияние женщин на государственные дела ощущалось на всем протяжении средневековой истории Абхазии.

[1] Летопись Картли / Перевод, введение и примечание Г. В. Цулая. – Тбилиси, 1982. С. 65.

О. В. Маан

АБХАЗИЯ И КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В ДРЕВНИЙ ПЕРИОД И ЭПОХУ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Культурно-исторические связи Древней и Средневековой Абхазии с Крымским полуостровом имеют длительную и многогранную историю. Этому во многом способствовало географическое соседство Кавказа и Крыма, в силу чего в различные века происходили взаимные миграции населения в одну и другую стороны[1], предполагающие обмен разными типами поведения, материальной культуры и др. По абхазским преданиям имелись также родственные связи правящих кругов абхазов и крымчан, а некоторые абхазские фамилии появились из Крыма[2]. К сожалению обозначенная весьма важная с исторической точки зрения проблема еще не становилась в абхазоведении предметом специального изучения. Исходя из сказанного, исчерпывающе решить вопросы межрегиональных контактов и межэтнических отношений абхазов с племенами и народами Крыма в рамках одной публикации не представляется возможным. В связи с этим

---

[1] Так, еще на рубеже II – I тыс. до н. э. имело место переселение на Северный Кавказ скотоводов и земледельцев Северного Причерноморья. Причиной этого, по всем данным, явилось увеличение засушливости и уменьшение продуктивности южнорусских степей (Махортых С. В., Иевлев М. М. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. – М., 1991. Цит. по.: Бгажноков Б. Х. Ключевые вопросы древнейшей истории адыгов // Бгажноков Б. Х., Фоменко В. А., Бубенок О. Б., Новочихин А. М. Очерки древней и средневековой истории адыгов. – Нальчик. 2016. С. 7).

[2] Например, в абхазском предании под названием «Апсха и его дочь – жена Крымского хана» говорится о том, что дочь одного апсха (царя Абхазии) была замужем за крымским владетелем (ханом). Там же сказано, что она прислала в Абхазию свои войска под командованием одного Маан (говорят тогда и появилась здесь эта фамилия), которые освободили страну от завладевшего Абхазией до Гагры, мегрельского владетеля Адиана (Инал-ипа Ш. Д. Труды (Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа). – Сухуми. 1988. С. 320 – 321). О появлении из Крыма ряда абхазских фамилий см. также абхазские народные сказания в кн.: Шинкуба Б. В. Золотые россыпи. – Сухуми. 1990. С. 429 (на абх. яз.). За мифологической оболочкой этих преданий обнаруживаются скрытые исторические события, которые отражают реальные факты миграции населения из Северного Причерноморья. Они являются источником дополнительной информации об этнокультурных связях между Абхазией и Крымом.

мы сосредоточимся лишь на некоторых узловых моментах проблемы, вынесенной в заголовок статьи.

Установление начала контактов древних абхазов и в целом населения Северо-Западного Кавказа вообще с внешним миром, удаленного на многие тысячелетия, ввиду отсутствия письменных источников, представляется затруднительным.

На основании известных археологических данных можно сделать вывод о том, что уже в ашельскую эпоху наличествовали какие-то контакты «первоначальных» людей. На это, очевидно, указывают наиболее ранние комплексы находок из известной Яштухской стоянки на северо-восточной окраине Сухума. Долгое время изучавший эту стоянку И. И. Коробков неоднократно отмечал, что яштухские ручные рубила – бифосы, сделанные на отщепах с 3-4 лезвиями, а также множество зубчатых, клювовидных орудий и скребков, имеют полное сходство с изделиями левантийской стоянки Джубб-Джаннин, а также с рубилами израильской стоянки Майян-Барух[1].

Сказанное означает, что территория нашей страны еще в эпоху нижнего палеолита имела контакты с Восточным Средиземноморьем[2]. Отмечалось также, что ашельские орудия, обнаруженные в Восточной Турции, Южной Осетии, Абхазии и Адыгее, типологически настолько близки друг к другу, что их вводят в круг бифасоф африкано-левантийского облика[3]. Исходя из этих местонахождений, исследователи намечают наиболее вероятные маршруты «первоначальных», а затем и древних людей на нашу территорию.

Что касается взаимоотношений населения древней Абхазии непосредственно с Крымским полуостровом, то археологические находки дают основание полагать, что их начало следует относить к мустьерской эпохе. В этой связи еще в 1930-х гг. С. Н. Замятнин указывал, что орудия, выявленные близ г. Очамчира, находят близкие аналогии в мустьерских памятниках Кубани и Крыма[4]. Тот же автор отмечал, что орудия из сс. Ачгуара (Ачигвара) и Ахбюк обнаруживают сходство с материалами из гротов Шайтан – Коба и Чокурча[5] (на окраине г. Симферополя). Каменный инвентарь из Ахбюка, Келасур и Очамчиры также сближается с синхронными кремнями Ильской стоянки на Кубани[6]. Эти сведения являются весьма

---

[1]Коробков И. И. Итоги пятилетних исследований Яштухского палеолитического местонахождения // СА. 1967. С. 194 –206.

[2]Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум. 2005. С. 7.

[3]Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. – СПб., 1998. С. 172–173.

[4]Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. – Сухуми. 1937. С. 13 –14; Формозов А. А. Нижнепалеолитические местонахождения Прикубанья (По данным разведок 1950 года) // КСИА. Вып. XLVI. 1952. С. 31–41.

[5]Замятнин С. Н. Указ. раб. Там же. С. 17.

[6]Там же. С. 16, 17, 18; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964. С. 24; Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. – Сухуми. 1969. С. 72; Соловьев Л. Н.

ценными свидетельствами наличия сухопутных связей между человеческими группами Абхазии и Крыма в мустьерскую эпоху. Проследить же культурные контакты обитателей древней Абхазии вообще со стоянками соседних регионов можно будет, разумеется, при проведении дальнейших археологических исследований.

О связях древнейшего населения Абхазии с Крымом, говорят и существующие общие черты и среди каменных орудий, например, из сел. Анхуа в Абхазии и Киик-Коба в Крыму. При этом имеются в виду кремневые орудия, выполненные т. н. рубцовой техникой. Данный факт также следует объяснять как следствие передвижения охотничьих групп со стороны Кавказского Причерноморья по направлению к Крыму и Приазовью. При этом исследователи считают, что переселение с Кавказа шло и в сторону русских равнин[1]. И в этом случае, к наиболее вероятному исходному центру относят район Кавказского Причерноморья, точнее стоянки в теплых краях Абхазии. Об этом можно говорить по тому, что орудия, сделанные в Абхазии (скребловидные изделия с зубчатым краем, остроконечники и множество отщепов со следами т. н. вторичной обработки и т. д.) встречаются в раскопочных материалах Поволжья и Прикамья, особенно на территории современного Татарстана[2].

С одной стороны может показаться, что для мустьерской эпохи можно говорить достаточно условно о существовании каких-то отношений между первобытным населением Абхазии с более отдаленными регионами. Потому что, наличие общих типологических черт в мустьерских орудиях труда может указывать и на общность исторических путей указанных областей и вообще Причерноморья в эпоху нижнего палеолита. В то же время мы предполагаем, что уже около 100 – 40 тыс. лет назад были возможны не только передвижения древнейших обитателей Черноморского побережья Кавказа, но и наличие культурных связей между первобытными группами людей. Причем, как можно судить по этнографическим и археологическим примерам, различные культурные и исторические связи между племенами уже в ту эпоху, по мнению Н. О. Бадера, могли осуществляться на достаточно далекие расстояния[3].

Изложенное выше показывает, что материалы, характеризующие культурные отношения в мустьерскую эпоху, в целом немногочисленны, что

Первобытное общество на территории Абхазии. Природа и человек нижнего и среднего палеолита. – Сухуми. 1971. С. 67–69.

[1]Соловьев Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии…С. 67 –69.

[2]Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии. С древнейших времен до XX века. Учебное пособие для 10 –11 классов общеобразовательных школ, лицеев и колледжей. – Сухум. 2001. С. 12.

[3]См.: Палеолит СССР. – М., 1984. С. 287 –288.

можно объяснить недостаточностью исследования самой эпохи мустье[1]. При этом у исследователей нет прямых свидетельств о связях древних жителей Абхазии и Крыма в последующие исторические периоды, хотя, вряд ли стоит сомневаться в том, что наличие таких контактов было несомненным.

В энеолитический период, т. е. в V – первой половине IV тыс. до н. э., по признанию большинства ученых-кавказоведов, происходит расширение хозяйственно-культурных контактов населения Закавказского Причерноморья с Малой и Передней Азией, с цивилизациями Древнего Востока, с древним населением Юго-Западной Европы, южноазиатского региона и Северной Африки[2].

На обширные контакты энеолитического населения Абхазии и Крыма указывают керамические находки из поселения Гуандра – памятника медно-каменного века и ранней бронзы на территории Абхазии[3]. На поселении представлена разнообразная посуда (полушаровидные горшки с орнаментом, сосуды прямоугольной формы, глубокие миски или блюда и т. д.). Из них археологи выделяют находку горшочков с налепными шишечками или же сосцевидными выступами у верхнего края сосуда[4]. На верхнем корпусе одного их таких горшков нанесен криволинейный налепной орнамент[5]. Такой же мотив орнамента встречается на схожных с майкопской культурой памятниках Крыма, на остродонном сосуде из с. Новоданиловка в Запорожье и в целом памятниках Трипольской культуры на Украине[6]. Наличие на этих сосудах сосцевидных налепков указывает,

---

[1]Нужно, при этом с сожалением отметить, что исследование вообще палеолитических памятников Абхазии после завершения грузино-абхазской войны 1992 –1993 гг. и по настоящее время из-за отсутствия специалистов в республике фактически не проводится. Это обстоятельство делает особо актуальной задачу подготовки новых специалистов по каменному веку Абхазии.

[2]Соловьев Л. Н. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы. – Стоянки Воронцовской пещеры // Труды АИЯЛИ. Т. 29. – Сухуми. 1958. Его же. Многослойное поселение Кистрик близ г. Гудаута // XVI Научная сессия Абхазского института. Тезисы докладов. – Сухуми. 1965. С. 28; Крупнов Е. И. Древнейшее культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // XXVI Международный конгресс востоковедов. – М., 1963. С. 5; Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. – М., 1975. С. 367–368; Инал-Ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми. 1976. С. 64 – 65, 66, 67, 71, 73, 74, 76 и сл.; Цвинария И. И. Поселение Гуандра. – Тб., 1978. С. 3, 42, 50. Его же. Взаимоотношения культур энеолита и ранней бронзы Западного Кавказа. – Сухуми. 1990. С. 7, 9 – 12, 17 –18; Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. – Нальчик. 1991; Шамба Г. К. Древний Сухум… С. 14, 36.

[3]Цвинария И. И. Поселение Гуандра…С. 20.

[4]Там же.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 21. Его же. Взаимоотношения культур энеолита и ранней бронзы Западного Кавказа…. С. 7, 9.

по мнению И. И. Цвинария, на их связь с культурой энеолита Абхазии и её влияние [1]. Некоторые аналогии с керамическими изделиями Крыма имеют и другие формы сосудов из Гуандры, в частности, сосуды с круглым дном[2]. Кроме того, каменные стелы из Абхазии, связанные с мегалитами (в сс. Псху, Отхара) аналогичны стелам из Крыма[3].

К категории мегалитов относятся, как известно, дольмены, время сооружения которых на Северо-Западном Кавказе обычно относят к первой половине III тыс. до н. э. Территория распространения большинства дольменов охватывает склоны гор, примыкающих к Восточному побережью Черного моря от Таманского полуострова вплоть до южных районов Абхазии. Но в Причерноморском регионе дольмены были распространены и на западном и северном побережьях Черного моря. Об этом свидетельствуют мегалитические сооружения, расположенные на территории исторической Фракии в совр. Западной Турции и Южной Болгарии, датируемые II тыс. – III в. до н. э., которые имеют большое сходство с западно-кавказскими дольменами[4]. А во второй половине III тыс. до н. э. аналогичные дольменам гробницы, правда, гораздо меньших размеров, и, как правило, без отверстия, появляются в Южном Крыму[5]. Обычно их относят к кеми-обинской культуре, в формировании которой, как полагают, могли участвовать переселенцы с территории совр. Абхазии[6]. Всё это находит подтверждение в погребении в каменном ящике, которое было выявлено археологами вблизи Бахчисарая[7]. Этот ящик своими большими размерами (два метра в высоту и более двух метров в длину), а также окном, вырубленным в одной из боковых стен, напоминает западнокавказские дольмены[8].

---

[1]Цвинария И. И. Поселение Гуандра…С. 21.

[2] Там же. С. 23.

[3]Цвинария И. И. Взаимоотношения культур энеолита и ранней бронзы Западного Кавказа…С. 18.

[4] Марковин В. И. Дольменная культура и вопросы раннего этногенеза абхазо-адыгов. С. 29 – 31, 40; Бгажноков Б. Х. Кавказские дольмены: планетарные свойства и местные традиции // Бгажноков Б. Х., Фоменко В. А., Бубенок О. Б., Новочихин А. М. Очерки древней и средневековой истории адыгов. – Нальчик, 2016. С. 27.

[5] Щепинский А. А. Культура энеолита и бронзы в Крыму // СА. 1966; Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы. – Ленинград, 1981. С. 23.

[6] Лесков А. М. Курганы: находки, проблемы. Там же.

[7] Храпунов И. Н. Кеми-обинский курган у с. Вилино // Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. – Симферополь. 1992.

[8]В целом, строительство дольменов на Северо-Западном Кавказе является важным аргументом в пользу того, что издревле абхазо-адыгскому населению (вопреки утверждениям некоторых грузинских этнологов), было известно каменное зодчество. Что касается вообще жилой архитектуры, то традиционно с древности у абхазов и адыгов, как известно, было распространено турлучное строительство. В этой связи вопрос о том, распространились ли турлучные постройки из Западного Кавказа на территории, заселенной русскими и украинцами (среди которых турлучная конструкция бытовала примущественно в лесо-

В позднебронзовое время этнокультурные связи между абхазами и отдельными районами Украины (а также Поволжья и Прикамья) известны на основе поступления в указанные регионы металлической продукции, изготовлявшейся в районе совр. Сухума[1]. Более того, как показали исследования, бронзовая продукция из Абхазии пользовалась в названных районах достаточно повышенным спросом[2].

Для периода раннего железного века крымско-кавказские отношения, по данным Э. А. Кравченко, устанавливаются на основе материалов таврского поселения Уч-баш в Крыму (вблизи Инкермана)[3]. Исследователь в частности, полагает, что открытая на Уч-Баше железоделательная мастерская традиционно была связана с кавказской металлургической провинцией, а материальная культура Уч-Баша содержит аналогии вещам северокавказских культур[4]. Кроме того, Э. А. Кравченко пишет, что контакты Крыма и Кавказа в последующее время (VII – IV вв. до н. э.) прослеживаются на оснований аналогий и в керамике, и в металле[5]. Все это позволяет предполагать динамичную сложную систему социально-экономических связей между рассматриваемыми регионами как часть сложившейся в предскифское время модели хозяйствования в Северном Причерноморье.

Археологическими находками устанавливается, что еще до появления древних греков на Черноморском побережье Кавказа, на территории современной Абхазии, наряду с извлечением из недр земли металлических

степной полосе и на юге Украины) или же, наоборот, западно-кавказские, произошли от украинских и южнорусских турлучных жилищ, является, по мнению Л. И Лаврова трудноразрешимым (Лавров Л. И. Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа…С. 42 – 56). При этом одни авторы высказываются в пользу того, что украинский наземный каркасно-турлучный тип жилища является заимствованным из Северо-Западного Кавказа (В. К. Волков, В. П. Кобычев), другие (Г. А. Кокиев, Л. А. Чибиров), наоборот, считают, что адыгейский и осетинский равнинный тип жилища был полностью заимствован от украинского и южнорусского (См.: Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – XIII вв.). – К. 1997. С. 157). Однако, вряд ли, по-видимому, будет возможно установить из какого «центра» получила распространение турлучная постройка, но в то же время эти сооружения могли возникнуть независимо друг от друга. Поэтому можно вслед за Л. И. Лавровым полагать, что турлучные постройки могли существовать и на Украине, и на Западном Кавказе с древнейших времен. Против этого, очевидно, не следует возражать, так как в обоих регионах всегда имелось обилие глины, деревянных жердей, соломы и другого материала, необходимого для строительства турлучных домов.

[1] Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии…С. 31.

[2] Там же.

[3] Уч-Баш является самым ранним таврским памятником в Крыму.

[4] Кравченко Э. А. Поселение Уч-Баш: крымско-кавказские связи в раннем железном веке // Четвертая Абхазская международная археологическая конференция. Тезисы докладов. – Сухум. 2013. С. 61 – 62. К сожалению, мы не смогли ознакомиться с полным текстом, поскольку в вышедшем в 2017 г. в Сухуме «Сборнике материалов. .» этой конференции, упомянутая публикация Э. А. Кравченко отсутствует.

[5] Там же.

ископаемых, строительных материалов, полудрагоценных и драгоценных камней и т. д., производилась и золотодобыча, хотя и неизвестно в каких масштабах (проявления золота, изученные еще, к сожалению, очень слабо, имеются в верховьях рр. Кодора и Джампала)[1]. С учетом того, что некоторые авторы основной причиной появления древнейших греков в Восточном Причерноморье считают поиски ими золота и вообще металлов[2], о наличии в этих краях полезных ископаемых было известно и в других регионах Причерноморья задолго до появления греков. Исходя из этого, можно предполагать, что еще в догреческий период существовали «прочные торгово-экономические взаимоотношения с боспорскими правителями, которые могли иметь более реальные источники золота, чем Урал и Сибирь»[3]. Соглашаясь с данной точкой зрения, еще раз отметим, более вероятна доставка золота на Боспор из Западного Кавказа как региона наиболее близко расположенного к Северному Причерноморью. Что касается ввоза золота в указанный регион с Урала и Алтая, то он не находит подтверждения на северопричерноморском фактическом материале[4].

В эпоху расцвета поздней бронзы и начала широкого освоения железа, в основном в первой половине I тыс. до н. э. по всему Восточному побережью Черного моря были распространены т. н. «селища с текстильной керамикой». Эти поселения, известные от р. Псоу до р. Апсар (совр. Чорохи), принадлежали солеварам, которые с помощью корытообразных сосудов выпаривали морскую воду и получали соль[5]. Однако к VI в. до н. э., по мнению большинства исследователей, солеварный промысел в древней Абхазии исчезает, что связано, как считают, с завозом таврической соли[6] (основным местом её добычи были перекопские озера). Так что в сохранившейся в абхазском языке поговорке: «Ашхуа ааууеит, аджика аанагауеит» – «Судно идет, соль везет», возможно, речь идет о привозе в Абхазию именно таври-

---

[1]Воронов Ю. Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975. С. 70. При этом вообще должно быть отмечено, что на территории Абхазии имелось обилие цветных металлов и существовали глубокие традиции получения и обработки меди, бронзы, золота и т. д.

[2] Лордкипанидзе О. Д. Античный мир и Восточное Причерноморье / Колхида, Иберия // Кавказ и Средиземноморье. – Тб., 1980. С. 6. Его же. «Колхида златообильная» / миф и археология // Древний Восток и мировая культура. – М., 1981. С. 61.

[3]Капанадзе Д. Г. К вопросу об экономических связях Северного и Восточного Причерноморья в античную эпоху. – М., 1959. С. 142.

[4] Античные государства Северного Причерноморья. – М., 1984. С. 164 –165.

[5]Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира // ТАГМ. Вып. 1. – Сухуми. 1947. С. 24 и сл. Его же: Селища с «текстильной керамикой» на побережье Западной Грузии // СА. Т. 14. 1950. С. 265 –286; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии…С. 96, 98.

[6]Соловьев Л. Н. Селища с «текстильной керамикой» на побережье Западной Грузии…С. 284; Бгажба О. Х. История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н. э. – середина II тыс. н. э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – М., 1994. С. 12 –13; Воронов Ю. Н. Научные труды. Том первый. – Сухум. 2006. С. 121.

ческой соли. Крымскую соль, очевидно, сначала покупали жители побережья, а затем её часть сбывалась населению нагорной Абхазии.

В раннеантичную эпоху на территории древней Колхиды в том числе совр. Абхазии, как известно из специальной литературы, обращались серебряные монеты «колхидки», найденные и в Крыму – в Нимфее[1] в археологическом слое второй половины VI в. до н. э. святилища Деметры: в Гермонассе[2], и в других местах. Это говорит о связях Колхиды с Боспорским царством и северо-восточным Причерноморьем[3].

Традиционно экспортируемыми из древней Абхазии материалами были лен и льняные товары. При этом некоторые авторы полагают, что «лен не выращивался на Понте»[4], и «в Северное Причерноморье привозились изделия из льна (в частности, …одежда), которые производились в Египте»[5]. Однако наши материалы прямо свидетельствуют о вывозе льняного полотна с территории древней Абхазии, и это должно указывать, что здесь широко занимались льноводством [6], тем более что о завозе льна в Абхазию нет никаких сведений[7].

Что касается ввоза в Северное Причерноморье египетского льна и одежды из него, то он, надо полагать, имел место, тем более что ионийские города, чьи купцы торговали с Причерноморьем в VI в. до н. э. имели самые тесные связи с Навкратисом, откуда вывозились разнообразные египетские товары.

Словом, приведенные данные заставляют считать, что в архаический период в указанный регион (как и в другие центры античного мира), льняное полотно поступало и из Абхазского побережья, как района более других близко расположенного к Северному Понту.

Во второй половине IV в. до н. э., когда древняя Абхазия и Боспорское царство переживали период наибольшего расцвета, начинается вывоз из древней Абхазии (Колхиды) в Северное Причерноморье товаров в остродонных амфорах[8]. При этом колхидский импорт был выявлен только на

---

[1] В 17 км к югу от совр. Керчи.

[2] На месте совр. станицы Тамань Краснодарского края.

[3] Инал-ипа Ш. Д. Труды в 11 томах. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Т. III. – Сухум. 2011. С. 352.

[4] Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ, №1. 2000. С. 33.

[5] Там же.

[6] Аджинджал И. А., Адзинба И. Е. Материалы по изучению одежды абхазов // ТАГМ. Вып. I. – Сухуми. 1947. С. 239, 255 – 256.

[7] О древних традициях выращивания льна на территории Абхазии см. также: Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 260; Шамба Г. К. Древний Сухум…С. 46; Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. ВДИ, № 2. 1947. С. 256.

[8] Такие остродонные амфоры (абх. аюмаа), наряду с тем, что попадали на территорию древней Абхазии из Греции и Малой Азии, в массовом виде обнаружены в Себастополисе,

Боспоре и входящих в орбиту его экономического влияния территориях; западнее Керченского полуострова он не зафиксирован [1]. Увеличение в это время экспорта товаров в Северное Причерноморье из Колхиды (а также из Синопы, Родоса, Херсонеса, Коса), скорее всего было связано с резким сокращением торговых связей Боспора с традиционными греческими средиземноморскими центрами. Факт наивысшего подъема торговли в древней Колхиде в IVв. до н. э. отражается на находках в Абхазии монет, происходящих, в частности, из Северного Причерноморья. Причем, именно греческие города Крыма (наряду с Синопой) являлись в указанное время главными торговыми партнерами древних абхазов.

Важный этап во взаимоотношениях античной Абхазии с древним Крымом относится к периоду митридатовых войн.

Принято считать, что установление власти понтийского царя Митридата VI Евпатора в Колхиде должно было способствовать известному экономическому подъему[2]. С другой стороны, завоевание Колхиды и последствия митридатовых войн, рассматриваются как резко отрицательное для экономики Колхиды явление, приведшее к запустению колхидских городов [3]. Вполне возможно, что какую-то роль в этом упадке могло сыграть и расстройство понтийской торговли, связанное с установлением блокады черноморских берегов римлянами на последнем этапе римско-понтийской борьбы. Однако это расстройство могло сказаться только после 70-х гг. до н. э., когда флот Митридата утратил свое положение на Черном море [4]. До этого связи между разными областями при понтийской державы Митридата могли осуществляться беспрепятственно, и серьезно помешать колхидской торговле на Черном море римляне не могли[5]. Об этом могут свидетельствовать находки колхидских амфор и пифосов в Херсонесе и на его хоре, херсонесских амфор и монет в Восточном Причерноморье, при этом количество колхидских амфор в Крыму в период правления Митридата увеличивается по сравнению с периодом IV– середины II в. до н. э. [6]

Цабале, Эшыре, Питиунте, изготавливались и древнеабхазскими ремесленниками как в античное, так и в раннесредневековое время.

[1] Брашинский И. Б. Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону // КСИА. Вып. 145. 1976. С. 68 – 71; Античные государства Северного Причерноморья…С. 181.

[2]Болтунова А. И. Античные города Грузии и Армении // Античный город. – М., 1963. С. 167; Инадзе М. П. Причерноморские города древней Колхиды. – Тб., 1968. С. 234.

[3]Матиашвили Н. Н. Из истории экономики городов Колхиды III–I вв. до н. э. (По керамическому материалу): Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Тб., 1974. С. 21; Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI// Кавказа и Средиземноморье. – Тб., 1980. С. 207.

[4]Шелов Д. Б. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI…С. 208.

[5]Там же.

[6]Цецхладзе Г. Р. Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического // ВДИ, № 4. 1989. С. 95. Созник В. В., Цецхладзе Г. Р. Колхидские амфоры эллинистического периода в Херсонесе

К указанному периоду относятся находки на территории Абхазии местных монет (подражания статерам фрако-македонского царя Лисимаха), чеканившихся царем Ака, т. е. очевидно, царем Акуа (абхазское название Сухума)[1]. Это золотые статеры (датируются монеты концом 90–80-х гг. II в. до н. э.)[2].

Традиция чеканки монет в Диоскуриаде была продолжена после ее подчинения Митридату VI. Монеты эти, найденные, главным образом, в Херсонесе (близ совр. Севастополя) и в окрестностях Анкары в Турции, играли особую роль в денежном обращении Понтийской державы. Правы, очевидно, те исследователи, которые связывают чеканку этой монеты с необходимостью для Митридата заручиться помощью Диоскурии в борьбе против Рима, за что ей было предоставлено право автономии[3]. Причем, это является единственным случаем чекана автономной городской монеты в Колхиде[4]. Показательно и то, что в районе Сухума найдено лишь два экземпляра диоскурийских монет, основная же масса этих находок фиксируется в Херсонесе и на Боспоре: в первом пункте обнаружено 258 этих монет, а во втором – 101[5]. Поэтому считается, что Диоскурия являлась поставщиком малых номиналов меди, специально ввозившейся в Северное Причерноморье[6]. На протяжении раскопок в 1970 – 1995 гг. диоскурийская монета была найдена и в боспорском городе Китее[7].

Ценные сведения о контактах предков абхазов, а таковыми по признанию большинства историков были гениохи, с Боспорским царством сохранились у древнегреческих авторов. По Страбону, гениохи «господствуют

// ВДИ, № 2. 1991. С. 61–67; Сапрыкин С. Ю. Рец. на книгу: С. Ю. Внуков. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (морфология). – М., 2003. С. 222.

[1]Капанадзе Д. Г. Новые материалы к изучению статеров Аки // ВДИ, № 1. 1948. С. 150 –155. Его же: О достоверности имени, выбитого на статере базилевса Аки // ВДИ, № 1. 1949. С. 164 –165. Его же. Нумизматические находки пицундской археологической экспедиции за 1958 –1959 гг. // ВДИ, № 4. 1966. С. 178; Инал-ипа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории…С. 203; Шамба С. М. Монетное обращение на территории Абхазии. – Тб., 1987. С. 29.

[2]Дундуа Г. Ф. Нумизматика античной Грузии. – Тб., 1987. С. 88 – 89, 91; Шамба С. М. Политическое, социально-экономическое и культурное положение древней и средневековой Абхазии по данным археологии и нумизматики (VI в. до н. э. – XIII в. н. э.). Научный доклад на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Ереван. 1988. С. 55; Абрамзон М. Г. Золотые античные монеты из собрания Абхазского государственного музея // ВДИ, № 2. 2004. С. 207.

[3]Лордкипанидзе Г. А. К истории древней Колхиды. – Тб., 1970. С. 18 –19; Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. – М., 1980. С. 69; Цецхладзе Г. Р. Монеты Диоскуриады из Херсонеса Таврического…С. 91 – 95.

[4]Цецхладзе Г. Р. Монеты Диоскуриады из Херсонеса…Там же.

[5]Шелов Д. Б. Материалы к истории денежного обращения в городах Боспора в VI – I вв. до н. э. // НЭ. Т. 5. 1965. С. 42.

[6]Шамба С. М. О чем говорят монеты. – Сухуми. 1982. С. 19 –20.

[7] Молев Е. А., Молева Н. В. Кавказские находки в материалах Китейской экспедиции // Первая Абхазская международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 255.

на море», живя «морским разбоем»[1]. При этом не только в античный, но и в средневековый период, суда абхазов «отваживались нападать на берега Анатолии, Крыма и Европейской Турции, вплоть до Босфора…»[2]. Первоначально целью пиратских рейдов гениохов было удовлетворение насущных внутренних потребностей за счет грабежа, но подобные действия вызывали отпор со стороны правителей, например, того же Боспора. Кроме того, для Боспора в эллинистический период особо важной была безопасность торговых путей, связывавших порты государства с городами Средиземноморья и Южного Причерноморья. А эти морские пути пролегали не вдоль Кавказского берега, а в центральной и западной части Черного моря. Поэтому боспорские правители, в частности, царь Эвмел, вели беспощадную борьбу с таврами, гениохами и ахейцами[3], сумев на время очистить Черное море от пиратов[4]. Пиратские набеги гениохов совершались, главным образом, ради захвата людей, которых продавали в рабство, в первую очередь, надо полагать, на Боспор, как наиболее близко расположенное от гениохов рабовладельческое государство. Этим, видимо, объясняется то обстоятельство, что правители Боспора и их окружение, заинтересованные в приобретении рабов, помогали гениохам в сбыте захваченного, предоставив им право торговать на боспорских рынках. На присутствие гениохийских пиратских судов – камар в портах боспорских городов указывает фресковая живопись Нимфея и надгробие с мыса Тузла[5]. Это подтверждает свидетельство Страбона, который прямо указывает: ахейцам, зихам и гениохам «содействуют и владетели Боспора, предоставляя им стоянки, покупку провианта и продажу награбленного»[6].

Таким образом, в серед. III в. до н. э. древнеабхазские пираты находились в тесных экономических связях с Боспором, где находили и рынок сбыта рабов, и корабельные стоянки. В обмен на рабов они получали товары греческого производства, в первую очередь, оружие, посуду, украшения и иные изделия, удовлетворявшие, главным образом, нужды верхушки древнеабхазского общества[7].

---

[1]Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947, №4. С. 213 – 214.

[2] Реклю Э. Земля и люди. Всеобщая география. VI. – СПб., 1883. С. 78.

[3] Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории Боспора. – М., 1964. С. 96; Брашинский И. Б. Понтийское пиратство // ВДИ, №3. 1973. С. 126

[4] Но полностью освободить всю округу Приазовья от пиратов оказалось невозможно.

[5] См.: Морской флот Боспорского царства. Википедия.

[6] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947, №4. С. 272.

[7]В 1954 г. в районе Н. Афона в сети рыболовецких траулеров попали 10 амфорных сосудов, обнаруженных на расстояний 6 – 7 км от берега на глубине 96 – 150 м (Инал-ипа Ш. Д. Абхазы…С. 286 – 287). Поверхность сосудов была покрыта толстым слоем ракушек, что свидетельствует о давности нахождения их под водой. Подобные сосуды, которые употреблялись для хранения и перевозок вина и оливкового масла, встречаются в античных горо-

В целом, исследователи особо подчеркивают, что для Крыма с давних пор огромное значение имели торговые связи с населением Кавказа[1]. При этом известные археологические материалы и письменные сообщения дают основание согласиться с точкой зрения о том, что тесная связь Кавказа, в том числе ее северо-западной части, с Южной Украиной и Крымом уходит своими корнями в доскифскую эпоху (Л. И. Лавров).

Обращаясь к этническому составу населения Крыма нужно отметить, что особенностью полуострова была его полиэтничность – в Крыму одновременно сосуществовали разные племена и народы. Еще в начале I тыс. до н. э. в Северное Причерноморье из Нижнего Поволжья через Урал прошли киммерийцы и захватили Крым, очевидно, отбросив в горы и на южное побережье полуострова племена тавров[2]. Сами киммерийцы в VII в. до н. э. также были вытеснены со своих мест перекочевавшими сюда из-за Уральских (тогда Репейских) гор скифами.

В VII – VI вв. до н. э. скифы находились с древними абхазами в довольно тесных связях[3]. В связи с чем обращают на себя внимание, например, такие характерные детали похоронных обычаев у скифов, как царапание лица, обстригание волос и др. Геродот, говоря об обычаях, связанных с похоронами скифского царя, рассказывает, что скифы при этом отрезали себе часть уха, обстригали кругом волосы, расцарапывали лоб и нос и т. д. [4].

дах Северного Причерноморья (Там же). Если не предполагать гибели корабля от бури, то указанные предметы, по мнению Ш. Д. Инал-ипа, могли оказаться на дне моря в результате потопления возившего их судна морскими пиратами. Поэтому найденные сосуды могут свидетельствовать о торгово-экономических связях древнего населения Абхазии с городами Северного Причерноморья и с народами Восточного побережья Средиземного моря.

[1]См.: Рассказы о Крыме. -e-Reading. www. e-reading. mobi>bookreader. php.

[2]Этническое происхождение тавров в науке до настоящего времени остается не до конца выясненным. Одни ученые считают, что тавры являлись коренными жителями Крыма, другие полагают, что они могли быть частью киммерийцев, отступивших в Крым из Северного Причерноморья под натиском скифов. Существует мнение и о том, что тавры могли переместиться в Крым через Керченский пролив из Центрального и Северного Кавказа. При этом, устройство могильников – «каменных ящиков», сходство керамики и бронзовых украшений тавров с памятниками Кавказа I тыс. до н. э. может свидетельствовать об этнической и культурной тождественности населения горного Крыма и Центрального и Северного Кавказа (Андреев А. Р. История Крыма. – М., 2002. С. 4).

[3]Трапш М. М. Труды. Т. I. – Сухуми. 1970. С. 62; Есаян С. Л., Погребова М. Я. Скифские памятники Закавказья. – М., 1985. С. 35 – 37, 45, 48 – 49, 80; Бгажба О. Х. Скифы и древние абхазы // Нужная газета, 21 ноября 2000 г.; Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Проникая в тайны горы Джантух // Газ. «Республика Абхазия», 11 – 12 августа 2007 г.

[4]Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1947, №2. С. 271; Шелов Д. Б. Античный мир в Северном Причерноморье. – М., 1956. С. 9, 112. Ср. также обычай приношения в жертву коней и царапания лица у славян (Известия ал-Бакри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1 // Записки Императорской Академии наук. Т. 32. Приложение № 2. – СПб. 1879).

Практически во всех населенных пунктах Абхазии выявлены различные предметы скифского типа. Например, многочисленные мечи-акинаки, бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовые удила со стремячковидными концами и др. [1] При этом, однако, вряд ли следует односторонне освещать взаимоотношения скифов и древних абхазов в пользу чрезмерного преувеличения роли скифов. Скифское оружие, конская узда, «звериный стиль» и т. д., по которым судят об оседании скифов вообще на Кавказе, вполне могли быть просто заимствованными или их могли изготавливать местные мастера-оружейники[2]. Поэтому находимые на территории Абхазии вещи скифского типа, являются, очевидно, свидетельством культурных и торговых связей, и эти предметы могли попасть на этническую территорию абхазов в результате обмена. В то же время, разумеется, нельзя исключать присутствия в древней Абхазии отдельных групп скифского этноса, которые впоследствии растворялись в древнеабхазской этнической среде.

К концу III в. до н. э. скифы были побеждены двинувшимися из-за Волги на запад сарматами[3]. К рубежу н. э. эта миграция сарматов завершается установлением их полного господства в Северном Причерноморье, которое из Скифии римскими писателями переименовывается в Сарматию[4].

При этом, Азиатская Сарматия Клавдия Птолемея, локализовавшаяся на восток от устья Дона (античный Танаис)[5], простиралась до совр. Абхазии. Некоторые авторы полагают, что южная пограничная линия Азиатской Сарматии (употреблялась в собирательном географическом смысле)

---

[1]Трапш М. М. Труды. Т. I… С. 111, 112, 132 – 138, 139, 141, 166, 197; Эрлих В. Р. Местные и импортные традиции воинской паноплии Абхазии в античное время // Первая Абхазская международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 366).

[2] Например, появление на территории Абхазии традиций использования «акинака», хотя и следует, по всей видимости, связать со скифскими походами, исследователи считают, что можно уверенно говорить о местном производстве этого оружия, поскольку здесь встречаются акинаки с сегментовидными навершиями с загнутыми вниз концами, неизвестные к северу от Кавказского хребта (Эрлих В. Р. Местные и импортные традиции воинской паноплии Абхазии в античное время…С. 366).

[3]Союз сарматских племен ведет борьбу за господство в Северном Причерноморье, а остатки скифов удерживают за собой лишь часть Крыма, где в III в. до н. э. возникает их последняя столица и последний оплот – город Неаполь Скифский (на окраине Симферополя). С этого времени этническое название «сарматы» становится широко известным античному миру.

[4] При этом достоверно неизвестно, были ли скифы вытеснены из причерноморских степей сарматами военным или мирным путем. Собственно же сарматов впоследствии в Крыму сменили готы и гунны, последних – авары и предки болгар, затем появились и исчезли хазары, печенеги и половцы.

[5]Клавдий Птолемей. Географическое руководство // ВДИ. 1948. – №2. Европейскую Сарматию Птолемей описывает в части (III, 5), а Азиатскую в части (III, 8) «Географии».

с Колхидой пролегала до устья р. Корак[1] (отождествлялась с Кодором), откуда она сворачивала на северо-восток по этой реке до местности Наа[2].

По Страбону большинство сходившихся в Диоскурию (совр. Сухум) – это сарматы, но все они кавказцы[3]. Данное сообщение Страбона можно интерпретировать двояко. С одной стороны, то, что большинство из приходивших в Диоскурию – сарматы в широком, собирательном смысле (т. е. были жителями Азиатской Сарматии), но все они являются народами Кавказа. С другой стороны, в сообщений древнегреческого историка нашло отражение то обстоятельство, что большинство народов Кавказа долгое время испытывало на себе этнокультурное воздействие скифов и сарматов. Исследователи приводят ряд примеров, подтверждающих это положение. Так, раскопки в Цабале[4], по мнению М. М. Трапш, показали не только проникновение в древнюю Абхазию «сарматских обычаев, но и наличие в определенной степени в составе местного населения Цебельды сармато-аланской прослойки IV–V вв.»[5]. Г. К. Шамба со своей стороны констатирует, что между апсилами, сарматами и другими восточными народами, наличествовали тесные контакты[6]. По их образцам, очевидно, цебельдинцы изготавливали трехлопастные наконечники стрел, кинжалы и украшения[7].

Позднеантичный период истории также дает нам ряд примеров, иллюстрирующих взаимоотношения древней Абхазии с таврическими городами. Подтверждением этому могут служить найденные в Питиунте во время раскопок херсонесские и вообще боспорские амфоры IV в. н. э.[8]. В этом, очевидно, не будет ничего удивительного, если учесть, что Питиунт вплоть до начала V в. играл исключительно важную роль промежуточного города на морской дороге между Северным и Восточным Причерномо-

---

[1] Гумба Г. Д. Граница Азиатской Сарматии с Колхидой и Картли //Кавказ: История, культура, традиции, языки. – Сухум. 2004. С. 154 – 155.

[2] Там же. Кстати, что южная граница Азиатской Сарматии доходила до р. Корак отмечалось римским автором IV в. Аммианом Марцеллином. По его данным, «племя сарматов» прилегает к берегу, по которому протекает река Корак, изливающаяся в самый отдаленный угол моря (Марцеллин А. Римская история / Перевод с латинского Ю. А. Кулаковского. – Санкт-Петербург. 2000).

[3] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, №4. 1947. С. 246; Страбон. География. Книга XI // Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. – М., 1994. С. 498.

[4] Трапш М. М. Труды. Т. III. – Тб., 1973. С. 120 –128.

[5] Там же.

[6] Шамба Г. К. Археологические памятники Абхазии. – Сухуми. 1988. С. 95 (на абх. яз.).

[7] Там же. В дополнение к археологическим данным о сарматах, В. А. Кузнецов утверждает, что иранская топонимика Черноморского побережья и нижнего Прикубанья была оставлена сарматами (Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. – М., 1962. С. 69).

[8] Апакидзе А. «Великий Питиунт». Археологические раскопки в Пицунде // Великий Питиунт. II. – Тб., 1978. С. 93.

рьем, а также удобной корабельной стоянки для плавающих в Восточной части Черного моря.

Интересные результаты в плане этнокультурных связей между Абхазией и Крымом может дать краснолаковый керамический материал из Сухумской крепости. Прежде всего обращает на себя внимание то, что часть краснолаковой посуды II–VI вв. н. э. из Себастополиса имеет свои аналогии в Северном Причерноморье [1]. Однако вопрос о том является ли краснолаковая керамика из Сухумской крепости экспортом в Северное Причерноморье с территории Абхазии, на данном этапе остается нерешенным.

Но имеются другие примеры, позволяющие нам более уверенно судить о существовании в этот период экономических и культурных связей древних абхазов с Северным Причерноморьем. Так, изучение орнаментальных мотивов и техники исполнения некоторых краснолаковых тарелок и блюд, изготовленных в указанный период (II–VI вв.) в Себастополисе, привели исследователей к выводу о том, что они аналогичны краснолаковым орнаментальным блюдам, найденным в Пантикапее, Фанагории, что должно указывать на их экспорт в Северное Причерноморье из Абхазии[2]. В обмен на эту продукцию в позднеантичную Абхазию (Себастополис) из того же Пантикапея и Фанагории могла привозиться, например, стеклянная посуда[3], которая изготавливалась в Египте, Палестине и Сирии.

С начала раннего Средневековья, традиционные связи между абхазскими народностями и Крымом, имевшие место в предшествующее время, судя по документирующим эти периоды источникам, были сохранены.

Применительно к рассматриваемому периоду культурные связи и взаимодействие вообще Восточного Причерноморья с Крымским полуостровом доказывается исследователями раннесредневековых Агойского и Борисовского могильников[4]. Они расположены «на северо-восточной окраине Абхазского княжества» и сформировались, как полагают, в конце VII– первой половине VIII вв.»[5]. Принадлежали эти захоронения «если не

---

[1] Габелия А. Н. Краснолаковая керамика из Сухумской крепости // Труды АГУ. Ч. II. – Сухум. 2003. С. 69 –73.

[2]Там же. С. 108 – 109.

[3]Сорокина Н. П. Стеклянная посуда IV – V вв. и хронология цебельдинских могильников // КСИА. 158. 1979. С. 61, 63; Воронов Ю. Н. Археологические древности и памятники Абхазии (V – XIV вв.) // Проблемы истории, филологии, культуры. – Москва-Магнитогорск. Вып. XII. 2002. С. 341 – 342.

[4] Якобсон А. Л. Взаимосвязи Северного и Восточного Причерноморья в эпоху раннего Средневековья //IX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. – Новороссийск. 1981 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971–2006. – М., 2008. С. 275. Его же. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. – М., – Л., 1964. С. 16.

[5]Якобсон А. Л. Взаимосвязи Северного и Восточного Причерноморья в эпоху раннего Средневековья…С. 275.

собственно абхазским народностям (санигам или абазгам), то родственным им зихам»[1]. На основании тождества инвентаря этих могильников – предметов личного убора и украшений, которые близки аналогичным материалам могильника Суук-Су (у совр. г. Гурзуфа), А. Л. Якобсон делает предположение о наличии в VI – VII вв. общего центра изготовления этих предметов, распространявшихся из Таврики в Восточное Причерноморье (но не из Византии)[2]. О непосредственном же и постоянном общении населения этих областей, то есть Таврики и Абхазии (Абазгии) говорит открытие на территории Питиунта раннесредневековой керамики (главным образом, черепицы и амфоры), которые близки одновременным памятникам Таврики[3]. А. Л. Якобсон при этом не исключает наличия в Питиунте VI–VII вв. гончаров из Таврики, на что, по его мнению, указывают идентичные формы пифосов[4].

Конечно, существование аналогичных форм пифосов позволяет считать их продукцией одной мастерской, но вряд ли одинаковые формы керамики могут служить убедительным свидетельством нахождения в Питиунте гончаров из Крыма. В этой связи следует отметить и то, что еще в первой половине VI в. Питиунт, наряду с Себастополисом, продолжал оставаться значительным ремесленным, торговым и культурным центром Восточного Причерноморья[5]. Выявленные на территории исторической Абазгии и Санигии следы гончарных печей указывают на наличие в тех районах в раннем Средневековье специальных мастерских по изготовлению керамических изделий и широкого распространения гончарного ремесла[6]. Поэтому существование в Питиунте собственного керамического производства, имеющего древние традиции, может говорить против нахождения в Абазгии пришлых мастеров. Наиболее же вероятная причина сходства керамики Таврики и Питиунта VI – VII вв. заключается, возможно, в наличии у них общего источника происхождения из Южного Причерноморья, то есть Малой Азии, о чем говорит и сам А. Л. Якобсон[7]. Другими словами, раннесредневековые керамические изделия по византийским образцам могли изготавливаться в Таврике и оттуда уже поступать в Питиунт (хотя

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Воронов Ю. Н. Научные труды. Том I. С. 173–174.
[6] См.: Воронов Ю. Н. Из истории раннесредневекового гончарного производства в Абхазии // Известия АИЯЛИ им. Д. И. Гулиа. Вып. VI. – Тб., 1977. С. 169–171; Апакидзе Г. А. Образцы строительной керамики Великого Питиунта // «Великий Питиунт». II – Тб., 1978. С. 247; Джопуа А. И., Нюшков В. А. Из истории гончарного производства древней и средневековой Абхазии // Абхазоведение. Вып. VII. – Сухум. 2012. С. 23.
[7] Якобсон А. Л. Взаимосвязи Северного и Восточного Причерноморья …С. 275.

в то же время ничего, очевидно, не мешало тому, чтобы эта продукция поступала из Малой Азии напрямую и в Таврику, и Питиунт).

В последующие VIII – IX вв. этнокультурные взаимосвязи абхазов и Таврики вступили в новую полосу[1]. Указанные века были хазарским периодом в истории Крыма, а в VII – IX вв. в Северном Причерноморье хазары владели частью Крыма и Таманью. Вклад хазар в становление раннесредневекового Абхазского царства, как известно, является весьма значительным, так как именно хазары оказали помощь Леону II в отпадении Абхазского государства от Византии. До этого события между сторонами был установлен династический союз: мать апсха Леона была дочерью хазарского кагана. Прочность и интенсивность различных связей абхазов с Таврикой в этот период была связана и с расширением рубежей Абхазского царства в северо-западном направлении, где ее граница временами (в зависимости от успехов политической экспансии) могла проходить по «реке Хазарской» (Кубани)[2].

С процессом передвижения политических границ Абхазского царства, видимо, можно связать и прекращение существования в последней четверти VIII в. могильников ругов-русов близи совр. Новороссийска[3].

К сказанному о этнических процессах, протекавших в изучаемом районе, можно добавить выводы исследователей о том, что даже «малейшие изменения предметов вооружения и костюма», выявленные в раннесредневековых могильниках III – IX вв. от Тамани по р. Псоу (Бжид, Борисовский, Дюрсо), были связаны с «важными историческими событиями: вторжением нового этноса, следами слияния его с местным населением, связями населения с близкими (Абхазией, Северным Кавказом) и дальними регионами (Днепровско-Дунайским)»[4].

Расширение границ раннесредневекового Абхазского царства в северо-западном направлении должно было бы сопровождаться и переселением

---

[1] Там же.

[2] Анчабадзе З. В. Из истории средневековой Абхазии. – Сухуми. 1959. С. 111, 117; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. – Л., 1979. С. 197; Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевел на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г. А. Амичба. – Сухуми. 1986. С. 31; Анчабадзе Г. З. К гидронимии Северо-Западного Кавказа: река Угру // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения выдающегося историка-кавказоведа З. В. Анчабадзе. – Сухум. 2000. С. 29–30; Ловпаче Н. Г. Абазино-абхазский компонент в погребальной культуре раннесредневековых адыгов Закубанья // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. – Сухум. 2006. С. 59; Агрба И. Ш. Абхазское царство и Византия (VIII–X вв.) – Сухум. 2011. С. 96.

[3] Дмитриев А. В. Могильник Великого переселения народов на р. Дюрсо // КСИА. – 1979. Вып. 158. С. 52–57.

[4] Макарова Т. И. Заключение // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV – XIII века) – М., 2003. С. 486.

определенной части абхазов в Закубанье (на территорию расселения прибрежных адыгов раннефеодального времени – зихов, по-абх. азаху). Судя по всему, эти перемещения могли происходить и ранее. Есть основания считать, что количество абхазов, мигрировавших на северо-запад, «увеличивается в X–XII вв...»[1].

Некоторые лингвисты полагают, что следы передвижения абхазов (абаза) в Северное Причерноморье, не только в район Анапы и восточного побережья Азовского моря, но и непосредственно в Крым, можно увидеть в названиях географических пунктов. В связи с чем привлекают внимание топонимы южного побережья Крымского полуострова – Алупка, Алушта, Ялта, Керчь, Акра и др., которые по мнению В. Е. Кварчия этимологизируются на основе абхазского языка[2]. Однако иные точки зрения свидетельствуют о том, что эти и другие названия происходят от других языков. Например, Азов – от адыгского Іуээв (букв., «узкая горловина»), Керчь на иранском языке означает «рыбный путь»[3], Ялта (крымско-тат. Yalta)[4] производно от греч. Ялос («берег»)[5], Алупка в переводе с древнегреч. – «лисица», а Алушта по одной из версии идет из греч. алусида – «цепь».

В то же время, часть историков полагает, что политическая северо-западная граница Абхазского царства в середине X в. соседствовала с русским Тмутараканским княжеством[6]. А само Тмутараканское княжество,

---

[1] Алексеева Е. П. Средневековая история народов Северо-Западного Кавказа. – Л., 1969. С. 26.

[2]Кварчия В. Е. Из этнической истории абхазского (апсуа//абаза) народа или о языке и истории абхазов и абазин. – Сухум, 2015. С. 283, 284.

[3]Бетрозов Р. Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов...С. 89, 100.

[4]Название Ялта бытует у абхазов в качестве личного имени (Иалта). Кроме того, в ряде абхазских личных имен присутствует элемент «гери» («кери»), происходящий, очевидно, от названия династий татарских ханов, основавших в XV в. Крымское ханство. «Гери» встречается в мужских именах Ажгери, Азаматкери, Акулангери, Алгери, Алиасгери, Ангирей, Аслангери, Ашхангери, Батангери, Джангери, Сахаткери, Фаткери.

[5] Наименование сел. Акра, располагавшегося в самой южной точке Керченского пролива (по словам Страбона – незамерзающий порт Боспорского царства), с греческого языка переводится как «мыс», такое же значение оно имеет и в абхазском языке. Топоним Акра языковед Б. Г. Джонуа считает производным от одноименного греческого «Акра» (Джонуа Б. Г. Заимствованная лексика абхазского языка. – Сухум, 2002. С. 51). Словом Акра называется и местность на морском берегу у сел. Тамыш в Юго-Восточной Абхазии.

[6] См. напр.: Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Выпуск 1-й. 1578–1613 гг. – М., 1889. С. 3 – 4; Жордания Ф. Хроника абхазских царей // Духовный вестник Грузинского экзархата, №№ 13 – 14. – Тифлис. 1902. С. 7; Шмит Ф. О Тмутаракани // Известия Таврической ученой архивной комиссии, №54. – Ставрополь, 1918. С. 2; Папаскир А. Л. Обезы русских письменных источников (Историко-культурологический анализ). Дисс. в виде научного доклада на соик. уч. ст. докт. ист. наук. – Сухум. 2007. С. 74–84. Противоположную точку зрения о том, что северо-западная политическая граница Абхазского царства в X в. проходила в районе п. Цандрипш см.: Бгажба О. Х. Так где же все-таки находился Сотири-

как считается, существовало по обоим берегам Керченского пролива, на месте бывшего Боспорского царства, и в период своего расцвета во второй половине X в. охватывала не только Тамань, Приазовье и крепость Белую Вежа, но и восточную часть Крыма, включая Корчев (совр. Керчь) и Судак)[1].

Некоторые исследователи со ссылкой на Дж. Н. Кокова пишут о наличии «абхазо-абазинского населения в прошлом вблизи от Приазовья»[2]. Имеется немало и других сообщений источников о локализации абхазов и абазин по соседству с Тмутараканским княжеством[3]. Если исходить из проживания абхазов в X в., смежно, пограничено с Тмутараканью, то это могло способствовать возрастанию миграции абхазов и адыгов на славянские территории. Во всяком случае, приведенное выше мнение Е. П. Алексеевой об увеличении в X – XII вв. миграции абхазов на северо-запад, возможно, имело место и в отношении Тмутараканского княжества. Не последней причиной этому служило, очевидно, то обстоятельство, что под русским управлением значение Тмутаракани как крупнейшего торжища и порта, контролировавшего Кубань и Подонье, резко возрастает[4].

Говоря о наличии торгово-экономических и культурных отношений между абхазами и населением Крыма в указанное время, не стоит забывать и о развитых у жителей обоих регионов древних традиций морского судоходства (все связи в большинстве случаев осуществлялись по водным артериям). А, во-вторых, об интенсивности средневековых культурно-исторических контактов свидетельствует обширная территория распространения керамики, изготовленной в Крыму и на Кавказе. В дополнение к сказанному М. М. Трапш и О. Х. Бгажба считают, что в VIII – XI вв., из Византии и Крыма в Абхазию поступала импортная тарная керамическая посуда различных типов. В частности, это подтверждается выявленными

уполис Константина Багрянородного? // Абхазоведение. Вып. V – VI. – Сухум. 2011. С. 89 – 98. Его же. Опыт математико-географического анализа одного сообщения Константина Багрянородного о границе стран Зихии и Авасгии в X в. // Абхазский государственный университет. Юбилейное научное издание. – М., 2017. С. 250 – 257.

[1] Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. – Киев. 1914. www. krimoved – library. ru>books>-pros…По утверждению Д. М. Володихина, Восточный Крым платил дань Руси и в административном плане был подчинён Тмутаракани длительное время, скорее всего, с 80-х гг. X в. по конец XI столетия (Володихин Д. М. Русский период в истории средневекового Восточного Крыма // Проблемы национальной стратегии, № 2 (35) 2016). И в целом отмечается неоспоримость того факта, что часть Восточного Крыма в X– XI вв. входила в состав Руси (Там же).

[2] Дмитриев В. А. Западные адыги: социум и пространство (XVIII – первая половина XX вв.) // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН http: // www. kunstkamera. ru. /lib/rubrikator/ 03/03 -05 /978 – 5 – 02 – 02522 – 1/ © МАЭ РАН 205 С. 219).

[3] Об этом см.: в кн.: Папаскир А. Л. Обезы русских письменных источников…С. 280 – 281.

[4] Чхаидзе В. Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. – М., 2008. С. 286, 299–301.

в Анакопии пифосами с горизонтальными желобами – каннелюрами для усиления стенок посуды и в качестве орнаментирующего начала[1].

Основная часть анакопийских амфор обнаруживает сходство с аналогичной посудой, происходящей из средневековых поселений Северного Причерноморья; из мастерских Крыма и Византии в средневековую Абхазию нередко привозили и материал для производства амфор[2]. В IX–X вв. в Абхазское царство импортировали и кувшины с плоскими ручками, характерные для средневекового Херсонеса, Боспора, Саркела и Тамани. Кроме того, в Абхазию, продолжали привозить кирпичи (хотя и производили свои), которые по характеру бортиков аналогичны черепице Северного Причерноморья[3].

Население Абхазии продолжало поддерживать контакты с Крымским полуостровом и в период развитого Средневековья. На это указывает факт находки на Херсонесском городище поливной керамики, имеющей большое сходство с аналогичными глиняными сосудами из замка Баграта в Абхазии. Поэтому вполне соглашаясь с В. Сизовым, можно допустить, что подобная ценная столовая поливная керамика была завезена в Херсон из средневекового Сухума[4]. Особенно важно при этом то, что в XI–XII вв. на херсонских гончаров значительное воздействие оказывали традиции ремесленных центров Закавказья. И хотя в районе Херсонеса зафиксировано много находок византийской поливной посуды[5], нужно полагать, что часть изделий поливной керамики, изготовленной в средневековом Сухуме, как отмечено, была завезена в Крым из Абхазии.

Данное положение может быть подтверждено исследованиями О. Х. Бгажба, который на основе изучения продукции гончаров средневековой Абхазии приходит к следующему выводу. В XI – XIII вв. в Абхазии появляются новые формы сосудов, тарные кувшины с овальными ручками, горшки, большое количество клейменной керамики, говорящей, что гончары уже больше стали работать на рынок. Для этого периода является характерным наличие поливной керамики, один из местных центров производства которой находился в древнем Сухуме[6].

В XI– XIII вв. крупнейшим торговым центром в Крыму являлся город Согдак (итальянское Солдайа, русское – Судак). Именно через этот город, как пишет А. П. Новосельцев, шла в XII– начале XIII в. основная торгов-

---

[1] Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII –XIV вв.). – Сухуми. 1977. С. 14–15.

[2] Там же. С. 13–14.

[3] Трапш М. М. Труды. Т. IV. – Сухуми. 1075. С. 141– 142; Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу…С. 37.

[4] Сизов В. Восточное побережье Черного моря // МАК. Вып. II. – М., 1889; Трапш М. М. Труды. Т. IV…С. 170.

[5] Древняя Русь. Город. Замок. Село. – М., 1985. С. 394.

[6] Бгажба О. Х. Очерки по ремеслу…С. 38.

ля Руси с Трапезундом. По-видимому, корабли плыли вдоль «черкесского, абхазского и грузинского берега», и торговый ареал Согдака и Трапезунда включал все восточное побережье Черного моря[1]. Сами русские купцы в XII – начале XIII в., по мнению А. П. Новосельцева, «были обычными посетителями Согдака и других черноморских портов»[2].

Выше было сказано о том, что в XI–XII вв. в Крым поступала абхазская поливная посуда. Надо полагать из Абхазии вывозили и другие предметы, о которых, к сожалению, ничего более не известно. Правда, по материалам Г. А. Дзидзария, с давних пор товарами, имевшими экспортное значение, являлись абхазский мед и воск[3]. При этом он ссылается на Ж. Шардена, который писал, что «суда из Каффы везут его (абхазский мед. – О. М.) в Татарию, где из него и зерна приготовляют очень крепкий напиток…»[4].

А из Крыма в Абхазию в это время привозили предметы украшения, принадлежности женского туалета. Например, жители Анакопии, согласно М. М. Трапш, использовали херсонесские бронзовые пуговицы сферической формы с ушками, которые датируются IX–XI вв. [5] В обмен на абхазские изделия из Крыма могли ввозиться также ткани, рабы, некоторые изделия из металла, в том числе оружие[6].

Таким образом, на основе комплекса доступных исторических фактов в настоящей работе были прослежены основные аспекты проблемы этнокультурных и хозяйственных отношений Абхазии и Крымского полуострова в древнейшее время и в период развитого Средневековья. Как можно судить, связи, о которых шла речь выше, неполные и требуют дальнейшего изучения. Но и накопленные в науке на сегодняшний день материалы позволяют сделать вывод о существовании неразрывных и постоянных контактов Крымского региона с территорией древней и средневековой Абхазии, и в целом с южной частью Восточного Причерноморья. При этом не исключена возможность существования аналогичных связей и в других направлениях Азово-Черноморского бассейна, поэтому новые памятники, свидетельствующие о культурно-исторических связях абхазов с другими областями и народами, очевидно, еще предстоит открыть и изучить.

---

[1] Новосельцев А. П., Пашуто В. Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. – 1967. С. 81–108.

[2] Там же.

[3] Дзидзария Г. А. Труды. Кн. I. – Сухуми. 1988. С. 111.

[4] Путешествие Шардена по Закавказью в 1672 – 1673 гг. –Тифлис. 1902. С. 20.

[5] Трапш М. М. Труды. Т. IV…С. 129.

[6] Хотя абхазы были обеспечены боевым оружием местного производства, они приобретали и привозное оружие в качестве престижной вещи. Из завозившегося в Абхазию в период позднего Средневековья огнестрельного оружия преобладали «крымские» ружья. Это название свидетельствует не только о том, что завоз турецкого и европейского оружия шел через Крым, но и о самостоятельном производстве ружей в Крыму (См.: Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. – Москва – Нальчик, 1995. С. 153).

М. В. Гумба

ЗАСЛУГИ ВЛАДЕТЕЛЬНОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ЧАЧБА В ВЫВОДЕ РОССИЙСКИХ ВОЙСК ИЗ АБХАЗИИ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Значение и последствия Крымской войны были предметом специального исследования многих как дореволюционных, так и советских историков, среди которых можно отметить известные работы: А. М. Зайончиковского, Е. Д. Фелицина, К. А. Бороздина, М. И. Богдановича, Н. П. Колюбакина, И. В. Бестужева, А. В. Фадеева, Е. В. Тарле и мн. др. Авторы указанных сочинений в основном касались вопросов общих международных противоречий, связанных с возникновением Восточной войны. Интересующий нас вопрос, конечно, не мог быть отраженным в работах названных авторов.

Вместе с тем, вызывает определенную озабоченность, умалчивание в исторической литературе, касающейся периода Крымской войны – выдающейся роли владетеля Абхазии, князя Михаила Чачба в выводе и спасении от неминуемой гибели целых российских гарнизонов и их семей, находящихся в окружении. В данном случае имеются в виду работы тех историков, которые в силу своих профессиональных обязанностей были приближены к событиям в Абхазии изучаемого периода и располагали архивными документами.

Это работы А. Н. Дъячкова-Тарасова[1], К. Д. Мачавариани[2], С. С. Эсадзе, имевшего прямое отношение к комиссии по составлению Актов Кавказской Археографической комиссии (располагал прямыми документами)[3].

Лишь в работах профессора Г. А. Дзидзария мы находим более отчетливые сведения о деятельности владетеля Абхазии, князя Михаила, связанной с выводом российских войск[4].

---

[1] Дъячков-Тарасов А. Н. Абхазия и Сухум в XIX веке. В кн.: Абхазия и абхазы в российской периодике. Т. 2. Сост. Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. – Сух., 2008. С. 632. Его же: Гагры и их окрестности. Тифлис, 1903 г.

[2] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель по городу Сухум и Сухумскому округу. – Сух., 2009. С. 270.

[3] Эсадзе С. С. К 40-летию уничтожения абхазской автономии. В кн.: Абхазия и абхазы в российской периодике. Т. 1. Сост. Агуажба Р. Х., Ачугба Т. А. – Сух., 2005. С. 236.

[4] Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухум, 1982. С. 127.

В настоящей работе, на основе привлечения архивного материала, в частности из Актов Кавказской Археографической комиссии (АКАК), где четко прописана реальная ситуация, в которой находились российские войска, мы намерены осветить – каковы были опасения у военного командования за их судьбу, какие надежды возлагались не только командованием, но и самим императором именно на князя Михаила – единственного спасителя в создавшихся критических условиях.

Середина XIX века оказалась на Ближнем Востоке местом, где больше всего обострились как дипломатические противоречия, так и противоречия экономических и политических интересов, прежде всего России и коалиции в составе Англии, Франции и Турции.

Подстрекаемый англо-французскими дипломатами, султан 17 сентября ультимативно потребовал от России очищения Дунайских княжеств, а 4 октября 1853 года объявил ей войну.

В полночь с 15-го на 16-е октября Турция начала военные действия атакой и взятием поста св. Николая, который, по сути, не считался укреплением, способным для удержания сильной атаки, и никогда не был вооружен артиллерией[1].

Свои опасения в связи с начавшейся войной, выражал Главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом, наместник Кавказа светлейший князь М. С. Воронцов в письме императору от 18 января 1854 года. Опасения в основном выражались в предстоящей потере многих укреплений на восточном берегу Черного моря, и даже отсутствии возможности спасения гарнизонов, так как российский флот не был готов к отражению морской атаки[2].

С открытием военных действий против России турецкие военачальники по указанию английских военных советников решили высадить десант на Кавказском побережье, в районе Абхазии, откуда весной 1854 года были эвакуированы русские войска. Черноморская береговая линия упразднялась. Русские войны покидали Абхазию из-за отсутствия путей сообщения с Крымом: приморская дорога пришла в негодность, морская была закрыта английскими и французскими судами. Господство на Черном море французских и английских судов поставило в крайне опасное положение гарнизоны, занимавшие укрепление Черноморской береговой линии. Разбросанные по укреплениям, они были разобщены друг от друга из-за отсутствия сухопутного сообщения. В то же время более 30 тысяч горцев

---

[1] Акты Кавказской Археографической комиссии (в дальнейшем АКАК). Т. 10. С. 764.

[2] Морские суда Англии и Франции были технически более усовершенствованы и приводились в движение винтовым двигателем. У России в то время не было ни одного винтового судна в плавании. См.: Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии… С. 131.

Западного Кавказа, поднятых на борьбу с русским присутствием наибом Мухаммед-Эмином, в середине марта 1854 года перешли реку Бзыбь и напали на российские укрепления в Абхазии с суши[1].

Относительно предстоящего вывода российских войск из Абхазии князь М. С. Воронцов от 29 ноября 1853 года писал императору Николаю: «…я не могу без ужаса подумать об этой мере, которая нас откинет на многие десятки лет морально и материально во всех наших отношениях с горскими народами…»[2].

Вывести войска из Абхазии в срочном порядке заставило и то обстоятельство, что на реке Кодор не было переправы. Река эта во время половодия, продолжающегося с начала апреля до конца августа, несла огромную массу воды с неимоверной быстротою. Во время половодия Кодора, сухопутное сообщение на запад совершенно прекращалось. При таком положении, необходимость заставляла в начале 1854 года вывести войска из Абхазии до разлива реки. Вместе с тем местная военная администрация не имела никаких приказаний из Тифлиса, как ей поступить до появления неприятельского десанта: сосредоточить ли войска в одном месте и где, или оставить их разбросанными в укреплениях по берегу моря на 60 верст. Для разъяснения этих вопросов майор Ф. Завадский, в марте 1854 года был командирован в Тифлис на встречу с начальником корпусного штаба, кн. А. И. Барятинским. Решено было выводить войска из Абхазии для присоединения их к Гурийскому отряду.

Генерал Н. А. Реад, временно заменявший М. С. Воронцова с марта 1854 г. писал князю В. А. Долгорукову: «…я решился приступить к выводу…далее откладывать дела этого не могу, ибо неоднократно выражено было желание Г. И. усилить этими гарнизонами Гурийский отряд…»[3].

Совещание, на котором присутствовали: А. И. Барятинский, ген. -ад. А. Н. Реад, ген. С. М. Броневский, приняло решение: до отвода войск к Ингуру оставить Гагринский гарнизон на месте, объясняя это тем, что «непокорные горцы: джигеты, убыхи, шапсуги массами будут нападать на каждый выведенный из укреплений гарнизон, будут мешать нам при отправлении больных, семейств служащих чинов, архивов и разных тяжестей, а при следовании отряда будут устраивать завалы, которые придется брать штурмом, что, конечно, не обойдется без потери в людях…»[4].

Таким образом, предвидя, что при снятии гарнизонов из укреплений и при отступлении войск, возникнет серьезная опасность со стороны непо-

---

[1] Дзидзария Г. А. Труды. Т. 3. – Сух., 2006. С. 77.

[2] АКАК. Т. 10. С. 783.

[3] АКАК. Т. 10. С. 699.

[4] Из воспоминаний Ф. Завадского. В кн.: Абхазия и абхазы в российской периодике. Т. 2. С. 73.

корных горцев, которые могли препятствовать их выводу, в Абхазию был командирован полковник И. А. Бартоломей, с предложением к владетелю Абхазии: «Не согласится ли владетель принять начальство над войсками, находящимися в его владении, и не возьмет ли на себя отвести их к Ингуру…Ежели владетель Абхазии примет начальство над войсками, то это будет гарантией против покушений немирных горцев…»[1].

Такое предложение было основано на том, что владетель Абхазии князь Михаил имел большое влияние и авторитет у соседних горских народов.

Вместе с тем, знакомясь с секретным отношением князя В. А. Долгорукова генералу Н. А. Реаду, мы видим, что на начальном этапе, со стороны князя В. А. Долгорукова выражалось некое недоверие к князю Михаилу, и он требовал, в частности, установить: «В какой степени можно полагаться на преданность самого владетеля Абхазии и влиятельных в том крае лиц? как, например, ген. - м. Кацо Маргани. Какими способами за выводом войск наших, располагать может князь Шервашидзе для обороны края или по крайней мере для противодействия внешним и внутренним врагам возможного замедления или успеха… В случае, если владетель Абхазии, оставаясь верным долгу присяги, сохранит свое влияние в этой области, весьма было бы желательно употребить его для вывода, буде возможно гарнизона, занимающего Гагрское укрепление, и доставления его в Мингрелию или сухопутно или же морем, на Азовских судах и кочермах… Во всяком случае, надлежало бы употребить все средства, дабы спасти хотя больных, женщин и детей». [2]

Таким образом, на фоне имеющегося некоторого легкого сомнения у кавказского командования, тем не менее, вывод войск из Абхазии проходит при активном содействии её владетеля, князя Михаила Чачба. О чем свидетельствуют также и архивные документы, в частности, письмо от 29 марта 1854 года князя В. А. Долгорукова к владетелю Абхазии князю Михаилу Чачба-Шервашидзе. К сожалению, само письмо, написанное князем Михаилом не отражено в Актах, лишь имеется ответ на его послание, из которого видно, что лично князем Михаилом были предложены меры по организации обороны Гагринского ущелья, так, в частности, читаем: «письмо вашей светлости… о крайнем положении владений ваших и о мерах, которыми вы полагали возможным воспрепятствовать вторжению мятежных горцев в Абхазию. Счел я долгом представить на Государя Императора воззрение…». [3]

---

[1] Из воспоминаний Ф. Завадского. В кн.: Абхазия и абхазы в российской периодике. Т. 2. С. 72.

[2] АКАК. Т. 10. С. 793.

[3] АКАК. Т. 10. С. 270.

Император в письме генералу Н. А. Реаду, от 12 апреля 1854 года, писал: «…вполне одобряю назначение князя Шервашидзе командовать в Абхазии…»[1].

Государь, внимательно ознакомившись с предложениями владетеля Абхазии, отдал полную справедливость мнению и усердию князя Михаила. Предложенные князем меры для обороны Гагринского ущелья и течения Бзыби, могли бы оградить Абхазию от замыслов Мухаммеда-Эмина, если бы обстоятельства позволили русскому командованию усилить там расположенные войска. Но, как нам известно, крайняя необходимость вынудила командующего Отдельным Кавказским корпусом сделать распоряжение о выводе войск и уничтожении укреплений, кроме Гагринского.

Главнокомандующий сухопутной армией Кавказа Н. А. Реад считал, что если противник (турки, англичане, французы) будет наступать на Абхазию одновременно и с моря и с суши, при поддержке горских народов, ненавидящих царскую администрацию, то положение военных гарнизонов в Абхазии станет либо очень опасным, либо катастрофическим. Отсюда генерал Н. А. Реад делает однозначный вывод: срочно вывести войска из Абхазии, пока противник не начал массированных наступлений[2].

О сложной ситуации, сложившейся в Абхазии, и опасениях за её дальнейшую судьбу, свидетельствует письмо генерала Н. А. Реада к князю В. А. Долгорукову от 13 апреля 1854 года: «… что будет далее решать еще нельзя…Отдавая справедливость лично владетелю,… с выводом наших войск ему нельзя будет удержать этот край в повиновении, потому что для обороны его Абхазцы не будут иметь никаких средств, а Бзыбский округ, населенный исключительно мухаммеданами и сопредельны с немирными горцами, неминуемо восстанет по удалении Русских.» и далее оценивается деятельность владетельного князя Михаила: «… кроме его (Михаила), по моему мнению, никто не мог бы привести в столь до сих пор удачное исполнение, и все-таки трудно рассчитывать на совершенный успех безопасного вывода войск из Абхазии; но если обстоятельства поведут к счастливому окончанию сделанных распоряжений, то вся заслуга принадлежать будет владетелю Абхазии». [3]

Получив столь серьезное задание, владетель Абхазии князь Михаил, проявив бесстрашие и мужество, достойно выполнил поставленную перед ним задачу по передаче отступающих войск генералу П. И. Миронову, о чем он сам пишет в отчете Главнокомандующему на Кавказе генералу Н. А. Реаду: «Войска Его Императорского Величества, находящиеся в моем

[1] АКАК. Т. 10. С. 270.
[2] АКАК. Т. 10. С. 272.
[3] АКАК. Т. 10. С. 272.

владении, я переправил через реку Ингур и передал начальство над ними генералу Миронову»[1].

Начав операцию по выводу войск 19 марта с укрепления в Пицунде (затягивалась из-за плохой погоды), князь Михаил лично руководил за выполнением приказов и распоряжений. Семейства и больные были переведены в Бамборы на Азовских баркасах 20-го числа, а гарнизон выведен 21-го. Причиной, побуждающей князя, ускорить снятие укрепления, был сбор горцев около Гагр. После вывода гарнизона укрепление было занято подвластными князя, для предания его огню в ночное время, что и было сделано в ночь с 21 на 22 число. Оставлен был только древний храм и архиерейский дом.

Приготовления к снятию укрепления Бамбор заняли гораздо больше времени, из-за большего количества числа семейств и больных. Не переставала свирепствовать погода; но как только представлялась малейшая возможность спустить гребные суда, семейства и больные переправлялись в Сухум-Кале. Так гарнизон, выведенный князем, прибыл в Сухум-Кале 29 марта. Оставаться в Сухуме было опасно, ибо в случае появления союзной эскадры город не был укреплен ни с суши, ни с моря.

Хотя вывод войск из Сухума проходил в совершенной тайне, о которой не знал даже комендант и командиры батальонов, после снятия двух первых укреплений, неожиданно стали стекаться горцы с Ахчипсху и Аибга, а к ним присоединились и цебельдинцы. Здесь князь Михаил предпринимает хитрый отвлекающий маневр. Распустив слух, что идут приготовления к решительной обороне, собрав свою милицию из окрестных жителей, сам он удалился в Очемчири, под предлогом еще большего сбора милиции из Абжуйского округа. Но эти меры оказались не достаточными для безопасного отступления. Угрожали горцы с Гумского ущелья, со стороны Цебельды по Кодорскому ущелью и по дороге за Кодором. Для предосторожности был выслан один батальон в Келасур, для присоединения к находящейся там абхазской милиции. Кроме того, две роты батальона №11, были направлены к реке Кодор, остальные размещены под видом разработки дорог в Очамчире и Гудаве. Охрана Сухума со стороны Гумского ущелья поручена была князю Мисоусту Анчабадзе, которому была выделена часть милиции. Такое размещение войск по дороге от Сухума до Гудавы имело две цели: во-первых, сохранить отряд, во-вторых, создать вооруженные пункты, к которым должны были пристать суда, следовавшие с семействами, больными и грузом, на тот случай, если в море могли появиться союзные эскадры. Несмотря на принятые меры предосторожности цебельдинцы продолжали препятствовать отступлению Марамбин-

[1] АКАК. Т. 10. С. 271.

ского гарнизона. Завязалась перестрелка, был похищен малолетний сын подпоручика Черноморского батальона Пшесмыцкого, но князю Григорию Шервашидзе и князю Баталбею Маршан удалось провести гарнизон до Сухум-Кале – 4 апреля.

В результате были эвакуированы 500 больных, лишенных всякой возможности следовать за отрядом. Они были погружены на суда вместе с семействами служащих, как военного, так и гражданского ведомств. Эвакуированы были архивы, воинская канцелярия и частично провиант.

Г. А. Дзидзария писал: «Под начальством Михаила отряд двинулся к Ингуру. Ему пришлось отступать с боем. С обеих сторон было много убитых и раненых…Без его содействия эти войска не могли бы выйти благополучно при общем враждебном отношении окружающих племен…»[1].

Князь Михаил, проявив бесстрашие и мужество, достойно выполнил поставленную перед ним задачу по передаче отступающих войск начальнику 3-го отделения Черноморской береговой линии генералу П. И. Миронову, о чем он сам пишет в отчете Главнокомандующему на Кавказе, генералу Н. А. Реаду: «Войска Его Императорского Величества, находящиеся в моем владении, я переправил через реку Ингур, и передал начальство над ними генералу Миронову»[2].

Таким образом, Гурийский отряд получил пополнение в количестве 5-ти батальонов, выведенных из Абхазии.

Вместе с тем, доклад военного министра князя В. А. Долгорукова императору вызвал сожаление у последнего о принятом решении генерала Н. А. Реада по выводу российских войск из Абхазии: «…какая именно настоятельная крайность побудила вас (Н. А. Реада – М. Г.) предписать князю Шарвашидзе вывести войска наши из Абхазии, когда этому краю не угрожает еще близкая опасность с моря…»[3].

Здесь следует отметить, что еще М. С. Воронцовым было предписано вице-адмиралу Л. М. Серебрякову и генералу П. И. Миронову осуществить сухопутное отступление гарнизонов, за исключением Гагринского, в связи с ликвидацией Черноморской береговой линии[4]. Кроме того, на поставленный вопрос генерал Н. А. Реад отвечал, что вывод указанных гарнизонов князем М. С. Воронцовым, изначально, на тот период предусматривался на Сухум. Их соединение должно было послужить для удержания Сухума – важнейшего пункта Абхазии. Но после обстоя-

---

[1] Дзидзария Г. А. Труды. Т. 3. … С. 77.

[2] АКАК. Т. 10. С. 271. Здесь необходимо отметить, что считаясь с создавшимся военным положением, не решаясь оставлять в Абхазии знамя Всемилостивейшее, пожалованное дому абхазских владетелей, он вместе с уходящими войсками передал его на хранение в Тифлис.

[3] АКАК. Т. 10. С. 272.

[4] АКАК. Т. 10. С. 272-274.

тельного осмотра его и окрестностей начальником инженеров Отдельного Кавказского Корпуса ген. - М. Ганзеным (в нач. 1854 г.) признано было «решительно невозможно защитить Сухум против атаки с моря»[1]. И лишь позднее было принято решение вывести гарнизоны для соединения с Гурийским отрядом.

В то же время повстанцы, окружив Гагринский гарнизон, создали серьезную угрозу его существованию. Озабоченность по поводу возможной гибели военнослужащих Гагринского гарнизона и необходимости оказания срочной помощи явно выражена в отношении князя В. А. Долгорукова к главкому Кавказа, генералу Н. А. Рееду от 21 апреля 1854 года: «…Вам известно, с каким сожалением Государь Император известился о сделанном вами распоряжении к очищению Абхазии от войск наших. В сих обстоятельствах Государь император озабочиваясь населением Гагринского гарнизона, представленного самым крайним случайностям, изволил… дабы вы поручили генерал-адъютанту князю Шарвашидзе принять все возможные к тому меры.

…При содействии генерал-адъютанта князя Шарвашидзе, Гагринский гарнизон должен быть вывезен морем на Азовских баркасах и вольных качермах, когда дальнейшее удержание этого пункта не будет уже нужно для прикрытия отступления наших войск из Абхазии». [2]

Для выполнения и этого задания князь Михаил сумел договориться с греческими шкиперами двух судов – перевести Гагринский гарнизон в Редут-Кале, с уплатой им за услуги 10 тыс руб. серебром. На случай, если по прибытии в Гагры, укрепление будет уже снято другими, князь обязался выплатить за совершенный рискованный рейс 5 тыс. руб. серебром[3].

В ответном отношении Главкома, сухопутными войсками на Кавказе генерала Н. А. Реада князю В. А. Долгорукову, вклад, внесенный владетельным князем Абхазии, для спасения окруженных горцами русских военных гарнизонов оценивается м – как важный подвиг[4].

Известно, что Гагринский гарнизон, осуществляющий прикрытие Абхазии от вторжения горцев через перевал Псеашху, был атакован убыхами под предводительством наиба Мухаммед-Эмина. В течение шести недель они нападали на Гагринское укрепление, где находился русский гарнизон под командой капитана Быховского. Эвакуация гарнизона была осуществлена большим кораблем «Святой Иоанн», принадлежащим греку Фотию Серанто, который взяв разрешение от Керченского градоначальника князя Гагарина, для снятия с осады Гагринского гарнизона 14 апреля вышел в

[1] АКАК. Т. 10. С. 273.
[2] АКАК. Т. 10. С. 272.
[3] АКАК. Т. 10. С. 272.
[4] АКАК. Т. 10. С. 272.

открытое море, а 20-го числа прибыл в Гагры, забрав пушки и 600 человек гарнизона, и благополучно приплыл в Керчь[1].

Важно отметить, что в тот же день не менее благополучно удалось пробраться к Гаграм и судам, нанятым князем Михаилом Чачба, но нашли там уже одни опустевшие развалины.

Князь В. А. Долгоруков от имени Государя Императора высоко оценивает заслуги князя Михаила перед Российской Империей, выражает полное доверие и личное уважение за благоразумные меры и самоотверженность к служебному долгу владетельному князю Михаилу, о чем он сообщает генералу Н. А. Реаду в отношении от 7 мая 1854 года: «Отдавая полную справедливость примерному усердию и распорядительности, с коими генерал-адъютант князь Шарвашидзе исполнил эту меру, Его Величество пожаловать ему соизволил орден Белого Орла[2].

По указанию генерала Н. А. Реада, почетную миссию по вручению ордена и сопроводительной грамоты князю Михаилу Чачба, выполнил полковник А. И. Бартоломей.

Таким образом, в трудный момент, в котором оказались российские гарнизоны, князь Михаил стал единственным их спасителем. Ему удалось благополучно вывести солдат и офицеров, вместе с их женами и детьми из окружения горских повстанцев, спасая их тем самым от неминуемой гибели.

В заключение надо отметить, что еще перед началом Крымской войны кн. М. С. Воронцов, обеспокоенный тяжелым положением гарнизона на побережье, в случае блокады его неприятельским флотом, советовал Государю предупредить разрыв с западными державами; указывая при этом на потерю кавказских береговых укреплений и на последствия, связанные с нею. В ответ на это Император писал: «Нет сомнения, что положение нашей береговой линии плачевно: помочь сему – ни в твоих, ни в моих силах. Предвидя потерю фортов и их гарнизонов, нельзя не соболезновать об их злой участи. Но в военном быту бывают несчастные случаи, где частью войск жертвуют, хотя скрепя сердце,…»[3].

К счастью, этим печальным прогнозам российского императора не суждено было осуществиться именно благодаря умению и стараниям абхазского владетеля, князя Михаила Чачба, который своим мужеством и самоотверженностью сумел спасти обреченное войско, и навечно вписал свое имя в историю русского и абхазского воинства.

---

[1] Мачавариани К. Д. Описательный путеводитель… С. 269-270.

[2] АКАК. Т. 10. С. 276.

[3] Богданович М. И. Восточная война 1853-1856 гг. – СПб, 1876. Т. 4. С. 142.

М. Н. Аргун

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛКОВНИКА В. М. КОНЬЯРА В АБХАЗИИ

В июне 1864 года сразу после окончания Кавказской войны было упразднено Абхазское княжество. Оно было преобразовано в Сухумский военный отдел, начальником которого был назначен командующий войсками Абхазии генерал П. Н. Шатилов.

Практический сразу после упразднения княжества была создана комиссия для сбора сведения об общем социально-экономическом положении Абхазии. Главной задачей комиссии являлось подготовка провидения крестьянской реформы. Данная комиссия также рассматривала качество деятельности управлявших лиц, поэтому характеристика деятельности ген. - м. П. Н. Шатилова комиссией представлена несколько в противоречивом виде. Он опирался на помощь феодалов и изменение порядка в этой иерархии, по его мнению, привело бы «к совершенному уничтожению высших сословий и лишило бы их всех преимуществ, установленных в их пользу вековыми обычаями … и поэтому он считал необходимым вместе с прекращением обязательных сословных отношений установить размер вознаграждения господствующему классу за теряемые ими преимущества»[1]. Исходя из этого, мы можем предположить, что в государственном аппарате империи, были люди, стремившиеся к относительно мирной инкорпорации Абхазии в Российскую империю.

Его политика считалась идущей в разрез с интересами империи. Поэтому он официально подвергся критике, в своем докладе комиссия указала, «только на слабые стороны деятельности ген. Шатилова и не упомянула вовсе о хороших ее сторонах и о многих почтенных свойствах его личного характера, которыми он сумел, до известной степени, внушить к себе симпатию населения»[2].

В 1865 году П. Н. Шатилова сменил полковник В. М. Коньяр. Смена исходила от близких к Наместнику кругов высшей правительственной инстанции на Кавказе. Данный подход свидетельствует об отрицательном отношении официальных властей Российской империи к деятельности ген. Шатилова в Абхазии.

---

[1] Материалы по истории Абхазии XIX века. Сборник документальных материалов. Том III. – Сухум. 2012. С. 78.

[2] Материалы … Том III. С. 279.

Вступив в должность, В. М. Коньяр предпринял попытку быстро решить крепостнический вопрос Абхазии. Он отличался от своего предшественника тем, что вовсе не желал рассматривать возможность возместить ущерб высшему сословию, а лишь утверждал, что «никто в Абхазии не может быть признан землевладельцем; вся земля составляет собственность государства, которое в праве распорядиться ею полновластно, по своему усмотрению и согласно с видами своими»[1] и заявил «о крайней распущенности и безнравственности высшего сословия»[2]. Такое отношение не могло не вызвать недовольства среди феодалов, так как методы Коньяра были направлены против их интересов, а для осуществления своих планов он использовал вооруженную силу. Не менее воинственно он был настроен и по отношению к крестьянству. На одном из сходов он требовал у крестьян дать сведения и пригрозил в случае «если они добровольно не дадут, то он заставит их сделать эти силою оружия».

В рапорте кутаисскому генерал-губернатору Д. И. Святополк-Мирскому Коньяр писал, что целый ряд общин (Мчишнырц, Мугудзырхуа, Дурипш и др.) отказываются давать сведения о повинностях, которые отбывают низшие сословия. Более того, крестьяне заявили, «что зависимым сословиям выкупать самим себя нет ни надобности, ни желания, и что если Правительство хочет освободить их, то оно само обязано принять на себя и выкуп». Не имея возможность применения силы против отказывающих давать сведения из-за отсутствия таковой, В. М. Коньяр отмечает, что «счел за полезное прекратить на время всякое настояние к выполнению со стороны народа каких-либо требований, относящихся до настоящего вопроса». При этом он просил у Святополк-Мирского прислать в Абхазию два батальона, с которыми он сможет «приступить к водворению порядка, не опасаясь даже минутного не успеха». Особо он отмечал, что возникшее волнение «возбуждено влиятельными лицами разных сословий, владеющими крепостными людьми, так как эти лица рассчитывали, что крестьяне их будут освобождены не иначе, как с вознаграждением от казны. Увидевший ошибочность этого расчета, им легко было убедить даже самих крестьян, что, налагая выкуп на их самих, Правительство не только не улучшит их положение, но даже отягощает его, так как независимо от выкупа, они взамен настоящих повинностей будут платить государственную подать»[3].

В следующем рапорте от 23 июля на имя кутаисского генерал-губернатора начальник Сухумского отдела пишет: «Сегодня жители вверенного мне округа сделали народную тревогу; тревога поднята со стороны общины Дберипш по распоряжению Смела Лакера совместно с Солахом Маа-

[1] Документы по истории Грузии. Том I. Ч. I. – Тбилиси. 1954. С. 515.
[2] Материалы … Том III. С. 268.
[3] Материалы … Том III. С. 180 – 181.

ном. По тревоге прибыли в м. Ажичимгра: все жители общин: Дберипш, Джирхва, Багардын и Хоапи. Чтобы узнать с какой целью сделан сбор народа, был послан от меня народный судья Титу Маан, который воротившись объяснил, что их всех расспросив, узнал следующее:

1. Народ выражает неудовольство, что помимо их желания удален владетель их.

2. Народ выражает недовольство, почему Правительство не хочет спросить, желает ли он детей бывшего владетеля допустить остаться в Абхазии на помещичьих правах.

3. От чего Правительство помимо их желания хочет освободить всех от зависимости, и требовать от окружного начальника выдачи всех арестантов, содержащихся за разные поступки в округе.

Все эти заявления и требования будет сделано как только соберется весь округ, и по их расчету все жители округа соберутся завтра или же непременно в понедельник, то есть 25-го сего июля»[1].

Не способствовали успокоению обстановки и действия других царских чиновников и представителей администрации отдела. Так, широкую известность получил случай, когда начальник Бзыбского округа З. Измайлов потребовал, чтобы в его присутствии снимали шапки. Один из присутствовавших, по фамилии Миканба, ответил: «Мы шапки снимаем только в церкви, а святого Измайлов мы ещё не знаем». За дерзкий ответ он был арестован[2].

Еще более резко вел себя член комиссии, титулярный советник А. П. Черепов. Своей грубостью он спровоцировал конфликт в ряде общин Бзыбского округа. Ультимативное требование к крестьянам выдать необходимые комиссии сведения и укор им, что они по наущению князей и дворян говорят, что они их поданные, хотя на самом деле это не так, привел к недовольству как у высших сословий, так и самих крестьян.

Несмотря на просьбу начальника Бзыбского округа З. Измайлова «собирать сведения миролюбивым путем, А. П. Черепов настойчиво, не переменяя своих грубых манер, требовал от окружного начальника, чтобы он принял принудительные меры и заставил население дать требуемые сведения»[3]. Грубые действия чиновника привели к тому, что крестьяне отказывались давать членам комиссии любые сведения, а обстановка все более накалялась.

Таким образом, политический курс В. М. Коньяра и приближенных ему чиновников вызвал неприязнь и откровенную враждебность у всего населения Абхазии.

---

[1] Материалы …Том III. С. 181-182.

[2] Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми. 1990.

[3] Документы по истории Грузии. Том I. Ч. I. – Тбилиси. 1954. С. 61.

Впоследствии кутаисский генерал-губернатор Д. И. Святополк-Мирский назвал в числе административных ошибок, приведших к восстанию, следующие: 1) неудовлетворительный личный состав и неправильные административные действия чинов местных управлений. 2) провоз в Абхазию тела бывшего владетеля. 3) замедление в определении прав членов дома Шервашидзе и 4) неудачный выбор чиновника Черепова и включение в инструкцию, данную ему, одного, по совершенно верному выражению кн. Мирского, неловкого пункта»[1].

В этих условиях начальник Сухумского военного отдела В. М. Коньяр прибыл в Дурипш, где «объявил собравшимся, что правительство намерено освободить зависимые сословия от свободных и что предварительно до освобождения он желает знать, какую повинность несли своим владельцам зависимые от них сословия, прислал чиновника для собирания сведений. Затем объявил: 1 – что они должны сообщить эти сведения чиновнику А. П. Черепову верно со всею точностью, чтобы по ним можно было впоследствии определить выкупную плату зависимых сословий, 2 – выкуп должен быть из собственностей зависимых сословий, переоцененной из натуральных повинностей на деньги, но когда этот выкуп последует с соизволения государя императора, это ему не известно, однако как бы велика или мала ни была выкупная сумма – она будет с рассрочкою, так что правительство не допустит народ разориться…»[2]

26 июля произошли известные события на Лыхненской поляне. Выступавший от имени собравшегося народа эшерский крестьянин Осман Шамба, прямо обвинил В. М. Коньяра: «Со вступлением вашим в управление Абхазиею, вы давите и притесняете нас… Вы подвергаете нас тяжким наказаниям за малейшие наши проступки. Вы столько стесняли и оскорбляли нас, что сердце наше переполнилось терпением, и мы не в силах больше терпеть»[3]. Выступавший попросил отправить абхазскую депутацию к Кавказскому Наместнику, великому князю Михаилу Николаевичу с просьбой не проводить реформу в Абхазии, если же в этом им будет Наместником отказано, разрешить им выселиться в Турцию.

В ответной речи В. М. Коньяр стал угрожать собравшимся: «…Правительство наше желает водворить спокойствие в крае, обеспечить собственность и безопасность всех жителей. Оно не может терпеть дурных людей. Вы достойны более строгих наказаний, потому что вы неоднократно давали слово исправиться, а между тем на деле нисколько не исправляетесь; я объявляю всенародно, что буду строго преследовать всех дурных людей и если бы все абхазцы оказались преступными и достойными наказания,

[1] Материалы… Том III. С. 277-278.
[2] Материалы… Том III. С. 212.
[3] РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74.

то я употреблю все усилия и исходатайствую у высшего начальства разрешение выселить всех их в Россию, а не в Турцию, как это вы желаете; ибо выселиться в Турцию вы сами желаете, а дурные люди достойны, чтобы их наказали, а не исполнили их желания. Подозрение ваше о том, что будто я сам без разрешения высшего начальства приступил к собиранию сведений по крестьянскому вопросу, совершенно неосновательно. В Российской империи не может быть никакого важного распоряжения без соизволения государя императора»[1].

Напряженность в итоге вылилась в открытое возмущение, что привело к началу Лыхненского восстания 1866 года. Полковник В. М. Коньяр, сопровождавшие его чиновники Черепов и Измайлов, 4 офицера и 54 казака были убиты в самом его начале[2].

Даже источники, написанные в основном представителями царской администрации относившиеся резко отрицательно к участникам восстания и вообще к абхазскому населению, тем не менее неоднократно отмечают ошибки В. М. Коньяра и его окружения как один из главных поводов вспыхнувшего восстания.

Несмотря на то, что в ходе следствия была выявлена неблаговидная роль В. М. Коньяра и других чиновников в начале восстания 1866 года, правительство использовало целый ряд его предложений и рекомендаций. Так, основными виновниками восстании было признано абхазское мусульманское дворянство, к которому с крайним недоверием относились начальник Сухумского отдела и его окружение. Неоднократно озвученная А. П. Череповым мысль, что в Абхазии отсутствуют крепостнические отношения, была положена в основу проведенной в Абхазии крестьянской реформы.

Таким образом, мы видим, что помимо объективных причин (усиление национально-колониального гнета), немаловажную роль в начале столь трагического для абхазов Лыхненского восстания сыграл и субъективный фактор – грубость начальника Сухумского военного отдела В. М. Коньяра и других представителей царской администрации и их нежелание изучить особенности уклада абхазской жизни.

[1] РГВИА, ф. 400, оп. 1, д. 74.

[2] Дзидзария Г. А. Восстание 1866 года в Абхазии. – Сухуми. 1955. С. 148.

Е. Г. Гегия

О НАЦИОНАЛЬНО-КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ АБХАЗСКОЙ АССР В 50-Е ГОДЫ XX В.

Национально-кадровая политика КПСС представляла собой систему подбора, расстановки и воспитания работников, призванную обеспечить все участки хозяйственного и культурного строительства советского общества. высококвалифицированными кадрами.

В условиях единой стратегии экономического и политического развития на территории Советского Союза, были факторы, от которых зависело благополучие входивших в его состав республик. Так, национальные интересы отдельных республик часто могли быть учтены лишь в случае заинтересованности в этом партийных руководителей разного уровня.

В Абхазии, которая с 1931 г. была включена в качестве автономии в состав Грузинской ССР, руководящие кадры назначались ЦК КПГ, как правило, из числа грузин.

За 15 лет (1937-1952 гг.) в Абхазской АССР ни один абхаз не занимал должность первого секретаря горкома и райкома партии[1]. Целью подобной кадровой политики было создание Абхазской автономии без активного участия абхазов, что являлось также еще одним методом ассимиляции.

Об отношении к абхазским кадрам со стороны грузинских властей, говорится в воспоминаниях Раждена Хикуба, занимавшего тогда должность зав. военно-физкультурным отделом комсомола. Он пишет: «С переходом на работу в Сухум я ощутимо почувствовал проводимую властями Грузии национальную политику в абхазском вопросе. Первый секретарь Абхазского обкома партии А. И. Мгеладзе при многих его положительных организаторских качествах в вопросе подбора, воспитания и расстановки кадров из числа абхазской национальности занимал такую же позицию, как и руководство ЦК Компартии Грузии. У них у всех на устах звучала одна фраза: «Хороший, но…абхаз». [2]

Однако, поскольку Абхазская АССР де-юре существовала и нельзя было не иметь в аппаратах Обкома партии и Совета Министров работников из лиц абхазской национальности, А. И. Мгеладзе держал по одному работнику для статистики. [3]

---

[1] Лабахуа А. Избранные письма и речи (Сост. М. Лабахуа). – Сухум. 1999. С. 97.

[2] Хикуба Р. К. Воспоминания и размышления – М. 2011. С. 34.

[3] Там же. С. 35.

Лишь после смерти Сталина и расстрела Берия национальная политика, проводившаяся в Абхазии до 1953 г., пересматривается и признается ошибочной. Тогда же происходят небольшие сдвиги и в кадровой политике.

27 июня 1953 г. состоялся Пленум Абхазского обкома, который обсудил Постановление ЦК КП Грузии от 10 июня 1953 г. «О результатах проверки, поступивших в ЦК КПСС и в ЦК КП Грузии заявлений о злоупотреблениях, допущенных некоторыми руководящими работниками Абхазской АССР». В отчете о пленуме сообщалось: «С основным докладом выступил первый секретарь обкома Г. Карчава. В результате порочного стиля работы бывших секретарей Абхазского обкома А. Мгеладзе и Ш. Гетия на протяжении последних лет в Абхазской АССР имели место грубые нарушения советской законности и антигосударственные действия, нанесшие большой ущерб колхозам, государственным предприятиям, учреждениям и отдельным гражданам. Проверка заявлений, поступивших в ЦК КПСС и в ЦК КП Грузии, показала также, что Мгеладзе, Гетия и некоторые другие руководящие работники партийных и советских органов Абхазии грубо попирали права советских граждан, использовали свое положение в корыстных целях.... Члены бюро обкома М. Делба, И. Тускадзе, А. Кандария мирились с этой порочной практикой, проявили политическую слепоту, не оказались на высоте требований, предъявляемых к членам руководящего партийного органа». Карчава сообщил участникам пленума, что за антипартийные и антигосударственные действия, беззаконие и произвол Мгеладзе привлечен к партийной ответственности, а Гетия исключен из рядов КПСС. ... Выступившие в прениях Председатель Совета Министров Абхазиим. Делба и министр культуры И. Тускадзе признали допущенные ими ошибки и дали слово исправить их в практической работе». [1]

На протяжении 50-х годов большую часть министерских должностей занимали грузины. Однако в результате кадровых перестановок в числе вновь назначенных министров оказалось несколько абхазов: Председатель государственной плановой комиссии Алания С. Н. – в должности зам. Председателя Совета Министров, еще одним зам. Председателя Совета Министров и Председателем Госплана Абхазской АССР был назначен Акшба Э. М., министром культуры Абхазской АССР – Кварчелия В. Д.

Тогда же, впервые за долгое время среди руководителей Абхазской АССР высшего ранга оказываются кадры абхазской национальности, отстаивающие интересы своего народа. Среди таких назначений наиболее яркими были: А. Т. Отырба – на должность заведующего отделом пропаганды и агитации Абхазского обкома КП Грузии (19 июня 1953 г.), и А. М. Лабахуа – на должность Председателя Совета Министров (2 октября 1953 г.). Долж-

[1] Газ. «Советская Абхазия», №126, 30 июня 1953 г.

ность же Первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии абхазу не доверили, им стал Гегешидзе Г. А.

Учитывая условия советской системы, названные абхазские кадры по возможности отстаивали национальные интересы своего народа.

19 сентября 1953 г. на заседании пленума ЦК КП Грузии А. Т. Отырба, выступавший от Абхазской АССР, открыто озвучил те нарушения национальной политики, которые имели место в Абхазии на протяжении длительного времени, не мог он обойти вниманием и кадровый вопрос. А. Отырба подчеркивал: «…Кадровая политика в Абхазии характеризуется пренебрежением местными абхазскими специалистами: При наличии местных кадров, которые работают и в Москве, и в Тбилиси, и в Прибалтике, и в Крыму, и на Северном Кавказе, в течение целого ряда лет к нам (из Грузии) завозятся работники большими партиями 700-800 человек, включая и парикмахеров. Я считаю, что это положение также является результатом грубого извращения политики партии в (национальном вопросе)». [1] Это выступление вызвало большой резонанс.

Аналогичного содержания были и выступления Председателя Совета Министров А. М. Лабахуа, который предлагал поэтапное исправление нарушений, имевшихся во всех сферах от экономики до культуры.

Так на 22 Абхазской областной партконференции в январе 1954 г. А. Лабахуа отмечал важность подготовки национальных кадров: «Мало абхазов инженеров, техников, врачей, агрономов и других специалистов».

Неоднократно он обращался в Президиум ЦК КПСС, предлагая «… выдвинуть новые кадры на партийную, советскую и хозяйственную работу. В этих целях направить на работу в Абхазию 60-80 человек специалистов разных профессий из абхазцев, ныне работающих в других районах страны. Пересмотреть состав аппарата министерств и ведомств Абхазской АССР и пополнить их достаточным числом работников из коренных национальностей, подбирая их по деловым и политическим качествам. Во всех республиканских органах Абхазии, в гг. Сухуми, Ткварчели, районах Гагрском, Гудаутском, Очамчирском, делопроизводство вести на русском языке. … Увеличить штат научных сотрудников. Открыть в 1955 г. в г. Сухум абхазскую среднюю школу с интернатом на 500 человек для детей колхозников – абхазцев»[2].

Реализация этих предложений ускорила бы процесс исправления нарушений национальных прав и способствовала бы развитию республики.

Положение с кадрами в министерствах на сентябрь 1954 г. выглядело следующим образом. В Министерстве сельского хозяйства Абхазии из 76 сотрудников, 42 были грузины, 6 абхазов; в Министерстве торговли из

[1] Колбая Г. Н. Слово об Аслане Отырба // Ж-л. – «Аҟәа-Сухум». 2016, № 1. С. 317.

[2] Лабахуа А. Избранные письма и речи (Сост. М. Лабахуа). – Сухум, 1999. С. 94.

16 – 10 грузин, 1 абхаз; таково примерно положение и в министерствах здравоохранения и местной промышленности. В аппарате Сухумского городского Совета депутатов, трудящихся (всего в аппарате 32 человека) абхазцев – 3, грузин – 26, русских – 2, армян – 1, а в исполкоме абхазов – 2, грузин – 10, русских – 1 человек. А. Лабахуа с негодованием уточнял, «что это имеет место в столице Абхазской АССР – городе Сухум»[1].

Необходимость знания грузинского языка стало еще одним препятствием в вопросе выдвижения на государственную службу абхазов, русских, армян.

10 июля 1956 г. Президиумом ЦК КПСС было принято Постановление «Об ошибках и недостатках в работе ЦК КП Грузии», обязывающее ЦК КП Грузии решительно и до конца исправить те извращения национальной политики, в частности, по абхазскому вопросу.

16 августа 1956 г. состоялся актив Абхазской организации КП Грузии, на котором обсуждалось Постановление Президиума ЦК КПСС от 10 июля 1956 г. «Об ошибках и недостатках в работе ЦК КП Грузии, и задачах, стоящих перед Абхазской областной организацией КП в свете указанного постановления».

Выступая на активе, Лабахуа А. М. констатировал, что «ликвидация извращений «национальной политики» в Абхазии идет неудовлетворительно[2].

В 1956 г. на номенклатурные должности Обкома и ЦК были выдвинуты 98 абхазов, 40 армян и 23 русских. [3]

Анализируя вопросники выступлений А. М. Лабахуа за 1957г. можно сделать вывод, о том, что многие названные проблемы не получили своего разрешения. Однако такие важные должности, как секретарь обкома партии, Председатель ГКБ, Прокурор республики по-прежнему занимали тбилисские наместники.

В 1957 г. обстановку в республике обострили появившиеся в периодической печати хвалебные статьи рецензии на книгу П. Ингороква «Георгий Мерчуле». В данной работе, вышедшей еще в 1954 г., абхазский народ представлялся одним из «грузинских племен».

Вновь развернувшаяся вокруг этой книги дискуссия, привела к многочисленным сходам народа в селах и районах Абхазии. Абхазские депутации направлялись в Абхазский обком партии с требованием опровержения хвалебных статей на книгу П. Ингороква, отказа от участия абхазов в предстоявших апрельских днях «Декады абхазской культуры и искусства» в Тбилиси, вывода Абхазской АССР из состава Грузинской ССР. [4]

---

[1] Лабахуа А. Избранные письма и речи (Сост. М. Лабахуа). – Сухум, 1999. С. 102.

[2]Лежава Г. П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX-XX вв.). – Москва, 1997. С. 152.

[3] Лабахуа А. Избранные статьи и речи (Сост. М. Лабахуа). – Сухум, 1999. С. 120.

[4] Марыхуба И. Р. Очерки политической истории Абхазии. – Сухум. 2000. С. 53.

12 апреля 1957 г. Бюро ЦК КП Грузии рассмотрело вопрос «Об ошибочной дискуссии организованной журналом «Мнатоби» по книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле». Отмечалось, что «… в книге неверно трактуются коренные вопросы исторического процесса абхазского народа». [1] Тогда же там с критикой данной лженаучной теории выступили специалисты из Абхазии историк З. В. Анчабадзе, филолог Х. С. Бгажба, а также из Грузии К. Ломтатидзе и др. Вскоре эти выступления были опубликованы в виде научных статей[2].

Здесь же, секретарь Абхазобкома Тарба И. К. и Лабахуа А. М. заявили о необходимости переноса даты проведения в г. Тбилиси декады абхазской литературы и искусства, которая должна была открыться 20 апреля 1957 г.

Неоднократно с резкой критикой П. Ингороква и его единомышленников, выступал и А. Отырба.

Проявлявшие активность в вопросах национального строительства в Абхазии А. Т. Отырба и А. М. Лабахуа стали неугодны руководству Грузии. А. Лабахуа был переведен на работу в Тбилиси. 25 мая 1957 г. он был освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров Абхазской АССР и назначен заместителем Председателя Совета Министров Грузинской ССР.

Была предпринята попытка перевести в Тбилиси и А. Т. Отырба на пост заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП Грузии. Но он отказался, и, несмотря на партийную вертикаль, сумел настоять на своем. [3]

Однако его все же перевели с идеологической работы в областном комитете партии в заместители Председателя Совета Министров Абхазской АССР, отвечающего за народное образование, культуру и социальные вопросы.

Следует отметить, что А. Т. Отырба и А. М. Лабахуа стали неугодными в Абхазии также в связи с их позицией по поводу дискуссии, развернувшейся вокруг антиабхазской публикации Ингороква в 1957г., и переноса даты проведения в Тбилиси декады абхазской литературы и искусства.

Тогда же (28 ноября 1957 г.) несколько абхазов были назначены: Акаба Н. Р. – министром юстиций, Аргун М. М., ранее занимавший эту должность, – секретарем Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, Чукбар Г. И. – Министром Просвещения Абхазской АССР[4].

---

[1] Лежава Г. П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX-XX вв.). – Москва, 1997. С. 168.

[2] Анчабадзе З. В. Вопросы истории Абхазии в книге П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель X века». С. 261-268; Бгажба Х. С. Некоторые вопросы этнонимики и топонимики Абхазии. С. 279-303.

[3] Колбая Г. Н. Слово об Аслане Отырба // Ж-л. «Аҟәа-Сухум». 2016, №1. С. 320-321.

[4] Газ. «Советская Абхазия», №235, 29 ноября 1957 г.

Председателем Совета Министров Абхазской АССР на короткий срок был назначен М. Т. Бгажба, ранее работавший на ответственной должности в Москве. Однако вскоре Указом Президиума Верховного Совета от 13 января 1958 г. его освободили от должности и назначили на его место Чикованим. Г.

М. Т. Бгажба был переведен на главную тогда должность первого секретаря обкома, которую до 1958 г. занимали исключительно грузины.

Другие кадровые перестановки в этот период включали освобождение просветителя абхазов А. М. Чочуа по возрасту от должности Председателя Президиума Верховного Совета Абхазии и назначение на эту должность Б. В. Шинкуба в январе 1958 г.

8 апреля 1959г. Постановлением Верховного Совета Абхазской АССР было образовано Правительство Абхазской АССР. В него вошли абхазы: зам. Председателя Совета Министров Отырба А. Т., министр внутренних дел Аршба П. Г., министр культуры Кварчелия В. Д., министр просвещения Чукбар Г. И., министр сельского хозяйства Арджения М. С., министр социального обеспечения Какалия И. К.[1]

В связи с тем, что вопросы назначения на ключевые должности решались в ЦК КП Грузии, абхазы долгое время были отстранены от управления в автономной республике. Руководство в Абхазской АССР осуществляли грузинские кадры, которые проводили политику, направленную на ассимиляцию абхазов. Лишь после 1953 г. стали наблюдаться некоторые изменения в кадровой политике. Однако только в 1958г. впервые абхаз М. Т. Бгажба был назначен на должность первого секретаря Обкома, а активные защитники национальных интересов, как и прежде, не допускались на ответственные посты.

[1] Газ. «Советская Абхазия», №71, 10 апреля 1959 г.

А. Э. Агрба

О ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ АБХАЗИИ (1937 – СЕРЕДИНА 1950-Х ГОДОВ) (к постановке вопроса)

Заселение Абхазии неабхазским населением началось примерно с 1810 года, когда с ее территории выселилось около пяти тысяч человек.

В основном это были те, которые выступали против влияния Российской империи, в состав которой 1810 году вошла Абхазия. Письменные источники XIX века, в том числе и грузинские, не ставили под сомнение автохтонность домахаджирского населения Абхазии. Так, в грузинском журнале «Иверия» от 1881 г., №11, с. 95, говорилось, что «Четыре года тому назад в Абхазии жили абхазы». Двумя годами позже газета «Дроеба» констатировала, что «Абхазия, как подсказывает само название местности, принадлежала и принадлежит абхазам»[1].

Однако последовавшие после 1810 года события и продолжавшиеся вплоть до 90-х годов XX века периоды выселения абхазов как последствия этих событий еще больше усилили миграционную волну с территории Грузии, что и привело к современному изменению этнического состава Абхазии, и изменению в конечном счете представления пришлого населения об ее истории.

С восстановлением советской государственности абхазов 31 марта 1921 года в форме Советской Социалистической республики (ССР) Абхазия появилась надежда этнокультурного и демографического возрождения коренного народа страны. Однако политические, миграционные, «культурно-просветительские» и иные процессы последующих периодов истории Абхазии поставили под угрозу будущее абхазского этноса. Ситуация, связанная с переселением грузин в Абхазию, радикально изменилась после включения Абхазии на правах автономии в состав ССР Грузия (1931 г.), особенно со второй половины 30-х годов, после отравления в Тбилиси лидера республики Н. А. Лакоба (декабрь 1936 г.). Наконец властям Грузии предоставлялась возможность реализовать на практике мечту предыдущих поколений грузинских шовинистов о массовом этническом освоении Абхазии.

---

[1] Багапш Н. В. Этнодемографическое развитие Абхазии: территориальный аспект. – М., 2010. С. 55.

Качественно новый этап планомерного массового переселения грузин в Абхазию стал осуществляться с 1937 года Народным комиссариатом земледелия Грузинской ССР, на волне репрессивной вакханалии, когда было ликвидировано фактически все руководство Абхазской республики и заменено грузинскими кадрами. На этот раз инициатором данного преступления был лидер грузинских коммунистов небезызвестный Л. П. Берия[1], отравителя Н. А, Лакоба.

Созданная им мощная переселенческая структура – трест «Абхазпереселенстрой», приступила к строительству моноэтнических грузинских спецпоселений. Помимо пустующих земель, в нарушение существующих законов, у абхазских сел отбирались земельные участки, куда и заселяли крестьян-переселенцев из различных регионов Грузии. Переселение носило как добровольный, так и насильственный характер.

С 1937 по 1941 год было организовано 10 переселенческих колхозов. Результатом переселенческой политики, проводимой руководством Грузии с 30-х годов XX века на территории Абхазии, стало то, что к началу 1990-х годов абхазов на своей исторической родине оказалось меньше по отношению к грузинам. Переселяя грузин в Абхазию, грузинская метрополия добивалась захвата абхазских земель и ассимиляции абхазов растущей грузинской этнокультурной массой. Новоявленные «хозяева» Абхазии грузинской национальности постарались запамятовать, что всего полвека назад с этих земель депортировали коренных жителей – абхазов, считая «большим достоянием» освоение «веками неосвоенных» земель.

«По инициативе любимого сына грузинского народа товарища Л. П. Берия, – говорится в одном из документов того периода, – в Абхазию переселяются из малоземельных районов Грузии тысячи крестьянских хозяйств, которые осваивают огромное количество веками «неосвоенных земель»[2]. В Абхазии в течение двух лет было создано семь переселенческих колхозов.

В период с конца 1937 года по 1 января 1940 года было организовано 7 переселенческих колхозов на Черноморском побережье Абхазии, где построено 990 домов, в которые поселили 609 крестьянских семей, привезенных из различных районов Грузии[3].

Денег на переселение не жалели. Так, на строительство вышеназванного количества домов и создание спецпоселений было потрачено 12489500 рублей. В том числе: на строительство дорог – 297500 руб., раскорчевку – 306200, мелиоративные работы – 144500, составление генплана и «изыскания» – 122800, расходы по переселению – 227900 рублей. Кроме того,

---

[1] Газ. «Советская Абхазия», 26, 27, 30 июня 1940 г. // Абхазия: документы свидетельствуют…1937-1953. – Сухум. 1992. С. 75.

[2] Абхазия: документы свидетельствуют…1937-1953. – Сухум, 1992. С. 51-52.

[3] Там же.

567100 рублей было отпущено на хозяйственное устройство крестьян. Итого, общая сумма составила 13056600 рублей. Среди переселенческих поселений, по количеству поселенцев, выделялись колхозы: им. Л. Берия села Киндги Очамчырского района (180 семей, 810 чел.); им. Бакрадзе с. Адзюбжа того же района (260 семей, 1126 чел.); им. Орджоникидзе с. Бамбора Гудаутского района (100 семей, 450 чел.) [1].

Говоря о массовых выселениях, нужно сказать, что по указанию Сталина и его команды чистки проводились не только в Абхазии, но и в других районах СССР. Так в 1942 году были выселены греки и иностранные поданные из Краснодарского края, Ростовской области и частично из Крыма – 8300 чел. [2] Проводя этническую чистку в Абхазии, грузины выселяли не только греков и турок, но и русских и украинцев. К 50-м годам фактически прекратили свое существование русско-украинские села Абхазии – Полтавское, Черниговское и др. Следовательно нужно сказать, что выше изложенные факты свидетельствуют об опустошении Абхазии не только от абхаз, но и от других национальностей.

Основополагающими правительственными документами для массовой переселенческой политики послужили постановления ЦК ВКПБ (б) и СНК СССР от 17 мая 1939 года «О создании переселенческого Управления при СНК СССР». Переселенческие отделы создавались при СНК союзных и автономных республик. Начальником такого отдела при СНК Грузии был назначен В. Рапава, а при СНК АССР Абхазии – Джганджгава.

Под председательством Предсовнаркома Грузинской ССР В. Бакрадзе 20 октября 1939 года был рассмотрен проект плана сельскохозяйственного переселения на 1940 год в многоземельные районы Абхазской АССР. По данному плану предусматривалось переселить в Абхазию 700 хозяйств. Стоимость мероприятий, связанных с этим, определялось 28,9 млн. руб.

Нужно подчеркнуть, что правительство Грузии при поддержке Сталина, не жалело большие денежные средства на запланированную ассимиляцию Абхазии. В пояснительной записке к плану переселения на 1940 г. говорилось: «Переселение колхозников и единоличников в Абхазскую АССР производиться в целях использования большого количества свободных земель, которые не могут быть освоены населением ввиду недостаточности трудовых ресурсов». В 1940 году предусматривалось заселение существующих и вновь организуемых колхозных поселений Абхазии: на территории сел Киндги, Адзюбжа, Атара Абхазская, Акваска Очамчирского района и сел многих других районов Абхазии. Кроме того для размещения текущих потоков переселенцев начались выкорчевывать леса и осушать болота.

---

[1] Там же. С. 66.

[2] Ачугба Т. А. К обоснованию статуса «грузинских беженцев». – Сухум. 2006. С. 16.

Следует уточнить характер, форму и методы осуществления переселенческих мероприятий. С самого начала массового переселения руководители ЦК КП Грузии и СНК республики столкнулись с серьезными трудностями – свободных земель оказалось очень мало. Организаторы этого мероприятия не учли одного важного фактора: две третьих территории Абхазии заняты горами.

В первые 2-3 года начальных этапов грузинской миграции в АССР Абхазии были исчерпаны свободные земли. Но отступать от поставленных задач уже было нельзя, так как этот вопрос находился под особым контролем НКВД СССР и лично Берия.

В связи с непрекращающимися массовыми переселениями с территории Грузии возникает вопрос: добровольно ли это происходило? Хотели ли сами переселенцы покидать родные места, на которых проживали в течении нескольких поколений? Конечно, нет. Переселение проводилось преимущественно насильственными методами. ЦК КП Грузии, правительство Грузинской ССР и Абхазской АССР проводили усиленную пропагандистскую и организаторскую работу среди жителей западных районов Грузии. Например, партийные и советские органы Абхазии во главе с Барамия и Чичинадзе в одном из писем в ЦК КП Грузии и СНК республики писали: «Просим дать указание районам Западной Грузии, желающим переселиться в Абхазию, не чинить препятствия и по возможности оказывать помощь в предоставлении транспорта и реализации на месте их имущества». И таких фактов, говорящих о беззаконном переселении в Абхазию, было очень большое количество. Так, начальник Главного управления МСХ ГССР по переселению Нарсия писал, что грубо нарушались правила подбора контингента переселенцев, имели место нарушения принципа добровольности при переселении. [1]Помимо изложенных фактов о насильственном переселении в Абхазию говорит и то, что многие переселенцы убегали обратно в родные районы, не рассчитавшись с государством за расходы, затраченные на строительство переселенческих домов. В письме СНК Абхазии от 14 апреля 1942 года в адрес правительства Грузинской ССР указывалось, что на 1 марта 1942 года за 152 хозяйств переселенцев, возвратившихся обратно в родные края, числится долг в размере 97. 920 руб. и 46 тонн кукурузы.[2] Кроме того, на перевозку указанных хозяйств за счет бюджета Абхазской АССР было израсходовано 83. 700 руб. СНК Абхазии просил правительство Грузии принять соответствующее решение по возвращению расходов, но всю вину за массовый уход переселенцев, без всякого основания, переложил на Очамчирский и Гудаутский исполнительные комитеты.

---

[1] Ментешашвили А., Сургуладзе А. Только факты и документы// Литературная Грузия. 1989, №11. С. 8

[2] Абхазия: документы свидетельствуют…1937-1953. – Сухум. 1992. С. 99.

Плановое переселение с территории Грузии в Абхазию продолжалось до середины 50-х годов. Не прекращался процесс переселения грузин и в течение всего периода ВОВ. Так, например, 2 сентября 1941, в разгар ожесточенных боев с немецкими оккупантами, Совет Народных Комиссаров Грузинской ССР принял Постановление «Об отрезке излишек неосвоенных земель от 12 колхозов Абхазской АССР и передаче их вновь организованным колхозам из переселенческих хозяйств»[1]. Примечательно, что данное постановление требовало подтверждения союзного правительства, на что немедленно положительно отреагировала «Сталинская» Москва. Совнарком СССР своим Распоряжением под №9821 от 10 октября 1941 года разрешил Совнаркому Грузинской ССР «изъять 4544,69 га неосвоенных земель от 12 колхозов Очамчирского и Гудаутского районов Абхазской АССР для наделения пяти вновь организованных колхозов из переселенческих хозяйств..» [2]. На основании данного документа, у колхозов «Красная дача» и «Красная Адзюбжа» Адзюбжинского с/с Очамчирского района были отрезаны в пользу переселенческого колхоза им. Бакрадзе соответственно 89,75 га и 68 га земли, в том числе, 18,85 га тунговых плантаций; колхозы «Красная Акваска» и «Цхенис цкали» Акваскинского с/с вновь созданным переселенческим колхозам передали соответственно 389,05 га (в том числе 20,4 га чайных плантаций) и 511 га земельных угодий.[3] Еще больше пострадал колхоз «Красный Киндги» Киндгского с/совета, который вновь организованному переселенческому колхозу передал 1566,8 га.

Таким же образом были отобраны земли у абхазских сел Гудаутского района. Например, колхоз «Алашара» Мгудзырхвского с/с переселенческому колхозу им. Орджоникидзе передал 562,71 га земли, колхоз им. Берия Звандрипшского с/с переселенческому колхозу им. Сталина был вынужден уступить 208,66 га, в том числе, 1 га тунговых плантаций, 0,5 га фруктового сада и 5 га виноградника. [4]Пострадали и другие села, тогда еще компактно заселенные абхазами. Как правило, эти отрезанные участки передавались переселенцам «на вечное пользование», что указывалось и в официальных документах. Данное постановление и другие аналогичные решения вышестоящих директивных органов власти однозначно сужали возможности нормального жизнеобеспечения коренного этноса – абхазов. В период войны, 12 января 1942 года, секретарь Абхазского обкома КП (б) Грузиим. Барамидзе и председатель СНК Абхазской АССР К. Чичинадзе обратились к секретарю ЦК КП (б) Грузии К. Чарквиани и председателю СНК Грузии В. Бакрадзе с просьбой об активизации мероприятий по от-

[1] Абхазия: документы свидетельствуют… С. 100.
[2] Там же. С. 105.
[3] Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XI-XX вв.
[4] Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XI-XX вв.

бору и переселению людей из Грузии в Абхазию [1]. Из этого же документа выясняется, что к тому периоду в различных переселенческих колхозах Абхазии 111 домов были готовы к приему новых поселенцев, а 226 домов находились на стадии завершения. Кроме того, в Сухумском районе в резерве было еще 88 домов немцев – крестьян, высланных из Абхазии. Несмотря на все усилия властей Абхазии и Грузии, переселенческий процесс в ходе военных событий, испытывал большие сложности, но это не останавливало грузинских руководителей[2]. О том, что руководство Грузии и Абхазии, несмотря на объективные и субъективные препятствия, настойчиво заботилось во время войны о продолжении переселенческого процесса лишний раз свидетельствуют Постановление СНК Грузинской ССР №662 от 14 июня 1944 года «О плане сельскохозяйственного переселения на 1944 год» и Постановление СНК Абхазской АССР №413 от 29 августа 1944 года «О плане переселенческих мероприятий по Абхазской АССР на 1944 год» и др.

С окончанием Великой Отечественной войны, переселение грузин в Абхазию принимает особо массовый характер. В одном из секретных писем от 30 мая 1945 года нарком госбезопасности Абхазии И. А. Гагуа сообщал, что в течение 1945 – 1946 годов в Очамчирский, Гудаутский, Гагрский и частично Сухумский районы будет переселено 1500 семей из Грузии[3].

17 августа 1945 г. СНК ГССР и ЦК КП (б) Грузии приняли Постановление «О развитии многолетних культур в переселенческих колхозах Абхазии». На основании этого документа, в связи с увеличением числа переселенцев из Грузии, у местных абхазских сел вновь стали отнимать земельные участки и передавать переселенческим колхозам – для закладки новых цитрусовых плантаций и прочих многолетних культур. На основании этого же постановления, СНК Абхазской АССР 12 января 1946 г. изъял земельный участок в размере 11,0 га из состава земель колхоза «Алашара» Мгудзырхвского с/совета в пользу переселенческого колхоза им. Руставели Ахали-Сопельского с/совета для размещения новых цитрусовых насаждений.

Как правило, в связи с неплатежеспособностью переселенческих колхозов, передача земли производилась без компенсации. Постановлением от 9 апреля 1946 г. СНК Абхазской АССР изъял 10,0 га земли у колхоза «Большевик» Моквского с/совета Очамчирского района для безвозмездной передачи под закладку новых цитрусовых насаждений переселенческому колхозу иМ. Молотова Цагерского сельского совета[4].

---

[1] Абхазия: документы свидетельствуют… С. 106-107.

[2] Абхазский архив. XX век. Вып. 1. Сост. Лакоба С. З., Анчабадзе Ю. Д. – М. 2002. С. 102.

[3] Абхазский архив. С. 105.

[4] Зухба М. И. К особенностям формирования национально-освободительной борьбы абхазского народа за независимость (1931-1989 гг.)

Последняя переселенческая волна прибыла в Абхазскую АССР в 1956 году в количестве 145 хозяйств: это были переселенцы из Кабардино-Балкарской АССР и районов Карачаево-Черкесской автономной области, куда они были ранее заселены по указанию Берия. Постановлением Совета Министров Абхазской АССР от 27 апреля 1967 года с них была списана задолженность в сумме свыше 136 тыс. руб. по непогашенным ссудам, полученным на строительство домов.

За период с 1937 по 1953 годы на строительство домов переселенцев был использован долгосрочный кредит Сельхозбанка в сумме 191 млн. руб., из которых за переселенцами на1 января 1954 год числилось 37млн. руб., в том числе, 18 млн. руб. с просроченной задолженностью. За это время только «Абхазпереселенстроем» построено 3,378 домов, 4 школы, 6 зданий правлений колхозов, сооружено 14 водопроводов протяженностью 102 км. и 143,4 км. дорог[1]. География и структура расселения грузинских переселенческих поселений в районах проживания преимущественно с абхазским населением, в частности, компактность, мононациональность, расположение их между и внутри абхазских сел, вдоль автомобильных и железнодорожных путей и т. д., при мирном развитии событий была рассчитана на деэтнитизацию коренного населения, а в случае сопротивления абхазов ассимиляционной политике грузинских властей – на них возлагались военно-стратегические функции. Согласно современному международному праву, эти поползновения квалифицируются как геноцид. Положение абхазов усугублялось и тем, что в Абхазии к этому периоду фактически уже окончательно была репрессирована вся интеллектуальная элита нации, под запретом оказалось функционирование абхазских школ, были закрыты газеты и журналы, искоренялась абхазская топонимия, обширно фабриковалась фальсифицированная история абхазского народа[2].

Таким образом, в рассматриваемый период в истории Абхазии осуществлялась политика, направленная на искусственную ассимиляцию абхазского населения, благодаря которой абхазы оказались на своей исторической родине в абсолютном меньшинстве. В связи с малочисленностью титульной нации по сей день возникают проблемы, связанные с территориальными претензиями Грузии.

---

[1] Ачугба Т. А. Этническая история абхазов XI-XX вв.

[2] История Абхазии. – Сухум. 1991. С. 358-360.

Н. И. Медвенский

25-Й ПОГРАНИЧНЫЙ ПОЛК ВОЙСК НКВД В БОЯХ НА САНЧАРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ (август – октябрь 1942 г.).

В 2018 г. исполнилось 75 лет с момента окончания битвы за Кавказ. В одном из наиболее масштабных и кровопролитных сражений Великой Отечественной войны против фашистской Германии и ее сателлитов сражались представители всех видов и родов Вооруженных Сил СССР. Значительный вклад в оборону Кавказа внесли и войска НКВД, которые принимали непосредственное участие в боевых действиях, выполняли задачи по охране тыла действующей армии, особо важных промышленных предприятий, железных дорог, госучреждений, линий правительственной связи, обеспечивали общественную безопасность, конвоировали военнопленных и заключенных, боролись с разведывательно-диверсионными группами противника. Вместе с тем, уже после окончания битвы за Кавказ войска НКВД претворяли в жизнь решения партийно-государственного руководства страны по насильственному выселению некоторых горских народов (чеченцев, ингушей, карачаевцев) за пределы региона. Поэтому не удивительно, что зачастую сам факт вхождения этих войск в структуру Народного комиссариата внутренних дел вызывал у отечественных и зарубежных историков отрицательные эмоции, нередко способствуя формированию исключительно негативной оценки всей их деятельности. Существовавшие на протяжении десятилетий закрытость проблемы и ограниченный доступ к источникам, часть которых хранилась или продолжает храниться под грифом «Секретно», лишь усиливали распространение подобных представлений. И только после распада Советского Союза многие, ранее не известные эпизоды боевой деятельности пограничных войск НКВД стали достоянием исторической науки и широкой общественности.

Одним из малоизученных аспектов битвы за Кавказ является участие 25-го пограничного полка войск НКВД в боевых действиях на Санчарском направлении. Исключительно в общих чертах о нем упоминается в работах дважды Героя Советского Союза, бывшего командующего 47-й, а затем 18-й армией Андрея Гречко, кандидата исторических наук Владимира Бекишвили и старшего научного сотрудника Института военной истории Министерства обороны СССР, доктора исторических наук Хаджи-Мурата

Ибрагимбейли[1]. Определенный вклад в исследование проблемы внесли ставропольские публицисты Владимир Гнеушев и Андрей Попутько, которые опубликовали ряд ценных свидетельств пограничников, участвовавших в боях на означенном участке фронта[2]. Более системно, на основе документов из Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, роль означенного полка в боях за хутор Решевей, урочище Цибишха и перевал Чамашха освещена в трудах кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа АНА Валико Пачулия и историка Анатолия Боброва[3].

Настоящая статья основана, главным образом, на анализе документов и материалов по истории 25-го пограничного полка, ранее хранившихся в Музее пограничных войск и внутренней охраны МВД СССР (ныне – Центральный пограничный музей ФСБ России), а в настоящее время находящихся в Российском государственном военно-историческом архиве. 21 декабря 2017 г., в ходе проведения в г. Сухум Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию битвы за Кавказ, их отцифрованные копии были переданы автору этих строк заместителем начальника Пограничного управления ФСБ России в Абхазии, полковником Мухлисом Атабаевым. В их числе – «Материалы о боевой деятельности 25-го погранполка войск НКВД 1942–1944 гг.», «Описание боевых действий 25-го Краснознаменного погранполка войск НКВД за два года Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июнь 1943)», приложенные карты и схемы боевых действий полка на Санчарском направлении, стенографическая запись беседы с командиром 25-го пограничного полка, полковником Василием Архиповым и др. В переданных материалах обильно цитируются приказы, распоряжения, боевые донесения и отчетные документы означенного временного периода. Целью статьи является подробное освещение боевого пути 25-го пограничного полка НКВД на Санчарском направлении, попытка оценки его действий по выполнению служебно-боевых задач в условиях горно-лесистой местности, а также раскрытие вклада бойцов, командиров и политработников полка в срыве планов немецкого командования на данном участке фронта.

25-й пограничный полк был сформирован на основе 25-го Кагульского пограничного отряда НКВД. Перед началом Великой Отечественной во-

---

[1] Гречко А. Битва за Кавказ. – М., 1967. С. 145; Бекишвили В. Оборона кавказских перевалов. 1942-1943 гг. – Тб., 1977. С. 81; Ибрагимбейли Х. М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. – М., 1977. С. 122.

[2] Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского ледника. – Ставрополь, 1975. С. 307-317.

[3] Пачулия В. Абхазия в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). – Сухум, 2015. С. 69-79; Бобров А. Загадки Псху. – М., 2017. С. 49-59.

йны 1941-1945 гг. отряд в составе четырех комендатур, включавших в себя 20 линейных и 2 резервных заставы, нес службу по охране участка государственной границы с Румынией по р. Прут протяженностью в 222 км. По состоянию на 21 июня 1941 г. отряд был укомплектован личным составом на 94,3%, что составляло 1373 чел. Из них: старшего и среднего начсостава – 178 чел., младшего начсостава – 247 чел., рядового состава – 948 чел. Начальником отряда являлся майор Сергей Фадеев, заместителем начальника отряда по политической части – старший политрук Алексей Курбатов, начальником штаба отряда – майор Василий Архипов[1].

С 22 июня по 2 июля 1941 г. отряд вел активные боевые действия против румынских и немецких войск, стремившихся форсировать р. Прут. По советским данным, за этот период пограничниками было уничтожено 3047 и пленено 75 солдат и офицеров противника, при этом собственные потери составили 357 чел. убитыми, ранеными и пропавшими без вести. 2 июля отряд, согласно приказу начальника войск НКВД Южного фронта, был выведен из зоны боевых действий и приступил к выполнению задач по охране тыла действующей армии. До 5 августа отряд оборонял г. Бендеры, железнодорожную станцию Затишье и село Цебриково, а с 12 августа – г. Николаев.

16 октября на основании приказа наркома внутренних дел СССР №001379 от 25 сентября 1941 г. «О расформировании и переформировании пограничных частей войск НКВД» отряд был переформирован в 25-й пограничный полк войск НКВД СССР. 5 ноября его командиром был назначен майор Василий Архипов, военным комиссаром – батальонный комиссар Алексей Курбатов, начальником штаба – майор Сергей Мартынов. С января по июль 1942 г. полк продолжал нести заградслужбу и вести контрразведывательную работу в полосе действия 56-й армии Южного фронта (Куйбышево – Таганрог; Красный Сулин – Новошахтинск – Ростов-на-Дону)[2]. Командование войск НКВД поставило перед полком следующие задачи: а) Наведение строжайшего порядка и обеспечение бесперебойной работы тыла; б) Оборона коммуникаций войск фронта; в) Борьба с авиадесантами и мотомеханизированными войсками противника, появляющегося в тылу войск фронта; г) Ликвидация диверсионных и мародерских групп; д) Ловля дезертиров; е) Обеспечение бесперебойной работы связи; ж) Борьба со шпионажем.

16 июля штабом полка был получен приказ о занятии переправ через р. Дон. Оперативное распоряжение за №ОП/1/001993 гласило: «Для организации обороны, службы заграждения и обеспечения жесткого порядка движения на переправах через р. Дон передислоцировать 3-й стрелковый

[1] РГВА. Ф. 38724. Оп. 46. Д. 4. Л. 1.
[2] Там же. Л. 34.

батальон, штаб и спецподразделения 25 Погранполка на рубеж: справа – Ведерниковский, слева – Раздорская». В эти дни отступающие части и соединения Южного фронта устремились к переправам, где складывалась тяжелая и напряженная обстановка. На правом берегу р. Дон скопились сотни автомашин, повозок, танков, артиллерийских орудий, тысячи беженцев, гурты скота. Пограничники приняли решительные меры по наведению порядка, поэтому переправа войск, техники, военного имущества и гражданского населения через р. Дон стала проходить организованно. Переправившись на левый берег, 1-й и 2-й стрелковые батальоны полка продолжили нести службу заграждения, в то время как 3-й стрелковый батальон вплоть до 24 июля успешно оборонял Раздорскую переправу. Затем, временно войдя в оперативное подчинение командира 295-й стрелковой дивизии, вплоть до 31 июля этот батальон вел боевые действия за хутора Сусатский, Калинин, Средне-Сарайский и Нижне-Солнечный. Командованием батальона было заявлено об уничтожении 726 солдат и офицеров противника, 2 танков, 7 танкеток, 4 бронемашин и 7 минометов при собственных потерях в 23 убитых, 27 раненых и 26 пропавших без вести[1].

В первых числах августа 1942 г. немецкое наступление на Кавказе продолжало развиваться. 25-й пограничный полк отходил на юг по маршруту: г. Армавир – станица Лабинская и далее долиной р. Большая Лаба, имея целью через перевал Санчаро Главного Кавказского хребта выйти к г. Сухум. 13 августа между станицами Сторожевая и Пантелеймоновская 2-м стрелковым батальоном полка, находящимся в тыловом охранении, было задержано 942 советских военнослужащих из различных частей и соединений, самостоятельно двигающихся к Главному Кавказскому хребту. Командование полка приняло решение сформировать из них 2-й сводный стрелковый полк под командованием капитана Ройзмана, чтобы обеспечить сохранность личного состава и вооружения, а также предотвратить создание некоторыми военнослужащими вооруженных мародерских групп. В сформированную часть были направлены начальник политотдела 25-го пограничного полка, батальонный комиссар Подгайский, начальник Особого отдела, лейтенант госбезопасности Евглеевский и секретарь парткомиссии, старший батальонный комиссар Плешивцев, которые на месте подобрали кадры начсостава. Затем 2-й сводный стрелковый полк стал следовать за 25-м пограничным полком[2].

К этому времени оперативная обстановка на Санчарском направлении складывалась следующим образом. Немецкое командование планировало осуществить на данном участке фронта прорыв к побережью Черного моря через перевалы Главного Кавказского (Санчаро, Адзапш, Аллаштра-

[1]Там же. Л. 41.
[2] Там же. Л. 43.

ху), а затем и Бзыбского (Доу, Гудаутский) хребтов, выйти к гг. Сухум и Гудаута, оказывая тем самым содействие продвижению 1-й горнострелковой дивизии «Edelweiss» под командованием генерал-майора Хуберта Ланца на Клухорском и Марухском направлениях. Данную задачу должны были решить части 4-й горнострелковой дивизии «Enzian» под командованием генерал-лейтенанта Карла Эгльзеера. В то время как 91-й горнострелковый полк (командир – полковник Вальтер Штеттнер фон Грабенхофен) продвигался долиной Большая Лаба, 13-й горнострелковый полк (командир – полковник Иозеф Бухнер) преследовал отступавшие советские войска долиной р. Зеленчук. Одновременно со штурмом перевалов Санчарского направления 4-я горнострелковая дивизия должна была развернуть наступление и на Умпырском направлении[1].

Командование 46-й армии Закавказского фронта осознавало степень надвигающейся угрозы, однако принятые им контрмеры оказались недостаточными и запоздалыми. По приказу штаба армии №730/ОП от 31 июля 1942 г. специально выделенные подразделения из состава 394-й стрелковой дивизии должны были к 15 августа занять линию обороны на перевале Санчаро и произвести завалы на путях подхода к нему с севера. 4 августа 5-я рота 808-го стрелкового полка с минометным взводом 1-й минометной роты выдвинулась в указанный район, однако по неизвестным причинам изменила маршрут и заняла перевал Чамашха. Забегая вперед, следует отметить, что перевала Санчаро она достигла лишь 21 августа. Имеющееся вооружение было недостаточным, т. к. против 81-мм немецких минометов рота могла выставить лишь два 50-мм миномета. Снабжение продовольствием было сорвано и на протяжении четырех дней на перевал не осуществлялся подвоз хлеба, консервов, селедки и других продуктов питания. В результате бойцы были вынуждены питаться мясом быков, реквизированных у эвакуированных хозяйств. Санитарное обслуживание и медицинское обеспечение личного состава не было подготовлено, при этом солдаты не имели мыла, смены белья и теплого обмундирования. На 120 чел. приходилось лишь 20 касок. Ни один из военнослужащих не располагал индивидуальным пакетом, а у санинструктора их имелось 20 шт. Связь между оборонявшей перевал группой майора Гугава и штабом 808-го стрелкового полка, а также другими подразделениями, отсутствовала. В довершение всего отделение саперов, направленное на перевал Санчаро для заблаговременного производства разрушений и обвалов, не выполнило поставленную задачу ввиду отсутствия взрывчатых материалов и плана работ. Таким образом, к обороне перевал подготовлен не был[2].

---

[1] Медвенский Н. Боевые операции в горах Абхазии в ходе битвы за Кавказ 1942–1943 гг. – Сухум, 2012. С. 38.

[2] ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. д. 668, л. 27.

На некоторые перевалы Санчарского направления также были направлены советские войска. Так, перевал Цегеркер оборонял взвод 1-й стрелковой роты 2-го стрелкового батальона 808-го стрелкового полка, пулеметное и минометное отделения. На 60 чел. имелось 53 винтовки, 2 ручных и 1 станковый пулемет. Перевал Чамашха обороняла 2-я стрелковая рота 1-го стрелкового батальона 808-го стрелкового полка. На 125 чел. имелось 30 винтовок, 4 автомата и 4 ручных пулемета. Перевал Доу оборонял 1-й стрелковый батальон 808-го стрелкового полка (без одного взвода). На 410 чел. имелось 250 винтовок, 14 ручных и 3 станковых пулемета, 4 миномета, 8 автоматов, 2 ПТР[1]. Перевалы Адзапш и Гудаутский вовсе не были заняты советскими войсками, что самым негативным образом сказалось на уровне подготовки Главного Кавказского хребта к обороне.

Тем временем 15 августа 25-й пограничный полк прибыл в горный поселок Рожкао, где заканчивалась дорога, пригодная для передвижения автотранспорта. Командование полка приняло решение оставить имеющиеся в наличии грузовые автомобили и продолжить движение в горы в пешем строю, а продовольствие, вооружение и боеприпасы перевозить на вьючных лошадях. 16 августа состоялась подготовка личного состава к предстоящему маршу через Главный Кавказский хребет, в ходе которой солдаты и офицеры были проинструктированы о природно-климатических условиях и особенностях передвижения на высокогорной местности, после чего они уничтожили имущество, которое могло бы затруднить подъем. 17 августа полк выступил в направлении перевала Санчаро. Бойцы и командиры имели при себе положенное вооружение и запас продуктов на несколько дней. В качестве прикрытия в поселке была оставлена группа пограничников под командованием капитана Дубовского и политрука Дорожко[2].

Около 20. 00 18 августа противник начал наступление на Рожкао, двигаясь по обоим берегам р. Большая Лаба. Группа капитана Дубовского вступила в бой, продолжавшийся до 8. 50 утра следующего дня. Уничтожив оставленные автомобили, пограничники отошли и присоединились к основным силам полка. Потери группы составили 9 пропавших без вести, при этом было заявлено об уничтожении 35 немецких солдат и офицеров.

В 18. 00 19 августа полк достиг хутора Верхняя Пхия и остановился на ночевку. В 18. 20 в штаб прибыли партизаны и сообщили, что в 3 км западнее группа из 12 красноармейцев под командованием полковника Любимова ведет бой с немцами, численность которых не установлена. В означенный район были высланы 14 пограничников во главе с лейтенантом Селивестровым, имевшие задачу уточнить данные о противнике и оказать

[1] ЦАМО РФ. Ф. 1720. Оп. 1. Д. 23. Л. 41.
[2] РГВА. Ф. 38724. Оп. 46. Д. 4. Л. 44.

помощь сражавшимся советским воинам. Группа прибыла к месту боя в момент, когда бойцы полковника Любимова, оставив имевшиеся у них 3 станковых пулемета, 2 миномета и 2 противотанковых ружья, начали отходить. Пограничники пропустили отступавших через свои боевые порядки и открыли огонь по немецким горным стрелкам, временно задержав их продвижение. Затем, подобрав брошенное оружие, они заняли оборону на высоте за хутором Верхняя Пхия и продолжали вести огонь по противнику, ожидая подхода подкреплений. Вскоре к месту боя подошли 56 пограничников под командованием помощника начальника штаба 2-го стрелкового батальона по боевой подготовке, старшего лейтенанта Зайцева и политрука Миронова. Вслед за ними прибыл командир батальона, капитан Попов, а к утру 20 августа – 3-й стрелковый батальон. В результате боя, продолжавшегося до 13. 00, немецкий авангард был разбит, выжившие немецкие солдаты отошли в лес. Пограничники потеряли 5 чел. убитыми, 7 чел. ранеными и 2 чел. пропавшими без вести. Потери противника – 85 чел. убитыми, 3 миномета и 11 вьючных лошадей[1].

В течение дня 20 августа 25-й пограничный полк продолжил движение к перевалу Санчаро и с наступлением темноты сосредоточился на поляне у его подножья, в единственном месте, где можно было разместить людей и накормить вьючных животных. Следом за ним расположился 2-й сводный стрелковый полк. 21 августа личный состав отдыхал и приводил себя в порядок, готовясь к предстоящему восхождению. 22 августа полки, во главе с местным проводником-охотником, двинулись вверх. К полудню начался сильный дождь, замедливший продвижение войск, но около 15. 00 пограничники достигли перевала, где встретили прибывших туда лишь днем ранее бойцов 5-й роты 808-го стрелкового полка. Несмотря на опасность прорыва немцев через перевал Санчаро, командир 25-го пограничного полка принял решение не участвовать в его обороне и продолжить движение к г. Сухум. Аналогичным образом поступил и командир 2-го сводного стрелкового полка. К вечеру оба полка разместились для отдыха в с. Псху. На вопросы местных жителей, приближается ли противник, военнослужащие отвечали отрицательно, однако данный факт становился все более очевидным.

В этот же день, 22 августа, к перевалам Санчарского направления подошла немецкая боевая группа «Stettner» под командованием полковника Вальтера Штеттнера фон Грабенхофена, созданная на основе 91-го горнострелкового полка 4-й горнострелковой дивизии «Enzian». В ее состав входили: штаб 91-го горнострелкового полка с взводом разведки, врачом и

[1] В число погибших пограничников вошли командир 2-го стрелкового батальона, капитан Попов и помощник начальника штаба батальона по боевой подготовке, старший лейтенант Зайцев. РГВА. Ф. 38724. Оп. 46. Д. 4. Л. 45.

санитарным отделением, тремя высокогорными разведывательными отделениями и саперным взводом 1-й горнострелковой роты 94-го горного саперного батальона; 3-й горнострелковый батальон 91-го горнострелкового полка; 2-й горнострелковый батальон 13-го горнострелкового полка; приданная артиллерийская группа: штаб и взвод связи, артиллерийский взвод 1-го артдивизиона 94-го горно-вьючного артполка, два артиллерийских взвода 2-го артдивизиона 94-го горно-вьючного артполка. Общая численность боевой группы, вместе с частями обеспечения, составляла до 2300 чел[1].

23 августа 2-й горнострелковый батальон 13-го горнострелкового полка занял перевал Адзапш. Утром того же дня авангард 3-го горнострелкового батальона 91-го горнострелкового полка столкнулся с 15-й заставой 25-го пограничного полка под командованием лейтенанта Гродзицкого, оставленной на перевале Санчаро для прикрытия отхода части. Ружейно-пулеметный и автоматный огонь, открытый пограничниками, вынудил противника отойти, однако после этого 15-я застава направилась в с. Псху на соединение с полком, готовящимся продолжить свой марш к побережью Черного моря[2]. В случае начала полномасштабной немецкой атаки оставшиеся на перевале бойцы 5-й роты 808-го стрелкового полка и отделение саперов не имели возможности удерживать занимаемые позиции в течении сколь-либо продолжительного времени.

24 августа оба полка в полном составе вышли из с. Псху и достигли северного подножья перевала Доу. 25 августа 25-й пограничный полк преодолел седловину перевала и к вечеру расположился на поляне к югу от него. Именно в этот день 3-й горнострелковый батальон 91-го горнострелкового полка противника занял перевалы Аллаштраху и Санчаро, после непродолжительного боя сбив с последнего его немногочисленных и слабо вооруженных защитников. 26 августа 25-й пограничный полк и 2-й сводный стрелковый полк достигли урочища Двуречье, где были остановлены заместителем командующего 46-й армией Закавказского фронта, командующим группой войск Санчарского направления, полковником НКВД Иваном Пияшевым, который в сопровождении своего штаба и охраны направлялся из г. Сухум на передовую. Командирам полков в устной форме был передан приказ Наркома Внутренних дел СССР Лаврентия Берия о том, что они переходят в распоряжение Пияшева на весь период боевых действий по ликвидации боевой группы «Stettner». Отправив в столицу Абхазской АССР лишь больных и раненых, полки двинулись назад, достигнув южного подножья перевала Доу к концу дня 27 августа.

К тому времени боевая группа «Stettner» уже заняла с. Псху и направи-

1 Медвенский Н. Указ. соч. С. 39.
2 РГВА. Ф. 38724. Оп. 46. Д. 4. Л. 46.

лась на юг, готовясь овладеть перевалами Гудаутский, Доу и продолжить движение к побережью Черного моря. 28 августа 3-й горнострелковый батальон 91-го горнострелкового полка перешел р. Бзыбь, занял Гудаутский перевал и начал спуск в направлении с. Ачандара, однако в урочище Гунурхва был остановлен 4-м стрелковым батальоном 155-й стрелковой бригады и истребительным батальоном Гудаутского района. Одновременно с этим 2-й горнострелковый батальон 13-го горнострелкового полка предпринял попытку взять перевал Доу, но встретил ожесточенное сопротивление 1-го стрелкового батальона 808-го стрелкового полка, остатков 5-й роты 808-го стрелкового полка и бойцов сводного отряда из состава истребительных батальонов г. Сухума и Сухумского района. Благодаря их действиям 2-й сводный стрелковый полк и 25-й пограничный полк сумели беспрепятственно подняться на перевал и подготовиться к выполнению приказа, полученного от полковника Пияшева. 2-му сводному стрелковому полку, 2-му и 3-му стрелковым батальонам 25-го пограничного полка предписывалось наступать вдоль р. Бзыбь в направлении хутора Решевей; 1-му стрелковому батальону – выдвинуться по Бзыбскому хребту с выходом к р. Решава и в дальнейшем к р. Бзыбь, взяв под контроль тропы, идущие на перевалы Доу и Ачавчар.

В разрезе поставленной задачи командир 1-го стрелкового батальона 25-го пограничного полка, капитан Москалец принял решение: используя местного проводника, провести свое подразделение без троп в район слияния рек Решава и Бзыбь, оседлать коммуникации, ведущие на перевалы и уничтожать вьючные караваны и личный состав противника. 30 августа батальонная разведка, высланная в направлении переправы через р. Решава, столкнулась с немецким боевым охранением, сбила его с занимаемого рубежа и вынудила отступить к р. Бзыбь. Также было зафиксировано начало общего отхода противника от северного подножья перевала Доу и подготовке им переправы на правый берег р. Бзыбь для последующего отступления в с. Псху[1].

31 августа майору Москалец был доставлен приказ о занятии батальоном обороны в районе переправы через р. Решава, фронтом к р. Анета, с задачей перерезать путь отхода группе противника от горы Аниба, что и было исполнено. Пограничники находились в указанном пункте на протяжении двух суток, однако немцы так и не появились. 2 сентября, в 12. 40 батальон получил приказ оставить занимаемый район и зайти во вражеский тыл, продвигаясь по левому берегу р. Бзыбь, затем по правому берегу р. Бавю и выйти к слиянию рек Битага и Анета. 2 сентября, в 20. 00 батальон достиг р. Бавю, где получил приказ вернуться к слиянию рек Решава

1 Там же. Л. 47.

и Бзыбь, на командный пункт 2-го сводного стрелкового полка и войти в его подчинение.

Перед возвращением в означенный район майор Москалец поставил 2-й заставе задачу: форсировать р. Бзыбь и перерезать тропу, идущую в с. Псху из хутора Решевей, в 6 км к северо-западу от последнего. Застава перешла реку, атаковала и уничтожила батарею 81-мм немецких минометов, однако вскоре к противнику подошли подкрепления, открывшие ружейно-пулеметный огонь. Для усиления 2-й заставы командиром батальона была направлена 5-я застава, прибытие которой, впрочем, не оказало ощутимого воздействия на врага. 3 сентября, в 9. 00 обе заставы вышли из боя и переправились на левый берег р. Бзыбь.

В 13. 00 этого же дня 1-й стрелковый батальон прибыл на командный пункт 2-го сводного стрелкового полка, где получил приказ форсированным маршем двигаться по правому берегу р. Битага, через отметку 1472, с задачей: выйти к урочищу Тамагу, перерезать тропу на перевал Санчаро, лишить противника возможности снабжать боеприпасами, продовольствием, медикаментами и перебрасывать резервы в район с. Псху, а также отрезать путь отхода немецких горных стрелков из села в направлении перевалов Санчаро, Адзапш и Чмахара. Батальон достиг урочища Тамагу 5 сентября в 15. 00, перерезал указанную тропу и захватил небольшой караван противника в количестве 7 вьючных мулов[1].

В 17. 00 5 сентября 25-й пограничный полк получил приказ командующего группой войск Санчарского направления, предписывающий очистить от немецких горных стрелков урочище Цибишха и в дальнейшем овладеть перевалом Чамашха. В 11. 00 7 сентября головная походная застава 2-го стрелкового батальона вступила в бой с группой противника в южной части урочища, в районе отметки 957. Потеряв 4 чел. убитыми, враг отошел на северо-восток. В 17. 00 батальон достиг района отметки 1019, попал под ружейно-пулеметный огонь с восточного ската высоты 1201,1 на своем правом фланге и ввиду наступления темноты перешел к обороне. Одновременно с этим штаб полка и 3-й стрелковый батальон расположились в районе отметки 957, а 1-й стрелковый батальон – в районе отметки 864. По всему участку соприкосновения сторон шла ружейно-пулеметная перестрелка. В результате разведки расположения сил и огневых средств противника было установлено, что на хребте и высоте 1201,1 укрепился немецкий горнострелковый батальон, который огнем станковых пулеметов, минометов и снайперов контролирует тропу на протяжении 2 км от отметки 1019 на юго-запад. Движение по ней в дневное время не представлялось возможным.

[1] Там же. Л. 48.

В 17. 00 8 сентября подразделения 3-го стрелкового батальона заняли исходные рубежи для атаки, которая началась лишь в 5. 00 10 сентября и вскоре захлебнулась ввиду недостаточной поддержки наступающих артиллерией. В этой связи командующему группой войск Санчарского направления была сделана заявка на усиление 25-го пограничного полка двумя батареями 82-мм минометов. Вплоть до вечера 11 сентября советские снайпера и пулеметчики обстреливали немецкие позиции, при этом противник отвечал минометным и пулеметным огнем. Наконец, в 12. 00 12 сентября в район расположения полка прибыли указанные минометные батареи. В 14. 00 командир 1-го стрелкового батальона получил приказ от командира полка, предписывающий в 5. 00 13 сентября штурмом овладеть восточным хребтом высоты 1201,1 при поддержке минометных батарей и станковых пулеметов 3-й резервной заставы. В назначенный срок батальон приступил к выполнению поставленной задачи и к 13. 30 13 сентября вынудил противника отступить с занимаемых позиций на перевал Чамашха, к отметке 963. 1-й и 2-й стрелковые батальоны вышли в район Кош, 1 км южнее отметки 963. После получения известий об успешном завершении операции командующий группой войск Санчарского направления, полковник Пияшев за овладение урочищем Цибишха объявил всему личному составу полка благодарность[1].

В течение второй половины дня 13 сентября и на протяжении следующих суток полк вел активную разведку в районе перевалов Чамашха и Цегеркер. 15 сентября для осуществления охвата противника с правого фланга была выслана группа под командованием старшего лейтенанта Прямова в составе двух линейных застав. 1-й стрелковый батальон (без двух застав) получил приказ обойти немцев через перевал Цегеркер. 2-й стрелковый батальон с двумя заставами 1-го стрелкового батальона занял оборону на достигнутом рубеже, получив приказ наступать на отметку 963. Атака должна была начаться на рассвете следующего дня.

В 5. 30 16 сентября по позициям противника был открыт интенсивный минометный и пулеметный огонь. В 6. 30 группа старшего лейтенанта Прямова и три заставы 2-го стрелкового батальона начали атаку на отметку 963. После непродолжительного боя немецкие горные стрелки начали отходить в направлении перевала Аллаштраху и к 8. 00 перевал Чамашха был освобожден советскими войсками. 1-й стрелковый батальон и участвовавший в наступлении 2-й сводный стрелковый полк продолжили преследование отступающего противника, а 2-й стрелковый батальон занял оборону по северному скату перевала. Ввиду стабилизации фронта, 18 сентября по распоряжению командующего группой войск Санчарского

[1] Там же. Л. 49.

направления штаб, 1-й и 3-й стрелковые батальоны 25-го пограничного полка были отозваны в с. Псху, а 2-й стрелковый батальон оставлен для обороны перевалов Чамашха и Цегеркер.

В 11. 00 22 сентября полковником Пияшевым был отдан приказ о формировании из личного состава 1-го и 2-го стрелковых батальонов сводного отряда в 300 чел. Его начальником был назначен майор Мартынов, военным комиссаром – старший политрук Никольский. Поставленная задача: перейти Главный Кавказский хребет, выйти в тыл противника в район слияния рек Большая Лаба и Санчаро, взять под огневой контроль тропу, ведущую из хутора Верхняя Пхия на перевал Санчаро, нарушить телефонную связь и воздействовать на немецкие коммуникации. Приступив к ее выполнению, в 22. 00 того же дня отряд выступил по маршруту: с. Псху – перевал Чамашха – перевал Цегеркер – Ветеринарный пост №8 – отметка 678. Начиная от Ветеринарного поста №8, отряд разделился на две группы. Первая состояла из двух застав (начальники застав – старший лейтенант Гольтяков и старший лейтенант Холодный) и двигалась по тропе вдоль хребта Аркасар. Вторая состояла из четырех застав (начальники застав – старший лейтенант Шалавин, лейтенант Дудник, лейтенант Лелюков, младший лейтенант Андрейчик) и направлялась к отметке 678. Обе группы имели в своем составе проводников из местных жителей-охотников[1].

Перед заставами были поставлены следующие задачи: заставе старшего лейтенанта Гольтякова – прикрыть правый фланг отряда по хребту Аркасар; заставе старшего лейтенанта Холодного – двигаясь по хребту Аркасар, спуститься севернее отметки 678 к р. Большая Лаба, занять оборону и, в случае появления вьючных караванов противника, уничтожать их; заставе старшего лейтенанта Шалавина – выйти к р. Санчаро, 1 км юго-западнее от отметки 678, огнем контролировать тропу, идущую по левому берегу р. Санчаро и нарушить проходящую там немецкую телефонную связь; заставе лейтенанта Дудника – прикрыть правый фланг заставы старшего лейтенанта Шалавина. Остальные две заставы находились в резерве командования отряда.

В 4. 30 25 сентября обе группы прибыли в указанный район действий. В 5. 30 застава старшего лейтенанта Шалавина столкнулась с отрядом противника количеством до 150 чел. и вступила в бой. В 9. 00 немцы подтянули резервы и начали обход заставы старшего лейтенанта Холодного, который вынужден был повернуть заставу фронтом на север и просить прикрытия своего правого фланга. Для этого в район дислокации заставы были высланы два отделения заставы лейтенанта Лелюкова. С прибытием подкрепления подчиненные Холодного продолжали отражать атаки противни-

[1] Там же. Л. 50.

ка, который одновременно начал осуществлять обход заставы справа по скату хребта Аркасар. В это время застава младшего лейтенанта Андрейчик заняла оборону в районе переправы через р. Большая Лаба. Боевые действия длились до 21. 00, боезапас был израсходован пограничниками на 80%, а обстановка продолжала оставаться напряженной. Поэтому начальник сводного отряда принял решение под покровом ночи оторваться от противника и занять оборону в районе Ветеринарного поста №8, что и было сделано к 14. 00 26 сентября.

27 и 28 сентября из состава отряда высылались разведгруппы, которые фиксировали отсутствие движения немецких вьючных караванов, солдат и офицеров по горным тропам в дневное время суток. 29 сентября обстановка в районе перевала Цегеркер усложнилась, так как противнику удалось на этом участке оттеснить курсантов Тбилисского военно-пехотного училища и занять одну из господствующих высот – 1408,5. В этой связи командующий группой войск Санчарского направления распорядился отозвать из сводного отряда 3-й стрелковый батальон, а 30 сентября – и всех оставшихся бойцов для подготовки к наступлению и восстановления положения на означенной высоте. По итогам рейда отрядом было заявлено об уничтожении 101 немецкого солдата, 4 офицеров и 40 погонщиков, 60 вьючных лошадей с боеприпасами и продовольствием, а также о перерезке телефонной линии, ведущей на перевал Санчаро[1].

С 1 по 4 октября 2-й и 3-й стрелковые батальоны находились на перевалах Чамашха и Цегеркер. 3 октября группа пограничников в количестве 32 чел. под командованием младшего лейтенанта Андрейчик и заместителя политрука Журавлева вышла в тыл противника у слияния рек Санчаро и Большая Лаба для совершения диверсионных мероприятий. 5 октября имело место столкновение группы с немецкими войсками, в ходе которого, по советским данным, было уничтожено 47 горных егерей и 30 вьючных лошадей с военными грузами.

5 октября, по приказу штаба 46-й армии Закавказского фронта, все подразделения 25-го пограничного полка, за исключением трех застав 1-го стрелкового батальона, находящихся в резерве командира полка, и трех застав 2-го стрелкового батальона, дислоцированных на перевале Цегеркер, совместно с одной ротой 1-го стрелкового батальона 808-го стрелкового полка, 4-м стрелковым батальоном 155-й стрелковой бригады и отрядом курсантов Тбилисского военно-пехотного училища должны были начать наступление на перевал Аллаштраху. Выполняя распоряжения командования, подразделения полка достигли двух ручьев, что 1 км севернее выс. 1408,5 и отметки 1083, были встречены интенсивным огнем про-

[1] Там же. Л. 51.

тивника и перешли к обороне, имея справа 2-й сводный стрелковый полк, слева – 307-й стрелковый полк. 13 октября полк производил разведку сил противника и подготовку к предстоящему наступлению, минометным огнем разрушив несколько немецких блиндажей. 14 октября полк одной группой достиг ледника, что 0,5 км севернее выс. 1408,5. 20 октября 2-й и 3-й стрелковые батальоны перешли к обороне выс. 1408,5, а 1-й стрелковый батальон составил полковой резерв.

24 октября, в соответствии с приказом заместителя командующего 46-й армией Закавказского фронта, командующего группой войск Санчарского направления, 25-й пограничный полк был выведен из зоны боевых действий. По распоряжению начальника войск НКВД охраны тыла Черноморской группы войск Закавказского фронта, полковника Фадеева, полк начал марш для сосредоточения и отдыха в г. Сочи. Штаб, 1-й и 3-й стрелковые батальоны выступили из с. Псху через перевал Доу в район с. Михайловка. 2-й стрелковый батальон под командованием майора Мартынова был оставлен для передачи оборонительных рубежей 2-му сводному стрелковому полку. Выполнив эту задачу, 26 октября он также выступил по указанному маршруту, прибыв в пункт назначения 28 октября. В с. Михайловка личный состав прошел санитарную обработку и расположился на непродолжительный отдых. 1 ноября полк, за исключением находящегося в пути комендантского взвода, прибыл в район г. Сочи, откуда был направлен к Мамисонскому перевалу. 9 ноября штаб полка, 2-й стрелковый батальон и спецподразделения заняли оборону в с. Шови, неся службу по охране складов и военных объектов. 1-й стрелковый батальон занял позиции на Мамисонском перевале, а 3-й стрелковый батальон – в районе Глола-перекресток дорог Геби[1].

Таким образом, с середины августа по вторую половину октября 1942 г. 25-й пограничный полк НКВД принимал активное участие в боевых действиях на Санчарском направлении. Командование полка заявило об уничтожении 1061 немецкого солдата и офицера[2], 105 вьючных ло-

[1] Там же. Л. 57.

[2] Данная цифра представляется значительно завышенной. Подобные оценки потерь противника, впрочем, были широко распространены в войсках и не относились исключительно к 25-му пограничному полку. Так, в «Приказе войскам 46-й армии Закавказского фронта от 16. 10. 1942 г., №0024/ОП» отмечалось, что по ежедневным донесениям группы войск Санчарского направления в период от 29. 08. по 11. 09. 1942 г. насчитывается 405 убитых и 15 раненых солдат противника, а в донесении от 10. 09. 1942 г. общие потери противника за этот же отрезок времени представлены в количестве 1079 убитых и 4 пленных. В документе обоснованно указывалось, что общее число немецких солдат и офицеров, действующих против группы войск Санчарского направления, составляет около 2250 чел., общее же количество потерь противника с 29. 08. по 9. 10. 1942 г., отраженное в оперативных сводках и боевых донесениях штаба Санчарской группы войск, достигло 3081 чел. Командование армией не удержалось от иронического замечания: «Это означает, что

шадей и мулов, 4 минометных батарей, 1 горного орудия и 17 станковых пулеметов. В качестве трофеев пограничниками было взято 2 станковых и 7 ручных пулеметов, 4 пистолета-пулемета, 51 винтовка, 9000 патронов. При этом потери полка за означенный период составили 24 чел. убитыми, 66 чел. ранеными, 86 чел. обмороженными и 24 чел. пропавшими без вести, а также 3 станковых пулемета, 5 ручных пулеметов и 18 лошадей[1].

Подводя итоги действиям полка по выполнению служебно-боевых задач в означенный временной период, следует отметить, что советское командование в целом дало им положительную оценку. Однако, известно, что заместитель командующего 46-й армией Закавказского фронта, полковник Иван Пияшев подвергал командиров 25-го пограничного полка и 2-го сводного стрелкового полка критике за их отход с перевала Санчаро, осуществленный 22 августа 1942 г. По его мнению, впоследствии поддержанному многими непосредственными участниками событий, данную позицию представлялось возможным удерживать до подхода основных сил группы войск Санчарского направления, одновременно направив часть сил на перевал Адзапш и тем самым предотвратить либо отсрочить наступление немецкой боевой группой «Stettner» через Главный Кавказский хребет. Кроме того, даже после ухода обоих полков с перевала Санчаро имелась возможность организации ими обороны в районе урочища Бешта и оказания сопротивления противнику хотя бы до прибытия подкреплений в с. Псху. К сожалению, эта возможность была упущена, в т. ч. ввиду отсутствия связи со штабом 46-й армии и общей неясности обстановки.

Вместе с тем, не подлежит сомнению, что в ходе сражений с немецкими горными стрелками личный состав полка продемонстрировал высокие морально-боевые качества. На его счету – освобождение хутора Решевей, овладение урочищем Цибишха и перевалом Чамашха, а также рейд по тылам противника в районе слияния рек Большая Лаба и Санчаро, на северной стороне Главного Кавказского хребта. Продолжительные горные переходы, отсутствие теплой одежды, недостаток продуктов питания ввиду несвоевременной доставки последних, как представляется, не оказали на поведение пограничников существенного влияния.

Бойцы и командиры сражались мужественно, неоднократно проявляя инициативу в сложных, порой критических ситуациях. Так, например, красноармеец Алексей Аброскин в одном из боев был окружен 10 солдатами противника, возглавляемыми офицером. Ведя огонь из автоматиче-

---

весь состав противника, находящийся перед фронтом Санчарской группы войск, давно уже истреблен».

[1] РГВА. Ф. 38724. Оп. 46. Д. 4. Л. 56.

ского оружия и применяя ручные гранаты, он находился на занимаемой высоте более полутора суток и вернулся на заставу только после получения приказа об отходе. За проявленную отвагу пограничник был представлен к званию Героя Советского Союза, но впоследствии награжден орденом Красного Знамени.

Красноармеец Петр Левков в ходе боя уничтожил 5 солдат противника, был ранен в руку, ногу и живот, однако продолжал вести огонь по наступающим немецким горным стрелкам. На категорическое требование эвакуироваться в тыл, отвечал: «Я ранен легко и с поля боя не уйду», после чего скончался от потери крови. За проявленную отвагу и героизм был посмертно награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Аналогичный подвиг совершил и снайпер 2-й резервной заставы Павел Молибога, который на перевале Цегеркер получил пулевые ранения в обе ноги, но отказался покинуть поле боя и на протяжении получаса уничтожал солдат противника, пока не умер от кровоизлияния. За проявленное мужество был посмертно награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны 2-й степени.

Санинструктор Вера Мамиченко, после гибели в одном из боев первого номера пулеметного расчета и тяжелого ранения второго номера, открыла из пулемета огонь по противнику и тем самым способствовала срыву немецкой атаки. На ее счету числится свыше 200 раненых бойцов и командиров, вынесенных с поля боя. За отвагу, проявленную в боях с гитлеровцами, она была награждена орденом Красного Знамени[1].

В знак признания заслуг перед Родиной, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1942 г., «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество», 25-й пограничный полк был награжден орденом «Красное Знамя». Это, пожалуй, является лучшей оценкой его вклада в недопущение выхода противника к городам Сухум и Гудаута, оттеснение врага на перевалы Главного Кавказского хребта и срыв планов немецкого командования на Санчарском направлении.

---

[1] Вера Демьяновна Мамиченко была тяжело ранена в одном из боев и на протяжении 40 лет однополчане считали её погибшей. В 1981 г., несмотря на возраст, она совершила восхождение в урочище Цибишха и указала поисковикам из Одесского турклуба «Романтика» место захоронения военкома 2-го стрелкового батальона 25-го погранполка, лейтенанта Василия Вари, погибшего 8 сентября 1942 г. Останки офицера были торжественно перезахоронены в с. Псху Сухумского района.

Рис. 1. Группа солдат и офицеров 25-го пограничного полка НКВД.

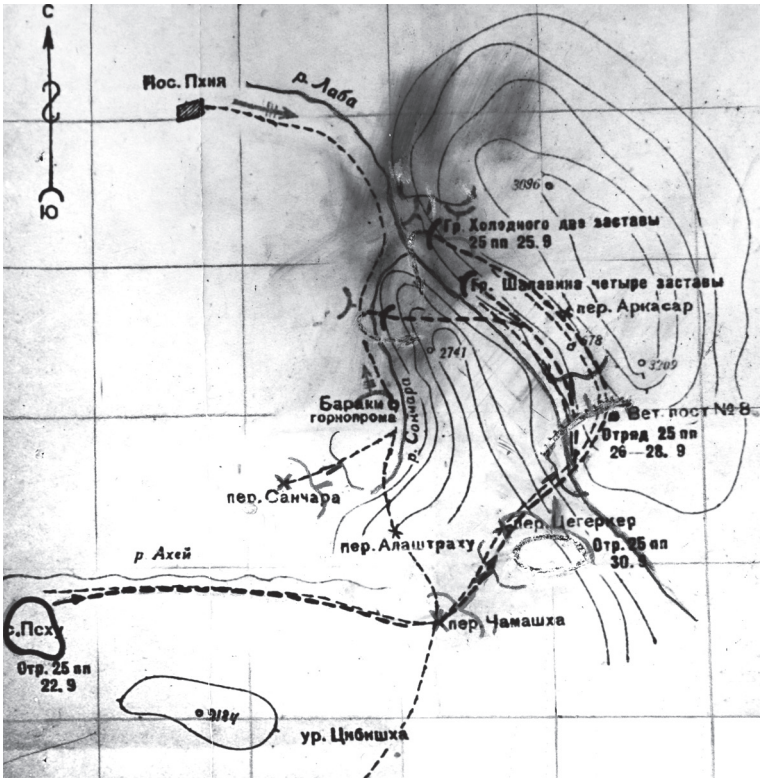


Рис. 2. Боевые действия отряда 25-го пограничного полка 25-30. 09. 1942 г.

А. Ф. Авидзба

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АБХАЗИИ В 1989-1999 ГГ.

С началом 1989 г. наблюдается усиление противоречий между Абхазией и Грузией. 18 марта в селе Лыхны состоялся сход абхазского народа, который обратился к руководству Советского государства с просьбой вернуть Абхазии статус союзной республики. Лыхненское обращение, равно как и «Абхазское письмо», вызвало бурную реакцию в Грузии и грузинского населения Абхазии. Грузинские неформалы провели в Гагре, Сухуме, других населенных пунктах митинги, на которых осудили «абхазский сепаратизм». Первый секретарь ЦК КП Грузии Д. Патиашвили квалифицировал Лыхненское обращение как «антиконституционное». В правлении Союза писателей Грузии его назвали «клеветой и доносом на грузинский народ». В первых числах апреля в Тбилиси начинается голодовка протеста против Лыхненского обращения, переросшая в многотысячный митинг с требованием провозглашения независимости и введения в Грузию войск НАТО. 9 апреля, во время разгона митинга, погибли люди, и этот день был объявлен днем траура в Грузии.

6 мая 1989 г. в Сухуме началась сидячая забастовка студентов грузинского сектора АГУ с требованием создать Сухумский филиал ТГУ. О своей солидарности с бастующими заявили и некоторые предприятия, где было сильно влияние грузинских неформалов. Министерство образования Грузии, прикрываясь давлением участников акции, вынесло решение о создании в Сухуме филиала ТГУ. 3 июля в Сухум для изучения проблемы открытия филиала прибыла комиссия Верховного Совета СССР. 10 июля она уехала и сделала заключение о нецелесообразности разделения АГУ по национальному признаку, которое 12 июля было опубликовано в прессе. Тем не менее, 14 июля ректор ТГУ издал приказ о назначении приемных экзаменов в филиал ТГУ на 20 июля. В этот же день делегация старейшин Абхазии посетила обком партии с требованием не допустить раздела АГУ и прекратить прием документов в филиал. Однако было объявлено, что прием продолжится, а экзамены назначены на 16 июля. В ночь с 15 на 16 июля, противостояние переросло в кровавые столкновения, в ходе которых, по официальным данным, были убиты 14 человек: 9 грузин и 5 абхазов. По неофициальным данным – жертв значительно больше. Эта трагедия стала прелюдией к большой войне между Абхазией

и Грузией, которая тогда была предотвращена вводом сюда Внутренних войск СССР.

Тем временем, 26 марта 1989 г. В. Ардзинба был избран народным депутатом в Верховный СОВЕТ СССР, Первый съезд которого начал работу 25 мая. В тот же день группа депутатов от Абхазии подала запрос, с предложением создать специальную комиссию из депутатов Верховного Совета по изучению положения в Абхазии. Но ответа не последовало. Затем В. Ардзинба долго добивался слова на съезде. Наконец, в тот день, когда он собирался в знак протеста сложить свои депутатские полномочия, объявили, что ему предоставляется слово. Это было 2 июня 1989 года. В этом выступлении он охарактеризовал ситуацию в Абхазии, как «очень напряженную» и пояснил, что «если не принять срочные меры, может произойти непоправимое». Далее он говорил: «Наша просьба, связанная с Абхазской АССР, продиктована тем, что экстремистские силы перенесли эпицентр напряженности в Абхазию, с тем, чтобы, как мы считаем, спровоцировать людей на столкновение, обвинив затем в этом наш народ. Сделать нас виновными не составит труда, так как средства массовой пропаганды дают одностороннюю информацию, а представители абхазского народа лишены права высказывать свою точку зрения»[1].

3 апреля Верховный Совет СССР принял закон «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», в котором говорилось, что решение о выходе союзной республики из СССР принимается референдумом граждан союзной республики, но при этом были предусмотрены и права автономных образований, входивших в состав этих союзных республик. В статье 3 говорилось: «В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопросов о пребывании в Союзе ССР или в выходящей республике, а также на постановку вопроса о своем государственно-правовом статусе». «Эта главная мысль принадлежит именно Владиславу Григорьевичу (Ардзинба. – А. А.), которого с полным основанием следует назвать одним из основных авторов жизненно важного для защиты прав малых народов закона», – вспоминает депутат Верховного Совета СССР (1989-1991 гг.) Р. Аршба[2]. Таким образом, выход союзной республики из состава СССР, согласно этому закону, был максимально затруднен. А автономным республикам предоставлялось право выхода из союзной республики, если та пожелала бы выйти из состава СССР. 26 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял еще один закон,

[1]Эпоха Ардзинба (Автор проекта Г. Аламиа). – Стамбул. 2009. С. 60.

[2] Газ. «Новый день», № 42, 27 ноября 2012 г.

призванный законодательно закрепить права «автономных» республик, – «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации». В разработке и принятии названных документов активную роль играли именно депутаты Верховного Совета СССР от автономий. Повышение статуса своих республик в едином государстве они рассматривали как оптимальный путь развития своих народов. В то же время депутаты от некоторых союзных республик считали свои функции в советском парламенте чисто представительскими и временными.

Создатели программы перехода к рыночной системе «500 дней» подчеркивали, что они исходят из реальности и поэтому приняли суверенитет союзных республик как реальность. Комментируя эту и подобные программы, В. Ардзинба тогда отмечал: «Авторы совершенно не посчитались с новыми законами СССР, расширяющими права всех автономий… Мне кажется неоспоримым: все 20 автономных республик, все 18 автономных областей и округов должны быть признаны равноправными субъектами государственного регулирования экономики и поставлены в равноправное положение по отношению к Союзу ССР»[1].

22 сентября 1990 г. в Москве состоялся первый съезд представителей народов, на котором была основана Всесоюзная ассоциация представителей национально-государственных, национально-территориальных образований и народов, не имеющих своей государственности. Большую роль в созыве и проведении данного форума сыграл В. Ардзинба. На съезде присутствовали 206 делегатов и 40 приглашенных, представители 34 автономных образований и 106 национальных общественно-политических движений, которые представляли 43 национальности. Съезд высказался за необходимость сохранения Союзного государства.

4 декабря 1990 г. Верховный Совет Абхазии избрал В. Ардзинба своим председателем. Поскольку грузинские депутаты ВС Абхазии действовали с оглядкой и по команде из Тбилиси, то без согласия оттуда они просто не проголосовали бы за его кандидатуру, а значит при существовавших тогда раскладах, он не мог бы быть избранным. Избранию В. Ардзинба предшествовали долгие и трудные переговоры между абхазской и грузинской депутатскими группами внутри Верховного Совета Абхазии.

16 января 1991 г. ВС СССР принял Постановление о проведении референдума по всей территории Советского Союза по вопросу о сохранении СССР. Его назначили на 17 марта. 30 января ВС Грузии заявил об отказе от проведения референдума, а Абхазия, напротив, – о готовности к нему. 28 февраля Верховный Совет Грузии принял Постановление об отказе от Всесоюзного референдума и проведении 31 марта референдума по восста-

[1] Газ. «Правда», 19 сентября 1990 г.

новлению государственной независимости Грузии. В тот же день, 28 февраля,1991 г. после предварительного заседания согласительной комиссии под председательством В. Ардзинба, сессия Верховного Совета Абхазии приняла решение о проведение 17 марта союзного референдума. Это привело к резкому обострению противоречий не только между Грузией и Абхазией, но и между сторонниками и противниками референдума в самой Абхазии. В острой пропагандистской борьбе сторонников и противников Союза, сопровождавшейся высоким накалом страстей, проходили недели и дни перед референдумом. Несмотря на серьезное противодействие, Всесоюзный референдум в Абхазии состоялся.

Перед началом новоогаревского процесса В. Ардзинба заявил: «Отправной точкой здесь должны стать не автономии как таковые, а народы. Если мы исходим из принципа равноправия народов, все автономии – это форма самоопределения конкретных народов, это их государственность. Если мы ставим народы в равное положение, то мы должны и их государственность поставить в равное положение»[1]. Сам процесс стартовал 23 апреля 1991 г. в Ново-Огареве. Первым документом стало совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в СССР и преодолению кризиса. Оно вошло в историю как «Заявление 9 + 1», подписанное Президентом СССР и руководителями 9 союзных республик, участвовавших в референдуме 17 марта: РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Таджикистана, Кыргызстана, Туркменистана. «Заявление 9+1» было воспринято бывшими советскими автономиями как ущемление своих интересов, о котором они заявили 7 мая. Тогда члены Совета Федерации Союза ССР, руководители шестнадцати республик: Башкирии – М. Рахимов, Бурятии – С. Булдаев, Кабардино-Балкарии – В. Коков, Калмыкии – В. Басанов, Карелии – В. Степанов, Коми – Ю. Спиридонов, Марий Эл – В. Зотов, Абхазии – В. Ардзинба, Мордовии – Н. Бирюков, Северной Осетии – А. Галазов, Татарии – М. Шаймиев, Тувы – Ч. Ондар, Удмуртии – В. Тубылов, Чечено-Ингушетии – Д. Завгаев, Чувашии – А. Леонтьев, Саха-Якутии – М. Николаев – выразили свое отношение к названному документу. В их заявлении было сказано: «Мы не можем согласиться с решением, содержащимся в Совместном заявлении, о том, что Союзный договор будет подписываться представителями только участвовавших в этой встрече республик… Мы считаем недопустимым решать жизненно важные для судеб наших республик вопросы без согласования с нами»[2].

Дело в том, что проект самого договора Союза суверенных республик был подписан 9 марта перед Всесоюзным референдумом, видимо, не без расчета повлиять на его итоги. Его тогда подписали представители РСФСР,

[1] Газ. «Абхазия», №19, 23 апреля 1991 г.
[2] Газ. «Абхазия», № 21, 19 мая 1991 г. С. 1.

Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Абхазии, Башкирии, Бурятии, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карелии, Коми, Марий Эл, Мордовии, Северной Осетии, Татарии, Тувы, Удмуртии, Чечено-Ингушетии, Чувашии, Саха-Якутии. В этом проекте не было деления республик на союзные и автономные, признавались декларации о государственном суверенитете названых республик.

12 мая в Кремле состоялась встречам. Горбачева, Б. Ельцина и Р. Хасбулатова с членами Совета Федерации Союза ССР, руководителями 16 республик – Абхазии, Башкирии, Бурятии, Кабардино-Балкарии, Калмыкии, Карелии, Коми ССР, Марийской ССР, Мордовии, Северной Осетии, Татарстана, Тувы, Удмуртии, Чечено-Ингушетии, Чувашии, Якутской-Саха ССР, которые выразили свое особое отношение к этому документу. 17 июня все члены Совета Федерации вновь собрались в Ново-Огареве. Несмотря на полемику и споры в ходе обсуждения в этот день был подписан проект «Договора о Союзе суверенных государств», который предусматривал, что «каждая республика – участник Договора – является суверенным государством»[1]. Но торг продолжался. 3 июля состоялась встреча Горбачева с руководителями 9 республик, которые подтвердили свою приверженность принятому 23 апреля в Ново-Огареве заявлению. Правда, эта позиция, в конечном итоге, несколько видоизменилась, поскольку Центру стала необходима поддержка именно автономий в его борьбе и сдерживании союзных республик. И, как следствие, в окончательном варианте Союзного договора, предложенном к подписанию 23 июля на заседании Совета Федерации, пришли именно к формулировке от 9 марта. 31 июля был озвучен график постепенного подписания Союзного договора, к чему готовилась и Абхазия. В. Ардзинба тогда в очередной раз заявил, что «народ Абхазии полон решимости спокойно, но очень твердо отстаивать свое право остаться в Союзе»[2]. Но помешал ГКЧП…

Общественно-политическая обстановка в Абхазии в предвоенное время (1991 г. – август 1992 г.) стремительно ухудшалась в результате проведения незаконных, противоправных акций (несанкционированные митинги, шествия, забастовки, пикеты, блокирование объектов) рядом грузинских политических и общественных организаций и представителями грузинского населения республики, а также из-за провокационных заявлений и действий руководства Грузии, тяжелой криминогенной ситуации в связи с дислокацией и функционированием на территории Абхазии незаконных вооруженных формирований, включая части Национальной гвардии Грузии.

---

[1] Гайдар Е. Т. Гибель империи… // http://www. litru. ru/?book=9333&description=1. С. 98.

[2] Газ. «Абхазия», № 33, 20 августа 1991 г. С. 1.

29 января 1991 г. сессия Верховного Совета Грузии приняла Закон «О местном самоуправлении в переходный период», согласно которому вводилась новая должность – префекта. 7 февраля ВС Абхазии принял Постановление, в котором отмечалось, что Абхазия «самостоятельно решает вопросы о структуре местных органов государственной власти и управления, избирательной системы и назначения выборов». Несмотря на это, Президиум ВС Грузии 11 февраля назначил префекта Гальского района. 13 февраля Президиум ВС Абхазии объявил, что Постановление ВС Грузии от 11 февраля является незаконным и не имеющим юридической силы с момента принятия.

В исключительно трудных условиях В. Ардзинба и его соратникам приходилось принимать важные для страны решения, порой рискованные. Необходимо было прилагать много усилий для принятия постановлений и законов Верховным Советом Абхазии: создавались согласительные комиссии для переговоров, снятия спорных вопросов, выяснения обстоятельств при обострении противоречий и конфликтных ситуациях. Депутаты грузинской национальности не давали возможности полноценному функционированию Верховного Совета – заседания часто прерывались из-за складывающейся обстановки. Большинство постановлений и законов принималось с трудом, в напряженной и острой атмосфере. Иногда острота общественно-политической ситуации не позволяла провести сессию, приходилось переносить заседания на неопределенный период и из-за отсутствия кворума.

27 сентября Президиумом Верховного Совета Абхазии было принято Постановление «Об обеспечении экономической основы суверенитета Абхазии», которое предусматривало переход под юрисдикцию Абхазской АССР предприятий и организаций союзного и союзно-республиканского подчинения, расположенных на территории Абхазской АССР («отменен» 24 октября). Также были приняты постановления «О создании Абхазской республиканской таможенной службы», («приостановлен» указом Гамсахурдиа от 8 октября). Было принято и Постановление о порядке налогообложения предприятий, учреждений, организаций на территории Абхазии, в соответствии с которым Абхазия впервые переставала перечислять налоги в союзный и союзно-республиканский бюджеты. Это были первые шаги к экономической самостоятельности республики.

Тем временем, Советский Союз перестал существовать. Поэтому в Сухуме вынуждены были искать пути для того, чтобы хоть как-то себя обезопасить. Чуть позже, 25 января 1992 г. Президиум Верховного Совета принял Закон «О действии законов и других юридических актов на территории Республики Абхазия в связи с прекращением существования Союза ССР». 29 декабря при Председателе Верховного Совета был создан Временный

совет по координации деятельности и переподчинении воинских и милицейских частей, дислоцированных на территории Абхазии. И в тот же день принято Постановление о дислокации воинских частей, учреждений пограничных и внутренних войск, сил ВМФ и внесении изменений в порядок их функционирования на территории Абхазии. 29 декабря на основе расформированного батальона внутренних войск МВД России был создан Отдельный полк внутренних войск Абхазии, который подчинялся лично Председателю ВС РА В. Ардзинба. Затем, 25 февраля 1992 г., Президиум ВС Абхазии принял постановление о переподчинении военных комиссариатов Абхазии Совету по координации деятельности и переподчинения воинских и милицейских частей при Председателе ВС Абхазии. 27 февраля было создано Военно-мобилизационное управление Абхазии. На фоне усугублявшейся ситуации 31 марта Президиум ВС Абхазии принял постановление о призыве в апреле – июле 1992 г. на действительную военную службу в Полк внутренних войск РА граждан призывного возраста.

Срок полномочий действовавшего Верховного Совета Абхазии истек уже в феврале 1990 года. В результате исторических катаклизмов количество абхазов в Абхазии было искусственно доведено до 17%, что им постоянно ставилось в вину. А грузин, благодоря их искусственному заселению в Абхазию и насильственной ассимиляции ими абхазов, стало 44%. Именно это обстоятельство приводили в качестве главного аргумента в споре с абхазами – дескать, вас мало, а вы и без того имеете слишком много привилегий. Поэтому необходимо было выработать механизм, способный хотя бы на некоторое время обеспечить право абхазского народа на выживание на своей родине. Однако с этим грузинская сторона не желала считаться. Тогда начались переговоры между Тбилиси и Сухумом, которые шли с переменным успехом. Предлагались разные варианты Закона, но, в конце концов, остановились на Законе, предусматривавшем квотный принцип формирования Верховного Совета Абхазии.

9 июля 1991 г. в присутствии Председателя Верховного Совета Грузии ВС Абхазии был принят закон о выборах, предусматривавший выделение 28 мест абхазам как коренному народу, 26 – грузинам и 11 – русскоязычному населению. Предлагая такой принцип, грузины рассчитывали в «8 округах из 11 предназначенных русскоязычным депутатам, провести своих сторонников», и тогда они в Верховном Совете оказались бы в большинстве (34 против 31 абхазав)[1]. 27 августа, уже на фоне неудавшегося августовского путча, депутаты приняли пакет документов о выборах, где были определены конкретные избирательные округа, в которых могли баллотиро-

[1] Папаскири З. В. Абхазия. История… С. 389.

ваться только лица определенной национальностей, распределявшихся по ранее определенным квотам. В итоге сложного выборного марафона, к концу 1991 г. был сформирован новый Верховный Совет Абхазии из 64 депутатов: абхазская депутация из 28 депутатов, грузинская депутация из 25 депутатов – в одном округе не принес результатов и второй тур; из остальных депутатов грузинскую сторону поддерживали 6 человек, а абхазскую сторону – пятеро.

6 января 1992 г., в день свержения З. Гамсахурдиа, состоялось первое заседание сессии Верховного Совета Абхазии нового созыва. Депутаты избрали Председателем В. Ардзинба, его первым заместителем – Т. Надарейшвили, заместителем – А. Тополяна. В Президиум ВС вошли еще шесть депутатов: (5 – на абхазской стороне и 4 – на грузинской). Деятельность нового Верховного Совета начиналась в обстановке противоборства и недоверия, что не могло предвещать стабильности в политической жизни Абхазии. В начале февраля руководство Абхазии во избежание обвинений новых грузинских властей в пособничестве сторонникам свергнутого президента Грузии, вынуждено было дать согласие на временный ввод на территорию Абхазии вооруженных грузинских подразделений. Перед этим воинские формирования Военного Совета Грузии, подавив сопротивление звиадистов в Мегрелии, вышли к реке Ингур, абхазо-грузинской границе. Тогда же, в ночь на 4 февраля, полк Национальной гвардии Грузии вошел в Абхазию и уже 6 февраля был в Сухуме. Затем он совершил марш-бросок на «Икарусах» на реку Псоу, к границе Абхазии с Россией, где было устроено «театрализованное представление» с целованием «родной земли» и ритуальным питьем воды из «грузинской» реки. Кроме того, тогда было зафиксировано множество фактов мародерства, грабежей, разбоев и убийств граждан Абхазии «борцами» против звиадизма. Обстановка была дестабилизирована, хрупкий мир в Абхазии был поставлен под удар. После многочисленных настоятельных требований Верховного Совета и общественности подразделение Национальной гвардии Грузии 17 февраля было выведено с территории Абхазии.

Со 2 марта в интересах обеспечения безопасности граждан и восстановления законности и правопорядка ВС РА ввел особый режим поведения граждан на всей территории Абхазии который вступил в действие 10 апреля. Было запрещено проведение демонстраций, уличных шествий, забастовок,. 10 апреля сессия ВС Абхазии, в работе которой грузинская депутация не приняла участия, была создана конституционная комиссия под председательством В. Ардзинба. 5 мая во время выборов Председателя правительства грузинская депутация в полном составе в очередной раз покинула зал заседаний, но в отличие от подобных демаршей, предпринимавшихся ранее, больше в него не возвращалась.

8 мая сессия Верховного Совета продолжила формирование правительства и ввела институт «исполняющих обязанности», который лидеры грузинского движения в Абхазии назвали «гениальным изобретением Ардзинба». Они и призвали своих сторонников саботировать и это решение Верховного Совета. 9 мая в ГИСХе по инициативе ПДСА состоялся съезд представителей грузинской общественности, на котором был создан т. н. Совет Национального Единства, заявивший о необходимости отставки ВС Абхазии. 8 мая наряду с другими был назначен и новый и. о. министра внутренних дел, однако он не мог приступить к исполнению своих обязанностей, т. к. его предшественник Г. Ломинадзе отказался покинуть служебный кабинет. Это резко обострило и без того сложную обстановку в Абхазии. Ситуация вокруг МВД достигла своего апогея 24 июня. Тогда силами штурмовой группы Отдельного полка внутренних войск Абхазии Г. Ломинадзе был выдворен из кабинета, что также повысило уровень напряжения в обществе.

23 июля Верховный Совет Абхазии принял Постановление о прекращении действия Конституции Абхазской АССР 1978 года и введении в действие Конституции ССР Абхазия 1925 года, сохранив действовавшую тогда систему власти. В пункте 5 введенной в действие Конституции говорилось: «ССР Абхазия есть суверенное государство, осуществляющее государственную власть на своей территории самостоятельно и независимо от другой какой-либо власти» [1].

С 24 по 31 июля 1992 г. В. Ардзинба во главе абхазской делегации находился с визитом в Турции. Поездка всколыхнула всех кавказцев в этой стране. Этот визит не преследовал цели установления контактов с официальной Турцией, что при складывавшейся геополитической конъюнктуре было нереальным. Главная цель визита В. Ардзинба была достигнута. Несмотря на то, что, официальная Турция не заявила о поддержке Абхазии в начавшейся вскоре войне с Грузией, ее позиция была не однозначной, а нередко – противоречивой. Главной причиной этому явилось движение, в том числе добровольческое, представителей абхазской и кавказской диаспор в Турции, в поддержку Абхазии. Этому движению придали мощный импульс именно визит В. Ардзинба в Турцию и его встречи с абхазской диаспорой, и это движение, особенно после начала грузинской агрессии против Абхазии, оказывало влияние на официальную позицию Турции.

«На нашу территорию вторглись вооруженные формирования госсовета Грузии, в числе которых уголовные элементы, которые сеют смерть и разрушения на нашей земле», – с этими словами Председатель ВС Абхазии

[1] Абхазские письма. – Сухум. 1994. С. 490.

В. Ардзинба обратился к соотечественникам 14 августа 1992 г., после того, как стало известно о начале военной агрессии Грузии. 14 августа Президиум ВС Абхазии принял Постановление о мобилизации.

Войска госсовета, введенные в Абхазию, должны были сделать абхазов сговорчивыми в разговоре с грузинами, который последним было бы легче вести условиях оккупации ими значительной части территории Абхазии. Соглашение о перемирии было достигнуто уже в полночь 14 августа. Дальнейшие переговоры велись уже только вокруг личности В. Ардзинба. Однако в дальнейшем стало ясно, что В. Ардзинба не будет участвовать в навязанных таким путем переговорах и не собирается подавать в отставку, а абхазская делегация на переговорах не будет объявлять лидера Абхазии «вне закона», что могло бы стать хоть каким-нибудь формальным поводом для объявления агрессии законной. Названная договоренность о перемирии не была в состоянии удовлетворить грузинскую сторону, и, как следствие, Т. Сигуа и Д. Иоселиани уже 15 августа уехали из Абхазии и обвинили В. Ардзинба, отсутствовавшего на них. Неслучайно Д. Иоселиани во время этих переговоров заявил: «Мы уйдем, если уйдет Ардзинба»[1]. Свою позицию по этому вопросу поведал и глава госсовета в интервью грузинскому телевидению 15 августа, заявмв: «с Ардзинба Грузии не по пути»[2].

Московская встреча 3 сентября 1992 г. призвана была прекратить войну в Абхазии, однако на деле она стала демонстрацией давления на абхазскую сторону, которое дало повод назвать ее одним наблюдателям «избиением В. Ардзинба», а другим – «боем одинокого рыцаря». На этой встрече В. Ардзинба продемонстрировал несгибаемую волю и показал себя гибким политиком и дипломатом. На ней основная часть дискуссий происходила по тексту первой статьи Итогового документа. Т. Надарейшвили и Э. Шеварднадзе говорили о недопустимости вывода войск госсовета, «передислоцированных» на территорию Абхазии. А В. Ардзинба, резонно доказывал, что именно нахождение войск госсовета и является «источником всей конфронтации, всего военного конфликта», следовательно, для урегулирования ситуации необходим их вывод. В ходе дискуссий министр обороны Грузии Т. Китовани предложил узаконить уже произведенную подчиненными ему войсками этническую чистку, и призывал Россию также в этом принять участие. Это было фактически предложение разделить Абхазию между Россией и Грузией, чему категорически воспротивился В. Ардзинба. В конце первой половины встречи вице-премьер российского правительства Г. Хижа предложил записать в Итоговом документе, что уровень грузинских войск не должен превышать необходимого для достижения целей этого соглашения, т. е. тем самым закреплялось их присут-

[1]Кубрава А. М. Дорога к сраму… – Сухум. 2010. С. 33.
[2]Там же. С. 35.

ствие на территории Абхазии. В. Ардзинба в ответ заявил, что грузинские войска находятся в состоянии войны с населением, такое решение вызовет продолжение конфронтации, поэтому они должны быть выведены.

Приведу выдержку из стенограммы переговоров, именно во второй их части, точнее уже процедуры подписания Итогового документа, которая также началась без согласия Абхазии, что позволит более наглядно продемонстрировать каким образом абхазской делегации «выкручивали руки», добиваясь от нее подписи.

«Б. Ельцин: Я подписываю.

В. Ардзинба: …насколько я понимаю конфликт происходит в Абхазии. Коль скоро решается судьба Абхазии, наверно, хотя бы элементарно выслушать и наше мнение тоже.

Б. Ельцин: Вы его высказывали. И не один раз.

В. Ардзинба: Борис Николаевич, в Вашем обращении к руководству Грузии и Абхазии сказано о незамедлительном выводе войск …

Б. Ельцин: … Я думаю, кто не подпишет, очень серьезно будет долгие годы со своей совестью бороться, как же все-таки он поступил: «за» свой народ или «против» своего народа. Больше дискуссий сегодня не будет. Кто не хочет подписывать – это дело лично каждого…

В. Ардзинба: Я думаю, что это политика силового давления, которая ни в коем случае не учитывает интересы Абхазии. Насколько я понимаю, тогда надо было просто направить нам документ, который вы подписали, не учитывая наши интересы.

Б. Ельцин: … встревают некоторые лидеры, которые имеют определенные свои интересы и которые не соответствуют интересам своего народа. Я прекращаю на этом дискуссию, прошу больше не высказываться». После этого многозначительного заявления Президента России, Э. Шеварднадзе, торжествующе заявив об этом, подписал документ. В. Ардзинба тщетно пытался обратить внимание на то, что «в этом документе даже не ставится вопрос о конституционных органах власти, которые упразднены в результате введения войск». Он, с нотками отчаяния в голосе, говорил: «Я понимаю, что мы маленькие и с нами как-то можно не считаться… Но все же там осуществляется геноцид против народа. Это самый настоящий геноцид. И, понимаете, в этих условиях вот так с нами, нас даже не выслушать и заставить нас подписать документ, ей Богу, это не справедливо. Я перед Богом это говорю, что несправедливо». А Б. Ельцин отвечал: «Я считаю, что Вы не правы… И, я думаю, что Вы должны быть благодарны, что мы выполнили такую миссию…».

А все это время подписание документа продолжалось, как будто Абхазия не имела отношения к войне на ее территории – подписывали все, но с ее мнением не считались. И после того как документ был подписан пред-

ставителем оккупационных властей Сухума Т. Надарейшвили, Президент России многозначительно заявил: «95 % подписали» и попросил техническую службу, «несмотря на некоторые сомнения Владислава Григорьевича», «внести подносы с шампанским». Поставленный по существу в безвыходную ситуацию, В. Ардзинба все же сумел выторговать 15 минут, по истечении которых вернулся в зал заседания и объявил, что готов подписать документ при условии соблюдения двух моментов. Первый момент касался определения согласованного уровня войск. Второй – статие 11, которую предложил либо снять, либо записать свое особое мнение, «потому что я не могу с точки зрения ни нравственной, ни правовой осуждать людей, которые пришли в Абхазию жертвовать своей жизнью ради абхазского народа, ради всех народов Абхазии»[1]. Позже, 6 сентября на пресс-конференции в Гудауте В. Ардзинба, комментируя итоги Московской встречи, сказал: «Если бы мы не сделали бы этого, нас перед всей мировой общественностью представили бы как виновников срыва переговоров, обвинили бы в том, что мы не стремимся к миру и хотим продолжения кровопролития»[2]. Депутат ВС РА Ю. Воронов, назвав его «документом с дефектом», свидетельствует: «Разговор для абхазской делегации был трудным, а порой и унизительным. В ход шли и грубое давление, и уговоры. Руководствуясь главным – остановить кровопролитие, В. Ардзинба поставил свою подпись под Итоговым документом»[3]. Об этом же свидетельствует и выступление самого В. Ардзинба перед журналистами сразу после подписания документа. Все это говорило в пользу неспособности Итогового документа привести или хотя бы приблизить полномасштабное урегулирование грузино-абхазского вооруженного противостояния. Хотя к тому времени уже работала созданная согласно Итоговому документу Комиссия по контролю и инспекции, но военные действия так и не прекратились.

2 октября 1992 г. абхазские войска освободили г. Гагру, а 6 октября – всю северо-западную часть Абхазии. В речи на открытии Конгресса абхазо-абазин 7 октября В. Ардзинба освобождение северо-западной Абхазии назвал одним из событий, «открывающих новую страницу нашей истории». Гагрская победа вывела восприятие Абхазии в мире на новый уровень. Эта победа привела не только к освобождению абхазского северо-запада и ухудшению российско-грузинских отношений, но и к более пристальному вниманию международного сообщества к войне в Абхазии. Можно допустить, что если до освобождения Гагры международное сообщество в целом реагировало на события в Абхазии, только уступая просьбам Э. Шеварднадзе, то после успешного наступления абхазов многие на Западе

[1] Стенограмма… // Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… – Сухум. 2004. С. 117.
[2] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 1. – М., 1992. С. 266-267.
[3] Там же. С. 301.

стали воспринимать войну в Абхазии не только как попытку главы Грузии обратить внимание на трудности своей страны для получения моральной и материальной поддержки от Запада. Там к рассматриваемому времени, судя по всему, стало созревать осознание того, что война в Абхазии становится самостоятельным военно-политическим явлением, которое больше невозможно рассматривать как сугубо внутреннее дело грузинского государства.

Международные организации, как правило, незамедлительно откликались на призывы грузинской стороны, в то время как неоднократные обращения абхазской стороны так и не получили реагирования. Очередная миссия ООН во главе с заместителем Генерального секретаря ООН А. Бланком в середине октября прибыла в Тбилиси. 14 октября делегация ООН побывала и в Гудауте[1]. Действительно, А. Бланка «не успев сойти с трапа самолета на Гудаутском военном аэродроме, заявил о необходимости восстановления статус-кво, существовавшего до 1 октября»[2], что означало возвращение грузинской стороне освобожденных от оккупантов г. Гагры и всей северо-западной части Абхазии. В тот же день состоялась встреча В. Ардзинба с членами миссии, которые передали послание Генсека ООН и Совета Безопасности. В нем была высказана озабоченность военным конфликтом между Абхазией и Грузией. В. Ардзинба напомнил, что ряд посланий абхазской стороны на имя Генсека ООН остается без внимания, между тем как послания Э. Шеварднадзе об оказании помощи сразу получают соответствующую реакцию. Тогда как, по мнению лидера Абхазии, при рассмотрении в ООН вопроса о вооруженном конфликте между сторонами необходимо обязательное присутствие их представителей – Абхазии и Грузии[3]. 16 октября прибыла в Тбилиси делегация Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе под руководством И. Дьярмати. 18 октября названная делегация прибыла и в Абхазию. В тот же день состоялись переговоры главы делегации И. Дьярмати с Председателем ВС Абхазии В. Ардзинба, который заявил: «Абхазия не будет рабом грузинской империи, и поэтому Грузия должна знать, что в соответствии с основополагающими документами Международного права ей не следует решать проблемы путем применения силы»[4].

На обращения, посланные ранее, откликнулась Организация непредставленных народов. 2 ноября ее делегация во главе с Генеральным секретарем ОНН М. Ван Праагом прибыла в Гудауту. 3 ноября состоялась ее встреча с В. Ардзинба, который подчеркнул, что все действия руководства

---

[1]Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века (1989–2000) // www. abkhaziya. org.

[2]Хагба В. Агрессия Грузии и международное право. – Гагра. 1995. С. 39.

[3] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 2. – М., 1993. С. 300-301.

[4] Абхазия: хроника необъявленной войны. Ч. 3. – М., 1993. С. 31-32.

Республики Абхазия исходят из стремления сохранить свою государственность. «Пример Абхазии – яркое свидетельство незащищенности малочисленных народов», – заявил он. В заключение В. Ардзинба сказал, что «если бы мы не оказали сопротивления агрессии, то наша судьба оказалась бы еще трагичнее». Позже, в январе 1993 г., в Гааге Генеральная Ассамблея ОНН приняла резолюция в поддержку Абхазии.

5 января 1993 г. была предпринята попытка освобождения оккупированной абхазской столицы, которая завершилась неудачей. Через несколько дней после операции, 8 января, была учреждена должность Главнокомандующего Вооруженнымио силами Абхазии, на которую был назначен В. Ардзинба. Это решение судя по всему, было продиктовано опытом Январского наступления. Самый трагический момент в истории Отечественной войны в Абхазии – это Мартовское наступление Абхазской армии на Сухум, окончившееся неудачей. В Обращении В. Ардзинба подчеркивал: «Мы должны говорить не о поражении наших войск, а о неудачной попытке наступления. Но сам факт того, что мы предпринимаем одно наступление, следующее наступление, настойчиво ищем путь освобождения нашего родного города, говорит и о нашей силе, и о наших возможностях. На войне – как на войне. Не всегда бывают только одни победы, бывают и поражения. Бывают и неудачные наступления. Мы не можем и не имеем права падать духом. Борьба с фашизмом будет продолжаться. Мы сделаем все необходимые выводы из нашего наступления. И я глубоко убежден в том, что победа будет на нашей стороне!»[1]. После Мартовского наступления грузинская сторона отказалась выдать трупы погибших абхазских бойцов. Это делалось с умыслом: вызвать недовольство народа своим руководством, привести его к расколу. Именно в те дни скорби, после провала наступления, стали раздаваться голоса недовольства политикой руководства Абхазии и лично В. Ардзинба.

21 мая 1993 г. в Обращении В. Ардзинба Генеральному секретарю ООН были обозначены магистральные пути развития абхазского государства в послевоенное время. В документе подчеркивалось, что после всего, что произошло, уже будет невозможно вернуться к тому, что было вполне реально до войны. Относительно будущего политического статуса Абхазии в письме ее лидера отмечалось, что «приемлемым для абсолютного большинства жителей республики можно рассматривать следующие варианты: а) нейтральное демилитаризованное государство, чья независимость гарантирована ООН или иной международной организацией; б) суверенное государство под покровительством (опекой) России; в) суверенное государство, состоящее в конфедеративных отношениях с Республикой

[1]http://www. ardzinba. com/politics. php.

Грузия (хотя последний вариант теперь будет иметь много противников среди граждан Абхазии – негрузин и вряд ли получит достаточную поддержку на референдуме или опросе)»[1].

9 июня министр иностранных дел России А. Козырев, побывав в Тбилиси и оккупированном Сухуме, прибыл в Гудауту, где встретился с руководством Абхазии. У сторон наблюдались различные подходы к проблеме урегулирования грузино-абхазского противостояния. В частности, вопрос прекращения огня руководитель внешнеполитического ведомства России не рассматривал в контексте с последующим выводом грузинских войск с территории Абхазии. А позиция руководства Абхазии оставалась прежней – прекращение огня и вывод грузинских войск с территории республики. План А. Козырева также не предусматривал возвращения в Сухум законных органов власти, отсюда можно заключить, что он преследовал единственную цель – консервацию сложившейся к тому времени ситуации в грузино-абхазской войне. Заместитель Председателя Верховного Совета Абхазии С. Джинджолия, принимавший участие в названных переговорах, вспоминает: «Козырев в разговоре произнес буквально такую фразу: «Предупреждаю вас о недопустимости попыток территориальных приобретений». А Владислав Григорьевич буквально взорвался: «Какие территориальные приобретения? Мы идем освобождать свою территорию, свою землю. А вы говорите о территориальных приобретениях». Позже, в конце июня, В. Ардзинба, комментируя жесткую позицию российского министра иностранных дел, отмечал: «Насколько я понимаю, г-н Козырев должен заниматься международными делами России. Пусть он этим и занимается. Вопрос о том, какая у нас будет форма государственности – это вопрос не господина Козырева – это вопрос народа Абхазии. Мы и только мы будем определять и форму нашей государственности, и вопросы взаимоотношений с соседями»[2].

Затем последовали две успешные – Июльская и Сентябрьская – наступательные операции Абхазской армии, приведшие к победоносному завершению Отечественной войны. 30 сентября 1993 г. грузинские оккупационные войска были изгнаны из Абхазии. Крупномасштабные боевые действия завершились, но до мира было еще очень далеко. Тогда Ардзинба скажет: «Самое страшное – позади, самое трудное – впереди».

Через шесть дней после изгнания грузинских войск, 6 октября, Председатель Парламента Абхазии В. Ардзинба заявил, что его страна будет «искать пути создания демилитаризованного нейтрального государства при наличии международных гарантий»[3]. В ноябре 1993 г. в Женеве начался

---

[1] Те суровые дни. Хроника Отечественной войны… – Сухум. 2004. С. 347, 349.

[2] Газ. «За наше Отечество», № 8, 29 июля 1993 г.

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 44, 6 ноября 1993 г.

переговорный процесс между Абхазией и Грузией под эгидой ООН, при содействии России и участии СБСЕ. В них также принимала участие группа стран, объединившихся в организацию под названием сначала «Друзья Грузии», а позже – «Друзья Генсека ООН по Грузии». Первый раунд этих переговоров проходил 30 ноября – 1 декабря и завершился подписанием Меморандума о понимании между грузинской и абхазской сторонами, в котором предусматривалось обязательство сторон не применять силу друг против друга.

Наряду с этим, Абхазии, приступившей в условиях послевоенной разрухи к созданию нового государства, приходилось преодолевать на этом пути серьезное противодействие. Еще в ходе Сентябрьского наступления Россия ей объявила блокаду. 20 декабря В. Ардзинба обратился к Ельцину с просьбой отменить экономическую блокаду Абхазии[1], но не получил ответа.

11-13 января 1994 г., на фоне активного противостояния на р. Ингур между абхазскими пограничниками и грузинскими военизированными подразделениями, в Женеве состоялся второй раунд абхазо-грузинских переговоров. Их главной темой был вопрос ввода в зону грузино-абхазского противостояния миротворческих сил, который сторонами был согласован. Комментируя их ход, В. Ардзинба тогда в интервью Абхазскому телевидению, отметил, что «никто извне статус государства определять не должен». Далее он подчеркнул: «Уже сам факт того, что в Женеве ведутся переговоры между абхазской и грузинской сторонами при участии России под эгидой ООН и СБСЕ – это крупный и важный шаг для Абхазии… Абхазия, участвуя в этом процессе, так или иначе, уже представляется пусть еще как непризнанная республика, но ведущая переговорный процесс»[2]. Позже, 24 июля, выступая на Втором Всемирном Конгрессе абхазо-абазинского народа, В. Ардзинба заявил: «…Переговоры между Абхазией и Грузией – это переговоры о возможном воссоздании государственно-правовых отношений. Отсюда следует, что на данный момент не только де-факто, но и де-юре между Абхазией и Грузией нет государственно-правовых отношений. Следовательно, любые заявления о территориальной целостности Грузии к нам не имеют никакого отношения»[3].

Еще в марте В. Ардзинба, в интервью Абхазскому телевидению, сказал: «Мы выступили с инициативой о встрече руководителей Северного Кавказа и Юга России с тем, чтобы рассмотреть проблемы, которые возникают с точки зрения экономических взаимоотношений между Абхазией и этими регионами, в том числе проблема границы»[4]. Эта встреча состоялась

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 53, 26 декабря 1993 г.

[2] Газ. «Республика Абхазия», № 7, 26 января 1994 г.

[3] Газ. «Республика Абхазия», № 55, 27-30 июля 1994 г.

4 Газ. «Республика Абхазия», № 22, 25-29 марта1994 г.

20 мая, на ней Абхазия была принята в Ассоциацию социально-экономического сотрудничества республик, краев и областей Северного Кавказа и Юга России. И в тот день участники Ассоциации обратились к Ельцину с призывом отменить экономические санкции, введенные в сентябре 1993 г. [1]. Тогда же состоялся визит В. Ардзинба в Кабардино-Балкарию и Адыгею[2]. В августе в ходе визита делегации Верховного Совета РА во главе с В. Ардзинба в республики Татарстан и Башкортостан были заключены договоры о дружбе и сотрудничестве Абхазии с этими республиками. МИД Грузии не замедлило сделать Заявление, выразив обеспокоенность тем, что подписанные в Казане и Уфе договоренности, подрывают территориальную целостность не только Грузии, но и России[3]. Независимая Абхазия трудными, маленькими шагами пробивала себе дорогу в «мир».

26 ноября 1994 г. была принята Конституция Абхазии, провозгласившая ее независимым государством. В тот же день Верховный Совет, согласно новому основному Закону, избрал В. Ардзинба Первым Президентом Республики Абхазия. Его инаугурация состоялась 6 декабря. В. Ардзинба тогда отметил, что принятие Конституции не противоречит интересам России. Вместе с тем, это подтвердило неизменность курса на независимость. Однако это было всего лишь новым этапом в борьбе абхазского народа и его лидера в борьбе за признание своего права на самоопределение.

После поражения в войне против Абхазии, Грузия вынуждена была вернуться в фарватер российской политики и временно отказаться от западной ориентации, что свидетельствует о глобальных геополитических последствиях победы абхазской армии в сентябре 1993 г. Уже 8 октября Грузия вступила в СНГ, 9 октября было подписано Соглашение о пребывании российских войск в Грузии до 1995 г.

3 февраля 1994 г., в ходе визита Б. Ельцина в Тбилиси, был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве. Согласно ему, на территории Грузии создавалось пять российских баз, а российские пограничники брали под свой контроль грузино-российскую границу, Россия также обещала поддержку Грузии в строительстве и переоснащении ее армии. Абхазия отреагировала на этот документ негативно. Государственная Дума также отказалась ратифицировать его, вследствие чего он так и не вступил в законную силу.

4 апреля 1994 г. в Москве между сторонами конфликта, представителями ООН, России и СБСЕ, в присутствии Генерального секретаря ООН было подписано «Заявление о мерах по политическому урегулированию грузино-абхазского конфликта». Этот документ констатировал факт отсутствия

---

[1] Газ. «Республика Абхазия», № 39, 27 –31 мая 1994 г.
[2] Газ. «Республика Абхазия», № 39, 27-31 мая 1994 г.
[3] Газ. «Республика Абхазия», № 63, 24-26 августа 1994 г.

государственно-правовых отношений между Абхазией и Грузией. 4 апреля также было подписано Четырехстороннее соглашение о добровольном возвращении беженцев и перемещенных лиц. В Соглашении предусматривалось, что иммунитет беженца не распространяется на лиц, совершивших военные преступления или преступления против человечности; тяжкие уголовные преступления; ранее принимавших участие в боевых действиях, находящихся в составе вооруженных формирований.

14 мая в Москве было подписано Соглашение о прекращении огня и разъединении сил, которое предусматривало ввод российских Миротворческих сил под эгидой СНГ в зону конфликта. Миротворческая операция началась 20 июня. Тбилиси, как выяснилось, рассчитывал с помощью российских миротворцев вернуть Абхазию. 29 июня Э. Шеварднадзе объявил, что так называемое Правительство Абхазии в изгнании, находящееся в Тбилиси, скоро переедет в Гальский район. Россия также фактически не принимала во внимание интересы абхазской стороны. На Абхазию оказывалось давление с целью добиться ее согласия на массовое возвращение т. н. грузинских беженцев. И, как следствие, на фоне наивысшего подъема российско-грузинских отношений летом и осенью 1994 г. происходит обострение российско-абхазских отношений. Так, бытовой ссоре российских военнослужащих и местных жителей, произошедшей 25 августа в Гудауте, был придан статус военно-политического скандала. А в середине сентября на границе Абхазии с Грузией была устроена крупная провокация, чуть было не приведшая к военным столкновениям. Ночью 13 сентября миротворцы убрали свои посты, а утром 14 сентября окружили здание Галской милиции, узел связи и другие важные объекты. Всем этим лично руководил заместитель министра обороны России Г. Кондратьев, а командир миротворцев, расположенных у Ингурского моста, заявил, что у него есть приказ от Президента России перевести грузинских беженцев. Абхазские власти вынуждены были предпринять адекватные меры, и провокация была пресечена. 16 сентября при посредничестве П. Грачева, в Новом Афоне состоялась встреча В. Ардзинба и Э. Шеварднадзе, после которой никаких заявлений не было сделано.

На пути к независимости абхазскому руководству приходилось преодолевать жестокое противодействие мирового сообщества. Как отмечалось выше, одной из таких мер давления явилось Постановление Правительства РФ «О мерах по временному ограничению пресечения государственной границы РФ с Азербайджанской Республикой и Республикой Грузия», принятое 19 декабря 1994 г. Под предлогом возможного притока добровольцев в Чечню, Россия ввела сухопутную и морскую блокаду против Абхазии.

29 августа 1995 г., на фоне очередного обострения ситуации в Абхазии, в Москве возобновились четырехсторонние переговоры по урегулирова-

нию грузино-абхазского конфликта. Чуть позже Президент Абхазии, комментируя их, сказал: «От общественности скрывается тот факт, что нам на стол кладут документ, подготовленный грузинской стороной, вынуждают его подписывать и еще обвиняют в том, что мы его не подписываем». 15 сентября, во время визита Премьер-министра России В. Черномырдина в Грузию, было заключено соглашение по российским военным базам в Грузии, в числе которых названа и Гудаута. На 30 сентября были назначены военные учения Миротворческих сил СНГ. В ходе этих учений планировалось ввести в Гальский район батальон СНГ, личный состав которого состоял преимущественно из грузин, а вслед за ним и грузинскую полицию. Планы совпали по времени с очередными заявлениями Э. Шеварднадзе о скором восстановлении суверенитета Грузии над Галским районом Абхазии. Эти мероприятия, рассчитанные на оказание давления на Абхазию, вынудили руководство страны привести Абхазскую армию в состояние повышенной боевой готовности.

9 января 1996 г. В. Ардзинба обратился к главам СНГ с предложением не рассматривать вопрос Абхазии без участия ее представителей «во избежание принятия решений, основанных на односторонней информации». Несмотря на обоснованность опасений абхазской стороны, 19 января саммит глав СНГ принял «Решение о мерах по урегулированию конфликта в Абхазии, Грузия», в котором осуждалась «деструктивная позиция абхазской стороны» и подтверждалось, что «Абхазия является неотъемлемой частью Грузии». Страны СНГ брали на себя обязательства без согласования с Грузией не осуществлять торгово-экономические, финансовые, транспортные и иные операции с властями абхазской стороны; не вступать в официальные кантакты с представителями или должностными лицами структур, существующих на территории Абхазии; не допускать функционирования на своих территориях представительств властей Абхазии. Более того, саммит обратился к Совету Безопасности ООН с призывом поддержать меры воздействия на власти абхазской стороны и рекомендовать всем государствам – членам Организации, присоединиться к этим мерам. Тем самым, государства – члены СНГ, за исключением Белоруссии и Туркменистана, согласились поставить Абхазию на грань физического выживания, чтобы заставить ее отказаться от своих завоеваний.

Непоследовательное и неконструктивное поведение Грузии объясняется тем, что ее позиция получала поддержку также и в документах ООН и ОБСЕ. В частности, ОБСЕ трижды принимались акты, осуждавшие позицию Абхазии (Будапешт, 6 декабря 1994 г., Лиссабон, 3 декабря 1996 г., Стамбул, 17-18 ноября 1999 г.). А Европейский парламент в одной из своих резолюций назвал абхазское правительство «бандитско-террористическим движением». Нужно отметить, что к концу 1996 г. происходит

переориентация Грузии на Запад, у которого к этому времени стала озвучиваться и воплощаться в жизнь наступательная политика в регионе. Это обстоятельство в дальнейшем стало оказывать значительное влияние на процесс грузино-абхазского урегулирования.

Однако Россия продолжала проводить политику «умиротворения» Грузии, и, как следствие, ужесточала давление на Абхазию. С 15 апреля 1997 г. были отключены все телефонные линии, соединяющие Абхазию с внешним миром, что означало и информационную блокаду. Тбилиси, чувствуя безнаказанность, наряду с дипломатическим давлением, продолжал вести с Абхазией террористическую войну. В частности, в рассматриваемый период в Галский район было введено значительное число грузинских диверсионно-террористических групп для дестабилизации положения в этом регионе. Тем не менее, 28 марта саммит глав СНГ осудил позицию абхазской стороны, и возложил на российских миротворцев полицейские функции. 1 апреля Парламент РА заявил, что данное решение является неприемлемым для абхазской стороны. Президент Абхазии также отверг предложение о создании рабочей группы по воплощению в жизнь этих решений саммита СНГ.

В первой половине июня 1997 г. в Москве проходили трехсторонние переговоры по вопросам урегулирования грузино-абхазских отношений. К тому времени грузинское руководство настаивало на выводе миротворцев, очередной срок мандата которых истекал 31 июля. В ходе переговоров, Президент Абхазии заявил о необходимости подписания документа, «который подвел бы черту состоянию войны». Проект подобного протокола был подготовлен абхазской стороной и согласован с российской. Подписание документа планировалось 18 июня. Но оно не состоялось по вине грузинской стороны, выдвинувшей заведомо неприемлемые условия.

27 июня в Абхазию прибыли Президент Адыгеи А. Джаримов и глава администрации Краснодарского края Н. Кондратенко, которые заявили о необходимости снятия экономической блокады против Абхазии. Однако на высшем уровне Россия продолжала оказывать давление на Сухум. Особую активность в этом направлении развил новый министр иностранных дел Е. Примаков. 9 августа в Сочи состоялась его встреча с В. Ардзинба, в результате которой и ряда других встреч и телефонных переговоров, была достигнута договоренность о визите Президента Абхазии в Тбилиси. Уже тот факт, что визит был назначен на 14 августа, пятую годовщину вторжения Грузии в Абхазию – день Памяти защитников Абхазии – свидетельствует о том, в угоду кому и чему организовывалась эта встреча. В очередной раз В. Ардзинба вынужден был пойти на непопулярный шаг: в Абхазии это решение и сам визит восприняли не одобрительно, а реакция на то, что он состоялся 14 августа, была однозначно негативной. Кроме

того, несмотря на то, что Е. Примаков ручался за неприкосновенность В. Ардзинба в Тбилиси, тем не менее, о полноценных гарантиях его безопасности во вражеском стане говорить не приходилось. «Несговорчивый» В. Ардзинба, несмотря на то, что представлял маленькую и не признаваемую страну, часто становился поперек интересам влиятельных сил и даже не редко способствовал смешиванию карт в их локальных, региональных и даже глобальных военно-политических играх, ареной которых являлась Абхазия. Он не мог все это не понимать, но ему тогда четко дали понять: если он не поедет в Тбилиси, то узнает «что такое настоящая блокада». Тогда была достигнута договоренность о создании Координационной комиссии, что, безусловно, нельзя назвать большим прорывом переговоров, но, по всей вероятности, – это максимум из того, о чем тогда можно было договориться. В Тбилиси, как показали и последовавшие события, готовились не к мирному договору, а к военному реваншу.

Это подтверждается и тем, что 1998 год в Грузии был объявлен «годом возвращения Абхазии», что способствовало еще большему нагнетанию обстановки. 2 января Э. Шеварднадзе высказался за урегулирование грузино-абхазского конфликта путем «принуждения к миру», как это произошло в Боснии. А с 19 по 25 мая в Галском районе происходили боевые действия между абхазскими и грузинскими военными формированиями, которые получили название «шестидневной войны». Грузинские диверсионные группы пытались захватить приграничный район и вывести его из-под юрисдикции законных властей Абхазии. Руководство боевыми действиями осуществлялось из Тбилиси, местным жителям также было роздано оружие. Попытка Грузии была пресечена, а ее военные формирования изгнаны из Абхазии. 25 мая в Гагре был подписан Протокол о прекращении огня, разведении вооруженных формирований и гарантиях по недопущению силовых действий. Документ, в частности, предусматривал: «Грузинская сторона обязуется принять эффективные меры по пресечению проникновения в Абхазию террористических и диверсионных групп, вооруженных формирований и лиц». В. Ардзинба, комментируя итоги шестидневной войны, сказал: «Эта была вторая агрессия Грузии против Абхазии, а не провокация, как ее представляют. Согласившись на вывод военных сил, грузинская сторона тем самым публично признает свое участие в военных действиях».

12 января 1999 г. Президент В. Ардзинба заявил о начале с 1 марта процесса возвращения беженцев в Галский район. Но в Грузии вопрос возвращения беженцев использовался для достижения политических целей и враждебной пропаганды. Даже объявили, что те, кто вернется в Галский район, являются предателями Грузии. В Тбилиси стремились не к возвращению «беженцев», а к спекуляции этой проблемой. Между тем исход ча-

сти грузинского населения из Абхазии произошел до соприкосновения с Абхазской армией, и был вызван опасениями справедливого возмездия за совершенные преступления. В подавляющем своем большинстве грузинское население встретило оккупантов с цветами и продолжало их поддерживать даже после, ставшего эталоном солдафонства и человеконенавистничества, выступления командующего войсками Грузии в Абхазии Г. Каркарашвили, в котором он пообещал «этим сепаратистам (абхазам – А. А.), что если из общей численности погибнет 100 тысяч грузин, то из ваших погибнет все 97 тысяч, которые будут поддерживать решение Ардзинба»[1].

Кроме того, согласно Международному праву, чтобы лицо было признано беженцем, оно должно отвечать следующим условиям: «1) должно находиться за пределами страны своего проживания; 2) должно испытывать вполне обоснованные опасения преследования; 3) эти опасения должны основываться на одном из пяти признаков: расы, религии, гражданства, принадлежности к какой-либо социальной группе, политических убеждений»[2]. Таким образом, спекуляции грузинских властей и их влиятельных западных покровителей на тему «беженцев», лишены, наряду с морально-этическими и международно-правовых оснований. Однако, тогда, в начале февраля 1999 г., в интервью грузинским СМИ, спецпредставитель Генсека ООН Л. Бота сказал: «Я лично могу понять тех, кто не видя перспективы возвращения домой, взял в руки оружие»[3]. Это в тех условиях означало не только оправдание политики государственного террора, которая проводилась властями Грузии против Абхазии под прикрытием «партизан-беженцев», но и практически ее санкционирование.

Некой точкой отсчета нового витка российско-абхазских взаимоотношений можно назвать выборы Президента и референдум в Абхазии, состоявшиеся в начале октября 1999 г. Реакция России на эти события свидетельствовала о некотором изменении ее политики по отношению к Абхазии. Конечно, этот процесс не может рассматриваться вне контекста российско-грузинских, грузино-американских и российско-американских отношений, но сам факт потепления российско-абхазских отношений, и, как следствие этого, ослабление, а затем и отмена санкций на границе, не могли не оказать положительного воздействия на экономику Абхазии, которая была загнана в стопор блокадой. Еще 4 марта 1999 г. Парламент Абхазии принял Закон о выборах Президента, а 19 июля – назначил дату их проведения. 20 июля Генеральный секретарь ООН К. Аннан назвал предстоявшие выборы своего рода народным референдумом. Но уже в резолюции СБ ООН от 30 июля выборы Президента Абхазии были объявлены

[1] Абхазия: хроника необъявленной войны. – М., 1992. Т. 1. С. 128.
[2] Иванов Д. В. Беженцы в современном международном праве. – М., 2006. С. 150.
[3] «Республика Абхазия». №12, 3-4 февраля 1999 г.

неприемлемыми и незаконными. Тем не менее, 25 августа ЦИК Абхазии зарегистрировал В. Ардзинба кандидатом в Президенты РА, а 30 августа был издан Указ Президента «О назначении всенародного голосования (референдума)».

9 сентября Правительство РФ приняло Постановление «О признании утратившими силу постановлений Правительства РФ». Согласно этому документу, признавалось утратившим силу Постановление Правительства РФ от 19 декабря 1994 г. Российским таможенному комитету, министерствам путей сообщений и транспорта было предписано принять меры по надлежащему обустройству пропускных пунктов на границе с Абхазией. 20 октября был снят возрастной ценз на российско-абхазской границе на р. Псоу, что стало первым шагом по практической реализации Постановления правительства РФ.

3 октября 1999 г. состоялись выборы президента и референдум, в которых приняло участие 87, 6% избирателей. Наблюдения за ходом выборов и референдума осуществляли депутаты Госдумы России, Приднестровья, Краснодарского края, Южной Осетии, Карачаево-Черкесии, Адыгеи и Нагорного Карабаха. 97,9% избирателей одобрили Конституцию и проголосовали за В. Ардзинба как за кандидата в Президенты Абхазии. 12 октября Парламент, опираясь на решение референдума, принял Акт о Государственной Независимости, ставший новой ступенью в становлении суверенного Абхазского государства и завершивший правовое оформление независимости Республики Абхазия. К этому времени в России, по справедливому замечанию политологов, наступает эпоха В. Путина, что в свою очередь, ознаменовало существенную корректировку методов отстаивания российских интересов на Кавказе.

А. Р. Казанчи

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В АДЫГЕЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТПАРТА[1]

Общенациональный политический кризис в России во второй половине 1916 – начале 1917 годов завершился мирной революцией и привел к свержению царского самодержавия. 2 марта 1917 года было сформировано Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым. В февральские дни 1917 года монархисты и октябристы практически сошли со сцены, их место заняли кадеты; блокируясь с ними, меньшевики и эсеры прочно обосновались в центре этого спектра.

В стране начались демократические преобразования: на заводах и фабриках создавалась рабочая милиция, устанавливался контроль над распределением продуктов, финансовых средств, движением поездов, работой типографий. Однако новое правительство не могло ничего предпринимать без санкций Петроградского Совета – другого института публичной власти.

После Февральской революции политическая и социально-экономическая ситуация на Юге России складывалась под влиянием общероссийских событий, хотя революционные события в Петрограде не вызвали особых социальных потрясений. Д. П. Кривчик отмечает, что «накопившаяся месть против вековой эксплуатации была лучшим классовым рычагом, а в центре в то время очевидно была обострена междоусобица среди партий, что направляющей одной линии, одного руководства, одного масштаба действий давать было некому. Кстати, у нас не могло быть особенно сложных революционных построений. Мы знали и видели одного врага – полицию, буржуазию и с первых же дней принялись разоружать приставов, урядников, и их стражу»[2].

Известие о свержении самодержавия пришло на места с некоторым опозданием. На местах началось плавное смещение старых органов власти, создание исполнительных комитетов. Функции губернаторов были переданы комиссарам правительства. Комиссарами Временного прави-

[1] Комиссия для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории РКП(б) была учреждена декретом СНК РСФСР от 21 сентября 1920 года в системе Наркомпроса (Главархива и Госиздата). С декабря 1921 года передана в ведение ЦК партии и преобразована в Истпартотдел ЦК РКП(б).

[2] Национальный архив Республики Адыгея. Ф. Р. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

тельства стали депутаты кадетской фракции Думы: в Кубанской области – потомственный казак, есаул из станицы Брюховецкой Кондрат Лукич Бардиж и в Черноморской губернии Н. Н. Николаев, обязанностью которых было наблюдение за деятельностью местных органов власти. В воззвании к населению они заявили: «Все осталось по-старому. Старое правительство пало, но законы остались»[1].

Умеренные социалистические партии социал-революционеров и социал-демократов (меньшевиков) занимали центристскую позицию, приводящую то к компромиссам с большевиками, то к соглашениям с Кубанской Радой. Подобная ситуация наблюдалась и в других населенных пунктах. Участник революционных событий и строительства Советской власти в г. Майкопе И. П. Резников вспоминал, что «вся власть в Майкопе находилась в руках атамана отдела полковника Данилова (кадет), а в городе существовала городская дума (управа), во главе Управы был Лобановский (меньшевик). Легальной организации большевиков в 1917 году не было, и собирались несколько человек частным порядком, обсуждая некоторые вопросы, в рабочем комитете работали меньшевики»[2].

Организация большевиков в Адыгее[3] была малочисленной, к большевикам примыкали рабочие предприятий, бывшие солдаты-фронтовики. В воспоминаниях члена Исполкома Армавирского округа Донского отмечается, что: «В период времени – март, апрель, май и июнь 1917 года о большевиках совершенно не было слышно. Большевики стали известны благодаря лозунгам «долой войну», «вся земля народу», «долой буржуазию». Эти лозунги как будто были написаны всюду в воздухе, на земле, на всех предметах огненными буквами, которые все ярче, все больше привлекали народные массы. Настоящих старых партийцев-большевиков в округе не было. Но местные доморощенные-самородки-большевики действовали очень энергично, даже чрезвычайно энергично. Это я говорю потому, что трудно обольшевичить Кубанскую область, где население чрезвычайно консервативно, зажиточно, религиозно. Это вторая французская Вандея, где еще многие старики и старухи плакали за царем-батюшкой. Тут работа для большевиков не была шуточная, известно, что многие поплатились здесь жизнью за идею большевизма»[4].

---

[1] Кубанский край. 1917. 18 марта.

[2] НАРА. Ф. Р. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 101.

[3] Географические границы работы условно включают современную территорию Республики Адыгея. В изучаемый период территория Адыгеи не имела чётко выраженных административно-территориальных границ и входила в состав Кубанской области. В связи с этим, при анализе социально-экономической ситуации и политических изменений далеко не всегда представлялось возможным выделить из единого процесса события, непосредственно происходившие в Адыгее.

[4] Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 498. Л. 3.

В Майкопе большевиков было мало: Федор Коновалов, Саркисов, Пищулин, Агеев, Кудрявцев, А. Юров, Мешков, Могилин, Гребенштейн, Щеглов, Кучухидзе, Дудин (матрос)[1]. Д. П. Кривчик в воспоминаниях о революционной борьбе на Северном Кавказе писал, что за пять месяцев до Октябрьской революции в Майкопе появился товарищ Херселот, коммунист[2].

Одними из первых революционеров-большевиков среди адыгов стали Мос Хакарович Шовгенов, Шахан-Гирей Умарович Хакурате, Махмуд Учужукович Хатит. Так, по заданию большевистского комитета в период революции 1905-1907 годов они вели агитационную работу в адыгских аулах, принимали активное участие в борьбе рабочих и крестьян против царизма, помещиков и капиталистов. С. Евменьев отмечает, что «о работе среди небольшой группы горцев нельзя было и думать. Их странный уклад жизни, полный своеобразия, трудность подхода к ним: отсутствие литературы на их языке, – все это долгое время мешало привлечь их к революционному движению, хотя, как порабощенные самодержавием, лишившиеся своих «вольностей и права», они, казалось, могли бы представлять из себя подходящий материал для революционной пропаганды»[3].

Реальный процесс становления власти на местах значительно отличался от инструкций Временного правительства. Февральская революция застала врасплох не только власть, но и все политические партии: эсеры и меньшевики пытались разделить ответственность с кадетами в рамках коалиционного буржуазного правительства. В возникшем двоевластии (а по сути – безвластии) быстрее всех сориентировались большевики, которые уже на Первом съезде Советов в июне 1917 года заявили о готовности взять власть и принять ответственность на себя. В воспоминаниях член ВКП(б), боец Д. П. Кривчик пишет: «уже не помню точной даты, когда усиленно заговорили о Ленине, о запломбированном вагоне, прибывшем из Германии, только для нас было странно, что усиления рассасыванья этих слухов, смакование всего этого, принявшего форму настойчивой агитации, исходило от местной буржуазии»[4].

Временное Правительство считало, что задача Советов крестьянских депутатов – отложить решение аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания. Политическую ситуацию весны-лета 1917 года в России принято с легкой руки В. И. Ленина характеризовать как период «двоевластия» Временного правительства и Советов. В Кубанской области имело место иное соотношение политических сил, которое генерал А. И. Дени-

[1] НАРА. Ф. Р. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 51.
[2] НАРА. Ф. Р. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
[3] ЦДНИИК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 549. Л. 4.
[4] НАРА. Ф. Р. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

кин в своих мемуарах назвал «троевластием»[1]. Как эсеры с меньшевиками, так и большевики проводили демонстрации, направленные друг против друга, однако реальная власть находилась в руках Временного правительства Бардижа, которого поддерживало войсковое казачье правительство и атаман А. П. Филимонов. Атмосфера в Екатеринодаре продолжала оставаться тревожной: дороговизна и обилие казначейских билетов на фоне не прекращавшихся митингов отличали жизнь в городе на протяжении всего 1917 года. Политические взгляды населения были очень расплывчатыми.

В материалах Истпарта в многочисленных воспоминаниях отражены противоречивые процессы взаимоотношений между Кубанью и остальной Россией по вопросу о будущей форме республиканской власти. Эти драматические дни очень живо и ярко описаны в мемуарах Д. Ф. Сверчкова. Казачество и горцы стояли на позициях создания федеративной республики, а иногородние – на сохранении централизации и введения земского правления на широких демократических началах, но без всякого различия с русскими губерниями. Казаки полагали, что «с свержением царского режима падут и путы централизма, и думали, что Кубанский край сможет считать себя освобожденным только по создании в России федеративной республики, тесно объединенной во всех своих частях, но предоставляющей свободу политического и экономического развития каждой из входящих в ее состав областей», а иногородние наоборот настаивали: «на сохранении централизации, на полном уравнении Кубани с другими губерниями России и высказывались за немедленное осуществление земского управления на широких демократических началах, но без всякого различия с русскими губерниями»[2]. Идея кубанской государственности вступила в конфликт, как с большевиками, так и с лозунгом генерала А. И. Деникина о великой, единой, неделимой России.

После получения известия об Октябрьских событиях на всей территории Кубанской области, с 26 октября было введено военное положение, атаман А. П. Филимонов и Кубанское войсковое правительство призвали население к борьбе с Советской властью. Кубанское войсковое правительство взяло на себя власть на Кубани. На экстренном заседании Екатеринодарский Совет принял решение о взятии власти в свои руки, но члены исполкома Екатеринодарского Совета были арестованы, революционно настроенные части были разоружены. В ответ в городе начались митинги протеста, забастовки. В послеоктябрьские месяцы усиливается и полити-

[1] Деникин А. И. Очерки русской смуты. В 22-х тт. Том 14. С. 49.

[2] Кубанец (Сверчков Д. Ф.). 1917 и 1918 годы на Кубани. Екатеринодар (со включением истории 1-го Кубанского похода). Екатеринодар, 1919. С. 1. /ЦДНИИКК.

ческое размежевание различных слоев населения города. В воспоминаниях все чаще встречаются упоминания о всевозможных партийных расколах.

На I сессии Кубанской Законодательной Рады в ноябре 1917 года председателем Кубанской Законодательной Рады был избран Н. С. Рябовол, который был сторонником кубанской государственности в рамках федерации, там же вместо Временного войскового правительства было образовано Кубанское краевое правительство[1] под председательством Л. Л. Быча (главы мелкобуржуазного «самостийного» движения на Кубани). Кубанское краевое правительство объявило себя верховной властью на Кубани, выдвинув лозунг «борьбы с диктатурой слева и справа», кубанское правительство пыталось найти свой, третий путь в революции и гражданской междоусобице. С. Евменьев отмечал: «Узкий классовый эгоизм, самостийничество, ненависть к революции, желание во что бы то ни стало и какой бы то ни было ценой сохранить исконные права, землю и строй, при котором казачья буржуазия была бы господином положения на Кубани, к этому времени должны были стать очевидными даже для слепых»[2].

Кубанское краевое правительство отказалось признать Советскую власть, поэтому на Кубанском областном съезде иногородних 14 декабря 1917 года было принято решение о непризнании Кубанского краевого правительства и передаче власти на Кубани Советам. В январе 1918 года на сессии объединенной Кубанской Законодательной Рады Кубанский край (Кубанская область) был провозглашен самостоятельной республикой, входящей в состав России на федеративных началах. На Кубани казаки пользовались всеми правами привилегированного сословия, а иногороднее население, составлявшее свыше 50 %, не имело никаких прав. Д. Ф. Сверчков замечает, что земельный вопрос на Кубани был в стадии обсуждения, потому что казаки сдавали в аренду иногородним излишки своих земельный пайков, и он не мог повлиять серьезно на восстание казачества против Советской власти. Однако в самом казачестве не было единства. Существовали противоречия относительно будущего Кубани. Некоторые казачьи лидеры выступали за федеративное устройство, были сторонниками широкой автономии Кубани, а другая часть – «линейцы» поддерживала идею развития Кубани в составе единой и неделимой России. Борьба между этими группировками не прекращалась вплоть до окончания Гражданской войны и стала одной из причин крушения Белого движения на Юге России.

Таким образом, установление Советской власти на степной Кубани проходило в условиях острой классовой борьбы, понадобилось четыре месяца для победы новой власти.

---

[1] Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. /Под общ. ред. В. Н. Ратушняка. – Краснодар, 1996. С. 515.

[2] ЦДНИИК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 549. Л. 18.

Бывший секретарь Майкопского Совета и Майкопского комитета РКП в 1918 г. Н. Мешкова пишет: «когда были получены первые вести о захвате власти большевиками в Петрограде, в стенах Управления атамана Майкопского Отдела было созвано широкое совещание из представителей всех общественных организаций, в том числе и партий меньшевиков и социал-революционеров на предмет того, чтобы «единым фронтом» выступить против большевиков, которых в Майкопе было не больше девяти человек»[1]. И. П. Резников пишет, что в ноябре 1917 года атаман Майкопского отдела созвал съезд, в котором принимали участие казаки и крестьяне, собственники с повесткой «О защите Кубани от вторжения большевиков»[2].

А. Е. Дровянникову в Майкопском Отделе в селе Великом (бывший Царский Дар) удалось организовать вокруг себя солдат-фронтовиков и «уже к 14 декабря 1917 года захватить в свои руки власть и создать первый пролетарский Совет рабочих, крестьянских депутатов в Майкопском Отделе»[3]. С этого дня, 7 ноября 1917 г., начинается новый отсчет времени в Адыгее, как и во всей России. Как справедливо отмечают авторы книги «Земля адыгов»: «До революции Адыгея была одной из самых отсталых окраин Российской империи. Политически и экономически бесправный адыгский народ страдал под двойным гнетом – царского самодержавия и местных эксплуататоров – черкесской знати. Октябрьская революция освободила адыгов от многовековой эксплуатации, спасла от вымирания и возродила их к новой жизни. От Советской власти горцы получили свою государственность, право на создание сначала автономной области, а затем и республики»[4]. Вслед зам. Керашевым ради истины нужно уточнить, что «в угоду политической конъюнктуре, было бы непорядочно отрицать всё то, что, прямо скажем, спасительное для адыгского этноса, дала и сделала Советская власть черкесам»[5].

В борьбу за установление Советской власти адыги включились сразу. В ноябре 1917 года Советская власть была установлена в с. Николаевском (ныне с. Красногвардейское), в Орехове и 14 близлежащих хуторах; в декабре – в с. Филипповском (ныне с. Великовечное), а. Бжедугхабль. В Адыгее в 1917 году, по воспоминаниям Сафербия Мамия: «после свержения самодержавия и Временного Правительства черкесы: дворяне, князья и

---

[1] НАРА. Ф. Р. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 34.

[2] НАРА. Ф. Р. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 101.

[3] ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 495. Л. 47.

[4] Шеуджен А. Х., Галкин Г. А., Тхакушинов А. К., Алешин Н. Е., Кушу А. А., Шеуджен Б. Е. Земля адыгов (Адыгэмэ ячIышу). Под ред. академика РАЕН, профессора А. Х. Шеуджена. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. С. 250-251.

[5] Шеуджен А. Х., Галкин Г. А., Тхакушинов А. К., Алешин Н. Е., Кушу А. А., Шеуджен Б. Е. Земля адыгов (Адыгэмэ ячIышу). Под ред. академика РАЕН, профессора А. Х. Шеуджена. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. С. 290.

помещики, занялись ведением усиленной агитации среди темной массы крестьян-черкес убеждая их, что в Москве и других больших городах России организуются отряды большевиков, в большинстве из бедняцкого слоя, задавшиеся целью лишь только уничтожить имущество других граждан, а не создать какую-либо власть, что в станицах и других населенных пунктах области организуются также отряды, почему и им черкесам, необходимо влиться в них и отразить большевиков, в случае их движения»[1].

Первые большевики среди адыгов М. Шовгенов и Ш. Хакурате принимали непосредственное участие в установлении Советской власти и в формировании первых красногвардейских отрядов в Адыгее. При этом в первую очередь они опирались на помощь русского народа. Еще летом 1917 года М. Шовгенов писал: «Горцы Кубани, отбрасывая раз и навсегда различие национальностей, смело протягивают руку всему русскому трудовому народу». Позже, обращаясь к горцам крестьянам, он говорил: «Вашими врагами являются ваши же богатеи, князья и султаны, а не русские рабочие и крестьяне, они ваши друзья и братья; не идите к богачам и князьям, а идите к русским рабочим и крестьянам – они дадут вам свободу». На его призывы к совместной борьбе против эксплуататоров адыги отвечали: «Мы все как один пойдем с оружием в руках храбро сражаться за свободный труд. Клянемся честно и беззаветно вместе с русским пролетариатом бороться за свободу угнетенных»[2].

В очерке «Организация Ревкома в Пчегатлукаевской волости» читаем: «в лице, главным образом, областного Атамана генерала Филимонова и комиссара Бартжина, рассылали по аулам агентов с тем, чтобы население не перешло на сторону революции, раздавали населению оружие, формировали через князей и дворян черкесов, конные отряды для отражения большевиков. В этот момент в Пчегатлукаевском районе с обратной пропагандой, а именно, чтобы не воевать, не идти против большевиков и не уходить из аулов, выступил местный житель гражданин Меджид Н. Джамерзе, пропаганда которого оказалась настолько успешно, что население нашего района за очень небольшим исключением, осталось на месте и благодаря этому осталось по сравнению с другими аулами не разорено»[3]

В воспоминаниях гражданина аула Ассокалай Пщемафа Махметовича Гедуадже, 49-ти лет, отмечено, что: «после Февральской революции 1917 года Временным правительством была проведена присяга, как русского населения, так и адыгейского. К концу 1917 года распространился слух,

---

[1] НАРА. Ф. Р. 282. Оп. 1. Д. 11. Л. 98.

[2] Шеуджен А. Х.,Галкин Г. А., Тхакушинов А. К., Алешин Н. Е., Кушу А. А., Шеуджен Б. Е. Земля адыгов (Адыгэмэ ячIышу). Под ред. академика РАЕН, профессора А. Х. Шеуджена. – Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. С. 250-251.

[3] НАРА. Ф. Р. 282. Оп. 1. Д. 11. Л. 131.

что из Петрограда и Москвы идут большевики, которые будут убивать черкесов, насиловать женщин, отбирать имущество, уничтожать веру и т. д. Сначала черкесы этому не верили, но в конце 1917 года наблюдался приток князей, султанов и зажиточных черкесов, которые рассеялись по горским аулам, агитировать против большевиков. По своему обычаю князья и султаны влияли на почетных стариков и совместно с ними на темные черкесские массы, которые в результате верили им и восстали против «большевистского насилия», о котором не имели никакого понятия»[1].

В течение января 1918 года Советская власть установилась в Армавире, Майкопе, почти во всех селах, аулах и станицах Адыгеи, Темрюке, Тихорецкой и ряде станиц, где началось формирование отрядов Красной гвардии. 10-13 марта в Туапсе состоялся III съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Черноморской губернии, где было принято решение о преобразовании губернии в Черноморскую Советскую республику как составную часть РСФСР. Екатеринодар был освобождён красногвардейскими и рабочими отрядами лишь 14 марта 1918 года, вынудив Раду и правительство с его отрядом, уйти за реку Кубань на соединение с Добровольческой армией генерала Л. Г. Корнилова. В середине марта 1918 года вся Кубань стала советской. На Кубани, в Адыгее и в Черноморье начался полугодовой советский период. 28 мая в Екатеринодаре открылся III Чрезвычайный объединенный съезд Советов Кубани и Черноморья, принявший 30 мая решение об объединении Кубанской и Черноморской Советских республик в Кубано-Черноморскую Советскую республику. Однако сохранялись прежние разногласия и были сильны сепаратистские настроения.

Таким образом, главная идея всех документов первых лет Октябрьской революции – это идея сплочения. Сплочения наций, равно уставших от империалистической бойни, сплочения всех людей труда перед лицом разъединяющей их силы денег, сплочения рабочих и крестьян. Революционная Россия пошла на большие уступки народам, входившим в состав прежней царской империи. Революция с особой деликатностью подошла к национальным чувствам обиженных раньше народов, больших и малых. Классовая нравственность Октября породила и явления национального сотрудничества. После Октябрьской революции российское общество пришло к глубокому социальному, национальному, политическому и идейному расколу, повлекшему за собой изменения и в других сферах общественных отношений: ментальных, религиозных, межнациональных. Октябрьская революция воспринимается по-разному в современной России: для одних это национальная катастрофа, приведшая к Гражданской войне, отстава-

[1] НАРА. Ф. Р. 282. Оп. 1. Д. 11. Л. 67.

нию от прочих современных государств и установлению в России тоталитарной системы правления (либо, наоборот, к гибели Великой России как империи); для других — величайшее прогрессивное событие в истории человечества, оказавшее огромное влияние на весь мир, а России – позволившее выбрать некапиталистический путь развития, ликвидировать феодальные пережитки и непосредственно в 1917 году скорее спасшее её от катастрофы. Между этими крайними точками зрения есть и широкий спектр промежуточных.

Борьба за установление Советской власти на Кубани, в Адыгее и в Черноморье была длительной: яростное сопротивление большевикам оказывали Кубанское войсковое правительство и Кубанская Рада. В ходе Гражданской войны проявлялись общие явления как для России, так и для Кубани: результатом Первой мировой войны стали негативные демографические и экономические последствия. На ситуацию заметное влияние оказывала сословная, этническая, конфессиональная специфика региона. Как справедливо замечает Н. А. Почешхов: «Кубань не просто региональное понятие – это территория исторически сложившейся общности людей, прошедших в течение столетия, включающего и события Гражданской войны, через масштабные социально-политические коллизии. Прошло всего несколько десятилетий (с 1864 г.) как эта территория вошла в состав Российской империи и, с точки зрения исторической перспективы, только начала складываться в единое социально-политическое пространство, сохраняя скрытое внутреннее напряжение»[1].

В заключение необходимо отметить, что в фондах Истпарта чаще всего находят отражение национальные и этнические вопросы, наличие значительного социального расслоения в обществе, борьба казачества и горцев с иногородними. Региональные фонды Истпарта представляют богатейшее собрание репрезентативных источников по истории революций и Гражданской войны.

[1] Почешхов Н. А. Гражданская война на Кубани 1917-1921 гг. Проблемы теории и методологии /Науч. ред. Э. А. Шеуджен. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2006. С. 7-37.

З. М. Габуниа

ЛИЧНОСТЬ В. Г. АРДЗИНБА КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОБЕДЫ АБХАЗСКОГО НАРОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОИНЕ НАРОДА АБХАЗИИ 1992-1993 ГГ.

«В наших генах нет бацилл холопства…»

В современном мире имидж политического лидера освящается в разных контекстах социально-гуманитарных знаний, в основе которого находится специфика данного политического процесса, с одной стороны, является ли имидж лидера эффективным, а с другой, пожалуй, главной, соответствует ли представляемый лидер социальным ожиданиям и установкам населения, ценностным ориентациям…

В нашем понимании, имидж – это особый неповторимый феномен лидерства, который вобрал в себя и образ, и лидерство, и авторитет, и репутацию, и популярность.

Одновременно при создании типологии этноимиджа необходимо также учитывать востребованность лидера в определённый исторический период, структуру его личности, историческое знание судьбы народа, этноэтическую основу лидерства, этнориторические особенности общения, синергетику в общении, эффект мимики и жестов и многие другие механизмы.

Современному политическому деятелю, если выразиться словами Н. Макиавелли, необходимо «являться в глазах людей сострадательным, верным слову, искренним, милостливым и благочестивым»[1], т. е. он должен обладать накопленным опытом для осуществления необходимых взаимодействий, устойчивостью и верностью к позитивным изменениям.

Известный специалист в области социологии В. М. Шепель отмечает, что без привлекательного имиджа не достичь крупных успехов в любой деятельности, не постичь радости человеческого внимания[2]. Отсюда следует, что имидж это не маска и не языковая игра, которую надевает политик. Он основывается на тех качествах, которые реально присущи политику. В этом соотношении, как видится, имидж Владислава Григорьевича Ардзинба предстаёт перед нами не только гармоничным, но и максимально значимым и необходимым для своего народа. Явился к нам «сверху»

[1] Макиавелли Н. Государь. М. 1990.
[2] Шепель В. Имиджелогия. М. 1994.

подготовленным, поэтому Ардзинба никогда не нуждался в пиарщиках. Его имидж сформировал в сознании этноса новое представление о лидере, предводителе, спасителе своего народа. Владислав Григорьевич свято понимал и верил в правильность выбора и обладал масштабным мышлением. Его отличало умение предвидеть события, их развитие, своевременно принимать глубоко обдуманные решения во времени и пространстве. Чтобы встать на защиту родины, ему необходимо было отстаивать свои позиции и объединить свой народ в единую целостность. Напрашивается вопрос: в это время, был ли другой, который мог отстаивать тысячелетиями мечту своего народа – приобретение свободы и государственности. Неужели Всевышний дожидался нашего единственного хеттолога (хаттолога), который как никто знал, каким путём растворился его народ и сможет ли отстоять государственность? А что было бы, если бы не он оказался предводителем своего народа? Ещё не известно, сколько изолированность Абхазии могла продолжаться, если бы не агрессия Грузии по отношению к России… Мне представляется, что если бы в этой трагической ситуации Владислав Григорьевич не возглавил Абхазию, думается, не было бы никаких шансов на победу и на приобретение Государственности. Сразу в начале войны проявились его настоящие качества: стойкость, мужество, преданность своему народу, взвешенность, осмотрительность, мудрость. Уже впоследствии, в ходе войны таким навеки запомнили Владислава Григорьевича.

Если вернуться к началу войны, даже сегодня никто конкретно не знает, о чём реально договаривались Ельцин и Шеварднадзе в Дагамысском бассейне, в то время когда Северный Кавказ (Нальчик) находился на пороге войны? Не старался ли Ельцин перебросить огонь войны в Абхазию? Что обещал Ельцин грузинскому лидеру Шеварднадзе? Как относился Ельцин после победы к Абхазии? К абхазскому народу? Представляется, даже один этот факт и связанные с ним другие наказания и запреты, таят в себе многое для политологов, историков всего мирового сообщества.

Можно представить состояние В. Ардзинба при встрече с ним двух президентов – России и Грузии. Допускаю, что в это время, перед его глазами встала вся трагическая история Абхазии. Кто лучше мог знать судьбу соплеменников хаттов, чем он? К чему привело нападение разноликих варваров на государство хаттов? И этот древний урок повторяется на его родине тогда, когда на арене Абхазии появился он – лидер, с таким изысканным имиджем и репутацией. Ардзинба уже имел личный политический авторитет и признание на съезде СССР по проблемам защиты малочисленных языков. Тогда вокруг него сплотились все политические лидеры малочисленных языков. И здесь, в Абхазии, в дни войны, он чувствовал их плечо, материальную и духовную поддержку.

В многочисленных вынужденных речах, выступлениях, интервью Владислава Григорьевича, всегда отражается уровень его знаний, культуры, интеллекта, эрудиции, темперамента, социально-исторической принадлежности…Он красноречив, точен, ясен, понятен и конкретен. Например, журнал «Центральная Азия и Кавказ», №2, 2000 г., задаёт вопрос: «Господин президент, в исторических трудах некоторых грузинских учёных утверждается, что абхазы – потомки грузинского племени, которое в 8 – 10 веках объединило всю Грузию в сильное государство Кавказа. Так ли это? Можно ли грузинов и абхазов считать родственными народами?»

Его ответ ясный, конкретный:

– Как историк могу сказать, что это суждение никакой серьёзной критики не выдерживает. Каково происхождение слова «абхазы», хорошо известно. Его истоки – в слове «абазги» – самоназвание одного из абхазских племён, живших в бзыбской части Абхазии. Никакого родства с грузинами не имело… Это научно доказано… Но дело в том, что эти два народа действительно на протяжении длительного времени жили рядом друг с другом и многое друг у друга заимствовали. В частности, абхазы были тем народом, который участвовал в создании грузинского государства… И во время войны народы Северного Кавказа без всяких усилий продемонстрировали принципы существования ареального родственного союза.

Диву даёшься, в такое сложное военное время, как Владислав запоминал в точности каждую важную страницу истории Абхазии. Порой кажется, что специальность хеттолога, говорит сама за себя. Феномен Владислава Ардзинба, политического деятеля, лидера всего народа, его уникальная личность имеет глубинную синергетическую основу, устремлённую в будущее своего государства, способность видеть за мыслями настоящую реальность и сделать точный прогноз.

Когда у Владислава Григорьевича спрашивали журналисты, почему многие из тех, кого он привёл в политику, стали его врагами? Он отвечал: «Если бы я не был историком, я, возможно, искал бы другие причины, но я хорошо знаю, что вся история политики – это череда предательств. И моё окружение – не исключение… Политика и чувства – это вещи диаметрально противоположные. Как человек я могу и должен иметь свои сантименты. Как политик, я руководствуюсь интересами своего народа. Понимаете, ради этого я должен встречаться, обсуждать, пожимать руки, любезно улыбаться – всё, что угодно, чтобы мирно решить все конкретные проблемы. Как известно, кроме основы имиджа: позиции, установки, идеи, также к процессуальной стороне имиджа в современной гуманитарной науке, относят и эмоциональную часть: выразительность, энергию, скорость реакции, а также чувство юмора, артистичность, шутки и конкретность…Например, «война – причина, разруха – следствие, ломать – не строить. Вос-

станавливать всегда тяжелее. Главное сейчас – разминировать. Минные поля серьёзные. Есть случай подрыва детей. Мина это – ловушка, смерть в рассрочку, которую можно обмануть. Другое дело – автомат в руках».

Владислав Григорьевич относится к ораторам «мыслящих вслух», т. е. он тот оратор, который вкладывает в свои слова, не только мысли, но и чувства. Он способен на воодушевление, которое невольно передаваясь слушателю, воодушевляет и их. Поэтому для Абхазской армии его появление было праздником радости, воодушевления, любви и сегодня даже, когда его нет с нами, продолжается обожествление своего лидера. Именно поэтому при описании имиджа политического лидера, нам представляется необходимым учитывать особенности современного политического процесса во времени.

Выдающийся лидер Владислав Ардзинба может быть оценен и по характеристикам реагирования людей, по его личностным качествам и по их эмоциональным и ценностным отношениям, по поведению в различных политических ситуациях. Например, когда в докладах и Резолюциях Совета Безопасности ООН стал наблюдаться отход от ранее намеченных принципов урегулирования конфликта между Абхазией и Грузией, его обращение к Генеральному секретарю ООН господину Аннану было чётким, конкретным, ясным и безвозвратным.

«Я вынужден ещё раз напомнить, что вопрос о статусе Абхазии вправе решать только её народ, и он воспользовался своим правом и заявил о независимости Абхазии. Никто не вправе лишить наш народ этого права…Мы готовы обсуждать только один вопрос – вопрос о возможных взаимоотношениях двух равноправных суверенных государств – Абхазии и Грузии»[1]. В этом случае, как видно, из обращения Ардзинба. И реакции на него масс, имидж стимулирует население на его нужные действия и будет воспринят как самый правильный вариант, чтобы скорее добиться желаемого эффекта. Это говорит о том, что его образ однозначно принят народом как «спаситель наций» и соответствует социальным ожиданиям общества. К этому можно добавить, энергичность и синергетику языка Владислава Григорьевича, поведение, запоминающаяся внешность, мудрость, образованность, чувство юмора, ответственность, открытость в суждениях и т. п.. Заинтересованность народа, и вчера, и сегодня, и завтра, останется за Владиславом Григорьевичем. По точному определению Лакоффа, «язык – это политика; политика предполагает власть и зависит от того, сколько у человека власти, а это определяет, как он говорит и как его понимают» (Лакоффа, М. 1990, с. 7). В речи Ардзинба всегда наблюдалось его стремление к укреплению государственности Абхазии. Владислав

[1] Сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба «Мы шли на смерть, чтобы жить». Сухум, 2011.

Григорьевич считал, что устойчивое взаимоотношение всего населения Абхазии, необходимо не столько как социальное, сколько как этическая программа.

Характеризуя деятельность Владислава Григорьевича, Аслан Абаев, Герой Абхазии, доброволец из Кабардино-Балкарии пишет: «Владислав Григорьевич заложил мощную основу, фундамент под строительство независимости государства. И поэтому нынешние политики по-прежнему должны советоваться с ним, обращаться к его глубоким мыслям. Практически все отталкиваются от того, что он начинал. Это отправная точка, с которой начинается весь процесс. Я думаю, и в дальнейшем будет так. Всё будет двигаться по линии, намеченной Первым Президентом».

Нам есть с кого брать пример, к чьим советам прислушаться. Народ, сохранивший после всего пережитого свой этнос, культуру, язык, традиции, народ, имеющий столь одарённую интеллигенцию, должен быть способен к духовному единению всей республики. Мы не должны никогда забывать наши давние изречения: мир правит там, где люди едины; государство сильно согласием…

Лучшим памятником Владиславу Ардзинба будет сохранение и приумножение Абхазской государственности, которая призвана источником духовного возрождения экономического, социального, политического и нравственного роста нашей страны.

В. В. Цкуа

К ПРОБЛЕМЕ ПРИЗНАНИЯ НОВЫХ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА ПРИМЕРЕ АБХАЗИИ И ЮЖНОГО СУДАНА

Грузино-абхазский конфликт часто сравнивают с другими конфликтами: кипрским, палестино-израильским, пытаясь найти сходные и отличительные черты. Пожалуй, чаще всего мы ссылаемся на прецедент с признанием независимости Косова.

При этом стоит отметить, что, несмотря на признание независимости Косова более 100 странами, оно так и не стало членом ООН.

Однако есть еще один конфликт, в котором право народа на самоопределение взяло верх над принципом территориальной целостности государства, что в современной мировой практике очень редкое явление. Его логическим завершением стало появление в 2011 г. нового государства-члена ООН Южного Судана.

Как известно, в международном праве есть два принципа, регулирующих правила признания или не признания независимости государства: это принцип равноправия и самоопределения народов и принцип территориальной целостности государства. Оба эти принципа упоминаются в Уставе Организации Объединенных Наций[1].

Эти два принципа порой вызывают множество споров. В каких случаях, по отношению к каким конфликтам какой из них правильно применить?

Интересно, что принцип права народов на самоопределение упоминается в Уставе ООН дважды.

В п. 2 ст. 1 провозглашается, что одна из целей организации — «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов». В ст. 55 самоопределение народов отнесено к одной из основ мирных и дружественных отношений между нациями, которые сами являются условиями стабильности и благополучия.

Однако в период предоставления независимости колониальным странам и народам этот принцип стал истолковываться несколько иначе. В статье 2 Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам (резолюция 1514 (XV) ГА ООН от 14 декабря 1960 г.)

[1]Устав ООН. Un. org.

говорится, что «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие»[1].

Конечно, страны-подписанты Декларации не могли не создать ограничительные меры, и последующая статья № 6 говорит, что «любая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций[2]».

Затем этот принцип получил дальнейшее развитие в Международных пактах о правах человека, принятых ООН в 1966 г. и впоследствии на Венской конференции по правам человека 1993 г.

То есть, право народов на самоопределение должно осуществляться в строгом соответствии с требованиями других принципов международного права. Этот принцип тесно связан с проблемой соблюдения или несоблюдения прав человека. Можно сказать, что из-за многочисленности нарушений прав человека и меньшинств, к этому принципу приковано такое пристальное внимание.

Что касается второго принципа территориальной целостности государств, то, как правило, именно на него ссылаются мировые державы в конфликтах. К примеру, именно этим обосновывается отказ от признания независимости Республики Абхазия.

Но в Южном Судане признавая результаты референдума, международное сообщество опиралось на принцип права народа на самоопределение. И это в современных международных отношениях является большой редкостью.

Вообще в международном праве существуют две так называемые теории по вопросу признания новых субъектов международного права: декларативная и конститутивная.

Согласно декларативной теории, признание констатирует возникновение нового субъекта международного права, в частности нового государства, и большого юридического значения для него не имеет, поскольку существование государств как субъектов международного права не зависит от их признания[3].

В качестве примера можно привести Абхазию, которая до 2008 г. не была признана ни одним государством – членом ООН. Однако это не означает, что республики как государства не существовало до признания. У республики были все необходимые государственные символы.

Конститутивная теория наоборот полагает, что государство как субъект международного права возникает только после его признания другими

---

[1]http://www. un. org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial. shtml

[2] http://www. un. org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial. shtml

[3]http://isfic. info/mpra/intlow23. htm

государствами, а до признания новое государство юридически как бы не существует[1].

К примеру, ученый-лингвист, кавказовед, бывший министр иностранных дел Абхазии Вячеслав Чирикба пишет, что «в свете декларативной теории государственности, на момент ее признания Абхазия уже в течение 16 лет являлась суверенным независимым государством, вне какой-либо грузинской юрисдикции и контроля. В свете конститутивной теории государственности, Абхазия стала полноценным государством с момента ее признания Российской Федерацией 26 августа 2008 года. Это признание только подтвердило фактическое существование этого независимого государства»[2].

Сравнивая оба конфликта (грузино-абхазский и суданский), стоит отметить наличие некоторых общих моментов между ними. Во-первых, оба конфликта можно отнести к этнополитическим. При этом стоит отметить, что грузино-абхазский конфликт также является межгосударственным, как считает ряд историков.

Что касается этнополитических конфликтов, то это форма межгруппового конфликта, в котором группы с противоположными интересами различаются по этническому признаку[3].

Стоит отметить, что этнополитические конфликты являются наиболее трудно разрешимыми в мировой истории. В таких конфликтах затрагиваются вопросы национальной самоидентичности того или этноса. И грузино-абхазский и суданский конфликты носят ценностный характер. Ценностные конфликты являются прямым следствием навязывания одним этносом своих систем ценностей другому этносу, пренебрежительного отношения этносов по отношению друг к другу[4].

Во-вторых, для обоих конфликтов характерно наличие национально-освободительного движения.

В-третьих, для того чтобы понять причины военной фазы конфликтов необходимо искать предпосылки конфликтов глубоко в истории. Именно предпосылки, заложенные в XIX в. привели к Отечественной войне в Абхазии 1992 – 1993 гг. Это можно сказать и о суданском конфликте. В обоих конфликтах войны стали результатом длительного противостояния.

Оба конфликта являются ярким примером того, как недальновидная политика может привести к войне и разделению страны.

---

[1] См. там же

[2] Чирикба В. А. Международно-правовой статус Республики Абхазия. МИД РА. – С. 2013. С. 23-24.

[3] Жукова В. И., Краснова Б. И. Общая и прикладная политология: Учебное пособие. – М. 1997. С. 392.

[4] http://www. socioworld. ru/sworlds-713-1. html

История грузино-абхазского конфликта достаточно изучена отечественными историками.

А вот о суданском конфликте известно не так много. Поэтому в статье основной акцент будет сделан именно на ситуации в Судане и Южном Судане.

Конфликт в Судане считается одним из самых продолжительных на африканском континенте. Однако, несмотря на разрешение проблемы, а именно на отделение Юга от Севера и последующее признание независимости Южного Судана, нельзя сказать, что конфликт разрешен.

Ситуация обостряется и тем, что Южный Судан в настоящее время переживает период гражданской войны. По современным оценкам после отделение Юга население Судана составляет – 40 млн человек, а Южного Судана –12 млн.

Рассматривая период существования единого Судана, стоит отметить, что история этой страны тесно связана с периодом колониализма, в котором и нужно искать предпосылки будущего кровавого противостояния.

Если до начала XIX в. на территории Судана проживали различные племена и арабы – бедуины, то в начале XIX в. территорию Судана завоевала турецко-египетская власть. Надо отметить, что от арабского идет и самоназвание страны Судан, что в переводе означает – «Черный».

Отношение к чернокожему населению было пропитано духом отвращения, поэтому именно их, как правило, продавали в рабство. Поставщиком невольников служил Южный Судан, и поощрение политики работорговли являлось одним из важнейших направлений в турецко-египетском правлении.

Местное население было недовольно происходящим. С одной стороны – засилье европейцев, с другой – произвол турок. Мусульмане были недовольны, что ими управляют иноверцы-христиане или выходцы из Кавказа и Балкан, недавно принявшие ислам и продолжавшие следовать многим христианским традициям.

К тому же, многие из принявших ислам абхазов, южных славян, являвшихся солдатами османских войск, сохранили симпатию к своим бывшим единоверцам-православным и, как могли, поддерживали их. Постепенно в стране стало зарождаться освободительное движение, переросшее впоследствии в махдистское движение. Его идейным вдохновителем стал странствующий дервиш Мухxамед Ахмед, провозгласивший себя махди – т. е. «священный». Восстание закончилось в 1885 г. и ознаменовалось созданием махдистского государства. Идейной основой этого государства был махдизм, не признававший племенных или этнических различий. В его основе лежал ислам. Однако этому государству было не суждено просуществовать долго.

Махдистский период закончился четырехлетней войной 1896-99 гг. и потерей независимости Судана.

Падение махдистского государства ознаменовало собой возвращение Судана в статус колонии, только теперь уже не турецко-египетской, а англо-египетской. Англичане подписали с Египтом «Соглашение о совместном управлении Суданом», это был так называемый кондоминиум. Судан стал официально называться Англо-египетским Суданом. Но в это время политика Египта полностью определялась Великобританией, поэтому правление Египта было номинальным. Англо-египетский кондоминиум продолжался 55 лет с 1899-1955гг. При англичанах Судан был разделен негласно на Арабский Север и Африканский Юг.

Так как основным населением Южного Судана были христиане, то англичане не хотели проникновения ислама в этот регион. Для контроля Юга они проводили так называемую стратегию местного управления. Смысл ее заключался в отделении одной этнической группы от другой для избежания конфликта. Затем англичане решили от централизации перейти к децентрализации. Непрямое правление заключалось в передаче полномочий главам племен, подчинявшимся англичанам. Первым шагом после установления нового института правления стало полное отделение Юга от Севера. Для въезда на территорию Юга необходимо было специальное разрешение. Племена Юга, имевшие тесные связи с арабским населением Судана, были переселены на другие территории. Фактически была создана нейтральная зона, отделявшая Юг от остальной части. Жителям Юга запрещалось говорить на арабском языке, главным языком считался английский.

Целенаправленная изоляция Юга от Севера привела к тому, что в Южном Судане вновь обрел свое влияние племенной фактор.

Победа над фашизмом во Второй мировой войне вызвала волну национально-освободительного движения в странах Азии и Африки. Судан не оказался исключением. В стране тогда было уже несколько политических партий, например, таких как «Аль – Ашикка» (Кровные братья), выступавшая за союз с Египтом. В оппозиции к ней находилась партия Аль-Умма (Нация), проводившая проанглийскую политику. В 1946 г. была также основана коммунистическая партия.

В 1955 г. завершилась суданизация страны, то есть ее объединение и вывод всех иностранных войск из Судана. 16 августа 1955 г. на чрезвычайной сессии суданского парламента было принято решение о независимости Судана. Официально Судан стал независимым 1 января 1956 г.

Согласно принятой временной конституции, Судан объявлялся унитарной демократической республикой с коллективным руководством. Суданизация вылилась в арабизацию Юга Судана, что привело к мятежу южан.

После мятежа правительство ввело на Юге чрезвычайное положение.

Можно сказать, что по-настоящему северяне столкнулись с проблемой Юга после признания независимости.

Южно-суданские парламентарии требовали от правительства проведения плебисцита под эгидой ООН для определения судьбы Юга. Либеральная партия также хотела ввести федеративное правление. Была достигнута договоренность с представителями Севера о рассмотрении данного вопроса. Однако в принятой временной конституции не было ни слова о федеративном устройстве[1]. В стране развернулась настоящая политическая борьба за новую конституцию. Южане требовали автономии в составе Судана, однако их призывы не были услышаны. Это привело к гражданской войне, длившейся около 17 лет (1955-1972). В 1972 г. было подписано Аддис-Абебское соглашение о прекращении огня. Ему предшествовала серьезная и длительная подготовка.

К октябрю 1971 г. официальный Хартум (столица Судана) впервые вступил в контакт с Освободительным движением Южного Судана. Тогда же были предприняты первые попытки провести переговоры между сторонами. В августе 1971 г. представители Юга заявили о готовности к переговорам. Южане требовали создать федеративное государство с независимым правительством на Юге, чтобы армия находилась под управлением президента только в случае наличия внешней угрозы Судану[2].

С помощью посредников удалось выработать окончательный текст соглашения. 27 февраля 1972 г. в Аддис-Абебе делегация правительства Судана и деятели Юга Судана в присутствии представителей императора Эфиопии Хайле Селассие и Всемирного Совета церквей подписали Аддис-Абебское соглашение о прекращении военных действий и предоставлении Югу Судана статуса автономного региона в рамках единого государства. Само соглашение состояло из трех документов: Проекта основного закона об организации самоуправления в южных провинциях Демократической Республики Судан, Соглашения о прекращении огня в Южном регионе, Протокола о временных мероприятиях.

Первый документ касался организации управления Юга Судана. Южанам разрешалось иметь собственные региональные законодательные и исполнительные органы, такие как Народное собрание и Высший исполнительный совет. Эти органы могли решать вопросы внутренней торговли, образования. Но в их компетенцию не входили вопросы национальной безопасности, внешней политики, финансов. Согласно соглашению, столицей автономии становилась Джуба, а основным языком – английский,

---

[1] Б. Дж. Фиджеральд П. Тайные операции английской разведки: Ближний и Средний Восток, Африка и Европа после 1957 г. – М., 1987. С. 17.

[2] Crisis Group Africa Report., Sudan: Major Reform or More War., N°194, 29 November 2012 P. 4.

в то время как арабский был признан официальным языком Судана. Гарантировались право вероисповедания, личной свободы, равные права и возможности при приеме на работу вне зависимости от пола, расовой и племенной принадлежности.

Во втором пакете документов говорилось о прекращении огня с 6 марта 1972 г., запрещении индивидуальных и коллективных актов агрессии и насилия. Третий документ предусматривал назначение президента республики Судана с согласия представителей Юга, председателя и членов Высшего исполнительного совета Юга Судана. Численность вооруженных сил Юга не должна была превышать 12 тыс. человек. Одна половина – состоят из южан, а другая – из выходцев остальных районов страны.

Аддис – Абебское соглашение привело к десятилетнему затишью. Автономность региона подтверждалась Постоянной Конституцией Судана, утвержденной 8 мая 1973 г.

Подписанию соглашения также способствовал и другой фактор. В случае провала переговоров ООН имела право ввести санкции, как против Судана, так и против Юга Судана[1].

Это соглашение способствовало окончанию первой гражданской войны. Ее жертвами стали более двух миллионов людей, около 5 миллионов – беженцы или ВПЛ, около 10 тыс. женщин и детей – проданы в рабство[2].

Однако перемирие длилось не долго. Причин этому – несколько. Во-первых, это – обнаружение нефти на Юге страны в 1978 г. Правительство Судана решило изменить границы южной части страны, с целью исключения нефтяных регионов из его состава и включения их в северные провинции. Естественно, южане расценили это как прямое посягательство на нефтяные запасы Юга.

Во-вторых, планы властей Судана ввести шариат на всей территории страны.

В-третьих, новая административная реформа, разделившая ЮГ на три региона, в каждом из которых формировались собственные правительства. Это привело к ослаблению власти на Юге и облегчило властям Судана решение в свою пользу использования доходов от добычи нефти, обнаруженной в некоторых южных провинциях[3].

В 1983 году отдельные боевые отряды на Юге соединились в Суданскую народно-освободительную армию (СНОА), а затем появилась и политиче-

---

[1] http://africanarguments. org/2012/10/05/sudan-reviewing-the-addis-ababa-peace-agreements-2012-%E2%80%93-by-aly-verjee/

[2] Francis M. Deng.,Sudan – Civil War and Genocide. Disappearing Christians of the Middle EastMiddle East Quarterly. 2001, P. 13-21.

http://www. meforum. org/22/sudan-civil-war-and-genocide

[3] Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск двадцать седьмой). – М., 2006, 346 стр. С 311

ская организация – Суданское народно-освободительное движение, возглавляемое бывшим полковником суданской армии Джоном Гарангом. Он стал и главнокомандующим СНОА.

Вторая гражданская война началась в 1983 г. и длилась до 2005 г. Со времен Второй мировой войны это противостояние являлось самым кровопролитным. В ходе войны в Судане в результате боевых действий, этнических чисток, голода было убито и погибли от 1,5 до 2 миллионов человек. Предположительно 4–5 миллиона человек стали беженцами, 20 % беженцев покинули Южный Судан.

30 июня 1989 г. в результате переворота Омар Хасан аль – Башир стал премьер-министром и главнокомандующим Судана.

В 1992 г. президент Нигерии И. Бабангида попытался склонить стороны конфликта к переговорам. В мае в Абудже (Нигерия) состоялись переговоры между правительственной делегацией и двумя делегациями Юга: одна с Дж. Гарангом, другая – с Лэм Акколем. Две делегации с Юга были из-за того, что среди южан к тому моменту произошел раскол.

Стороны заключили коммюнике, подтверждавшее, что Судан является полиэтническим, многоязычным, поликонфессиональным государством. Эти переговоры получили название «Абуджа – 1», однако в них не говорилось о прекращении огня. В апреле того же года прошел новый раунд переговоров «Абуджа – 2». Н них было объявлено о прекращении огня, но правительственные войска продолжали наступление. Фактически этот раунд переговоров провалился.

В 2002 г. лидер Судана Омар Хасан аль – Башир и Д. Гаранг подписали рамочное соглашение по прекращению гражданской войны[1].

Вторая гражданская война по своим масштабам поразила всех. Во время военных действий правительство широко использовало метод этнических чисток, осуждаемых международным правом. Надо отметить, что изначально большая часть южан не стремилась к полной независимости, добиваясь автономии. Однако действия официальных властей Хартума, их желание полностью исламизировать африканское христианское население, перечеркнули возможность дальнейшего сосуществования арабов-мусульман и африканцев-христиан. Дальнейшие события показали, что отделение Юга от Севера являлось единственно возможным вариантом разрешения этого затянувшегося военного противостояния.

В конфликт между Севером и Югом Судана были втянуты не только региональные страны, но и мировые державы. Из локального он очень быстро превратился в региональный с глобальным измерением. По большей части, это произошло из-за вмешательства третьих стран, и ввиду того,

[1] Козюлин В. Судан между миром и войной http://www. pircenter. org/media/ content/ files/0/13408766120. pdf

что некоторые лидеры южносуданских партий находились в соседних с Суданом государствах. Эти государства, так или иначе, также оказывались втянутыми в конфликт.

В качестве посредников выступали не только соседние африканские страны, но и США, ООН, ОАЕ. В Судане роль посредничества была очень высока, поскольку стороны отказывались проводить прямые переговоры друг с другом.

9 января 2005 г. в Кении было подписано так называемое Найвашское соглашение. По нему стороны договорились о выводе правительственных войск из Южного Судана, проведении по истечении 4-летнего срока выборов на всех уровнях, проведении после 6-летнего переходного периода референдума, на котором жители Южного Судана сами должны были решить: будут ли они жить в едином Судане, или выберут независимость. По этому договору распределялись места в правительстве, вводились должности двух вице – президентов: первый вице-президент и вице-президент.

После подписания соглашения в Южный Судан вернулись более 2 млн. беженцев и ВПЛ, однако из-за тяжелой экономической и политической ситуации 10% вынуждено было уехать обратно[1].

В 2011 г. в Южном Судане, согласно ранее подписанному Всеобъемлющему соглашению, прошел референдум, завершивший переходный период. Учитывая, что большое количество южан является безграмотным, во время референдума использовался особый вид бюллетеней*.

Более 3. 85 млн. или 97. 58% проголосовавших высказались за отделение Юга от Севера[2]. Переходный период после референдума продлился до 9 июля 2011 г. 9 июля 2011 г. Южный Судан был признан независимым государством. Но отделение Юга не стало концом конфликта. Между двумя государствами произошли столкновения из-за территориальных споров. Так, в марте 2012 г. вспыхнул вооруженный конфликт из-за района Хеглиг, жертвами которого, по некоторым данным, стали около 1,2 тысячи граждан Южного Судана.

Необходимо сказать и о ситуации в самом Южном Судане. Что удалось добиться этому государству? К сожалению, о серьезных успехах пока говорить сложно. С 2013 г. в стране идет гражданская война: в Южном Судане началось противостояние между крупнейшими народностями: нуэр и динка. Президент Южного Судана является представителем племени нуэр, а оппозиция – представляет племя динка.

---

[1] J. Bennett, S. Pantuliano. Aiding the Peace. A Multi-donor Evaluation of Support toconflict prevention and peace building activitiesin Southern Sudan 2005–2010. Final report – December 2010 P. 16

[2] Sudan – First Civil War
http://www. globalsecurity. org/military/world/war/sudan-civil-war1. htm

Как сообщали СМИ, в том числе и российские, в результате непрекращающихся столкновений более двух миллионов человек стали вынужденными переселенцами. В августе 2015 г. стороны подписали мирное соглашение, но столкновения вспыхнули вновь менее чем через год.

Этот экскурс в историю суданского конфликта показывает, что отделение Юга от центра было единственным возможным вариантом решения столь кровопролитного конфликта. Международное сообщество признало итоги референдума и приняло Южный Судан в состав ООН. Однако оно не столь единодушно по отношению к другим конфликтам.

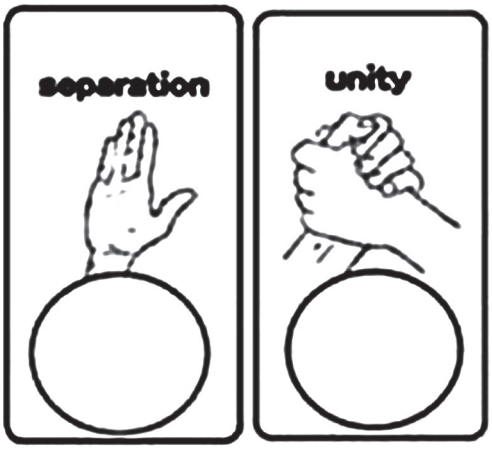
Абхазия тому яркое подтверждение. Республика признана шестью странами – членами ООН.

Единственная площадка, на которой встречаются стороны конфликта – это Женевские дискуссии по безопасности и стабильности на Кавказе, главной целью которых является заключение юридически обязывающего соглашения о неприменении силы.

Грузинская сторона отказывается от его подписания. Однако международное сообщество всегда твердо ссылается на принцип территориальной целостности Грузии, которая считает Абхазию оккупированной российскими войсками территорией. В случае с Абхазией международное сообщество не хочет принять существующие реалии и волеизъявление абхазского народа.

Приложение

Специальные бюллетени для неграмотных избирателей на южносуданском референдуме о независимости 2011г.



Слева – значок за разделение,
справа – за сохранение единого Судана.

Л. Р. Хагба

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ БЕЗ ТАЙНОГО РАСЧЕТА НА СЛАВУ...

«Справедливость, не поддержанная силой, немощна; сила, не поддержанная справедливостью, тиранична», – так писал великий французский математик, философ и писатель Блез Паскаль.

14 августа 1992г. абхазский народ оказался на грани неминуемого истребления. Именно такую участь предрекали во многих политических и интеллектуальных кругах всего мира, осведомленных о реальных соотношениях возможностей противоборствующих сторон.

Но здесь, на нашей многострадальной родине, с первых дней начала лютой войны произошел уникальный случай объединения силы со справедливостью. Дух и сила малочисленного абхазского народа удвоились мощной поддержкой добровольческого движения.

Вот что писал об этом Председатель Верховного Совета Абхазии, сыгравший выдающуюся историческую роль, проявивший в тот период исключительно беспрецедентное мужество В. Г. Ардзинба: «Сколько бы десятилетий, столетий ни прошло, помощь наших братьев с Северного Кавказа, казаков, которые здесь очень мужественно воевали, не должна уйти из памяти народа. Я много думал о том, с чем связана мужественная и всеобщая поддержка абхазского народа со стороны адыгов, всех народов, живущих в КБР и Северном Кавказе. С одной стороны, видимо, все это объясняется тем, что мы народы-братья. А, как известно, беда не может оставить равнодушным близкого человека. С другой стороны, все это связано с тем, что мы в своей истории уже видели нечто очень похожее, в результате чего понесли жестокие утраты, от которых не можем оправиться по сей день... Здесь идет борьба за общечеловеческие ценности. Люди выступают против геноцида народа, против истребления народа, потому что это противно самой человечности.

Когда (3 сентября 1992 г. – Л. Х.) обсуждался итоговый документ московской встречи, у многих оппонентов возник вопрос, мол, в какой степени вы контролируете деятельность добровольческих отрядов, подчиняются ли они Вам? Хочу сказать со всей определенностью: наиболее дисциплинированной, наиболее организованной, наиболее мужественной частью того народного ополчения, которое действует на территории Абхазии, являются как раз добровольческие отряды, состоящие из людей, которые

прошли боевую подготовку, служили в армии…Я бы мог перечислить имена сотни ребят, которые являются образцом солдатской чести…»[1].

На этой же судьбоносной для Абхазии встрече Владислав Ардзинба заявил: «Я не могу с точки зрения ни нравственной, ни правовой осуждать людей, которые пришли в Абхазию жертвовать своей жизнью ради абхазского народа, ради всех народов Абхазии».

А война продолжалась. Она выявляла железную когорту новых героев.

В новогоднем обращении к народу, сделанном 31 декабря 1992 г. в г. Гудауте, В. Г. Ардзинба произнес такие слова: «Мы теперь братья по совместно пролитой крови… Всех денег мира не хватит оплатить человеческую жизнь».

Владиславу Григорьевичу была дорога́ каждая жизнь. Он очень тяжело переживал утраты. Лично я, работавшая в его приемной с начала войны до открытия штаба Конфедерации народов Кавказа в октябре, куда перешла по его совету, неоднократно видела, как Владислав Григорьевич реагировал на очередные сведения о потерях… Было ощущение, что у него останавливается дыхание, глаза переполнялись слезами, дрожал голос, этот мужественный волевой человек в такие мгновения не находил себе места…

У Владислава Ардзинба в то суровое время не было бесследного дня, бесследного часа, минуты… Он оставлял свой след в каждом дне навязанной нам войны, доказательством тому – благословения матерей погибших на дальнейшую удачу: сыном своим вместо погибших сыновей называли его отцы, братом своим – братья и сестры: рождавшихся в тот период мальчиков нарекали именем «Владислав». Люди не сомневались в его искренних намерениях.

Не это ли всенародная любовь и преданность своему лидеру!

Данную статью я посвящаю отношениям добровольцев, их родных и близких к Владиславу Ардзинба, безвременный уход из жизни которого они переживают по сей день.

Добровольцы, как и весь народ Абхазии, были уверены в идейной убежденности Владислава Ардзинба, его преданности народу, в силе его нравственной высоты. Многие хорошо его знавшие наши защитники ушли уже в мир иной, как и он сам. Но они рядом, мы чтим их имена…

Хочу представить вниманию читателей живые, подлинные слова некоторых уже ушедших из жизни добровольцев и их родителей, записанных Вашим покорным слугой. Их, я уверена, не пересилит никакая сила.

Духовно заряжено небо,
Пребудет недолго в тиши,

[1] Эпоха Ардзинба. Хроника жизни человека, историка, политика. Автор проекта Г. Ш. Аламиа. – Стамбул. 2009. С. 181.

И боги в бой вступят особо
За землю абхазской души.

…В разгаре военное лето,
Не видно сраженью конца…
Хоть дым застилает рассветы
Дух Дады в бой кличет сердца, –

это строки из «Баллады о непокоренном народе», автором которой является доброволец из Кабарды, заслуженный журналист Кабардино-Балкарской Республики и Республики Адыгея, кавалер ордена Леона Зубер Бербеков.

В июле 1992 г. во время 2-го Международного фестиваля абхазо-адыгской культуры, познакомившись с Ардзинба, он сказал ему: «Являюсь Вашим верным солдатом, Владислав Григорьевич!». Через 3 недели началась война. Бербеков, как и многие другие добровольцы, на словах и на деле доказал свою бескорыстную преданность Абхазии. Свидетельством такой большой любви является то, что ко дню 2-го Всемирного конгресса абхазо-абазинского народа Зубер с группой взошел на вершину Эльбруса и водрузил там два флага – абхазский и адыгский. Оттуда он взял обломок черного гранита и в качестве символа нерушимого единства абхазов адыгов, и в знак глубокого уважения привез для Владислава Григорьевича. Прислушаемся к отрывку из статьи «Пути-дороги» профессионального журналиста Зубера Бербекова, написанной после освобождения Сухума: «Дорога змеилась по резко пересеченной местности. Миновали Нижнюю Эшеру. Ту самую, на которую враг обрушивал свою ненависть – ведь здесь родился лидер абхазского народа Владислав Ардзинба. Слава Всевышнему, родное селение Ардзинбы не стерто с лица земли, и он здравствует и побеждает как легендарный Данко, освещая людям путь к свободе и счастью:

Сын Ошхомахо
И славной Апсны
К тебе все адыги
Любовью полны.

Смыслями о нем мы включились в ряды освободителей Сухума»[1].

«Ошхомахо» в переводе с кабардино-черкесского означает «гора счастья», так адыги называют Эльбрус. В марте 2005 года Зубер скончался в Нальчике от сердечного приступа.

[1] Хагба Л. Р. Их души тают над горами… Очерки о добровольцах Северного Кавказа, участниках грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. – Сухум. 2013. С. 276.

«Не надо отчаяния! Не бойтесь, держитесь! Вся Чечня с вами, мы с братом Владиславом! Он молодец! Наша кровь не прольется даром, я уверен, мы все верим, что справедливость восторжествует. Владислав со своим народом, мы рядом, все вместе выиграем войну!» – подбадривал нас, сотрудников штаба Конфедерации, величественный и незабвенный Хамзат Ханкаров. Он с восторгом рассказывал о встречах и беседах с Владиславом. Хамзат был настоящим горцем, одно его появление успокаивало нас всех. Особенно он запомнился всей Абхазии как исполнитель популярной песни-гимна «Вставайте, вставайте, Кавказа сыны!» Герой Абхазии Хамзат Ханкаров был убит в Чечне.

Адам Хуаде – главный организатор добровольческого движения в Адыгее. Был активным членом парламента Конфедерации народов Кавказа и Адыгэ Хасэ. Друзей подкупал а его скромность, неприятие всякой лжи и несправедливости, незаурядное мужество.

Узнав о начале войны в Абхазии, в первую же ночь отправился сюда. Лично убедившись в том, что происходило здесь, он вернулся в Адыгею и выступил с яркой речью на митинге: «В Абхазии идет истребление народа. Если не поедем на помощь сегодня, завтра будет поздно. Встанем на защиту братьев-абхазов. Поддержим их лидера – кавказского рыцаря Владислава Ардзинба». Герой Абхазии Адам Хуаде погиб 25 августа 1992г. во время боевой операции «Учхоз».

Среди добровольцев были представители многонационального Кавказа. Среди них пропавший без вести балкарец Аслан Улаков.

Во время войны приехал домой на пару дней, и вот что рассказал он матери: «Мама, у меня была возможность близко видеть и слышать лидера Абхазии Владислава Ардзинба. Это очень умный человек. Он так хорошо к нам относится, он так нас ценит. Мы, добровольцы, восхищаемся им. Я никогда не пожалею о том, что защищаю абхазский народ».

Немного отступив, считаю уместным напомнить всем нам о кавказском менталитете, требующем взаимосвязи и взаимозависимости «отца» и «сына». Как известно, поведение человека в различных жизненных ситуациях оценивается и регулируется выработанными веками народом, зашифрованными в языке кодами. Так, формула «чей он сын?» – «дызҕада?» является одним из основных компонентов традиционной соционормативной культуры абхазов – «апсуара» и адыгов – «адыгагъэ». Такой вопрос возникал как после достойного, так и недостойного поведения человека в обществе. Не было сомнения в том, что рожденный уважаемым, порядочным отцом сын никогда не позволит себе поступка, противоречащего морально-этическим нормам.

Герой Абхазии, начальник штаба северокавказских добровольцев на Восточном фронте, расположенном в г. Ткуарчал, прошедший жизненную

школу воина-интернационалиста в Афганистане Аскер Дзагоев находился в сбитом в июне 1993 г. сванскими боевиками вертолете. Выполнив очередное поручение Главнокомандующего В. Г. Ардзинба, он летел в Гудауту для обсуждения с ним и с Султаном Сосналиевым насущных проблем Восточного фронта. Вертолет был найден спустя 3 месяца. Тела погибших были оставлены местными жителями на съедение зверям. Все это время отец Аскера почтенный Амирхан безвыездно оставался в Абхазии, сам участвовал в полетах в поисках сына. Он был внешне спокоен, знал, что на виду, ведь добровольцы были разного возраста – от 15-летних и старше… Судьба предвещала горцу еще одно испытание: в автокатастрофе разбился и второй его сын, после чего слегла и супруга. Безутешное горе не сломило мужественного Амирхана. Война продолжалась… Мы были поражены – он вернулся в Гудауту и сказал мне: «Дочка, у меня остался еще один сын – Владислав, и народ, за который пожертвовал собой мой Аскер». И определился в группу старейшин при штабе Конфедерации[1]. Теперь уже нет в живых ни его, ни отца легендарного Гены Карданова, ни слепой матери исполнителя полюбившейся всем песни «Адыгэ нысэ» Руслана Желитежева, приезжавшей после войны несколько раз в Абхазию, по ее словам, чтобы почувствовать крепость и святость земли, родившей и воспитавшей такого сына, как Владислав Ардзинба. Они все покоятся там, в далеком, но теперь близком нам кабардинском селе Аргудане, родовом селе первого добровольца, полководца Абхазской армии, Героя Республики Абхазия, поистине правой руки Владислава Ардзинба – Султана Асламбековича Сосналиева.

Трогательных эпизодов из моих встреч со многими добровольцами и их родителями не пересчитать…

Прерваны на взлете благородные помыслы погибших добровольцев, но не зарастут горные тропы, по которым на помощь Абхазии шли потомки великих нартов.

Владислав Ардзинба считал, что самое страшное для Абхазии прошло, но впереди – самое тяжелое.

И в этом тяжелом для Абхазии послевоенном периоде не изменились по отношению к Главнокомандующему и к его народу те, кто тогда был в первых рядах.

Юрий Калмыков, возглавлявший тогда Международную Черкесскую Ассоциацию, безукоризненный авторитет которого сыграл большую роль в освободительной войне народа Абхазии, говорил о Владиславе Ардзинба так: «Высокообразованный, интеллигентный, искренне болеющий за интересы своего народа человек, он впоследствии стойко вы-

[1] Хагба Л. Р. Их души тают над горами… Очерки о добровольцах Северного Кавказа, участниках грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. – Сухум. 2013. С. 291.

держал трудности войны и тяжести послевоенного периода. Ардзинба – великий сын Кавказа»[1].

Али Алиев – капитан первого ранга, начальник штаба Военно-морских сил Абхазии во время войны, председатель парламента Конфедерации народов Кавказа, один из лидеров лакского национального движения в Дагестане, кавалер ордена Леона сказал: «Я считал и считаю Владислава Григорьевича Ардзинба самым выдающимся лидером народов Кавказа. Я это говорю везде: и в Дагестане, и в Абхазии, и в других республиках».

Мусса Шанибов – во время войны начальник штаба Конфедерации народов Кавказа в г. Гудауте, Герой Абхазии: «…Сегодня, когда Абхазия заняла заслуженное место в сообществе государств, особенно явственно вырисовывается героический образ Владислава Ардзинба, возглавившего свой народ в судьбоносный момент истории и приведшего его к победе, которая сделала возможными все дальнейшие достижения»[2].

Заур Налоев – руководитель Общественного Конгресса кабардинского народа: «Я верю в великое будущее братского народа и все его грядущие успехи в области экономики, политики, социальных отношений, которые своими корнями будут восходить к Владиславу Ардзинба и к тому долгожданному суверенитету, к которому привела нацию его борьба. Это его бессмертие и вечная слава»[3].

Прислушаемся к искреннему душеизлиянию дорогого нам брата-абазина Мухаммеда Килба – заместителя министра обороны Республики Абхазия в 1992-1993 гг., Героя Абхазии: «Если бы не вершины, заметные по ту и по эту стороны, горы непреодолимой преградой разобщили бы нас навсегда. Слава богу, что есть эти вершины, которые не дают нам потеряться на пути друг к другу… Высокая личность Владислава Ардзинба сравнима именно с такими вершинами. Этот выдающийся человек за очень короткое время стал очень дорог всем и каждому, кто желал добра абхазскому народу… Чтобы понять масштаб беды, чтобы почувствовать свою необходимость здесь в час беды, нам достаточно было встретиться с Владиславом Ардзинба. В его глазах мы увидели все: и боль за уже погибших, и страх за жизнь живых, и решимость стоять до конца… Все долгие месяцы войны он был с нами… Мы чувствовали его присутствие в каждом бою… Всем нам братьям на радость, абхазский народ живет сегодня в свободной стране. Главное, не забыть, кому мы этим обязаны…»[4].

---

[1] Эпоха Ардзинба. Хроника жизни человека, историка, политика. Автор проекта Г. Ш. Аламиа. – Стамбул. 2009. С. 181.

[2] Там же. С. 180.

[3] Эпоха Ардзинба. Хроника жизни человека, историка, политика. Автор проекта Г. Ш. Аламиа. – Стамбул. 2009. С. 178.

[4] Эпоха Ардзинба. Хроника жизни человека, историка, политика. Автор проекта Г. Ш. Аламиа. – Стамбул. 2009. С. 183.

Все добровольцы, и погибшие, и выжившие, их родные и близкие в один голос говорили и говорят о том бесспорном факте, что лидер Абхазии Владислав Григорьевич Ардзинба отдал свою жизнь без тайного расчета на славу… Об этом надо помнить нам всем и в дальнейшем следовать его заветам.

Э. Д. Эшба

ЗНАЧЕНИЕ ЧЕРКЕССКОГО ВОПРОСА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Черкесский вопрос в России и в мире начал особенно активно обсуждаться после объявления Сочи столицей зимних Олимпийских игр 2014 года. Являясь колоссальным информационным поводом, Олимпиада послужила мощным катализатором протестной активности в черкесской среде.

Между тем, суть черкесского вопроса, невозможно понять, не изучив историю его появления, которая уходит корнями в события Кавказской войны. В ходе полномасштабных военных действий на Северо-Западном Кавказе, на пике сопротивления российскому продвижению в глубь этой территории, черкесами была провозглашена идея создания собственного государства. Солидную роль в продвижении этой идеи сыграли европейские страны (прежде всего Великобритания), целью которых было ослабление позиций Российской империи в регионе. Однако, как известно, проект Черкесского государство так и не был реализован, а в результате Кавказской войны большая часть черкесского населения была депортирована в Османскую империю, на территории которой со временем сформировались полноценные черкесские диаспоры.

Рассматривая современное значение так называемого черкесского вопроса в системе международных отношений, необходимо дать и обзор численности и мест компактного проживания черкесских общин. Вместе с тем, стоит отметить, что именно это аспект остается одним из самых сложных в изучении данной темы, так как в странах, где существуют более или менее значительные черкесские диаспоры, как правило, в переписи населения не учитывается национальность. А рассчитать, хотя бы примерно численность черкесов, проживающих за рубежом, по количеству переселенцев с Кавказа после окончания Кавказской войны не менее проблематично, поскольку имеющиеся статистические данные не позволяют достоверно определить точное число эмигрантов. Как правило, указываемые цифры сильно разнятся. По данным российских источников, приведенных в монографии А. Х. Касумова и Х. А. Касумова, «общая численность адыгов, переселившихся в Турцию за время с 1858 по 1864 г., составляет 398 тыс. 955 человек»[1]. В то же время американский профессор Кемаль

[1] См.: Касумов А. Х. Геноцид адыгов (из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в.) / А. Х. Касумов, Х. А. Касумов. – Нальчик: Логос, 1992.

Карпат, изучавший турецкие архивы, утверждает, что с 1859 по 1879 гг. в Османскую империю приехало 1,5 млн. черкесов[1]. Берзэдж Нихад приводит еще более впечатляющую цифру – 2 000 000 человек[2].

Большинство авторов отмечают, что расхождения по численному составу черкесских переселенцев связаны с тем, что в переписях населения учитывалась только мужская его часть. Разброс мнений по численному составу черкесских переселенцев, связан еще и с тем фактом, что многие авторы не разделяют кавказских эмигрантов и собственно черкесских (адыгских), да и сделать это подчас невозможно. Следует учесть также, что политика Османской империи была направлена на то, чтобы ассимилировать все национальные меньшинства проживающие на ее территории, «чтобы турками стали все вокруг»[3]. По этому поводу В. А. Гордлевский писал, что для турок всегда была характерна самоидентификация через религиозную, а не этническую принадлежность. Мусульманин и турок воспринимались как эквивалентные понятия[4].

И в настоящее время принцип подсчета населения, как в Турции, так и в ряде ближневосточных стран, где проживает черкесская община, строится на выделении графы по конфессиональной принадлежности, реже по родному языку. К примеру, в Иордании и других национальных государствах, возникших после распада Османской империи, мухаджиров в переписях стали причислять к титульной нации. Статус этнических меньшинств получили греки, армяне и евреи.

Вместе с тем, общеизвестно, что в настоящее время, основная масса черкесского населения за пределами Российской Федерации сосредоточена в Турции и ряде других стран «постосманского пространства», сравнительно большое количество черкесов проживает также в странах Евросоюза.

Общая численность черкесов (адыгейцы, кабардинцы, черкесы) в Российской Федерации по данным переписи 2010 г. составляет 714 969 человек, из них 323 663 человека проживает в городах и 391 306 человек относятся к сельскому населению[5].

---

[1] См.: Karpat K. The Religious and ethnic distribution of the Ottoman population (1830-1914). Wisconsin 1985

[2] См.: Берзэдж Н. Изгнание черкесов (причины и последствия). Майкоп: РИПО Адыгея, 1996.

[3] Лурье С. Метаморфозы традиционного сознания (опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала). – СПб.: Тип. им. Котлякова. 1994. С. 126.

[4] Гордлевский В. А. Избр. соч. Т. 3. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1962. С. 76.

[5] Национальный состав Российской Федерации [Электронный ресурс]// Всероссийская перепись населения 2010// URL: http://www. perepis-2010. ru/results_of_the_census/results-inform. php (дата посещения: 12. 08. 13).

Турция. Последняя перепись, учитывающая черкесов, но не выделявшая собственно черкесов (адыгов) из общего числа кавказских переселенцев, была проведена в Османской империи более века назад – в 1912 г. Согласно переписи, уроженцев Кавказа в империи было 2,8 млн. человек[1].

В настоящее время по данным генерального консульства России в Трабзоне, численность черкесов равняется примерно 1,1 млн. чел. [2] Интересно, что турецкая газета Yeni Şafak оценила численность черкесов в 2004 г. в 7 млн. человек, для сравнения с другими национальными меньшинствами, по оценкам газеты, количество курдов в Турции равняется 20–25 млн, лазов – 9,2 млн, боснийцев – 3 млн, албанцев – 500 тыс., армян – 280 тыс[3]. Учитывая, что под термином «черкесы» автор объединяет лишь представителей абхазо-адыгской группы – абхазов, абазин, адыгов, то численность в 7 млн представляется несколько завышенной.

Вместе с тем, нужно отметить, что в Турции наблюдается любопытный феномен, когда родившийся в черкесской семье человек считает себя турком, а турки, у которых в роду были черкесы называют себя черкесами, т. е. этнические границы очень размыты, чему способствует унаследованная от османов ассоциация «мусульманин = турок». Таким образом, вопрос национальной принадлежности во многом определяется самоидентификацией.

Как видно, существуют значительные расхождения в оценках численности черкесской диаспоры в Турции, однако большинство специалистов полагают, что эта цифра не превышает 2-3 млн. человек.

Черкесские общины проживают также и в некоторых странах Машрика (Сирия, Иордания, Ирак).

В Сирии по разным данным проживает от 50 тыс. до 200 тыс. черкесов, в Иордании – от 25 тыс до 100 тыс черкесов, при этом иорданская община черкесов обладает уникальными возможностями, благодаря родству с королевским домом и высоким социальным статусом многих своих членов. В Ираке, по разным оценкам, 25-30 тыс черкесов, они преимущественно живут в двух анклавах: на курдском севере страны и в столице Ирака – Багдаде.

Общая численность черкесов Сирии, Иордании и Ирака, таким образом, оценивается примерно в 150-200 тыс. человек.

---

[1] См.: Pamuk S. The Ottoman Empire and the World Economy: The Nineteenth Century// International Journal of Middle East Studies. Cambridge University Press, Vol. 23, No. 3, Aug. 1991.

[2] Межнациональные отношения в Турции. Обзор генерального консульства России в Трабзоне (2002)// Журнал «Полпред» 2002. стр. 34; Межнациональные отношения в Турции[Электронный ресурс] // URL: http://www. abkhaziya. org/books/abkhaz_turkish. html (дата посещения 01. 02. 14).

[3] Ali Sali. Lehɜelerde nьfus savaşı. // Yeni Şafak, 25. 10. 2004.

Черкесские общины, как уже отмечалось, есть и в Европе, во Франции, Великобритании, странах Бенилюкса. Крупнейшей черкесской общиной Евросоюза является германская, но с оценкой ее численности тоже возникают объективные трудности.

Во-первых, немцы не отделяют черкесов, прибывших из Турции, от самих турок;

Во-вторых, процесс ассимиляции черкесов турками в Германии происходит интенсивнее, чем в собственно Турции: языковая, религиозная, культурная близость, некоторая настороженность со стороны немцев к турецким гастарбайтерам (в числе которых и черкесы) усиливают «турецкую идентичность» в инонациональном, немецком окружении.

Таким образом, определить достоверно численность черкесов в Германии крайне сложно, однако принято считать, что эта цифра составляет примерно 50-80 тыс. человек.

Кроме того, существуют не большие, но достаточно сплоченные черкесские общины, насчитывающие по нескольку тысяч человек: в США – 11 тыс., Израиле – 4 тыс., Австралии – 3 тыс. человек.

Таким образом, самая крупная черкесская диаспора, которая по численности значительно превосходит черкесское население на Кавказе, проживает в Турецкой Республике. Во многом, численность диаспоры определяет ее относительное влияние на политические круги как в собственно самой Турции, так и в прилегающем регионе, в том числе и на Кавказе. Географическая близость к исторической родине способствует и развитию связей с ней, которые в последнее время становятся все интенсивнее.

Исходя из вышеизложенного, представляется оправданным определение, в соответствии с которым под «черкесским вопросом» понимается влияние этнической солидарности черкесских народов на политические, социальные и культурные процессы как в собственно Кавказском регионе, так и в странах компактного проживания черкесов»[1].

Словосочетания «черкесский вопрос», «черкесский фактор» сегодня являются общеупотребимыми в политическом языке, однако вкладываемое в них содержание весьма растяжимо. Даже многочисленные черкесские организации, которые и составляют этот самый «фактор», не могут дать удовлетворяющее всех определение. Однако с 1990-х годов все они неизменно актуализируют в публичном пространстве три основных вопроса:

1. Необходимость оценки характера и последствий Кавказской войны, которую вела Российская империя, как геноцида по отношению к коренному населению Северо-Западного Кавказа – адыгам (черкесам).

---

[1]См.: Скаков А. Ю., Силаев Н. Ю. «Черкесский фактор в современной политической ситуации в Кавказском регионе» // Московский Центр Карнеги. Black Sea Peace building Network. Российская экспертная группа. Доклад 2010/1.

2. Юридическое обеспечение репатриации представителей диаспоры на Кавказ, как свою историческую родину.

3. Возможность (в долгосрочной перспективе) объединения части территорий трех субъектов РФ Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также территории, населенной шапсугами Причерноморья и преобразования их в единый субъект – Черкесию, в рамках Российской Федерации.

В данном контексте, стоит отметить, что память о событиях второй половины XIX века и раньше являлась неотъемлемой частью культуры черкесского общества.

В начале XX века черкесская интеллигенция России начала осмысливать последствия массового исхода своего народа в литературных сочинениях, этнографических и историографических очерках.

В 1920-1930-х гг., были переизданы сочинения Н. Дубровина, А. Берже, Л. Люлье и др., в которых впервые в советское время освещалась проблематика мухаджирства. Кроме того, во второй половине XX века выходит в свет монография Г. А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (Сухуми, 1975). Эта работа впервые в СССР вывела тему мухаджирства в публичное пространство.

В 1990-е годы, после развала Советского Союза, наблюдается всплеск интереса к сюжетам Кавказской войны: в Майкопе и Нальчике прошли несколько региональных научных конференций, посвященных этим событиям. Среди них можно выделить Всесоюзную научно-практическую конференцию «Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства» (Нальчик, 1990), где впервые прозвучал термин геноцид по отношению к событиям Кавказской войны.

Во второй половине 1990-х гг. тема геноцида стала практически отдельным направлением в региональной исторической науке.

Именно в 1990-е годы вопрос геноцида выносится на уровень парламентов Кабардино-Балкарии и Адыгеи. В 1994 и 1996 годах соответственно геноцид адыгов был признан парламентами республик Кабардино-Балкарии и Адыгеи[1].

В Постановлении Верховного Совета КБР «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» отмечается: «Давая историческую и политико-правовую оценку Русско-Кавказской войне, Верховный Совет Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики постановляет: считать массовое истребление адыгов (черке-

[1] Постановление Парламента Кабардино-Балкарской Республики от 12. 05. 1994, № 21-П-П (об обращении в Госдуму с вопросом признания геноцида черкесов); Постановление ГС – Хасэ Республики Адыгея от 29. 04. 1996 № 64-1 «Об обращении к Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации».

сов) в годы Русско-Кавказской войны и их насильственное выселение с исторической родины в Османскую империю актом геноцида, тягчайшим преступлением против человечества»[1].

Однако, вплоть до 2005-2006 гг., когда в связи с проектом укрупнения регионов возникла вероятность слияния Республики Адыгея с Краснодарским краем, тема геноцида черкесов в политическом дискурсе федерального центра не была обозначена вовсе.

Начиная именно с этого времени, проблематика геноцида стала вновь подниматься, но теперь инициатива исходила от общественных движений и организаций. Многие адыгские общественные организации, начиная с 2005 г., тему сохранения государственности Республики Адыгея почти всегда увязывали с признанием геноцида черкесов в Кавказской войне.

В качестве одного из показателей роста интереса к «черкесскому вопросу», мы хотели бы привести результаты контент-анализа, проведенного с помощью информационно-аналитической системы «Медиалогия»[2]. Безусловно, необходимо учитывать погрешность, которая в нашем случае достаточно велика, так как программа объективно не может охватить все информационное пространство. Кроме того, база данных постоянно пополняется, и некоторые СМИ, которые входят в систему сейчас, раньше не включались в анализ. Однако такое исследование дает возможность совершенно четко проследить динамику интереса к исследуемой теме в российских СМИ.

В первой таблице представлены категории средств массовой информации, в которых были опубликованы материалы, связанные с «геноцидом черкесов». Соответственно в качестве контекста нами был использован – (геноцид* черкес*).

---

[1] Постановление Верховного Совета КБССР от 07. 02. 1992, №977-XII-В «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы русско-кавказской войны» [Электронный ресурс]// Информационно-аналитическое агентство NatPress// URL: http://www. natpress. ru/index. php?newsid=5288 (дата посещения 12. 10. 13)

[2] Медиалогия –автоматическая система мониторинга и анализа СМИ в режиме реального времени. Была создана в 2003 году. Система состоит из базы данных СМИ и автоматизированного аналитического модуля, который позволяет проводить самостоятельный поиск и анализ по количественным и качественным характеристикам за любой заданный период. В базу данных круглосуточно поступает порядка 16 000 СМИ: информагентства, газеты, журналы, радио, интернет и блоги.

Таблица 1. Категории СМИ

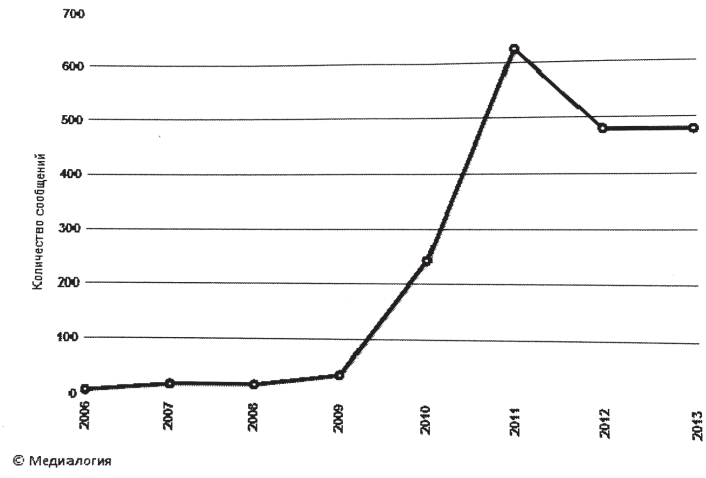
Уровни/Категории	Газеты	Журналы	Информагентства	Интернет	Радио	Блоги	Всего
Федеральный	123	50	380	1411	87	1185	3236
Региональный	310	4	443	496	8	2	1263
Зарубежный	87	0	217	902	0	0	1206
Всего	520	54	1040	2809	95	1187	5705

Примечание: Временной период: с 01 января 2006 г. по 11 ноября 2013г. Дата подготовки отчета: 11 ноября 2013 г.

Как видно из Таблицы 1, больше всего сообщений с упоминанием «черкесского геноцида» приходится на СМИ федерального уровня, причем в первую очередь на интернет и блоги. Вообще, как видно из таблицы, освещение данной проблематики происходит главным образом в интернет пространсве.

Интересно отследить и динамику роста популярности этой темы в СМИ, однако для получения более объективных результатов в качестве ключевых слов контекста мы использовали не – геноцид черкесов («геноцид* черкес*»), а более широкое понятие – черкесский вопрос («черкес* вопрос*»).

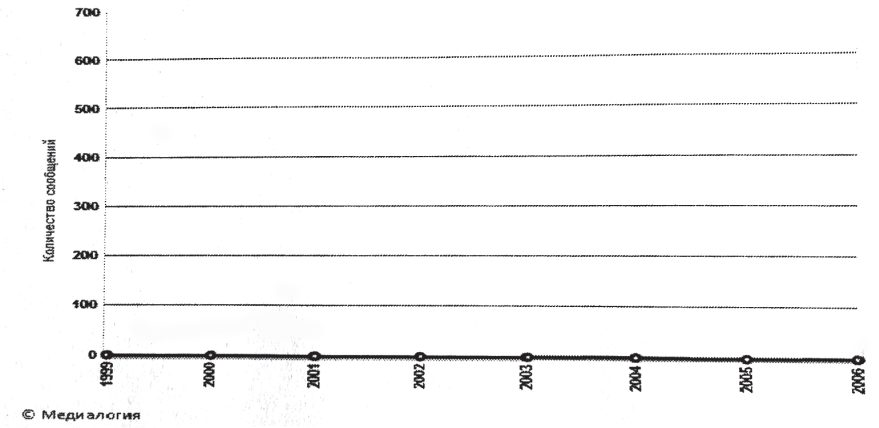
Таблица 2. Количество за период с 01. 11. 2006 г. по 11. 11. 2013 г.



Примечание: Временной период оставили тот же : с 01 января 2006 г. по 11 ноября 2013 г. Дата подготовки отчета: 11 ноября 2013 г.

Для сравнения представлена Таблица 3, в которой отслеживается та же динамика, но за предшествующий период с 1999 по 2006 гг.

Таблица 3 Количество за период с 21. 10. 1999 г. по 31. 10. 2006 г.



Данные графики отчетливо демонстрируют резкий скачок упоминаемости так называемого «черкесского вопроса» в средствах массовой информации. Вероятно, это связано с тем, что еще одной причиной актуализации черкесского вопроса стало объявление о проведении Зимней олимпиады 2014 в г. Сочи. Выбор Международного Олимпийского Комитета, в соответствии с которым Сочи стал столицей белой Олимпиады в 2014 г., безусловно, содействовал появлению «олимпийского измерения» черкесского вопроса и тому способствовал ряд факторов:

1. В 2014 г., в год проведения Олимпиады в Сочи, исполнилось ровно 150 лет со дня окончания Кавказской войны; 21 мая 1864 г. на Красной поляне (Сочи) парадом царских войск было отпраздновано завершение Кавказской войны.

2. Сочи был одним из портов, через которые осуществлялось массовое переселение черкесов в Османскую империю.

3. На территории Сочи в 1920–40-х гг. существовал Шапсугский национальный район, ликвидированный в 1945 г. Черкесские общественные организации неоднократно ставили вопрос о восстановлении Шапсугского района, однако пока эта идея не получила поддержки центра.

Таким образом, не удивительно, что Олимпиада в Сочи была использована как рядом черкесских общественных организаций, так и внешними силами, заинтересованными в разыгрывании «черкесской карты», для актуализации черкесского фактора.

Характерной чертой черкесских протестных движений, разворачивающихся вокруг Олимпиады, является деятельное участие в их формировании представителей черкесской диаспоры. Первая волна активности черкесской зарубежной общины приходится на октябрь 2008 г., когда более 200 человек вышли на одновременные митинги перед зданиями Генерального консульства РФ в Стамбуле и российского консульства и офиса ООН в Нью-Йорке под лозунгами «Сочи – земля геноцида!», «Нет Олимпиаде на костях». [1]

Уже в начале 2010 г. американские черкесы инициировали создание движения «NoSochi2014», в декларации которого говорится: «Мы, члены Организационного комитета «NoSochi2014», осуждаем проведение Олимпийских игр в Сочи. Мы просим мировое сообщество и МОК не проводить олимпийские игры в Сочи, т. к. Сочи – это земля геноцида»[2]. Призывами к бойкоту белой Олимпиады в Сочи сопровождались и многотысячные акции, посвященные памяти погибших в Кавказской войне, которые прошли 21 мая 2011 г. в Стамбуле и Аммане.

Вместе с тем, в последнее время можно говорить о появлении новой тенденции в среде черкесских общественников в РФ. В преддверии Олимпиады появился Меморандум о безусловной поддержке черкесскими общественниками этого спортивного события. Однако, стоит отметить, что под Меморандумом стоят только три подписи: лидера Союза Абхазских добровольцев Казбека Яхогоева, председателя Координационного совета адыгских общественных организаций КБР Жиляби Калмыкова и вице-президента Международной Черкесской Ассоциации Мухамеда Хафицэ. Однако уже появление этого документа, может свидетельствовать о том, что отношение и к Олимпиаде и к вопросам, связанным с «геноцидом черкесов», в черкесском обществе далеко не однозначное.

Важно отметить, что черкесское движение, по сути, структурируется не только и не столько вокруг темы признания геноцида и олимпийской проблематики. В сущности, как представляется, для самих черкесов эксплуатация темы геноцида мотивированна, в первую очередь, стремлением подготовить юридические основания для массового возвращения на родину потомков черкесских мухаджиров. Вопрос об их возвращении на Кавказ ставился еще в XIX веке. Есть архивные данные о прошениях черкесов вернуться на родину, датированные еще 80–90-ми годами XIX века. Вторая волна просьб о возвращении приходится уже на советский период.

---

[1] Нефляшева А. Н. Кавказские пленники// НГ-религии 15. 07. 2009.

[2] Declaration of No Sochi 2014 Committee [Electronic resource]// nosochi2014 official site// URL: http://nosochi2014. com/campaign/decleration-of-no-sochi-2014-committee. php

В 1990-е годы ситуация изменяется. Политические перемены в России открывают для черкесов возможность поддерживать более тесные контакты с исторической родиной.

Именно в это время в Адыгее принимается комплекс уникальных мер, направленных на привлечение, размещение и адаптацию репатриантов. В республиканском законодательстве появился закон «О репатриантах» (в настоящее время он отменен как несоответствующий федеральному законодательству), позволяющий получить российское гражданство в упрощенном порядке, а также гарантирующий репатриантам юридическую, социальную, образовательную поддержку. Был осуществлен прием репатриантов из Косово, специально для которых построен аул Мафехабль.

В данном контексте, безусловно, нужно учитывать и настроения в самой диаспоре. Какое количество зарубежных черкесов и при каких условиях готовы переехать на постоянное место жительства на Кавказ? Многие специалисты сходятся во мнении, что массовое возвращение потомков мухаджиров на историческую родину если и возможно, то только в случае серьезной дестабилизации обстановки в местах их проживания, которая бы напрямую угрожала их жизни и здоровью. Вероятнее всего, это предположение соответствует действительности.

В этой связи, безусловно, особое внимание черкесских организаций приковывает к себе мятежная Сирия. Но вместе с тем интересны современные процессы происходящие, к примеру, в Турции в среде диаспоры. Никогда раньше не наблюдавшиеся, в последнее время в Турции были организованы многотысячные митинги с требованием предоставить возможности для изучения и поддержки черкесского языка и культуры. Один из них прошел в Анкаре в марте 2011 г. В акции по оценкам турецких СМИ приняли участие около 7 тыс. человек. Среди основных предложений черкесской общественности было предложение ввести в систему начального и среднего образования Турции преподавание черкесского языка, организовать теле- и радиовещания на черкесском языке[1].

Нелишне напомнить, что в декабре 2009 г. в Стамбуле прошло заседание Исполкома Международной Черкесской Ассоциации, собравшее представителей черкесской диаспоры со всего мира.

Примечательно, что в том же 2009 г. бывший тогда президентом Турции Абдулла Гюль принял руководителей Федерации кавказских ассоциаций (KAFFED), в которую входят несколько десятков черкесских организаций. Руководство Федерации обратилось к президенту Гюлю с просьбой о создании телевещания для черкесов, а также об учреждении при университетах кафедр черкесского языка и литературы – для подготовки дипло-

[1] Черкесы подняли языковой вопрос в Турции [Электронный ресурс]// ИА REGNUM// URL: http://www. regnum. ru/news/1383089. html (дата посещения 03. 07. 13)

мированных филологов, которые смогли бы осуществлять преподавание на курсах черкесских языков, открытых несколько лет назад, но испытывающих сильную нехватку специалистов. [1] Таким образом, мы наблюдаем в Турции активизацию деятельности диаспоры направленной в первую очередь на сохранение этнонациональной идентичности.

Итак, во второй половине 2000-х гг. черкесское национальное движение получило новые импульсы для своего развития. Проект укрупнения регионов, свернутый при попытках его реализации в Адыгее, и тема Сочи-2014, которая увязывается с необходимостью публичной оценки действий Российской империи на Западном Кавказе в XIX веке стали событиями, которые активизировали «черкесский фактор».

Вместе с тем, надо подчеркнуть, что современные черкесские лидеры несмотря на новые измерения указанной темы, все же демонстрируют преемственность с основными положениями, составляющими «черкесский вопрос», которые были выработаны в первой половине 1990-х годов.

Характерной особенностью современного черкесского движения является динамичность черкесских организаций, которая проявляется и в расхождениях среди недавних соратников, что приводит к дроблению давно существующих организаций и возникновению новых.

Кроме того, можно отметить тенденцию постепенного переноса акцента с темы признания геноцида, что было более характерно для 1990-х годов, на работу по обеспечению репатриации зарубежных черкесов на историческую родину.

[1] TЬRKİYE CUMHURİYETİ CUMHURBAŞKANLIĞI MAKAMINA [Electronic resource]// Kafkas Dernekleri Federasyonu URL: http://www. kafkasfederasyonu. org/haber/ federasyon/2009/050109_talep_dilekcesi. htm (2013, April 27)

О. В. Маан

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ТРУДОВ НЕКОТОРЫХ ГРУЗИНСКИХ ЭТНОЛОГОВ

Насильственное выселение основной части абхазского населения в султанскую Турцию в процессе и после завоевания царской Россией Кавказа, привело, как известно, к катастрофическому сокращению численности коренного народа на исторической Родине. Этим решили воспользоваться коммунистические власти Грузии, при которых особенно усилилась политика захвата абхазских земель и ассимиляции оставшегося абхазского населения. Для обоснования притязаний на абхазские земли в грузинской историографии была выдвинута концепция, согласно которой на территории Абхазии с древних времен проживали как абхазы, так и грузины. С другой стороны, большинство современных грузинских историков пишут о массовых переселениях «черкесов-апсуа» в Абхазию из Северного Кавказа в период позднего Средневековья. По их мнению, это происходило в XVI – XIX вв., говорят они также о непрерывных миграциях в XIII – XVIII вв. Современные абхазы рассматриваются этими авторами как прямые потомки северокавказских переселенцев, смешавшихся с местным грузинским и грузинизированным населением. Вначале основной массой мигрантов считались представители адыгских племен, но впоследствии больше стали писать об абазинах, как наиболее близких абхазам в этническом отношении[1]. В эту антинаучную концепцию по отношению к истории абхазов и Абхазии свою значительную лепту вносят и грузинские этнологи. Так, доктор исторических наук С. И. Бахия – Окруашвили с момента защиты ею кандидатской диссертации на тему «Абхазская «абипара» – патронимия» (Тб., 1986), опубликовала на абхазскую тематику

[1]Анчабадзе. Г. З. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта //Аспекты грузино-абхазского конфликта. Выпуск 2. Материалы грузино-абхазской конференции. Конобеево (Московская область). Август 1999. Ирвайн. 2000.

такие этнологические работы, как: «Основные черты семейного быта абхазов до революции // КЭС. Т. VII. – Тб., 1988; «Абхазы». Этнографический очерк //Разыскания по истории Абхазии/Грузия. – Тб., 1999; Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. – Тб., 2009; Этнология абхазов. Учебное пособие (Тб., 2011, на груз. яз.). Выступая в своих работах с радикальных позиций по отношению к истории и этнографии абхазов, она солидаризируется с теми грузинскими авторами, которые считают абхазов на нынешней территории Абхазии мигрировавшим в позднем Средневековье с севера народом[1]. Однако специалисты по вопросам истории и этнографии абхазов позднего Средневековья неоднократно отмечали, что подобные толкования истории Абхазии носят явно политизированный характер. На этих вопросах в настоящей работе мы не будем подробно останавливаться, так как они детально рассмотрены проф. Ш. Д. Инал-ипа[2].

Далее мы обращаем внимание на некоторые наиболее характерные высказывания Бахия-Окруашвили и других грузинских авторов по вопросам этнологии абхазского народа.

По утверждению С. Бахия-Окруашвили, у абхазов «в глубине (центре) переднего двора, боковой стороной к воротам стоял большой дом «аюны ду» (?). У грузин дом «ода» аналогично занимал центральное место жилого комплекса, но в отличие от абхазского, он всегда стоял лицевым фасадом к воротам. Абхазский обычай, ставить жилище боковым фасадом к воротам находит сходство с обычаем горцев Северо-Западного Кавказа (тем самым автор хочет доказать, что абхазы пришли в Абхазию из Северного Кавказа. – О. М.)[3]. Что касается самого типа абхазских ворот, он идентичен

---

[1] См.: напр.: Бахия-Окруашвили С. Абхазы. Этнографический очерк //Разыскания по истории Абхазии/Грузия. – Тб., 1999. Ее же. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии // Очерки из истории Грузии. Абхазия с древнейших времен до наших дней. – Тб., 2009.

[2] Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности – Сухум. 1992.

[3] Никак нельзя согласиться и с превалирующей в грузинской историографии точкой зрения о том, что, будто бы в XVII в. абхазы занимались в основном скотоводством, а не земледелием, что якобы указывает на их недавнее переселение с Северного Кавказа. Установлено, что в XVII–XVIII вв. основными видами занятий населения Абхазии были земледелие, скотоводство, охота, пчеловодство и разные формы ремесел. Примечательно в этой связи и то, что термин «анхаю», обозначавший основную категорию крестьян в феодальной Абхазии, переводится как «земледелец» (См.:Анчабадзе Г. З. Изучение вопросов этнической истории абхазов на фоне грузино-абхазского конфликта //Аспекты грузино-абхазского конфликта. Выпуск 2. Материалы грузино-абхазской конференции. Конобеево (Московская область). Август 1999. Ирвайн 2000). Чтобы доказать «пришлость абхазов на территорию Абхазии в XVII в.» и их якобы «резкое культурное отставание» от грузин, Н. Ломоури, перечисляя некоторые черты быта абхазов, пишет, что они «занимаются скотоводством, чем резко отличаются от мегрелов» (Ломоури Н. Ответ профессору Ш. Инал-ипа

типу ворот, встречающихся у адыгов. Абхазы стали строить ворота, подобные западногрузинским, только начиная со второй половины XIX века»[1].

Факты, приводимые С. Бахия-Окруашвили, мягко говоря, не соответствуют действительности. Прежде всего, неверно утверждение о том, что абхазы строят основной дом «боковым фасадом к воротам», так как «аюнду» абхазы всегда располагали и сейчас располагают передней стороной к главным воротам (у бзыбцев основной дом обычно ставят лицом к югу; у абжуйцев ориентиром служит дорога)[2]. Такой принцип расположения является характерным также для всей Западной Грузии. У адыгов жилой дом внутри двора был поставлен задней или боковой стороной к улице, что было у них в значительной мере результатом влияния ислама[3]. Таким образом, расположение основного жилища абхазов по отношению к воротам, вопреки утверждению С. Бахия-Окруашвили, отличалось от аналогичного расположения главного дома у адыгов. Что касается ворот, то их подобно западногрузинским, строили в основном в Абжуйской Абхазии. Строителями таких ворот были рачинские и гурийские отходники[4], которых называли ақьырауаа, т. е. наемные мастера; спрос на услуги наемных мастеров-отходников был большой, так как их труд являлся относительно дешевым (следует сказать, что в советское время абхазы перестали возводить особые навесы над воротами для защиты их от дождя).

Вызывает удивление и странное утверждение С. Бахия-Окруашвили о том, что абхазам «не было знакомо каменное зодчество»[5]. Более того, она заявляет: «абхазской культуре было не знакомо…и «столярство и ваяние»[6].

// Литературули Сакартвело». 20 октября 1989 г. (на груз. яз.). Однако в период позднего Средневековья, в условиях антиабхазской политики султанской Турции, «упадок, был общим явлением в жизни всех народов региона, в том числе западных грузин, особенно мегрелов, которые и скотоводством прекрасно занимались и которые в тех же источниках наделяются чертами не меньшей отсталости» (Инал-ипа Ш. Д. Ступени к исторической действительности…С. 14, 15). А вот исследователь истории и этнографии Мегрелии С. Макалатия, который не был обременен политической конъюнктурой, относит скотоводство к важнейшим занятиям мегрелов: по его свидетельству, «скотоводство у мегрелов имело развитие с древних времен и эта сторона хозяйства играла в их экономической жизни значительную роль» (Макалатия С. История и этнография Мегрелии. –Тб., 1941. С. 190, на груз. яз.).

[1] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии…С. 305 – 306.

[2] По данным археологии, в ряде поселений железного века Абхазии фасадную (длинную) сторону жилища по древней традиции обращали к улице (пути), проходившей вдоль больших рек (См.: Сангулия Г. А. Поиск и изучение поселений Абхазии позднеколхидской эпохи // Археологические открытия. – М., 2011. С. 531). Причем, это засвидетельствовано на территории именно современного Очамчырского района Абхазии.

[3] Малия Е. М., Акаба Л. Х. Одежда и жилище абхазов. – Тб., 1982. С. 148.

[4] Аджинджал И. А. Из этнографии Абхазии…– Сухуми. 1969. С. 80.

[5] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии…С. 303. Ее же. Этнология абхазов. – Тб., 2011. С. 54 (на груз. яз.).

[6] Там же.

Напомнимь, что к эпохе неолита восходят многочисленные дольмены, разбросанные по всему Черноморскому побережью, от г. Анапы на юго-восток Абхазии. В Мегрелии, а тем более в Восточной Грузии, дольмены отсутствуют. Это говорит о том, что строителями дольменов в далеком прошлом являлись предки абхазов и адыгов. Дольмены, хотя и не относятся непосредственно к жилой архитектуре, но тем не менее свидетельствуют о том, что строительство из камня (каменное зодчество) было также известно абхазо-адыгскому населению издревле[1].

Кроме того, замки, крепости, башни, городища, встречающиеся в каждой абхазской общине, а также княжеские дворцы, жилища некоторых феодалов, возведены из камня. Такие массивные каменные дома еще в первой половине XIX в. имелись, например, у князя Таташа Маршьан в селе Лата и Омара Анчабадзе в селе Сакьан[2].

С. Бахия-Округашвили, критикуя точку зрения В. Л. Бигуаа, считавшего, что акуаскьа происходит от тюркского «кунак» (на самом деле маловероятно), пишет: «Есть больше фонетических и семантических основ для того, чтобы считать абхазский термин видоизмененным грузинским словом koski «башня»[3]. В действительности, слово koski «башня» не грузинского происхождения, а заимствовано из персидского языка[4]. Со своей стороны языковед О. П. Дзидзария отмечает, что название акуаскьа усвоено из персидского через турецкое kosk «вилла, летний дворец»[5].

Утверждению С. Бахаия-Округашвили о том, что абхазы не знали столярного дела, противоречат полевые этнографические материалы и данные письменных источников. В этой связи примечателен сообщаемый Ф. Эшба факт о том, что в сс. «Илори и Беслахуба» всегда найдётся человек пять, которые с помощью топора, долота и пилы изготавливают столы, кровати, табуреты для домашнего обихода в Абхазии в XIX в., согласно сведениям проф. Г. А. Дзидзария, было явлением повсеместным)[6].

Некоторые грузинские авторы, чтобы показать социально-экономическое отставание абхазов, пишут, что еще в XVII в. абхазы довольствовались только дикими животными и лесными плодами, не зная не только пшени-

---

[1] Кобычев В. П. Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа в середине XIX в. // Кавказский этнографический сборник. Т. V. – М., 1972. С. 164 – 165.

[2] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы. – Сухуми. 1965. С. 299.

[3] Бахия-Округашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии…С. 304.

[4] Чубинашвили Д. И. Грузино-русский словарь. – Тб., 1984. С. 626.

[5] Дзидзария О. П. Историко-этимологический анализ отраслевой лексики абхазо-адыгских языков. – Сухум. 2005. С. 189.

[6] Дзидзария Г. А. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. – Сухуми. 1958. С. 65.

цы, но и соли[1]. Но если подобную характеристику признать справедливой, то она была характерна и для других народов Кавказа, в том числе и картвельских. Согласно археологическим и другим историческим материалам, в древности на территории современной Абхазии из зерновых выращивали преимущественно просо, хотя здесь возделывали и пшеницу[2]. Между прочим, абхазы сеяли пшеницу еще в в 30-х годах XX в., например, в низовьях реки Кодор[3].

Что касается соли, то у абхазов с раннебронзового периода существовал солеварный промысел, а изготовление соли у них имело место и в XIX в. [4] (морскую воду абхазы запускали в небольшие бассейны, вырытые за береговым валом, и после естественного испарения воды рассол выпаривали на огне, а затем уже досушивали соль дома на широких досках)[5].

По поводу утверждения, что абхазы не знали, что такое соль именно в XVII в., можно привести сведения автора того же периода Арк. Ламберти. По его сообщению в то время в Абхазии недорогие товары оценивались на соль[6]. Это свидетельствует о том, что в XVII, а также в XVIII веках соль не имела высокой стоимости, ибо она не только добывалась на месте, но еще и завозилась в Абхазию, так что недостатка в соли у населения не было. Так что данные не в пользу того, что в XVII в. абхазы «не знали соли».

---

[1] Мамиствалишвили Э. Из истории Черноморского побережья Грузии // «Народное образование». 22 октября 1989 г. С. 11.

[2] Чанба Р. К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. – Тб., 1977. С. 23.

[3] Отдельные моменты из истории села Адзюбжы Очамчирского района. 1965 г. С. 5. Машинопись работы, сданная автором этих строк в архив АбИГИ. Ф. 6. Д. 1.

[4] Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ Сухуми и г. Очамчира // Труды Абхазского государственного музея. Вып. I. – Сухуми. 1947. С. 24, 45.

[5] Там же. С. 45. Соль (белую) абхазы называют «аджыкхыш» (аҧыкхыш), а аджику из красного перца – «апарпыл джика» (апарпыл 5ыка), что означает «перечная соль», или «аджикацэацэа» (аҧыкаҧсаҧса), т. е. «соль, перетертая с чем-то». В 60-х годах XX в. абхазской аджикой заинтересовались грузинские исследователим. Джанелидзе и Д. Акели. Объехав Очамчырский район Абхазии, они собрали материал и включили его в свой труд (отдел «Народная медицина Очамчырского района»), в котором пишут и об абхазской аджике в разделе «11 братьев и 11 сестер», подразумевая под братьями и сестрами 22 разновидности растений, входивших в различные ее составы. Рукопись этого раздела книги была сдана учёным в архив Абхазского института языка, литературы и истории. Но, к сожалению, в последнее время аджику уже не всегда называют абхазской. Ее теперь нередко называют грузинской. Как писал в своей статье журналист А. Кривенюк, «само право на происхождение продукта грузины приписывают себе, сообщая об этом во всех кулинарных книжках» (в старых этого не было). Аджика «на мировом рынке специй и трав презентуется изготовителями или ее продавцами в девяноста процентах случаев как продукт грузинской кухни, в остальных десяти процентах – как продукт кавказской кухни», чем наносится удар по самоидентичности сугубо национального исконно абхазского классического продукта (См.: «В боях за аджику». Газ. «Чегемская правда», №7. Сухум, 7 марта 2006 г.; Хотелашвили-Иналипа М. К. Слово в защиту абхазской аджики // Газ. «Республика Абхазия». 11 июля 2006 г.).

[6] Цит. по: Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла…С. 45.

Как было выше отмечено, добычей соли из морской воды абхазы занимались с эпохи ранней бронзы. Исследования поселений прибрежной полосы Абхазии раннебронзового периода вместе с тем показали, что в хозяйственной жизни их обитателей дополнительным, а возможно, и главным источником пропитания служило рыболовство[1]. Во второй четверти I тыс. до н. э. рыболовство в прибрежных районах Абхазии продолжало занимать определенное место[2]. Во второй половине IV – III вв. до н. э. (время расцвета Диоскуриады) на всей территории Абхазии рыболовство получает большой размах, о чем говорят, в частности, специально изготовленные по античным образцам спицы для вязки сетей и бронзовые рыболовные крючки, обнаруженные как в греческих, так и в туземных поселениях[3].

Рыболовство у абхазов развивалось и в период позднего Средневековья[4], а также, с разной интенсивностью, в течение всего XIX в. (особенно активным оно было в начале XIX в., а также после присоединения Абхазии к России, т. е. с появлением рыночного спроса). Так как для ловли рыбы рыбакам необходимы были лодки, то развитие рыболовства косвенно указывает на строительство челноков и лодок, на которых население плавало в мелководных заливах и на небольших глубинах у морского берега[5].

Тем не менее грузинские авторы утверждают: «Достоверно известно, что (в XVIII – XIX вв. – О. М.) абхазы не занимались рыболовством, не умели обрабатывать и готовить рыбу, поэтому в их рационе рыбных блюд не

---

[1] Бжания В. В. Поселения Очамчирской культуры в горах Абхазии // Кавказ и Восточная Европа в древности. – М., 1973. С. 65.

[2] Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии. – М., 1964. С. 95.

[3] Воронов Ю. Н. Диоскуриада – Себастополис – Цхум. – М., 1980. С. 64.

[4] См.: Антелава И. Г. К вопросу о феодальных отношениях в Абхазии в XVII–XVIII веках // Труды Абхазского государственного музея. Вып. I. – Сухуми. 1947. С. 68

[5] Более того, поскольку еще с эпохи неолита, а в особенности энеолита и ранней бронзы основным занятием жителей прибрежной полосы Абхазии являлось морское рыболовство и охота на дельфинов (хорошо описанная в литературе), то эти промыслы, очевидно, также способствовали тому, что отдаленные предки абхазского народа, известные в античных источниках под именем гениохов (достигли, как известно, значительных успехов в судоходстве и большей частью пользовались славой пиратов), сделались мужественными мореплавателями. К тому же, вряд ли, древние предки абхазов смогли бы добиться больших успехов в сложнейшем деле морского судоходства без достаточных предпосылок и древних местных традиций, передаваемых по наследству из поколения в поколение и восходящих, очевидно, своими корнями к эпохе новокаменного века (Лавров Л. И. Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды АбИЯЛИ. Т. XXXI. – Сухуми. 1960. С. 107). Эти факты также противоречат концепции грузинских авторов о пришлости абхазов из Северного Кавказа в XVII в. Кроме того, и авторы XVII в., в частности, голландец Н. Витсен, в 1692 г. утверждал, что абхазы «смелые мореплаватели и иногда из-за них бывает опасно мореплавание из Кафы в Константинополь» (Николас Витсен. Северная и Восточная Татария // Кавказ: европейские дневники XIII – XVIII веков. – Нальчик. 2010. С. 67. См. также: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Сост., редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В. К. Гарданова. – Нальчик. 1974. С. 90).

было»[1]. То же самое, однако, можно сказать и о грузинах: согласно Э. Эриксону, аджарцы, имеретины не едят рыбу вовсе, боясь греха[2]; не ели рыбу (форель и лососину), например, и грузины-хевсуры. Вместе с тем, то, что абхазы в XVIII – XIX вв. занимались рыболовством, находит подтверждение и в сообщениях М. Пейсонеля, Ф. Дюбуа де Монпере, Ф. Торнау, А. Шугурова, В. Чернявского и др. Занятие рыбной ловлей упомянуто и в нартском эпосе абхазов[3].

Со ссылкой на указание Арк. Ламберти о том, что абхазы «рыбы не едят, хотя могли бы ловить ее в реках и море»[4], в книге Н. Г. Волковой и Г. Н. Джавахишвили «Бытовая культура Грузии XIX – XX веков: традиции и инновации» (М., 1982. С. 164), отмечается: «абхазы в XVII в., в отличие от мегрелов не ели рыбы и раков»[5]. Но и в этот период, несмотря на сокращение у абхазов морского рыболовства, оно продолжалось в реках, где ловили ценные виды рыб – осетра, форель, лосось, и когда рыба поднималась на нерест, и когда возвращалась обратно в море[6] (то же самое писал Ф. Торнау: «прибрежные абхазцы занимаются рыбною ловлей. Устья горных речек, впадающих в море, изобилуют лососиной, которая составляет весьма лакомую пищу»)[7]. Хотя и, следует признать, что в новое время среди абхазов и причерноморских адыгов возникло отрицательное отношение к рыбной пище, которую, как правило, не подавали на стол гостям. Такое же отношение к рыбе отмечено и в быту картвельских народов, в частности, сванов, возникшее, однако, как полагают, на основе почитания рыбы и связанной с ним табуации. О культе рыбы говорят и древние каменные статуи рыб, так называемые вишапы, достигающие до 5 м длины и встречающиеся от Северного Кавказа до южной Армении, восходящие к концу II тыс. до н. э., а также орнаментальные изображения рыбы на колхидских бронзовых топорах, в том числе с территории Абхазии[8].

---

[1] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии…С. 321.

[2] Эриксон Э. Из воспоминаний о Батуме и его окрестностях // «Естествознание и география». 1899. №6. С. 13.

[3] Приключения Нарта Сасрыквы и его девяносто девяти братьев: Абхазский народный эпос. – М., 1962. С. 172.

[4] Ламберти Арк. Описание Колхиды, называемой теперь Мингрелией // СМОМПК. Вып. 43. – Тифлис. 1913. С. 189.

[5] Волкова Н. Г., Джавахишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX – XX веков: традиции и инновации. – М., 1982. С. 164.

[6] Маан О. В. Проблемы этнического развития и традиционно-бытовой культуры абхазов. – Сухум. 2014. С. 68.

[7] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера. – Черкесск. 1994. С. 55.

[8] Робакидзе А. И. К вопросу о некоторых пережитках культа рыбы // Советская этнография. №3. 1948.

Неупотребление морской рыбы в пищу связано с преданием, что в рыбах «души абхазов», так как в период изгнания абхазов в Турцию, рыбы питались плотью и кровью померших соотечественников, которых неприятели выбрасывали за борт корабля. По этой же причине у черкесов появился запрет есть рыбу из Черного моря.

Бездоказательными являются и утверждения о том, что абхазы в XVIII–XIX вв., якобы, не умели готовить рыбу[1]. В прошлом абхазы рыбу ели свежежаренную, соленую, копченую. Для копчения рыбу очищали от чешуи, потрошили, затем солили и оставляли в таком виде три – четыре дня. После этого рыбу нанизывали на длинные острые палочки и вешали над очагом[2]. Ф. Торнау писал, что абхазы ели жареную на вертеле лососину[3]. Описание способа приготовления рыбы у абхазов имеется и у В. Немировича-Данченко[4]. В настоящее время речная форель, камбала, сазан, барабулька, морская селедка, лосось и другие виды рыб, присутствуют в пище абхазов почти еженедельно. Рыбу жарят, солят, коптят, сушат (хамсу). В городах рыбу абхазы покупают на рынках[5].

По утверждению С. Бахия-Окруашвили, «для обозначения названия растущего ввысь винограда западные грузины использовали названия деревьев, на стебли которых опиралась лоза: «дубовый виноград», «кленовый виноград», «ольховый виноград» и т. д. Эти термины переняло и абхазское население»[6]. Однако абхазскими этнологами И. А. Аджинджалом, Ц. Н. Бжания, Ш. Д. Инал-ипа и др. нигде не зафиксированы факты, приводимые С. Бахия-Окруашвили, сама же автор не указывает конкретных примеров подобного заимствования. Здесь же можно отметить, что у абхазов богатые жители специально выращивали огороженные ольховые рощицы на своих участках для виноградников под древним, исконно абхазским названием «ақәатҵа».

Виноградарство и виноделие в XIX столетии, по свидетельству Г. А. Дзидзария, представляло собой одну из важнейших отраслей сельского хозяйства Абхазии[7]. И в настоящее время виноградарство и виноделие яв-

---

[1] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии…С. 321.

[2] Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района // Кавказский этнографический сборник. I. – М., 1955. С. 76.

[3] Торнау Ф. Ф. Воспоминания кавказского офицера…С. 55.

[4] Немирович-Данченко В. Море. Абхазское поморье. – М., 1897. С. 219.

[5] Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012. С. 514. Кстати, в настоящее время употребление рыбы в пищу населением Западной Грузии сократилось, что связано с тем, что рыболовство, игравшее большую роль, например, в Риони, еще в середине XIX в. утратило былое значение.

[6] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии…С. 315.

[7] Дзидзария Г. А. Труды. Т. 1. – Сухуми. 1988. С. 100.

ляется не просто отраслью сельского хозяйства, а частью культуры абхазского этноса и его быта. Поэтому у абхазов наблюдается особое отношение к аборигенным сортам винограда, которые сохранены до наших дней[1].

Примечательно также, что один из осенних месяцев - ноябрь, называется у абхазов «месяцем сбора винограда» – жьҭаарамза».

Неверным является также утверждение С. Бахия-Окруашвили о том, что «технику обработки льна и хлопка для производства ткани абхазы… переняли у грузин»[2].

Вообще-то текстильное производство составляло одну из основных отраслей домашнего ремесла вообще жителей Восточного Причерноморья. О том, что еще в эпоху раннего железного века, в основном в первой половине I тыс. до н. э., – ткачество у древних абхазов достигло большого развития, свидетельствуют отпечатки на своеобразных сосудах, найденных по всему восточному побережью Черного моря на т. н. «селищах с текстильной керамикой». Для формовки сосудов употреблялись разнообразные ткани[3].

Восточнопричерноморское льняное полотно было известно в древней Греции под колхидским же названием сардоническое (данный термин, как уже справедливо отмечалось в литературе, следует увязать с абхаз. асра, что значит «ткань» и асарҭы – «ткацкий станок»), которое «знали… греческие купцы и превратили в номенклатуру вывозимого ими товара»[4]. Лен и льняные товары, пишет в свою очередь Г. К. Шамба, были традиционно экспортируемыми из Колхиды материалами[5].

В этой связи вряд ли можно согласиться и с мнением некоторых исследователей о том, что «лен не выращивался на Понте»[6], и «с определенной долей вероятности можно предположить, что в Северное Причерноморье

---

[1] Айба В. Ш. Аборигенные сорта винограда Республики Абхазия – агробиологическая оценка и перспективы производства. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. сельхоз. наук. – Краснодар. 2011. С. 4.

[2] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии…С. 319.

[3] Соловьев Л. Н. Следы древнего соляного промысла близ г. Сухуми и г. Очамчира…С. 24 и сл. Его же. Селища с текстильной керамикой на побережье Западной Грузии//Советская археология. Т. 14. – М., 1950. С. 265–286. О «текстильной керамике» см. также: Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии…С. 96, 98; Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи. – Сухум. 2014. С. 127. При этом рассматриваемые поселения-стоянки I тысячелетия до н. э. на территории Абхазии имеют свои особенности. Так, «селище с текстильной керамикой» в районе с. Адзюбжы, во-первых, наиболее крупное из известных памятников (занимает несколько гектаров); во-вторых, тянется не вдоль морского берега, как обычно, а углубляется в село.

[4] Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. Т. II. – Тб., 1950. С. 296.

[5] Шамба Г. К. Культура племен Абхазии в первом тысячелетии до н. э. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. – Ереван. 1987. С. 15.

[6] Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // Вестник древней истории. №1. 2000. С. 33.

привозились изделия из льна (в частности, такая необходимая вещь, как одежда), которые производились в Египте» [1]. Приведенные выше и другие материалы, прямо свидетельствующие о вывозе льняного полотна с территории Колхиды (Абхазии), должны указывать, что здесь широко занимались льноводством[2], тем более что о завозе льна в древнюю Абхазию не существует никаких сведений. О древних традициях выращивания льна на территории Абхазии говорят и найденные М. М. Трапш в 50-х гг. XX в. в могильнике близ Сухумского маяка тленные остатки кусков льняного полотна и его отпечатки на некоторых металлических предметах, датируемые приблизительно VIII – VII вв. до н. э. [3]

Однако наиболее важным свидетельством выращивания льна на территории древней Абхазии является находка льняных семян в 1980 г. во время раскопок Эшерского городища. Обнаружение льняных семян, которые лежали в слое II – I вв. до н. э., является первым случаем за все время изучения древности Кавказского Причерноморья [4]. Подобные уникальные находки служат материальным подтверждением сообщений Геродота, Ксенофонта и других древних авторов о превосходных качествах колхидского льна и льняного полотна [5].

Помимо изготовления льняных тканей, древнеабхазское население занималось и изготовлением шерстяных тканей, что доказывается находками на поселениях Бамбора и Тамыш эпохи поздней бронзы и раннего железа небольшого количества глиняных и костяных пряслиц[6].

Абхазы сеяли лен, а также коноплю в большом количестве вплоть до широкого проникновения фабричных материй. Еще в конце XIX в., – пишет Ш. Д. Инал-ипа, – из волокон льна абхазы приготовляли крученые нитки для шитья, а также выделывали довольно грубый холст для белья на семью. Из льняных ниток выделывали и внутренние пояса, продевавшиеся для стягивания брюк (ахэым5ьар)[7]. Но особенно славились настенники из хлопчатобумажной или льняной ткани, длиной до 10 – 12 м, которые покрывали почти три стены гостевой комнаты (такие настенники не имеют аналогов в среде других кавказских народов)[8].

По мнению С. Бахия-Окруашвили, основа мегрельского термина «тури» (turi) (который мегрело-чанским корнем ti – (семья), связывается с наи-

---

[1] Там же.

[2] Аджинджал И. А., Адзинба И. Е. Материалы по изучению одежды абхазов // Труды Абхазского государственного музея. Вып. I. – Сухуми. 1947. С. 239, 255 – 256.

[3] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы… С. 260.

[4] Шамба Г. К. Древний Сухум. – Сухум. 2005. С. 46.

[5] Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Вестник древней истории. № 2. 1947. С. 256.

[6] Габелия А. Н. Абхазия в предантичную и античную эпохи…С. 128.

[7] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы… С. 264.

[8] Бгажба О. Х., Аргун Ю. Г. Ремесла // Абхазы. Народы и культуры. – М., 2012. С. 166.

менованием архаической общественной ячейки – семьи), употребляется в абхазском «аҭаацәа», также означающем семью. Стоящий в начале этого термина – а – является характерным для абхазского языка аффиксом общности, – т – основа, ца – показатель множественности класса человека[1].

Со своей стороны мы полагаем, что абхазский термин «аҭаацәа» едва ли имеет какое-либо отношение к мегрельскому «тури» (turi), и было бы более верным увязать «аҭаацәа», как это считают лингвисты, с аҭаа от глагольной основы аҭаара «посещать» и цәа – показатель множественного числа, букв. «посещающие» (один очаг, одно место)»[2].

Вопросы традиционного семейного быта абхазов рассматриваются С. Бахия-Окруашвили и в статье «Основные черты семейного быта абхазов до революции». Она определяет традиционную абхазскую семью как «деспотическую»[3], с чем трудно согласиться. При этом наличие «отдельных черт деспотизма» связывается с влиянием ислама[4]. Однако известно, что значительная часть абхазов исповедовала христианство, что уже не позволяет распространять мусульманский фактор на весь этнос[5]. Но главное в том, что даже у исламизированных абхазов, воспринявших, кстати, новую религию поверхностно и неглубоко, предписания шариата так и не превратились в реально действующий соционормативный комплекс. Социальная регуляция, в том числе в сфере семейного быта, осуществлялась на основе обычных, адатных установлений[6].

Далее С. Бахия-Окруашвили продолжает утверждать: «в старину абхазская семья, так же как и семьи горских народов Северного Кавказа, была полигамной (?!). Мужчина мог одновременно иметь двух, даже трех жен, независимо от вероисповедания каждой из них (будь то мусульманка или христианка). Для населения западной Грузии как для христиан такая норма поведения была совершенно исключена»[7].

Неизвестно из каких источников берет свою информацию С. Бахия-Окруашвили, однако необходимо подчеркнуть, что традиционная абхазская семья была моногамной. Еще Вахушти Багратиони отмечал, что абхазы «знают…единоженство»[8]. То же подчеркивает, например, и Н. Ду-

---

[1] Бахия С. И. Абхазская «абипара» – патронимия…С. 9.

[2] Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии. – Сухум. 2013. С. 235.

[3] Бахия-Окруашвили С. И. Основные черты семейного быта абхазов до революции… С. 109.

[4] Там же.

[5] Анчабадзе Ю. Д. Кавказский этнографический сборник. Тбилиси. 1988 // СЭ. №1. 1990. С. 162.

[6] Там же. С. 163.

[7] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии…С. 325.

[8] Царевич Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечаниям. Г. Джанашвили. – Тифлис. 1904. С. 235.

бровин: «абхазы не придерживаются многоженства, а ограничиваются одною женою»[1]. Даже абхазские мусульмане, как писал Ф. Торнау, имели не более одной жены, и что «многоженство у жителей из магометан не в обыкновении»[2]. В частности, и у аджарских абхазов, которые были мусульманами, основной формой брака оставалась моногамия[3]. Сказанное находит подтверждение и в других документах, также относящихся к первой половине XIX в. Например, Д. Г. Анучин о западных адыгах и убыхах писал, что «хотя по исламу им разрешалось иметь несколько жен, они по большей части имели по одной жене»[4]. В другом описании читаем: «многоженство у черкесов, убыхов и не христиан абхазов допускается магометанскою религиею, но только немногие, имеющие достаток, пользуются этим правом»[5]. Но нет конкретных примеров, – пишет Ш. Д. Инал-ипа – настоящего многоженства и среди тех абхазов, которые «имели достаток»[6]. И действительно, случаев многоженства не встречалось в Абхазии, даже к двоеженству прибегали здесь в редких, можно сказать, исключительных случаях, причем вторая, «боковая жена» (авартэа, букв. «подсаженная»), как правило, поступала в дом не без ведома, а то и с согласия первой, которая или уходила к своим родичам, материально полностью удовлетворенная в соответствии с затраченным ею трудом у мужа, или продолжала оставаться по прежнему главной хозяйкой в доме мужа[7]. Чаще же вторую жену приводили в случае бесплодия первой жены. При этом важно подчеркнуть, традиции моногамной семьи продолжали существовать у абхазов несмотря и вопреки длительному присутствию в Абхазии турок и их религии ислама, допускавшего и даже поощрявшего многоженство. Причем, то же самое мы наблюдам, в частности, у кабардинцев, где также укоренившийся обычай имел преобладающую силу над мусульманством, вследствие чего редкий кабардинец держал более одной жены[8].

«Начиная с древнейших времен, – пишет С. Бахия-Окруашвили, – на территории Абхазии засвидетельствовано множество различных обрядов захоронения, за исключением ингумации»[9]. Но и данное её утверждение не

---

[1]Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I. Кн. II. С. 44.

[2] Дзидзария Г. А. Ф. Ф. Торнау и его Кавказские материалы XIX века. – М., 1976. С. 120.

[3] Копешавидзе Г. Г. Быт и культура абхазов, проживающих в Аджарии. – Тб., 1985. С. 81.

[4] Анучин Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. – Нальчик. 2001. С. 269–270.

[5] Цит. по: Инал-ипа Ш. Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов – Сухуми. 1954. С. 144.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Вместе с тем следует отметить, что среди представителей высшего сословия, в том числе у владетелей Абхазии, хотя и редко, но встречались случаи двоеженства. Такие случаи имели место и среди высшего сословия мусульман Аджарии в Юго-Западной Грузии.

[9] Бахиа-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация историко-культурных особенностей Абхазии…С. 306.

соответствует действительности, так как согласно археологическим исследованиям, на могильниках апсилов прослежено параллельное исполнение двух погребальных обрядов: кремации и ингумации – обычного трупоположения[1]. Далее С. Бахия-Окруашвили вновь утверждает, что обычай воздушного погребения, существовавший в Колхиде еще в VIII – VII вв. до н. э. является якобы мегрельским (грузинским) обрядом и, что нет никаких оснований считать его абхазским[2]. В период описания этого погребального обычая, – продолжает она, – на всем пространстве от Кавказского хребта до Трапезунда обитали только колхские, то есть картвельские племена(!?)[3].

И данное положение С. Бахия-Окруашвили является совершенно предвзятым и тенденциозным, так как в науке является общепризнанным существование в древности двух значений термина «колхи». С одной стороны, «колхи» – один из этнонимов, употребляемый в узком (этническом) значении и локализуемый «отцом истории» Геродотом (V в. до н. э.) к югу от Фасиса (т. е. Риони)[4]. С другой стороны, «колхи» – это обобщающее название значительного числа «племен», в античную эпоху заселявших Восточное Причерноморье[5], и состоявшие, главным образом, по-видимому, из абхазо-адыгской этноязыковой группы[6]. В географическом значении, очевидно, следует понимать и локализацию ранними авторами «колхов» на территории между Диоскуриадой (совр. Сухум) и Апсаром (совр. Гонио, на левом берегу Чорохи). «Колхов» в широком смысле, как жителей Колхиды, несомненно, имеет в виду Страбон, когда называя район между Питиунтом и Диоскуриадой – «местностями Колхиды», помещает в том же отрезке племена гениохов, соанов и т д. [7]; античные же авторы обычно не смешивают гениохийские племена и собственно колхов, а упоминают их как два различных народа (в частности, можно отметить Ксенофонта,

---

[1] Воронов Ю. Н., Бгажба О. Х. Главная крепость Апсилии. – Сухуми. 1986. С. 50.

[2] Бахиа С. И. Этнологическая интерпретация… С. 307.

[3] Там же.

[4] Геродот. Кн. I, гл. 103-105. См. также: Страбон. География. Книга XI. Текст приводится по изданию: Страбон. География в 17 книгах. Репринтное воспроизведение текста издания 1964 г. М., 1994. С. 498; Болтунова А. И. Аргонавты и Колхида. – Тб., 1976. №3. С. 104; Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия. – Сухум. 1998. С. 28 – 29; Шамба Г. К. Древний Сухум…С. 102, 128.

[5] Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. №3. С. 241–242; Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии…С. 131–132. В связи со сказанным нужно отметить, что вообще наименования племен Северо-Западного Кавказа античного периода, часто представляют собой собирательные термины, как, например: «саки» персидской клинописи, «скифы», «савро-маты» и «меоты» греческих авторов (Калнстров Д. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. – Л., 1949. С. 26).

[6] Гунба М. М., Шамба Г. К. История Абхазии с древнейших времен до XX века. – Сухум. 2001. С. 30; Шамба Г. К. Древний Сухум…С. 106.

[7] Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. – Тб., 1959. С. 63; Воронов Ю. Н. Древняя Апсилия…С. 29.

локализующего колхов (в узком смысле слова) в V в. до н. э. в районе Трапезунта до р. Чорохи).

С точки зрения употребления античными авторами термина «колхи» в двух значениях, абсолютно не соответствуют действительности и утверждения некоторых ведущих грузинских исследователей о том, что античные писатели называют на территории Западной Грузии в VI – IV вв. до н. э. один народ – колхов (О. Лордкипанидзе). Столь же необоснованно утверждение Н. Ломоури: «все античные авторы, описывающие ситуацию в Восточном Причерноморье, называют здесь лишь один народ – колхов»[1]. Поэтому совершенно очевидно, что при выяснении этнической принадлежности того или иного племени никогда не следует упускать из виду двоякого смысла термина «колхи» и безоговорочно зачислять в ряд собственно колхов всякую этническую единицу, о которой какой-либо античный писатель сказал, что она является «колхским племенем»[2].

Исходя из вышеизложенного, нет ни малейших оснований для категоричного утверждения С. Бахия-Окруашвили, о том, что якобы, непосредственное отношение абхазов к обычаю «воздушного погребения» «абсолютно исключено»[3]. Наоборот, исследователи, занимавшиеся изучением обряда «вторичного погребения» по материалам археологических раскопок Абхазии, пришли к заключению о том, что этот обряд уходит своими корнями, по крайней мере, в эпоху энеолита[4]. Если этот обычай, как утверждается, является «мегрельским (грузинским) обрядом», то следует заметить, что обряд «воздушного погребения» античными авторами засвидетельствован только у колхов, а средневековыми авторами (И. Лукка, Эвл. Челеби, Арк. Ламберти) – у абхазов. Кроме того, обряд «воздушного погребения» генетически, естественно, неразрывно связан с обрядом «вторичного захоронения». Обряд же «вторичного захоронения» был зафиксирован археологами в дольменах.

А дольмены, разбросанные во множестве по всему Северо-Восточному побережью Черного моря, тянутся, как уже отмечено, от Таманского полуострова и далее, вплоть до южных районов современной Абхазии. За пределами этого исконного обитания абхазо-адыгских племен на Кавказе, пишет Ш. Д. Инал-ипа, настоящих дольменов нигде нет[5]. Важно и то, что

---

[1] Скаков А. Ю. Абхазия в эпоху античности: страна на перекрестке культур и коммуникаций// Материалы Первой Международной научной конференции, посвященной 65-летию В. Г. Ардзинба. – Сухум. 2011. С. 126.

[2] Анчабадзе З. В. История и культура древней Абхазии…С. 131–133..

[3] Бахия-Окруашвили С. И. Этнологическая интерпретация…С. 307.

[4] Трапш М. М. Труды. Том второй. Древний Сухум. – Сухуми. 1969. С. 155.

[5] Инал-ипа Ш. Д. Труды. В 11 томах. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Т. III. – Сухум. 2011. С. 98 – 99. С. Хотко и Б. Агрба также пишут, что в Мегрелии, Сванетии и в целом в Грузии, а также в Осетии, Чечне, Дагестане, вообще нет ни одного дольмена. Там встречаются единичные мегалиты, но не имеющие типологически и внешне ничего общего с

следы «воздушного погребения» были отмечены и у адыгов. Согласно источникам, черкесы «большое оказывают уважение к телам умерших отцов и других родственников, которых ставят в деревянных гробах на высокие деревья»[1]. Этот обычай был зафиксирован у черкесов в самом начале XVIII в., также сохранившись у них с древних времен, когда на территории Колхиды наличествовало субстратное абхазо-адыгское население[2]. Следует также утверждать, что зафиксированный у колхов в античную эпоху обычай «воздушного погребения» дожил у абхазов вплоть до XIX в. Этот обычай, – пишет Ш. Д. Инал-ипа, – имел своим источником абхазский обычай, согласно которому убитые молнией в течение некоторого времени действительно клались на высоких подмостках, а вокруг них устраивалось обрядовое хождение в сопровождении специальной песни в честь божества грома и молнии (аф-рашәа), но затем они все же непременно предавались земле[3]. Далеет Ш. Д. Инал-ипа подчеркивает: «Если такой важный с этногенетической точки зрения обычай, как «воздушное погребение», был известен колхам и абхазам и, как подчеркивает Арк. Ламберти, нельзя больше его «найти ни у одного народа в мире, то не свидетельствует ли этот существенный факт об этническом родстве абхазов с теми колхами, которым приписывали античные авторы данный обычай, на что исследователи обращают недостаточно внимания»[4]. Следует отметить и то, что в речи старожил-абхазов встречаются выражения: «аʒахәа ухартцазшәа», дословно «как будто тебе на шею накинули виноградную лозу»; «уажәымҭа аʒахәа ахартцааит» «чтобы на твою старость накинули виноградную лозу». Последнее говорят человеку, совершившему непристойный поступок. В этом выражении вполне очевиден пережиток воздушного погребения, зыбкие представления о котором сохранились в народной памяти.

В 2011 г. в Тбилиси «госпожа Саломе Бахия-Окруашвили» издала «первое учебное пособие по этнологии абхазов» для студентов[5] (известно од-

---

дольменами Северо-Западного Кавказа. В то же время, дольмены вошли в словарный состав мегрельского языка. Последние называли дольмен «одзвале», «садзвале» (вместилище костей), а также «мдишкуде» (дома великанов) (Дольмены Западного Кавказа. Википедия).

[1] Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г., докт. Феррана // Русский вестник. 1842. Т. 6, № 4. Отд. 2. С. 52.

[2] Джапаридзе О. М. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. – Тб., 1976. С. 69, 320 – 341.

[3] Инал-ипа Ш. Д. Абхазы…С. 547 – 548.

[4] Там же. Функциональная преемственность обряда воздушных захоронений на территории Западного Кавказа, пишет О. Х. Бгажба, вполне может свидетельствовать и о генетической преемственности населения, проживавшего здесь на протяжении указанного хронологического периода (Бгажба О. Х. Ранние этапы этнической истории // Абхазы. Народы и культуры… С. 61). На этот же факт ранее обращал внимание М. М. Трапш (Трапш М. М. Труды. Том второй. Древний Сухум…С. 48 – 49).

[5] abkhazeti. info/abkhazia/2012/1335935531. php

нако, что первое учебное пособие «Этнология абхазов» для студентов была издана ныне покойным Ю. Г. Аргун еще в 2003 г.). Презентация «учебного пособия» состоялась 1 мая 2012 г. в так называемом «Сухумском государственном университете». В этом «исследовании» С. Бахия-Окруашвили, как и раньше неверно трактуются основные вопросы абхазской этнографии. Директор же «института абхазского языка и культуры» Т. Гванцеладзе считает издание «книги» «Этнология абхазов» «еще одним успехом грузинских абхазоведов»(???)[1].

Следует в этой связи сказать, что в свое время, когда С. Бахия-Окруашвили совершала экспедиции по селам Абхазии, её гостеприимно встречали абхазы, оказывали ей всяческую помощь в сборе полевого этнографического материала. В 1983 г. в Тбилиси перед защитой кандидатской диссертации на тему «Абхазская абипара – патронимия» (главным оппонентом выступал Ш. Д. Инал-ипа), С. Бахия-Окруашвили буквально «тряслась», и сотрудники отдела этнографии Абхазского института оказали ей научную помощь, помогли привести диссертацию в соответствие с научной истиной, не провалили ее защиту. Кстати, тогда в диссертации С. Бахия-Окруашвили не содержалась невероятная теория, пытающаяся отрицать наличие абхазов в Абхазии до XVIIв.

Нельзя вместе с тем всерьез думать о том, что С. Бахия-Окруашвили и другим грузинским авторам не были известны настоящие, неоспоримые факты, однако намеренное и целенаправленное искажение абхазской истории необходимо им для того чтобы закрепить за Грузией и грузинами историческое право на территорию Абхазии (и эта фальсификация истории и этнологии абхазов, являясь частью информационной войны, в настоящее время искусно ведущейся против абхазского народа, в конечном счете направлена против независимости Абхазии). Но крайние взгляды относительно истории и этнологии абхазов и Абхазии, которых придерживаются Бахия-Окруашвили и другие грузинские авторы, были охарактеризованы, как ни странно, грузинским же исследователем Г. В. Цулая, как «тирания намеренного искажения фактов, выдача заведомого невежества в качестве академической истины»[2].

Таким образом, очевидно, что пренебрежение реальными этнологическими фактами и вообще академической добросовестностью со стороны С. Бахия-Окруашвили и ее коллег по отношению к прошлому абхазов, стало грубейшим искажением истории нашего народа, которое не имеет ничего общего с наукой и абсолютно не соответствует исторической действительности.

---

[1] Там же.

[2] Цулая Г. В. Абхазия и абхазы в контексте истории Грузии. – М., 1995. С. 9.

О. Войцеховская-Брендель

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО А. ЧАЧБА-ШЕРВАШИДЗЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРЕССЫ

Обращаясь к имени Александра Чачба-Шервашидзе – первого абхазского профессионального художника, замечательного портретиста, критика-искусствоведа, мне захотелось определить динамику раскрытия его жизни и творчества для народа Абхазии. В качестве используемого материала мною были взяты публикации ведущей газеты республики.

Приведённый материал может также служить оценкой насколько полно и глубоко были осведомлены о жизни и творчестве А. Чачба-Шервашидзе любители изобразительного искусства его родины.

В 1958 году (10. 08) на страницах газеты «Советская Абхазия» появляется статья Отара Пиралишвили – учёного секретаря Государственного музея искусств Грузии, – которая за десять дней до этого печаталась в «Литературной газете».

Уже то, что она так быстро появилась в абхазской прессе, говорит о том, что интеллигенцию Абхазии интересовала личность героя публикации.

В данной статье автор сообщает, что в фондах музея в 1956 году был обнаружен портрет, выполненный цветными карандашами и запечатлевший молодую женщину элегантной наружности. Под портретом значилась подпись Ал. Шервашидзе, 1899 г.

Отмечалось, что история мирового искусства знает очень мало первоклассных художников, работавших цветными карандашами. «Но в то же время перед нами лежало произведение очень искусного мастера. Чувствовалось резкое отличие манеры письма… что было создано грузинскими художниками XIX века. Это обстоятельство намного повышало интерес к виртуозно выполненному произведению»[1].

[1] Пиралишвили О. О художнике А. Шервашидзе//Советская Абхазия. 1958. 08. 10.

Сведения, обнаруженные О. Пиралишвили о жизни и творчестве А. Чачба-Шервашидзе были опубликованы в журнале «Дроша» в 1956 году. А через два года они попадают на страницы «Литературной газеты».

Читатель ознакомился с письмом А. Чачба-Шервашидзе, в котором он рассказал о своей жизни и был готов передать все свои работы в дар музеям.

Вспоминал о тех днях, когда его жена Бутковская вместе с ним создала в Сухуме драматическое училище.

Прочитавший данную статью знал, что Министерство культуры Грузинской ССР принял меры, чтобы исполнить желание художника и доставить его произведения в Грузию.

О процессе получения Государственным музеем Грузии многочисленных произведений Ал. Чачба-Шервашидзе сообщалось на страницах «Советской Абхазии» в 1959 году. И приводилась запись рассказа О. Пиралишвили о художнике. Фактически это был несколько укороченный и менее детальный повтор статьи в «Литературной газете». Но в ней указывалось, что более 500 работ Чачба-Шервашидзе и архив его жены в это время находились в Государственном музее Грузии.

Однако ясно можно было понять, что в качестве родины Чачба-Шервашидзе рассматривалась Грузия, и был оценен его вклад в грузинское изобразительное искусство. Из приведённых двух публикаций нельзя было понять, что художник родом из Абхазии. Единственно было отмечено, что в 1918 году художник с женой приезжают в Сухум. И именно к этому времени относится создание драматического училища.

Но главное свершилось. Была приподнята завеса знакомства представителей Абхазии с жизнью и творческой деятельностью А. Чачба-Шервашидзе, правда, ещё только на словах, а не воочию.

Из анализа этих двух статей можно сделать вывод, что к моменту публикации (1959. 11. 10) в Абхазии не имелись новые сведения о А. Чачба-Шервашидзе. А необходимо было представить статью достаточно большую с учётом главного её сообщения о том, что произошла доставка произведений А. Шервашидзе в Тбилиси.

Накануне 1960 года (1959. 12. 27) читатели газеты «Советская Абхазия» могли увидеть в настоящее время практически всем известный «Автопортрет» А. Чачба-Шервашидзе , и ознакомиться с очерком Л. Прицкера о том, что А. Шервашидзе не только оформлял многие постановки в театрах Парижа, Мадрида, Лондона, но и был прекрасным портретистом, представил рассказ об «Автопортрете» художника. Портрет оказался в фондах Киевского музея русского изобразительного искусства, но там также хранились портреты жены Екатерины Васильевны и небольшая картина «В саду».

Министерство Украины удовлетворило просьбу Министерства культуры Абхазской АССР о передаче картины А. Чачба-Шервашидзе в Абхазский государственный музей на постоянное хранение.

Автор очерка ставит цель сосредоточить все произведения А. Чачба-Шервашидзе находившиеся в то время в музеях СССР, в Сухуме и Тбилиси (к сожалению). И просит читателей сообщать имеющиеся у них сведения и материалы о художнике.

Таким образом, можно говорить о том, что творческая деятельность А. Чачба-Шервашидзе была интересной и для историков Абхазии.

Публикация в газете «Советская Абхазия» открыла новые грани творчества художника. А главное в ней была представлена иллюстрация работы и сообщение, что посетителей музея ждёт знакомство с произведениями А. Чачба-Шервашидзе.

В 1961 году старший научный сотрудник Государственного архива Абхазской АССР Ш. Начкебия сделал сообщение на страницах газеты о том, что в архиве обнаружены новые документы о А. К. Чачба-Шервашидзе , раскрывающие многие факты его жизни и начала творческой деятельности.

В 1963 году в своей новой публикации Ш. Начкебия спешит уведомить жителей Абхазии, что А. Чачба-Шервашидзе жив. (Долгое время о нём не было ничего известно и думали, что его уже нет в живых).

В ней приведена цитата из письма А. Чачба-Шервашидзе своей дочери, из которой можно сделать вывод, что художнику не хватало средств для существования.

Сотрудник архива считал, что Министерство культуры Абхазской АССР сделает полезное дело, если с помощью передвижной выставки познакомит сухумцев с работами А. Чачба-Шервашидзе.

Из одного из писем А. Чачба-Шервашидзе можно узнать, что он был в гостях у поэта Волошина и там написал портрет его матери.

Сотрудники Абхазского музея разыскали в 1963 году жену давно скончавшегося поэта, была сделана фоторепродукция с портрета и передана в музей.

В 1965 году, после небольшого перерыва, картинная галерея Абхазского государственного музея вновь приглашала посетителей. Её заведующая А. Садыкова представила в прессе произведения, которые появились в новой экспозиции, вкратце высказав своё мнение о некоторых работах художников. Однако, касаясь произведений А. Шервашидзе, она не сочла нужным дать оценку его работам.

Таким образом, анализируя эти публикации, можно сделать вывод, что они носят лишь информационный характер. И, как ни парадоксально наиболее «строгая» информация приведена представителями Министерства культуры Абхазской АССР (музей, картинная галерея).

Но уже в 1966 году на страницах «Советской Абхазии» появляется статья Садыковой, представляющая анализ произведений художника, хранящихся в картинной галерее. Читатель узнает, что первый профессиональный абхазский художник работал в разных жанрах: пейзаж, портрет, натюрморт, декоративная живопись, театральные декорации.

Делая анализ представленных портретов («Автопортрет», «Мадемуазель Биссон»), автор статьи подчёркивает, как колористически различно созданы две эти работы. Любовь к жизни и человеку пронизывает всё творчество мастера. Автор делает акцент на том, что А. Чачба-Шервашидзе увлекала «тайна достижения большого эффекта скупыми средствами. Разгадке этой тайны посвятил мастер многие годы своего творчества»[1].

В картинной галерее была выставлена небольшая часть эскизов костюмов к различным театральным постановкам. И, как считала Садыкова, – это по большей части незавершённые работы А. Чачба-Шервашидзе, даже черновые наброски, часто носящие на себе следы неоднократных исправлений и добавлений.

Уже в 1967 году любители изобразительного искусства Абхазии знали, что молодой 30-летний абхазский исследователь Б. Аджинджал занимается изучением творчества Чачба-Шервашидзе. Работая в архивах Ленинграда, он обнаружил его статью о гениальном французском художнике В. Ван-Гоге.

Как положительный факт можно оценить то, что данная статья была помещена на страницах газеты «Советская Абхазия», и в ней отмечены характерные особенности произведений Ван-Гога: «Произведения его все без исключения, помимо неоценимых достоинств колорита, часто необыкновенной силы формы и имеют ещё другую ценность для художника: в них сохранился след этой горячей борьбы, этой страсти, и каждый удар кисти, каждый кусок холста дышат ею»[2].

Говорил о цели Ван-Гога: «Раз навсегда принята цель заставить петь краски возможно громче, возможно более полным аккордом»[3].

Знакомство с данной статьёй первого профессионального абхазского художника служит подтверждением того, что А. Чачба-Шервашидзе яркий публицист, глубокий исследователь изобразительного искусства.

К 100-летию А. Чачба-Шервашидзе пространная статья Б. Аджинджал рассказывала об основных событиях жизни и творчества художника, раскрывала их новые страницы, которые ещё не были знакомы читателям.

В частности, живя в 1904-1906 годах во Франции, А. Чачба-Шервашидзе не только участвует в различных выставках, но и как специальный корре-

---

[1] Садыкова А. Первый абхазский художник //Советская Абхазия. 1966. 03. 13.

[2] Великий художник о гениальном французе //Советская Абхазия. 1967. 12. 16.

[3] Аджинджал Б. Большой художник // Советская Абхазия. 1967. 12. 26.

спондент часто выступает в Петербургских журналах и газетах с обзорными статьями о художественной жизни Парижа.

Работая в Мариинском театре, он написал декорации к шести картинам для юбилейного спектакля к 100-летию Отечественной войны 1812 года. За эти декорации он был награждён светло-бронзовой медалью.

Приводится цитата из «Словаря современного балета», вышедшего в Париже в 1957 году, в которой говорится о роли в декорации балета 50-х годов А. Чачба-Чачба-Шервашидзе. «Роль А. Чачба-Шервашидзе в декорации современного балета гораздо более значительна, чем это предполагают. До него театральные декораторы-исполнители обращались весьма свободно с авторскими проектами и по своему усмотрению приспосабливали их в соответствии с материальными возможностями, условиями сценической жизни. А. Чачба-Шервашидзе , наоборот, в сценическом оформлении передавал оригинальную специфику эскиза, сохраняя в декорациях обаяние материала станковой живописи или акварели, тщательно воспроизводя в них случайности и эффекты живописного мазка, характеризующие манеру автора. Таким образом, при всей своей скромности он был весьма ценным работником русских балетов, так как без него декорационные дерзания, к которым стремился и которых требовал Дягилев от художников, не могли бы достигнуть того высокого художественного уровня и качеств, которые были им свойственны».

В августе 1969 года Б. Аджинджал говорил о наследии большого художника. Автор статьи знакомит читателя с дневником своего героя, который охватывает 1913-1917 годы. Из приведённого материала напрашивается вывод, что А. Чачба-Шервашидзе был представителем абхазского народа. Ему были известны характерные особенности жителей абхазской деревни и столицы Абхазии. Приводится много цитат из дневника, утверждающих о том, что Чачба-Шервашидзе был патриотом своей родины, испытывал волнения о настоящем и будущем Абхазии.

Одна из цитат, приведённая в статье, особо актуальна сегодня для жителей Сухума. «Внешняя красота города, подразумевая и внутреннюю, столь же жизненно необходима, как чистый воздух. Без внешней красоты город мёртв, обречён на жалкое и пошлое существование скотного двора в плохом хозяйстве. Глаза наши незаметно для себя неустанно доставляют нам радости и печали… Мы живём среди народа с красивыми древними обычаями и большой красивой духовной культурой и мы должны стараться сделать наш город красивым»[1]. Как сообщает Б. Аджинджал, Русудан Александровна после смерти своего отца привезла в Сухуме ряд документов, портреты, фотографии работ, личные вещи.

[1] Аджинджал Б. Наследие большого художника// Советская Абхазия. 1969. 08. 08.

Данная статья является источником раскрытия образа, личности данного человека, подчёркивая, что записи всего лишь четырёх лет дают представление о том, как он любил свою родину – Абхазию, старался высказать своё мнение о родной ему стране.

Таким образом Б. Аджинджал считал необходимым после достаточно подробного анализа жизни и творчества А. Чачба-Шервашидзе в предыдущих статьях сказать народу о том, что его герой – абхаз. И он использует для этого леммы – цитаты из дневника художника, которые не требуют доказательств.

В августе, в разгар курортного сезона, 1969 года в помещении Пицундского храма открылась выставка произведений А. Чачба-Шервашидзе. Организована она была по инициативе Министерства культуры Грузинской ССР, Государственного музея искусств Грузии и Абхазского Совета грузинского общества охраны памятников культуры.

В экспозиции было представлено 166 работ художника из фондов Музея искусств Грузии. Среди них такие произведения, как «Автопортрет», портрет жены художника Н. И. Бутковской, «Портрет мадемуазель Биссон», «Мужской портрет», серия женских портретов, выполненных акварелью и цветными карандашами, эскизы декораций к балету «Лебединое озеро», костюмов к пьесам Тургенева и Гоголя и многие другие.

На открытии выставки заведующая отделом современного искусства Музея искусств Грузии К. Багратишвили рассказала о жизни и творчестве А. Чачба-Шервашидзе рассказала. Выступили также заместитель директора АбИЯЛИ Ш. Инал-ипа и молодой исследователь творчества художника Б. Аджинджал. Выставка была открыта в течение месяца.

В октябре того же года вновь состоялся вернисаж произведений А. Чачба-Шервашидзе , но в Выставочном зале Союза художников Абхазии. Сухумская выставка (не считая Пицундской) была крупнейшей выставкой произведении этого художника (170 работ).

Выставку открыла Председатель Союза художников Абхазиим. Эшба. Заведующий отделом археологии и искусств АбИЯЛИ Лео Шервашидзе рассказал о творческом пути художника и сделал обзор произведений, выставленных в зале.

Интересным было выступление народного артиста Абхазской АССР, старейшего театрального работника Сухума С. Мульмана, который работал вместе с А. Чачба-Шервашидзе в Сухуме, оформившем здесь два спектакля в 1918 году, поставленных его другом – режиссёром Евреиновым.

О данной выставке писал на страницах газеты «Советская Абхазия» Т. Аршба: «…он не мог даже мечтать о том, чтобы так широко и с такой любовью были бы экспонированы его произведения. Родина сегодня воздаёт ему должное за интересную творческую жизнь, которая всегда была на-

правлена во имя прогресса человечества, воспитания чувства прекрасного в людях и любви к человеку»[1].

Своими впечатлениями о выставке делились старший научный сотрудник АбИЯЛИ Соловьёв, художница В. Европина. В редакцию газеты «Советская Абхазия» приходили зрители, оставляли свои письма-отзывы и просили передать спасибо организаторам выставки.

Мнение искусствоведа Л. Шервашидзе о выставке публиковалось в печати. Он указывал, что из многочисленных работ художника на выставке представлена лишь незначительная часть. Но и она в полной мере показывает творческое лицо художника.

Как художника-жанриста А. Чачба-Шервашидзе характеризовала картина «В саду». Великолепно было представлено мастерство Шервашидзе как портретиста. Скупыми лаконичными средствами передаёт он не только внешние черты образа, но и его внутреннее состояние. Данная характеристика создаваемых образов, сделанная Л. Шервашидзе, повторяет высказывание А. Садыковой. И тем самым можно считать, что эта методика создания портретов ясно выражена у художника.

Л. Шервашидзе считал, что мастер в совершенстве владеет техникой и цветом, верно строит рисунок. Показательны в этом отношении автопортреты, исполненные им в разные периоды своей жизни.

Искусствоведом был отмечен натюрморт «Ваза с цветами». Но особенно впечатляюща, по его мнению, серия натюрмортов с масками, «где сопоставлением предметов, их взаимоотношением, композиционным и цветовым решением в каждом случае автором вносится особый драматизм, доходящий до грани трагического. Маски уже не воспринимаются как предметы натюрморта, а как гротескные персонажи совершающейся драмы»[2].

Полно и многосторонне показано на выставке искусство А. Чачба-Шервашидзе как театрального художника.

«Каждая его вещь на выставке – произведение большого искусства. Собранные воедино, они производят впечатление огромной силы» – сделал заключение Л. Шервашидзе.

С наибольшей отдачей трудился над изучением жизни и творчества А. -Чачба-Шервашидзе Б. Аджинджал. Работая в конце 60-х годов в Ленинградском архиве, он нашёл рисунок Александра Константиновича, представляющий образ знаменитой русской балерины О. И. Преображенской. И абхазский искусствовед спешит представить его читателям газеты, дав к нему небольшое сообщение.

В ноябре 1970 года Б. Аджинджал встретился в Москве с Иветт Шовире, балериной труппы одного из самых старинных театров Франции «Гранд-Опера». В сороковых годах она работала вместе с А. Чачба-Шервашидзе.

---

[1] Аршба Т. Дань яркому таланту // Советская Абхазия. 1969. 10. 08.

[2] Впечатляющее искусство // Советская Абхазия. 1969. 10. 24.

Абхазскому искусствоведу было интересно: какое впечатление оставил в памяти Иветт Шовире Александр Константинович.

В 1946 году отец нового французского искусства Серж Лифар собрал труппу в Монте-Карло и предложил начать репетиции. Начали работать над балетом «Шота Руставели», написанным композиторами Х. Харшани, А. Онеггера и А. Черепниным.

Когда приступили к генеральным репетициям, – как рассказывала Шовире, – их пригласили в театр Монте-Карло для ознакомления с эскизами декораций и костюмов. Здесь собрались искусствоведы, режиссёры, литераторы, журналисты, представители интеллигенции. Стены были увешаны эскизами. Совершенно седой, пожилой, но весьма элегантный человек, тихим и спокойным голосом разъяснял публике содержание этих работ. Это и был Александр Константинович. Так состоялась первая встреча Иветт Шовире с человеком, о котором она так много слышала в связи с балетами С. Дягилева.

А. Чачба-Шервашидзе всегда присутствовал на репетициях. «Чувствовалось, что художник с большим уважением относится к своей профессии и его познания законов сцены были весьма обширными. Он был неумолим, если в ходе работы кто-нибудь – режиссёр, хореограф или балетмейстер – пытался по своему усмотрению изменить кое-какие детали в декорациях или костюмах. Александр Константинович говорил, что ради эффекта не следует жертвовать правдой»[1].

Данное высказывание Шовире подтвердило характер деятельности А. Чачба-Шервашидзе , которое в 1957 году давалось в «Словаре современного балета» (см. С. 5).

Когда был поставлен этот спектакль, все убедились в полной правоте художника. О спектакле рассказывали газеты и журналы. О А. Чачба-Шервашидзе как о художнике говорили особо.

Иветт Шовире была исполнительницей роли Нестан-Дареджан, и балерине часто приходилось обращаться к художнику с вопросами. Он доходчиво объяснял все нюансы создаваемого образа.

Во время подготовки балета «Шота Руставели», в ходе разговора с А. Чачба-Шервашидзе , Шовире выразила восхищение по поводу гор, изображённых на полотне.

«Тогда он глубоко вздохнул и со свойственной ему доброй улыбкой заметил: «У подножия этих гор живёт бесхитростный и добрый, твёрдый и храбрый, но в то же самое время скромный и честный мой маленький народ. Его люди также долговечны, как эти горы»[2].

Воспоминания жены Н. Евреинова – А. А. Евреиновой-Кашиной относятся к ноябрю 1970 года. Она писала: «У Шервашидзе было огромное

---

[1] Аджинджал Б. Художник и балерина // Советская Абхазия. 1970. 11. 24.

[2] Там же.

чутьё художественной ценности эскиза, чувство краски, и притом превосходное знание законов сцены, освещения, перспективы и прочее. Восхищённые отзывы о нём как об исполнителе декораций я слышала многократно как от французов, так и от русских художников»[1].

Последний период жизни художника Н. Евреинова-Кашина описывала так: «Года за три до его смерти я его видела в Монте-Карло. Ему пришлось ликвидировать квартиру и поселиться пансионером в русской семье. Я провела с ним целый день. Вместе пообедали, долго гуляли, и он много и воодушевлённо рассказывал мне о своём детстве, кадетском корпусе, своей мамаше. Всё это он помнил отлично. А вот что было полчаса тому назад, забывал… Он выглядел бодрым, жизнерадостным. Таким он остался в моей памяти: прямой, высокий старик с густыми нависшими бровями, из-под которых глядели весёлые молодые глаза…».

Евреинова-Кашина приводит мнение С. Дягилева о художнике, который «как исполнителя ценил его очень высоко»[2].

Данные документы были опубликованы Ш. Начкебия лишь в декабре 1987 года.

Во второй половине XX века в Париже, как сообщала Р. Чачба-Шервашидзе -Зайцева на выставке, посвящённой памяти С. Дягилева, фигурировало имя А. К. Чачба-Шервашидзе, оформлявшего пантомиму из 12 картин «Триумф Нептуна» (музыка Бернера) в Лондоне в 1926 году. Экспонаты выставки были взяты из частных коллекций Б. Кохно и С. Лифаря.

На каталоге этой выставки, присланном Евреиновой, Лифарь писал: «… На память о нашем друге художнике… Шервашидзе – непревзойдённом исполнителе театральных полотен и художественных замыслов «Русских балетов Дягилева», соучастнике художественной и театральной революции на Западе…»[3].

А. Чачба-Шервашидзе регулярно выступал с критическими обзорными статьями о русском и французском искусстве в журналах «Искусство» и «Русская художественная летопись».

Сотрудничал он также со многими петербургскими журналами по вопросам искусства. Он выступал в «Золотом руне», «Мире искусства», «Аполлоне».

В каталогах «Мир искусства» за 1911-1916 годы, «Выставка живописи» за 1909 год, «Союз русских художников» за 1909 год, «Московское товарищество» за 1899 год встречается фамилия Чачба-Шервашидзе с указанием работ художника.

---

[1] Начкебия Ш. Новые документы о А. К. Чачба-Шервашидзе // Советская Абхазия. 1987. 12. 26

[2] Начкебия Ш. Новые документы о А. К. Чачба-Шервашидзе // Советская Абхазия. 1987. 12. 26.

[3] Чачба-Зайцева Р. Вечно живые краски // Советская Абхазия. 1982. 01. 15.

В одном из каталогов обнаружены работы Александра Константиновича, ранее никогда не упоминавшиеся («Балаган в Париже», «В старинном платье», «Балаган»).

Материалы еженедельной театральной газеты «Обозрение театров» за 1907 год, издававшейся в Петербурге, подтверждают и в значительной степени расширяют сведения о том, что Чачба-Шервашидзе являлся одним из видных художников-декораторов петербургских императорских театров – Александринского и Мариинского.

Стали располагать сведениями, что жена А. Чачба-Шервашидзе Н. Бутковская была известной петербургской актрисой и общественным деятелем. Совместная работа Н. Бутковской и Чачба-Шервашидзе на сцене «Старинного театра» в Петербурге была плодотворной.

Все эти новые сведения, касающиеся Чачба-Шервашидзе , были обнаружены в Ленинградском государственном театральном музее в 1976 году сотрудниками Картинной галереи Абхазии.

К 110-летию со дня рождения Чачба-Шервашидзе, в сентябре 1978 года, в Картинной галерее была открыта персональная выставка художника. В экспозиции были представлены новые, ещё неизвестные абхазскому зрителю произведения. Среди них «Портрет Кашиной-Лобинской» (1924), «Портрет Евреиновой» (1925), «Портрет Бутковской» (1948), «Автопортрет» (1949), который овеян грустью, душевными переживаниями, глубоко психологичен.

Большой интерес представляли эскизы декораций к театральным спектаклям «Весёлая смерть» Н. Евреинова и «Месяц в деревне» И. Тургенева.

Кроме названных произведений на ней экспонировались пять работ художника, представленных в распоряжение галереи Русудан Чачба-Шервашидзе из своего личного архива.

В это время был получен также ряд печатных брошюр, изданных в Париже и оформленных А. К. Чачба-Шервашидзе. Среди них – иллюстрации к русским сказкам, альбом программы русской оперы в Париже, рисунок портрета Н. Евреинова на обложке монографии, сделанный художником в 1947 году.

В первом номере журнала «Апсны аказара», вышедшем в июле 1979 года, была опубликована статья Б. Аджинджал «Первый абхазский художник». Она знакомила читателей с творческой биографией А. Чачба-Шервашидзе. Читатель журнала мог увидеть и репродукции работ этого талантливого мастера, помещённые на его страницах.

В феврале 1981 года в Париже, на выставке, устроенной Национальной библиотекой Франции и посвящённой 100-летию со дня рождения Н. Н. Евреинова, также экспонировались работы Чачба-Шервашидзе. Портрет Н. Н. Евреинова, 4 эскиза костюмов и эскиз декорации к «Весёлой смер-

ти» Евреинова. В афишах и программах – имя А. Чачба, оформлявшего постановки сухумских спектаклей в 1919 году, «Весёлой смерти» в Париже и Берлине в 1922 году, балета «Витязь в тигровой шкуре» в Монте-Карло в 1946 году.

Эта и последующая информации были сделаны Русудан Чачба-Шервашидзе Зайцевой в 1982 году. В проходившей в Москве выставке «Москва – Париж» (1981 год) в программе дягилевского балета было указано имя Чачба как исполнителя костюмов и декораций к балету Б. Кохно, поставленному в Париже в 1924 году.

Совет содействия при сухумском книжном магазине-клубе активно пропагандировал произведения отечественных деятелей литературы и искусства. Здесь организовывались выставки литературы, обсуждения новых книг, встречи с видными деятелями культуры.

В начале октября 1981 года в салоне магазина-клуба состоялся вечер памяти А. К. Чачба-Шервашидзе. На этом вечере, многообразие творчества художника, его самобытность раскрывали доктор искусствоведения Л. Шервашидзе, директор картинной галереи А. Аргун, сотрудник галереи К. Цвижба, режиссёр Московского драматического театра им. Пушкина Л. Танюк. С новыми материалами о А. Чачба-Шервашидзе ознакомили собравшихся научный сотрудник АбИЯЛИ С. Лакоба. Б. Гогоберидзе и внук Александра Константиновича А. Рожков-Чачба – художники поделились воспоминаниями о нём как о мастере кисти.

Сотрудница галереи – дочь художника Р. Зайцева-Шервашидзе, рассказала много интересного о своём отце.

В 1981 году в Сухуми была доставлена картина Чачба-Шервашидзе «Арлекин», написанная в 1942 году. Кто и как привёз данное произведение художника.

Софья Михайловна Томара имеет прямое отношение к этой привезённой картине А. Чачба-Шервашидзе. Окончив в 1914 году Сухумскую женскую гимназию, а затем высшие женские курсы в Москве, она возвращается в Сухум. Но режим меньшевистской диктатуры был настолько невыносим, что 22-летняя Софья Томара уехала во Францию. Там она снискала себе славу известной журналистки и скоро стала заместителем главного редактора влиятельной парижской газеты «Матен».

На протяжении десятилетий Софья внимательно следила за творчеством А. Чачба-Шервашидзе. Во Франции С. Томара, как некогда в Сухуме, очень часто встречалась с А. Чачба-Шервашидзе. А после переезда в Америку она до последних дней жизни художника оказывала ему материальную поддержку. В 1950 году, во время одной из последних встреч во Франции, Александр Константинович подарил Софье Томара свою картину «Арлекин».

У своей сестры Софьи в 1981 году побывал её брат Алексей Михайлович. В университетском городе Принстоне, около Нью-Йорка, она передала ему картину А. Чачба-Шервашидзе и попросила отвезти на родину художника.

Супругам. Томара приходилась родной племянницей С. Мамонтову. Первая жена А. Чачба-Шервашидзе тоже была его племянницей и тоже воспитывалась с юного возраста в его доме.

Трогательной была встреча Алексея Томара со своей родственницей по матери – дочерью художника Русудана Чачба-Шервашидзе, после того, как минуя не только моря и океаны, но и три инфаркта 76-летний Алексей Михайлович привёз в Сухум драгоценный подарок.

«И глядя на них, ликовал «Арлекин» в пёстрых одеждах. Казалось, что это сам Александр Константинович торжествует на живописном холсте, наблюдает за каждым движением своей дочери и сына своего друга»[1].

Р. Чачба-Зайцева в 1982 году, как сотрудница Сухумской картинной галереи, сообщала новые сведения о А. Чачба-Шервашидзе. В частности, был найден в Казанском музее изобразительных искусств портрет Мери Шервашидзе, выполненный Александром Константиновичем. Мери была правнучкой бывшего владетеля Абхазии – Келешбея. Художник написал её в имении Варвары Михайловны Мейендорф, сестры абхазского поэта Г. М. Чачба.

На просьбу Министерства культуры Абхазской АССР о передаче портрета, из Казани ответили согласием. И вот небольшая работа А. Чачба «Портрет Мери» (32,5 Ч 24,3), написанная акварелью, стала достоянием картинной галереи Сухума.

Сотрудникам галереи посчастливилось ещё с одной находкой. В Кировском областном художественном музее им. Горького был обнаружен эскиз декорации Александра Константиновича к опере «Миранда». Эту работу А. Чачба подарил Вятскому (Кировскому) историческому музею в 1914 году.

Дочь художника Р. Чачба-Зайцева, сожалела (в первую очередь как сотрудница картинной галереи) о том, что галерея располагает очень ограниченным количеством работ А. Чачба-Шервашидзе. И считала, что хорошо бы было пополнить сухумскую экспозицию произведениями, хранящимися в Музее искусств Грузии (Тбилиси). В первую очередь, она указала на работы, связанные с сухумским периодом творчества своего отца (эскиз оформления сцены к постановке «Козьма Прутков» (1919 г.), два портрета абхазца (1919 г.), портрет Н. Евреинова, портреты родственников, эскизы костюмов к «Весёлой смерти», несколько автопортретов и другие работы).

Как отмечал С. Лакоба, в 1943 году во Франции в городе Канны Александру Константиновичу Чачба шёл 81 год. Он только что потерял близкого

[1] Лакоба С. Рассказала картина // Советская Абхазия. 1982. 11. 8.

человека. Пришёл домой и стал писать своё лицо, «как бы внушая ему, что оно продолжает жить без Её лица. Последующие два десятилетия – самое страшное для художника время – были для него целой эпохой классического одиночества.

Наступил самый сложный для художника период, когда с величайшим мужеством он оставался наедине с собой… Отныне он пишет, как и в глубокой юности, исключительно только лица людей, создаёт оригинальную поэзию портретов»[1].

В 1982 году Музеем живописи штата Миссисипи (США) был издан каталог выставки «Русское театрально-декоративное искусство. Сценическая инновация 1900-1930 годов» из коллекции собрания русской сценической живописи Никиты Лобанова-Ростовского[2]. В ней представлены Л. Бакст и Б. Кустодиев, К. Малевич и А. Бенуа, М. Шагал им. Добужинский, Н. Рерих им. Врубель, В. Шухаев, В. Бехтеев, Ладо Гудиашвили, а также Ал. Чачба-Шервашидзе.

В каталоге содержатся достаточно подробные сведения о творческой жизни художника, его активном участии в художественной жизни своего времени. И, как указывал аспирант Института языкознания АН СССР В. Чирикба, это является редкостью для изданий подобного рода и осуществить такое было возможно лишь при хорошей осведомлённости об абхазском художнике. Её получили благодаря сотрудничеству зарубежных ценителей творчества А. Чачба-Шервашидзе с его советскими исследователями. В статье об абхазском художнике содержатся сноски на работы абхазского искусствоведа Б. Аджинджал.

В предисловии к каталогу его составитель Джон Боулт среди прочих лиц выражает признательность дочери художника за содействие в ходе подготовки каталога.

В данном издании воспроизведены две работы А. Чачба-Шервашидзе. Эскизы к костюмам Арлекина и Коломбины для постановки в 1919 году Сухумским театральным обществом пьесы Н. Евреинова «Весёлая смерть». Эти два рисунка лишь часть работ художника из собрания Лобанова-Ростовского.

В разделе каталога, относящемся к А. Чачба-Шервашидзе, воспроизведён карандашный «Портрет князя Александра Шервашидзе (1906)», выполненный А. Бенуа.

В тот же период Александр Константинович сделал карандашный портрет А. Бенуа, признанный самим А. Бенуа одним из лучших его изображений.

В декабре 1982 году в Сухуме была открыта персональная выставка А. Чачба-Шервашидзе, посвящённая 115-летию со дня рождения художника.

---

[1] Лакоба С. Долгая жизнь искусства // Советская Абхазия. 1982. 12. 24.

[2] О данном факте было сообщение в феврале 1985 года («Советская Абхазия»).

На ней представили не только портреты, 19 произведений художника, которые привезла из Музея искусств Грузии Русудана.

Посетители увидели в экспозиции также эскизы декораций художника к балету «Лебединое озеро» и акварельные эскизы к пьесе Н. Евреинова «Весёлая смерть».

В одном из писем, которое хранит его дочь, художник писал: «Я бы хотел, чтобы знали, что я с 1920 года работал очень много для балетов С. П. Дягилева по эскизам художников П. Пикассо, А. Дерена, Ж. Брака, художников нового направления в живописи… Это давало мне возможность выполнять любимое мной деяние – написание своей рукой больших полотен, т. е. декораций. Дягилев очень дорожил тем, что я писал сам, своей рукой на больших холстах»[1].

По публикациям в газетах напрашивается вывод, что в 80-х годах прошлого века читатель достаточно подробно знал биографию А. Чачба-Шервашидзе. Но Русудан в вышедшей в свет в июне 1984 года биографии художника этим не ограничилась. Она вновь обращается к жизнеописанию своего отца в статье под названием «Жизнь и дела его - прекрасны».

Фрагменты из этой статьи приведенные нами дают представление о том, что А. Чачба был высокообразованным человеком, его жизненные интересы не ограничивались изобразительным искусством. Оценка записей, сделанных художником, приводиться согласно мнению Р. Чачба-Шервашидзе.

Дочь художника пишет: «Сколько записей, доказывающих его глубокий патриотизм я нашла у него!»

«Проблемы народного образования, просвещения, эстетического воспитания абхазов были в центре его внимания. Он не только набрасывает самостоятельные планы просветительской работы, которые, как он понимал, могло воплотить в жизнь только государство, но и стремится объединить для этих целей деятелей культуры Абхазии и учёных с мировым именем, – таких как Н. Марр и И. Орбели.

Понимая великую практическую миссию просветительства Д. И. Гулиа, А. К. Чачба служил посредником по этим вопросам между ним и Марром»[2].

Большое место занимают записи, посвящённые языковедению.

Из записей, сделанных в Сухуме в 1917-1919 годах, видно как глубоко переживал А. Чачба-Шервашидзе культурную отсталость маленькой Абхазии, как мечтал о её будущем, о развитии культуры, об издании литературы на абхазском языке, о переводах на абхазский язык классиков мировой литературы, об издании истории Абхазии, учебников, словарей.

А. Чачба переживал не только за красоту родной земли, Абхазии, но и за внешнюю и внутреннюю красоту её коренных жителей. «Мне чрезвычайно грустно, когда я думаю о том, что может исчезнуть всё то, что так

[1] Лакоба С. Долгая жизнь искусства // Советская Абхазия. 1982. 12. 24.

[2] Чачба-Шервашидзе Р. Жизнь и дела его прекрасны // Советская Абхазия. 1984. 06. 30.

дорого ценишь в абхазах, вообще в горцах наших. Я представляю себе их – стройных, ловких, очень вежливых, с большим достоинством, молчаливых, умеренных во всём, стойких и твёрдых»[1].

А. Чачба в своих записях высказывает идею создания народного театра – общедоступного. «Театр на воздухе в Лыхнах на поляне. Другой театр – странствующий и, может быть, самый интересный»[2].

Достойны внимания записи о вариантах музеев: «Абхазский национальный музей», «Музей изящных искусств».

Данное «обращение» Русудан к жизни своего отца содержит очень трагические факты: «Все мои хлопоты о приезде отца в Сухуме оказались безрезультатны: перешагнувшему за 90 лет старику хлопоты, связанные с выездом из Канн в Париж, были не под силу.

В 1959 году отец вынужден был по требованию хозяйки и решению суда, оставить квартиру в Каннах. Друзья перевезли его в Монте-Карло. Он лишился пенсии, которую получал во Франции. В долгом, томительном ожидании разрешения вопроса о выезде в Сухуми жил отец. Последние годы он провёл в пансионе принцессы «Монако».

Трагедия Александра Константиновича подошла к своему зениту – смерти… На встречу с отцом Русудан приехала в Париж 25 августа 1968 года, но 20 августа его уже похоронили в Ницце на русском кладбище. «Надеясь на радостную встречу с дорогим отцом, я смогла только прикоснуться к холодному камню его могилы»,1 – с горечью отмечала она.

Однако Русудана заканчивает свою статью об отце не так трагично, словами отца, написанными накануне победы советской власти в родной, горячо любимой им Абхазии:

Пусть умру я
        за твою свободу
мать моя, Абхазия.
Пусть умру
        за твою свободу
Брат мой, абхаз!
Что смерть?
Свобода, Равенство
        и Братство –
Вот три светлых знака,
три звезды,
указывающие нам путь
как жить
        и как умереть!

[1] Там же.

[2] Чачба-Шервашидзе Р. Жизнь и дела его прекрасны// Советская Абхазия. 1984. 06. 30.

В июле 1984 года в Государственной республиканской библиотеке им. И. Папаскир состоялся вечер, посвящённый жизни и творчеству Чачба-Шервашидзе.

Искусствовед Т. Шаламберидзе, открывшая вечер, говорила о значимости творчества художника, о том как оно обширно и многогранно, что его произведения хранятся в картинных галереях и музеях Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Сухума и других городов страны.

С биографией художника, отдельными периодами его творчества ознакомила собравшихся заведующая Картинной галереей А. Аргун. Её рассказ сопровождался демонстрацией диапозитивов и слайдов с известных картин Александра Константиновича, а также фотографий.

Большой интерес у присутствующих вызвали воспоминания дочери художника, ознакомившей со своей перепиской с отцом, отрывками из его дневника, воспоминаниями современников художника.

Преподаватель ГИСХа Г. Кереселидзе рассказал о сухумском периоде творческой деятельности А. Чачба-Шервашидзе. Тогда же была осуществлена постановка «Раненый в сердце» – инсценировка абхазской народной героической песни, выполненной самим художником.

На организованной в библиотеке выставка, посвящённой творчеству А. Чачба-Шервашидзе, были представлены книги и газетно-журнальные статьи, альбомы, репродукции с картин художника, воспоминания о нём видных деятелей литературы и искусства.

Данный вечер был проведён совместно с сотрудниками Картинной галереи и являлся одним из четырёх вечеров нового цикла: «Непроходящая радость встреч», организованных в библиотеке.

(Ранее состоялись вечера-встречи, на которых шёл рассказ о творчестве художницы В. Бубновой, поэтах И. Когониа, Е. Исаева).

Приближался момент привоза праха А. Чачба-Шервашидзе из Ниццы. И Русудан попросили поделиться своими чувствами о предстоящем событии.

Наибольшее впечатление в её рассказе произвели на меня такие слова: «Прошло почти два десятилетия после смерти отца. Я знала, что тело его должны привезти на родину, что вопрос этот решён положительно. И всё же, когда мне позвонили и сказали: «Прах Александра Константиновича Чачба-Шервашидзе будет доставлен на советском судне из Франции в Батуми», я растерялась. Это было всё же, несмотря на моё каждодневное ожидание, неожиданность.

Какое-то странное состояние души. Я боюсь снова опоздать на встречу с отцом. Ведь он уже такой старенький – 118-летний»[1].

И вот эта встреча. Но на свидание с А. Чачба-Шервашидзе пришли не только его дочь, но и те, кому было дорого наследие этого человека.

---

[1] Он возвращается к нам // Советская Абхазия. 1985. 05. 10.

Вот как описывала журналист Ю. Герия в газете «Советская Абхазия» данное событие, происходившее в мае 1985 года? «Набережная Сухума, улица Ленина запружены народом. Несмотря на жгучее солнце, люди пришли сюда, чтобы стать участниками волнующего события – столица Абхазии встречала прах А. К. Чачба-Шервашидзе.

Долгим и нелёгким был обратный путь художника на родину. И вот теперь, когда до его возвращения, его встречи с родной землёй, родными людьми оставались считанные метры и минуты, волнение достигло предела. Казалось, оно передалось и морю, по которому завершался этот путь, – царственно спокойное все эти дни, оно с утра потемнело, волновалось, широкими, косыми волнами набегая на берег, и вновь далеко откатываясь от него в белой пене усталости»[1].

После прочтения начальных строк большой статьи, появилось ощущение, что корреспондент превратился в литератора. И это превращение было связано с обилием культурного потенциала героя произведения: «… Над морем звучит бессмертная «Аве Мария». К малому сухумскому причалу подходит теплоход «Нестор Лакоба», на нём – гроб с останками А. К. Чачба-Шервашидзе. Встречать его выходят представители общественности, работники науки и культуры.

Впереди всех идут старики-абхазцы. Медленная, торжественная их поступь, горделива осанка, награды сверкают на черкесках.

И то, что они посланцы разных сёл Апсны, первыми встречают его, – почёт и уважение ему, сыну этой земли.

Юноши в чёрной национальной одежде поднимают гроб. Процессия начинает свой путь. Голубые национальные платья девушек, дети, цепочкой ограждающие проход с причала, стоящие вдоль всего пути, который предстоит пройти, толпы людей, запрудившие улицы, алые гвоздики – вот что увидел бы он, если бы мог видеть в этот час.

Белокаменный город в густой зелени, взбегающий от моря к горам, и даже несколько старых зданий, которые он мог бы узнать – гостиницы «Рица», «Ткварчели» – бывшие отели «Сан-Ремо» «Ориенталь» – мимо них его путь.

Он смотрел с портрета, утопающего в цветущих ветвях лавра, – умные, добрые глаза, седые волосы, мягкое, спокойное выражение лица…

Народная абхазская песня звучит над городом, древняя и величавая, мужественная, горькая, торжественная…

Процессия с прахом Александра Константиновича Чачба-Шервашидзе движется по улице Ленина к скверу у Абхазского государственного музея. Здесь в тенистой аллее между зданиями музея и Абгосфилармонии приготовлено место, где будет захоронен художник»[2].

---

[1] Герия Ю. Возвращение //Советская Абхазия. 1985. 05. 17.

[2] Герия Ю. Возвращение //Советская Абхазия. 1985. 05. 17.

Начался митинг. Выступления, которые прозвучали на нём, во весь рост представили образ художника, человека, патриота, его нелёгкий жизненный путь, его творчество.

Митинг окончен. Гроб с прахом А. К. Чачба-Шервашидзе опустили в землю. Землю его родины, Апсны, разлука с которой была столь долгой и мучительной. «И на землю эту пламенным дождём любви, благодарности, почтения ложатся алые гвоздики»1. Советский литературовед Евгения Кузьминична Дейч являлась инициатором возвращения праха абхазского художника из Франции.

В день, когда прах Александра Константиновича коснулся земли его родины, в здании Выставочного зала Союза художников на II этаже была открыта его персональная выставка. Экспозиция включала 200 работ: 120 полотен из собрания Государственного музея искусств Грузии, остальные из фондов Сухумской картинной галереи.

А в Выставочном зале экспонировались работы, символизирующие представление о том пути, который прошло изобразительное искусство Абхазии. Начиная с истоков – первого профессионального абхазского художника – до дней восьмидесятых годов прошлого века. Произведения В. Контарева, Б. Петрова, Х. Авидзба, А. Аркания, А. Дзидзария, В. Цвижба – представителей всех поколений мастеров кисти и резца Абхазии.

В июне 1985 года в Музее искусств Грузии открылась выставка, на которой было представлено свыше 160 произведений А. Чачба-Шервашидзе, вернувшихся из Франции. Экспозиция включала портреты близких художника, деятелей литературы и искусства, натюрморты, сценографические эскизы.

«Написанные печальной и страстной кистью художника, они как бы составили своеобразные страницы его жизни и творчества, стали клятвой родной земле, которую он всем сердцем любил»[1].

Нужно подчеркнуть, что сообщение об этой выставке выставке в газете «Советская Абхазия» было продолжено рассказом о жизни А. Чачба-Шервашидзе, автором которого был И. Мирианашвили, и ранее он печатался в «Заре Востока».

Тем, кто интересовался жизнью и творческой деятельностью А. Чачба-Шервашидзе, было довольно сложно скомпоновать материалы, которые преподносила пресса. Многие статьи и очерки повторяли друг друга.

Но наступил момент, когда ценители особой индивидуальности данного человека смогли ознакомиться с книгой Б. Аджинджал «Страницы большой жизни». Именно она вобрала в себя богатую событиями жизнь художника.

---

[1] Грузинформ. «Прими, Отчизна…» // Советская Абхазия. 1985. 06. 22.

В течение 15 лет автор этой книги исследовал многочисленные архивные материалы, привлёк широкий круг первоисточников, проводил встречи с современниками Чачба.

В таком аспекте и с такой полнотой освещения материала эта тема поднималась в искусствоведении впервые, чем и определилась её научная новизна. Вышла книга в издательстве «Алашара» в 1986 году на абхазском языке. Ей предпослано посвящение Русуданы Александровны Чачба-Шервашидзе. Книга содержит большое количество репродукций работ художника, фотографии.

1986 год преподнёс ещё одно издание, посвящённое А. Чачба-Шервашидзе – каталог живописи, графики и театрально-декорационных работ художника. Выпущен он был «Советский художник».

Альбом издан по инициативе Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации (ВНИИР) при участии министерств культуры СССР, Грузинский ССР, Союза художников СССР, Государственного музея искусств народов Востока, Государственного музея искусств Грузии и Государственного музея Абхазии.

Автор одной из вступительных статей каталога – заведующий отделом пропаганды художественного наследия ВНИИР С. Ямщиков отмечал, что в таком же сотрудничестве подготовлена к показу в Москве выставка работ А. Чачба-Шервашидзе. Другая вступительная статья принадлежит директору Государственного музея искусств Грузии Т. Саникидзе.

Автором основного обобщающего текста о жизни и творчестве художника является Б. Аджинджал. Его публикация содержит громадную информацию. Представлен обширный художественно-литературный круг Петербурга и Парижа конца XIX – начала XX веков, в котором вращался А. Чачба-Шервашидзе. Особое место в представленном тексте занимает повествование о пребывании художника в 1918-1919 годах в Абхазии, о его деятельности в Сухуме.

В каталоге присутствуют дневниковые записи А. Чачба-Шервашидзе, привезённые Русудан из Монте-Карло после его смерти. Они отражают патриотические планы художника по возрождению абхазского искусства.

Каталог содержит цветные и чёрно-белые иллюстрации его произведений.

Кроме этого, в данное издание вошли впервые составленные Б. Аджинджал справочные разделы с перечнем избранных критических и теоретических статей А. Чачба, спектаклей, оформленных им, библиография о А. Чачба-Шервашидзе. Каталог был издан в честь открытия первой в Москве персональной выставки А. Чачба-Шервашидзе. Об открытии этой выставки сотрудники газеты узнали в конце апреля 1987 года по телефону. И в этом сообщении отразилась вся атмосфера того дня: «Шёл дождь со снегом. Небо заволокло тучами. Но стоило войти в музей (Государственный

музей искусств народов Востока) на Суворовском бульваре, увидеть работы замечательного художника, яркие, самобытные, как тут же пришло ощущение весны, солнца, счастливых надежд»[1]. Об этом позже узнали и читатели.

Тем из них, кто больше двадцати лет читал «Советскую Абхазию», вспоминалась статья о первой групповой выставке художников Абхазии в Москве. Она также начиналась с определения погодной ситуации: «Градусник показывал минус 27. Зима в Москве разыгралась не на шутку: метёт колючим снегом, пронизывает острым ветром… И когда Вы входите в выставочный зал Союза художников СССР, контраст так велик… ошеломляют яркие, насыщенные жизнерадостностью, наполненные солнечным весенним теплом полотна»[2].

Таким образом, старшее поколение читателей могло сравнить состояние зрителей, посетивших выставку. Можно быть уверенным, что на обеих выставках побывал Г. Гулиа.

И в работах как А. Чачба, так и группы абхазских художников (1966 г.) он уловил частицы прелести Абхазии, её колорит и мастерство самих создателей произведений, что и позволило в обоих случаях холоду внешнего мира превратиться в тепло внутренней обстановки.

При этом мастерство группы абхазских художников решило более сложную задачу, связанную с повышением температуры воздуха.

Много тёплых и ласковых слов было сказано на вернисаже А. Чачба. Было представлено свыше 130 работ из собраний Государственного музея искусств Грузии, Государственного музея Абхазской АССР, театрального музея им. Вахрушина, избранные произведения А. Чачба-Шервашидзе, лучшее из его творческого наследия.

Специалисты Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации оказали действенную помощь в подготовке этой выставки. Некоторых работ художника коснулись руки реставраторов.

Зрители были поражены филигранной техникой, глубоким проникновением матера в характер – будь то реальные люди или персонажи пьес.

Данная персональная выставка А. Чачба-Шервашидзе позже экспонировалась в Ленинграде.

Как сообщал В. Чирикба, супруги Никита и Нина Лобановы-Ростовские являются обладателями первоклассной по качеству и обилию работ коллекции русской театральной живописи, лучшей из имеющихся на Западе. Она насчитывает около тысячи произведений 116 художников. Супруги часто устраивают выставки работ из своей коллекции в музеях многих стран. И в конце февраля 1988 года на основе их коллекции в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени Пуш-

[1] Арнаут Л. Художник на все времена // Советская Абхазия. 1987. 04. 29.

[2] Сергеева И. Дебют ли это? // Советская Абхазия. 1966. 02. 19.

кина открылась выставка «Русское театрально-декорационное искусство 1880-1930 годов».

В Москву было привезено свыше 400 произведений 93 художников. Центральное место в экспозиции принадлежало художникам «дягилевского круга» – деятелям объединения «Мир искусства» и других направлений, сотрудничавших с С. Дягилевым.

На выставке щедро были представлены произведения Л. Бакста, А. Бенуа, М. Добужинского, Н. Рериха, М. Врубеля, И. Сомова, С. Судейкина, Б. Анисфельда. Было много работ известных, замечательных художников «И всё же, смею сказать, поражают не их произведения… все те, кого мы сейчас зовём представителями русского авангарда – вот что, помимо всего прочего, делает это собрание уникальным»[1].

В коллекции Лобановых-Ростовских имеются произведения А. Чачба-Шервашидзе (эскизы к балету Сержа Лифаря «Шота Руставели», эскизы костюмов к «Весёлой смерти» Евреинова, поставленной в Сухуме в 1919 г., а затем в Париже в 1922 году). О Чачба-Шервашидзе на этой выставке напоминает и то обстоятельство, что именно он воплощал в жизнь, оформляя спектакли, эскизы многих из представленных здесь художников – А. Головина, И. Билибина, Н. Гончаровой и других. Как писали Н. Гончарова им. Ларионов, «большинство декораций для труппы «Русских балетов» было написано А. Чачба-Шервашидзе по подлинным эскизам создателей этих декораций»[2].

Евгения Дейч в конце 80-х годов была в Париже. И перед отъездом она зашла в русский антикварный магазин «Санкт-Петербург», где совершенно неожиданно увидела портрет жены Н. Евреинова, выполненный А. Чачба-Шервашидзе.

Выкупить данную работу не было возможности, но Е. Дейч обратилась с просьбой задержать этот портрет и оставила свой московский адрес. Портрет был отложен, но времени давалось слишком мало.

В известность были поставлены потомки абхазских махаджиров, проживающие в США. И семья Казанба из Нью-Джерси на следующий день приобрела работу абхазского художника.

Хозяева картины были готовы передать её в дар Министерству культуры Абхазии в первый же свой приезд на родину.

В августе 1989 года сообщалось о выставке произведений искусства из собрания крупнейшего ленинградского коллекционера И. Эзраха. Посетив данную экспозицию, Арда Инал-ипа обнаружила картину А. Чачба-Шервашидзе. Был поставлен вопрос, что это за работа и как она попала к ленинградскому коллекционеру.

---

[1] Чирикба В. Размышления после столичной выставки// Советская Абхазия. 1988. 03. 30.

[2] Там же.

Сообщили В. Чирикба, и он посетил Манеж, отыскал среди выставленных работ картину А. Чачба-Шервашидзе. Об авторстве свидетельствовала подпись в углу картины, которая называлась «Акация», и датирована была 1914 годом.

К данному году относилась работа художника над декорациями и костюмами к двум постановкам Мариинского театра – операм «Чудо роз» П. Шенка и «Галька» С. Монюшко.

Картина из ленинградского собрания, по мнению В. Чирикба, могла иметь отношение к одной из этих постановок. И, как выяснилось позже, на обратной стороне картона имелась карандашная надпись рукой самого художника «Кн. Шервашидзе А. К. Опера «Чудо роз» Мариинский театр 1914».

Эти данные перекликаются с содержанием одной из сохранившихся афиш того времени «Мариинский театр вторник, 24 сентября «Чудо роз» (Дочь иных веков). Музыкальная легенда в 4-х действиях, либретто Б. П. Никонова. Музыка П. П. Шенка. Декорации 1, 3, 4 актов худ. князя Шервашидзе. Костюмы по рисункам князя Шервашидзе…»[1]1. Таким образом выяснилось, что данная работа представляет собой эскиз декорации к одному из актов оперы Шенка.

Выполненные А. Чачба-Шервашидзе эскизы костюмов к этой опере разыскал в Ленинградской театральной библиотеке Б. Аджинджал. Он же привёл в своих публикациях фоторепродукции декораций к 1 и 3 актам оперы «Чудо роз», опубликованные в 1914 году в «Ежегоднике императорских театров».

Спустя некоторое время с И. Эзрахом связалась Русудан Чачба-Шервашидзе. Коллекционер сразу же любезно согласился передать картину Абхазской картинной галерее.

Миссия приобретения была поручена В. Чирикба.

И вот в уютной ленинградской квартире, больше напоминающей музей, в руки Чирикба, после прослушивания рассказа об истории данной коллекции и её просмотра, была передана картина А. Чачба-Шервашидзе.

Приобретена она была И. Эзрахом в 1969 году у крупного ленинградского собирателя театральной живописи Григория Михайловича Левитина.

В Картинной галерее Абхазии в январе 1990 года состоялся вечер памяти художника А. Чачба-Шервашидзе. (В конце декабря 1989 года ему исполнилось 122 года). На вечере присутствовали представители общественности города, учёные, художники, актёры, сотрудники музея.

Открыла вечер заведующая Картинной галереей А. Аргун. Собравшиеся услышали много интересного о художнике, от Л. Шервашидзе, артиста Госансамбля песни и танца Абхазии В. Чолария, искусствоведа Б. Аджин-

[1] Чирикба В. Радость неожиданной встречи // Советская Абхазия. 1989. 08. 16.

джал, дочери художника Р. Шервашидзе, главного режиссёра Абхазского театра В. Кове, художницы З. Аджинджал. Все в своих повествованиях подчёркивали большое наследие художника. Возникал и вопрос: как отмечать 125-летие со дня рождения А. Чачба-Шервашидзе. Считали необходимым поставить памятник и в большом фамильном доме семьи Чачба по улице Ласурия, где жил Александр Константинович, открыть музей.

Полагали, что желательно было бы возродить какой-нибудь спектакль, в постановке которого принимал участие А. Чачба-Шервашидзе, использовав созданные им эскизы костюмов, декорации, занавески, задники, тем более, что ко многим спектаклям они сохранились.

В творчестве А. Чачба-Шервашидзе много места занимало создание костюмов. Он делал эскизы и костюмы персонажей множества спектаклей. И все они известны. Поездка В. Чолария во Францию дала ему возможность впервые увидеть многие работы художника, выполненные в этой стране, и среди них, конечно, театральные костюмы.

Ещё до концерта Государственного ансамбля песни и танца Абхазии в театре «Палас де Еуропе» в Ментоне (Франция), как сообщал в январе 1990 года В. Чолария, состоялось знакомство с Франсуазой Госье – дочерью бывшего директора театра в Монте-Карло Франсуа Госье.

Разговор о Чачба-Шервашидзе с представителями Абхазии вызвал у неё большой интерес. Уже во время антракта она принесла книгу об истории театра в Монте-Карло. В ней участники разговора нашли большую часть работ художника. Когда попросили ксерокопировать эти работы, мадам Госье, довольно хорошо говорившая по-русски, пообещала попросить отца об этом и передать их представителям Абхазии во время экскурсии в Монте-Карло.

И вот участники госансамбля в Монте-Карло. В театре «Казино» (театр оперы и балета) Франсуаза Госье любезно познакомила со своим отцом приехавших. Он охотно рассказал историю родного театра, который был построен в 1898 году. Здание миниатюрно, но очень красиво. Сюда много раз приглашались артисты из Санкт-Петербурга. Балет в Монте-Карло по происхождению русский. С этим театром связаны имена корифеев русской балетной школы. В постановке балетных спектаклей активное участие принимал А. Чачба-Шервашидзе.

Первое знакомство публики Монте-Карло с русским балетом произошло в 1902 году. В 1911 году на сцене театра Монте-Карло С. Дягилев представил театральному миру премьеру спектакля «Видение розы». Вслед за ним пошло множество постановок под руководством данного балетмейстера.

В одном ряду с художниками Франции – Андре Дереном, Р. Дюфи, Х. Миро, Мореа для театра творил декоратор-исполнитель А. Чачба-Шерва-

шидзе. В балетном театре Монте-Карло с 1921 по 1932 годы без его участия не ставили ни один спектакль.

В книге об истории балетного театра, выпущенной в Париже Жоржем Детейшем и Жеромом Мюликом, рассказывается о многих спектаклях, где декорации, занавеси, костюмы были выполнены А. Чачба-Шервашидзе.

Особо нужно отметить, что пресса знакомила читателей не только с тем, что было сделано в области изучения жизни и творчества А. Чачба-Шервашидзе специалистами Абхазии, но и с теми исследованиями, которые были сделаны в целом по стране и за рубежом.

В двух академических изданиях, вышедших в 1990 году, почти одновременно в Москве и Ленинграде, целые главы посвящены А. Чачба-Шервашидзе. Об этих книгах повествовал А. Аргун.

В книге «Мейерхольд и музыкальный театр», вышедшей в издательстве «Советский композитор», подробно рассказывается о том, как выдающийся режиссёр сблизился с абхазским художником и сценографом. И как в результате этого слилась духовная мощь двух гигантов при создании музыкальных спектаклей, возбуждавших в своё время сердца зрителей города на Неве.

Автор книги Исаак Гликман подробно остановился на тех постановках Мариинского театра, к которым приложил свою руку и сердце наравне с режиссёром и художник А. Чачба-Шервашидзе. В частности, «Тристан и Изольда». О данной опере писалось в своё время много, особенно в журнале «Аполлон», издававшемся в Санкт-Петербурге с 1909 по 1917 год.

А. Аргун приводит выдержки из журнала, касающиеся оценки декораций. И тут же выдержку из книги, которая словно вторит им: «...Александру Бенуа очень понравились декорации третьего акта, и он пишет о своём ощущении с искренним и горячим пафосом: «Невиданность морского горизонта за приподнятой авансценой даёт впечатление большой высоты, безотрадной, бесплодной вершины... Тристан лежит как жертва на алтаре... И его томление по ночной Изольде... становится особенно жутким под этим неумолимым небом, на этом высоком каменном жёстком престоле»[1].

...Бенуа также по существу принял «сцену-рельеф» с её взаимодействием нескольких игровых площадок различной высоты. Именно она и дала возможность создать такую насыщенную и выразительную композицию с умирающим Тристаном. «Сцена-рельеф» была воспринята как новшество в оперном театре».

---

[1] Аргун А. Сподвижник Мейерхольда, Бенуа, Бакста //Советская Абхазия. 1990. 09. 21.

Такая оценка труда А. Чачба со стороны Бенуа говорит о многом.

И, как пишет А. Аргун: «На страницах книги И. Гликмана словно сверкающий бисер, расположены слова приятные и хвалебные в адрес абхазского художника и процитировать их все просто невозможно»[1].

Вторая фундаментальная работа красочно изданная «Советским художником» и многочисленным авторским коллективом носит название «Художник и зрелище». Книга рассказывает о художниках-декораторах, оформлявших свето-звуко-спектакли среди древних исторических сооружений.

В ней размышления художников по поводу их творчества, а также мнения самих режиссёров о творческом процессе этих мастеров, помогавших им в осуществлении художественных замыслов.

Коллектив из более чем тридцати авторов рассказывает также о работах художников разных поколений в области сценического костюма, оформления оперных и балетных постановок, спектаклей драматического театра, о художниках кино и телевидения.

Большое место уделено выставкам произведений ведущих художников-декораторов. Книга богата творческими портретами и очерками.

В главе «Из прошлого» читатель находит научное исследование о жизненном и творческом пути А. Чачба-Шервашидзе, авторы его – искусствовед Н. Корниенко и режиссёр Л. Танюк.

Как сообщает А. Аргун, оно выгодно отличается от остальных работ, опубликованных об абхазском художнике в разное время в центральных изданиях.

Авторы данной главы подробно повествуют о А. Чачба-Шервашидзе не только как о художнике, но и как о человеке большой души и глубокой эрудиции, детально останавливаются на его связях с художественной культурой украинского народа, на его первых шагах учёбы в Киеве.

Большое место в исследовании занимает дружба и творческая взаимосвязь абхазского художника с выдающимися деятелями мирового искусства.

А. Аргун приводит большую цитату, которая знакомит читателя с тем, что ещё в бытность свою во Франции молодого художника заинтересовал наметившийся в миниатюре конца XII века переход от романтического стиля к готике, «гибкость и пластическая удлинённость фигур, изысканность и непринуждённость поз, счастливые выражения лиц… И художник останавливается на миниатюре конца XII– начала XIII века»[2].

Ему необходимо было найти то удивительное сочетание строго «готически» организованной архитектоники пространства сцены-рельефа, которое повторяло бы стиль готической скульптуры, и изящной раскован-

[1] Там же.

[2] Там же.

ности, свойственной, в частности, немецкой миниатюре, которая в ту пору освоила дух миннезингеров и рыцарского романа.

«Князю Шервашидзе была близка не только этика древнего рыцарства и культ Дамы, но и понимание красоты, как высшего и естественного выражения духовности»[1].

В данной работе авторы сумели ярко передать мир абхазского мастера-творца, «невидимыми корнями связанного со своим родным фольклором… В соприкосновении с европейской культурой его родное абхазское начало и восприятие жизни рождали в итоге то, чему искренне восхищались люди, тонко понимающие высшее искусство».

Как отмечал А. Аргун, в данном издании использованы неизвестные абхазским учёным материалы. Автор статьи подчёркивает, что «право помещения данного исследования в книгу «Художники и зрелище» завоёвано авторитетом самого художника, его признанной творческой деятельностью в мировом масштабе».

И в заключение он говорит о том, что представители Абхазии должны сделать всё, чтобы слово о художнике передавалось из поколения в поколение, и делает для этого ряд предложений.

24 декабря 1997 года А. Чачба-Шервашидзе исполнилось бы 130 лет. В связи с этой датой в Выставочном зале Союза художников была открыта его персональная выставка. Экспозиция включала свыше 50 работ – эскизы костюмов и декораций к спектаклям.

Это была первая выставка работ А. Чачба-Шервашидзе за последние 10 лет. Наряду с произведениями художника были представлены документы, фотографии, в которых отражены моменты жизни мастера и его деятельность.

Как сообщала пресса, на вернисаже выступили директор картинной галереи Л. Еник, искусствовед С. Саканиа.

Но, как заметила корреспондент Л. Пачулия, несмотря на открытие выставки, интерес к произведениям художника, который проявили представители правительства, на душе Еник было неспокойно.

И вот что она услышала в ответ, задав ему вопрос: «Почему?» Не было возможности выполнить ряд мероприятий. В частности, не получилось выпустить к этой дате в Москве юбилейную марку (перепутали имя). «Не можем мы не думать и над тем, как сохранить работы художника. Почти все они не закреплены, выполнены на тонкой бумаге. Из-за неподходящих условий хранения (повышенной влажности) меняется их цвет, появляются пятна»[2].

В 1999 году увидел свет сборник «Князь Александр Чачб а (Шервашидзе). Статьи об искусстве. Отрывки из писем и записных книжек». Издан он был в Санкт-Петербурге, составителем его является Бочо Аджинджал.

---

[1] Там же.

[2] Пачулия Л. Человек с большой буквы //Республика Абхазия. 1997. 12. 25-26.

Корреспондент «Республики Абхазия» Л. Пачулия указывала, что «основное золотое зерно книги – это статьи А. Чачба об искусстве, в которых он выступает как оригинальный художественный критик. Написанные почти столетие назад они, посвящённые искусству Франции и России...»[1]. Однако, на мой взгляд, неверно, что как критик А. Чачба мало кому известен. Ведь на страницах «Советской Абхазии» благодаря Б. Аджинджал была опубликована статья А. Чачба о Ван-Гоге (см. С. 4) ещё в 1967 году.

Кто не захочет ещё раз прикоснуться к имени и творчеству Александра Бенуа, П. Сезанна, В. Ван-Гога, Жоржа Сера. Это о них его статьи. И ещё о «Выставке русского художества в Париже», «Весеннем салоне» и о многом другом, где другие имена, другие не менее оригинальные художники от великого Джотто до почти забытого Мишеля.

В статье «Сто лет французской живописи» А. Чачба делает всесторонний анализ творчества Э. Делакруа, Т. Жерико, Г. Курбе, Ж. Энгра, Давида и других художников, внесших свой вклад в европейскую живопись.

Полное представление о мастере помогает получить «Краткий очерк о жизни и творчестве А. Чачба», автором которого является Б. Аджинджал, и статья искусствоведа М. Аникина «Художественный критик».

В статье подчёркивалось, что данной книге в своё время чинили препятствия. В 70-е годы её выходу помешали в Абхазском обкоме КП Грузии, а в дни Отечественной войны 1992-1993 годов рукопись сгорела в Абхазском институте языка литературы и искусства им. Д. Гулиа.

24 декабря 2002 года в Выставочном зале Союза художников открылась персональная выставка работ А. Чачба-Шервашидзе. Приурочена она была к 135-летию со дня его рождения, и открыла её директор Выставочного зала Э. Арсалия. Директор картинной галереи С. Саканиа рассказал присутствующим, в числе которых были представители правительства и общественности, о жизни и творчестве первого абхазского профессионального художника.

В ноябре 2004 года на страницах газеты появилась заметка о том, что Картинная галерея Республики Абхазия пополнилась двумя работами А. Чачба-Шервашидзе. Это были эскизы к декорациям спектакля Фирдоуси «Шахнаме» (1911 г.) и портрет неизвестной балерины. Были они приобретены у частных лиц в Санкт-Петербурге на средства, выделенные из фонда Президента В. Ардзинба. И в запасниках галереи к концу 2004 года насчитывалось 100 работ А. Чачба-Шервашидзе.

Привёз картины в Сухум Б. Аджинджал и передал их Министерству культуры республики.

---

[1] Пачулия Л. Золотое зерно мастера //Республика Абхазия. 1999. 12. 9-10.

Лишь постоянный читатель «Советской Абхазии» и впоследствии «Республики Абхазия» может предположить, что большой вклад в данное мероприятие внёс Б. Аджинджал (находка данных произведений, процесс совершения покупки). Тот, кто не знаком с Б. Аджинджал как с исследователем творчества данного художника и не обратит внимания на то, кто доставил ценный груз в Сухум.

В первом квартале 2008 года в Санкт-Петербурге состоялась выставка «В Петербурге мы сойдёмся снова…». На ней в полном объёме были представлены театральные работы А. Чачба-Шервашидзе петербургского периода, а среди них – эскизы декораций и костюмов к спектаклям Мейерхольда «Тристан и Изольда», «Шут Тантрис» и другие, а также архивные документы, рассказывающие о деятельности А. Чачба-Шервашидзе за рубежом.

Сообщение о выставке этим и ограничивается, но даётся небольшая справка о жизни и творчестве художника.

В «Республике Абхазия» за 2009 год были представлены две заметки, касающиеся А. Чачба-Шервашидзе. В одной из них Ю. Соловьёва сообщала, что подготовлен к изданию альбом «Александр Чачба. О жизни и творчестве художника». Автором проекта являются искусствовед Б. Аджинджал и Ю. Никоненко. Первый из них является составителем книги и создателем статей, второй был занят фото, оформлением, дизайном. Книга должна была выйти в Санкт-Петербурге.

«Материалы книги – иллюстрации работ художника, статьи о нём, комментарии к работам – дают полное представление о жизни и многогранном творчестве А. Чачба»[1] – писала Соловьёва.

Издание осуществилось по заказу Правительства Республики Абхазия «к 140-летию нашего выдающегося соотечественника…»[2].

Через 18 дней вновь появляется заметка о том, что к 140-летнему юбилею А. Чачба-Шервашидзе на его могиле будет установлен памятник, что первый вице-премьер Л. Лакербая и возглавляемая им комиссия дали положительную оценку промежуточному проекту памятника. «Комиссия одобрила проект. Мы уверены, что в 2010 году памятник будет отлит в бронзе и установлен».

Заметка не подписана.

Над памятником работал Амиран Адлейба. Установлен он был накануне 2014 года.

В 2010 году на страницах газеты «Республика Абхазия» под грифом «Письмо из Петербурга» был опубликован отзыв о вышедшем в Петербурге альбоме, посвящённом творческой деятельности А. Чачба (его составители Б. Аджинджал и Ю. Иваненко). Автор «письма» доктор исторических наук Т. Смирнова.

---

[1] Соловьёва Ю. Страницы жизни Александра Чачба //Республика Абхазия. 2009. 04. 7-8.

[2] Проект памятника одобрен //Республика Абхазия. 2009. 04. 25-26.

Она посчитала правильным, в первую очередь, в письме-отзыве указать на то, что достаточно хорошо знакома с жизнью и творческой деятельностью А. Чачба. Имена даже некоторых деятелей искусства, с которыми был знаком и дружил художник, давали ей возможность представить масштабы его творческой и человеческой личности.

Лишь высказав своё мнение о художнике, Смирнова обращается к изданию. Основное содержание альбома репродукции многочисленных и разнообразных живописных и графических работ А. Чачба, декораций, эскизов костюмов к театральным постановкам.

Конечно, раскрыв альбом, читатель-зритель с большой радостью окунётся в мир репродукций, среди которых немало цветных, адекватно передающих сложную палитру художника.

Затем он будет поглощён текстами критических статей, раскрывающих тонкое проникновение А. Чачба в творческий мир А. Бенуа, П. Сезанна, В. Ван-Гога.

Значительное число читателей-зрителей после знакомства с А. Чачба как с художником разного профиля и очень тонким искусствоведом захотят узнать о самом мастере.

Вступительная статья Б. Аджинджал раскроет образ этого удивительного, талантливого человека.

Своё письмо-рецензию Смирнова адресует Б. Аджинджал, тому, кто на протяжении многих лет занимается изучением творчества А. Чачба. Считает, что выход в свет данного детища Б. Аджинджал, знаковое событие в культурной жизни Санкт-Петербурга.

Даёт оценку деятельности составителя данного издания, подчеркнув, как много сделал Б. Аджинджал, чтобы раскрыть феномен данного человека. И каким инициатором, «мотором» он является в деле организации выставок произведений Чачба. Обратившись к записям Евреинова (режиссёр, драматург, историк театра). «Князь Александр Константинович Шервашидзе потомок абхазских царей – воплощение того восточного рыцарского благородства, которое в наше время почти сказочная редкость»[1], Смирнова заканчивает своё послание так: «У каждого рыцаря должен быть верный оруженосец. Есть такой и у великого рыцаря искусства А. Чачба – им по праву является наш земляк… Боча Аджинджал»[2].

Считает, что выход в свет этого альбома – важное событие в развитии русско-абхазских культурных взаимосвязей.

Для текущего десятилетия (2011-2016) характерно разнообразие статей, раскрывающих феномен А. Чачба-Шервашидзе.

Корреспондент газеты «Республика Абхазия» Лилиана Яковлева представила рассказ своей бабушки.

---

[1] Смирнова Т. Александр Чачба – рыцарь искусства //Республика Абхазия. 2010. 12. 18-19.

[2] Там же.

Был канун 1912 года. К празднику, встрече Нового года, все готовились активно и с выдумкой.

И вот в один из таких декабрьских дней в дом Л. Яковлевой зашёл её знакомый князь А. Шервашидзе-Чачба.

Как вспоминала бабушка, в тот вечер, когда Александр Константинович зашёл к ним, деда дома не было, и гостя принимали дамы. Сама бабушка (ей было тогда 25 лет) и её мать со своей приятельницей.

Дамы пояснили князю, что озабочены серьёзным вопросом: в каком костюме пойдёт бабушка на Новогодний благотворительный бал-маскарад в Сухумское благородное собрание (оно находилось в здании бывшего АбИЯЛИ).

Князь Александр, включившись в решение проблемы, очень скоро предложил остановиться на костюме Мефистофеля: красный бархатный плащ с капюшоном, украшенный фигурками пляшущих чёртиков из чёрного бархата. И тут же вызвался сам нарисовать эти фигурки. И слово своё сдержал. Через два дня он принёс рисунки. Чёртики на листах бумаги, каждый по-своему весело плясал. Портниха перенесли эскизы на чёрный бархат, вырезала их и нашила на красный бархат плаща. Получилось очень эффектно.

...Сухумское благородное собрание. Нарядная ёлка, конфетти, звуки оркестра, скользящие по паркету пары танцующих, маскарадные маски и костюмы: снегурочки, весёлые цыганки-гадалки, царевна-лебедь, клоуны, пажи и таинственный неприступный красно-чёрный Мефистофель. И главный приз за лучший костюм получает он. Призом была элегантная сумочка-книжка из серебра, украшенная изумрудным пауком.

Итак, наступил 2012 год, затем 2013 год, и только на четвёртый день 2014 года появилась новая статья, касающаяся А. Чачба. Она сообщала читателю о церемонии открытия 24 декабря 2013 года памятника А. Чачба-Шервашидзе.

Тот, кого заинтересовало это событие, знакомится с текстом. Но сначала «Апсны-пресс» предлагает краткую историю жизни А. Чачба. Но она написана так сухо, неинтересно и кажется, что газету бросят. Но нет, ведь заранее было оговорено, что она посвящена памятнику художника. И продолжается чтение.

Жизнь художника была насыщена событиями, яркостью впечатлений. Однако в данной статье нет искры того огня, которым пылала деятельность и жизнь художника.

И, наконец, появилось сообщение о митинге, который состоялся в честь открытия памятника. На нём выступили министр культуры Абхазии Б. Гунба, директор Национальной картинной галереи С. Саканиа. С благодарственной речью к собравшимся обратился внук художника Демосфен Зайцев. Почётная миссия открытия памятника А. Чачба была предоставлена потомку художника и двум студентам Сухумского художественного училища.

Однако в статье ничего не было сказано о самом памятнике как о художественном произведении. Здесь на «помощь» пришла статья, посвящённая тому же событию, напечатанная в «Эхо Абхазии», автором её является В. Шария. Она появилась значительно позднее, но читалась с удовольствием. А главное, читатель мог представить, каков сам памятник, увековечивший имя легендарного мастера.

В. Шария сказал о нём лишь несколько слов: «Сидя на стуле, бронзовый художник, чуть опустив голову, смотрит вдаль…»1. Но они сразу же наводят на мысль, что художник занят творчеством, продолжает живописать понравившуюся ему натуру.

А вот какое мнение о памятнике высказала Арда Инал-ипа. На могиле А. Чачба «появился замечательный памятник Амирана Адлейба, нашего известного скульптора, который отражает и портретное сходство, и какую-то грусть в глазах, которая на самом деле у него была, потому что он очень тяжело переживал такую длительную разлуку с Родиной, и какую-то одухотворённость, и какое-то изящество. Я думаю, этот памятник станет местом, куда будут приходить жители нашей столицы, нашей страны, чтобы подышать этой атмосферой одухотворённости, преданности искусству своей Родины»[1].

Ознакомившись с публикациями, касающимися жизни и творчества А. Чачба-Шервашидзе, можно придти к следующему выводу.

За каждое десятилетие 1958-2014 годов наблюдалась определённая тенденция в количестве больших объёмных статей, посвящённых А. Чачба-Шервашидзе (11-7-9-5-9). Большое количество статей, потом их падение, затем опять увеличение.

Авторов, которые занимались данной тематикой, было достаточно много, но большинство из них представляли 1-2 статьи. Значительное количество публикаций было у Б. Аджинджал, Ш. Начкебия, В. Чирикба. Причём, нужно подчеркнуть, что первые два автора печатались на протяжении 60–80-х годов, В. Чирикба – лишь в 80-е годы.

Ш. Начкебия ограничивался в основном сообщениями о находках новых материалов, в некоторых случаях раскрывал их суть. В то время как Б. Аджинджал и В. Чирикба преподносили материалы как можно разнообразнее. Повествование обоих иногда уходят от основной темы – своего рассказа о художнике (статья А. Чачба-Шервашидзе о Ван-Гоге, представленная Б. Аджинджал, и рассказ В. Чирикба о русских художниках, которые работали в Абхазии, последующие его размышления о картинной галерее). Но эти отсутпления от темы прямо затрагивают имя и творчество А. Чачба-Шервашидзе.

В 2015, 2016 годах статей, посвящённых А. Чачба-Шервашидзе, в газетах встречено не было.

---

[1] Шария В. Сто лет одиночества художника Чачба //Эхо Абхазии. 2014. 01. 21.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Р. Гумба

«СЛОВО О КОМПОЗИТОРЕ И ДИРИЖЕРЕ И. Ч. АКИРТАВА (к 80-летию)»

Чем дальше проходит время, тем острее ощущается необходимость писать о деятелях абхазской музыкальной культуры. Эта тема всегда остается актуальной и востребованной временем.

В плеяде замечательных представителей абхазской музыкальной культуры особое место занимает Иван Чипсович Акиртава – разносторонний хоровой деятель, композитор, дирижер, педагог, глубоко национальный и самобытный в своем творческом облике. Любовь к хоровому творчеству во всех проявлениях составляли смысл всей его недолгой жизни.

Акиртава Иван Чипсович родился в 1937 году в селе Мугудзырхва Гудаутского района Абхазии, в музыкальной семье. Отец его Чипса Акиртава был не только известным в селе мастером игры на абхазском народном инструменте апхиарца, но и владел искусством изготовления данного инструмента. Все это не могло не сказаться на влечении маленького Вани, который с жадностью вбирал в себя нежные звуки народного инструмента. К 6-и годам он и сам стал играть на апхиарце. И это оказалось не простым увлечением. Поступив учиться в мугудзырхвскую среднюю школу, он приобщает школьников к хоровому пению, ребята начинают выступать на различных праздничных мероприятиях, проводимых в родном селе. Талантливый юноша привлекает к себе внимание председателя колхоза, который доверяет ему руководство колхозным хором.

Хор, созданный Иваном Акиртава, очень быстро стал приобретать успех и популярность. С концертами стали выезжать в соседние села. Приняв участие в районной олимпиаде, получили право и на участие в Республиканской в городе Сухуме. Все участники республиканской олимпиады были размещены в гостинице «Дом колхозника». После удачного выступления, к ним в раздевалку, зашел руководитель Гудаутского районного ансамбля Алексей Чантович Чичба, и отобрал наиболее понравившихся ему ребят. Среди них были исполнители на апхиарце Иван Акиртава и

Тенгиз Ажиба. Здесь необходимо подчеркнуть, Иван и Тенгиз – оба были внешне очень привлекательны, высокого роста. Тенгиз еще и хорошо танцевал. Оба они были волейбольной гордостью села и впоследствии играли за сборную Абхазии.

А. Ч. Чичба, познакомившись с молодыми исполнителями, стал настоятельно советовать им приехать в Сухум, и пройти собеседование в Доме народного творчества. Давно тянувшийся к знаниям, Иван с радостью воспринял предложение Алексея Чичба. Так произошел серьезный перелом в жизни юноши. Возвращаясь домой, он только и думал о предстоящем будущем, радость переполняла его и длинная дорога в высокогорное село Мугудзырхва вдруг сделалась такой короткой. Он удивился, как же быстро старый грузовик довез его в родное село. Мечта его начинала сбываться, его заметили, и вскоре он стал профессиональным музыкантом!

Последовали встречи с Иваном Кортуа (директором Дома народного творчества) и Шалвой Горгадзе (директором музыкального училища). На собеседовании и прослушивании Иван Акиртава произвел приятное впечатление на комиссию, как своим голосом, так и игрой на апхиарце. Так, он был принят на 1-й курс Сухумского музыкального училища на хоро-дирижерское отделение. Учеба осуществлялась под руководством опытных педагогов: М. Максимова, Д. Бронского.

Студенческие годы учебы связали Ивана Акиртава с Василием Царгуш (поступил в музыкальное училище на год позже). Вместе они ездили по деревням, собирали музыкальный фольклор, их часто можно было увидеть вместе на творческих вечерах.

Вот что вспоминает Василий Царгуш (ныне Народный артист Абхазии): «Впервые, я увидел его в Государственном ансамбле песни и танца Абхазии. Хоть я и не жил в Сухуме, но старался не пропускать отчетные концерты этого коллектива. Ивана Акиртава легко было заметить, это был высокий, красивый, голубоглазый молодой человек. А слышал я о нем гораздо раньше, от моего дяди Владимира Царгуш (ведущий певец гос. ансамбля). Серьезно наша дружба началась с учебы в музыкальном училище, которое мы вместе закончили. Вспоминаю один эпизод. Когда я учился на четвертом курсе училища, меня пригласили в индустриальный техникум для создания хорового коллектива. Шла усиленная подготовка всех учебных заведений к олимпиаде. Мне повезло, мой коллектив взял первое место. В жюри сидели Владимир Кварчелия – министр культуры, Иван Кортуа – директор Дома народного творчества, Шалва Горгадзе – директор музыкального училища и др.

После олимпиады, на второй день ко мне в музыкальный класс зашел Ваня Акиртава с сияющим лицом: – «Скорей, Василий, собирайся к директору, тебе что-то предложат, смотри не думай отказаться». В чем дело? – поинтересовался я. «Мне говорить нельзя, об этом тебе скажут там», –

указал он пальцем вверх, – запомни, я твой первый вестник. «Ладно, запомню», – улыбнулся я. Посетив директора музыкального училища Шалву Горгадзе, который горячо поздравил меня с успехом, мы вдвоем направились к министру культуры В. Д. Кварчелия. Он вышел из-за стола, обнял меня и сказал: «Молодец за первое место, ты не подвел нас ачандарцев (мы с ним были односельчане). Вот какое к тебе дело. Предлагаем тебе место дирижера в Госансамбле песни и танца Абхазии. Хотя у меня было желание продолжить учебу в высшем учебном заведении, это предложение было для меня неожиданным и в то же время радостным. Для меня это было большой честью. Я, конечно, согласился. Так, 27 мая 1963 года – я был назначен дирижером Госансамбля. И вот уже 35 лет я продолжаю работать здесь. Вспоминая свой первый день в Госансамбле, я каждый раз вижу перед собой сияющее лицо Вани Акиртава, который радовался моим успехам больше меня».

Иван Акиртава совмещает учебу в музыкальном училище, с работой в Госансамбле песни и танца Абхазии. Вместе с ним в ансамбль же устраивается и его односельчанин Тенгиз Ажиба.

Работая в ансамбле, Иван Акиртава проявляет незаурядные способности. Вспоминая о нем народный артист Абхазии, лауреат Государственной премии им. Д. Гулиа, композитор Ражден Гумба, работавший в то время главным дирижером и художественным руководителем Госансамбля, говорит: «Иван Акиртава отличился своим талантом очень быстро, принят он был в ансамбль сначала на должность инструменталиста – играл на апхиарце. Нельзя было не заметить голосовые данные, у него был очень приятный второй голос, а в дальнейшем учеба в музыкальном училище открыла в нем и дирижерские способности – он мог работать с крупным хоровым коллективом. В ансамбле был и другой талантливый дирижер – Баграт Багателия. И каждый из них вел концерт по отделениям. Но у Вани, я заметил особо тонкое чутье в работе, и он стал нашим репетитором, выполняя сложную работу, очень точно умел подбирать голоса и подключать их в нужном месте. Разучивание песен не забирало у него много времени. Он все делал легко и свободно. Коллектив его очень любил».

В годы работы в Госансамбле Иван Акиртава пробует писать свои первые песни, отмеченные лиричностью и мелодичностью. Единогласным решением Художественного Совета филармонии, они были включены в репертуар ансамбля и исполнялись в течение многих лет. Особой популярностью пользовались песни: «О Родине» на слова Д. Гулиа, «Шуточная-любовная» на сл. А. Джонуа, «О мире» сл. собственные.

Вспоминает заслуженный деятель искусств Абхазии, композитор – Баграт Багателия: «Песни Вани Акиртава были настолько популярны и мелодичны, что я загорелся желанием включить одну из них в мой вновь созданный хоровой коллектив в Пицунде. Я сообщил ему об этом. И он

ответил мне: – «Для твоего коллектива Баграт, я напишу новую песню». И действительно, очень скоро сам Ваня приехал ко мне, и привез ноты новой песни на слова Баграта Шинкуба «О неудачливом ухажере». Песня превзошла ожидания, зрители восторженно приняли её, особо сильной была кульминация песни. После концерта, как это бывает, был стол, на котором присутствовал и Ваня. О нем было сказано много, все его хвалили, и при этом его лицо покрывалось краской радости и смущения».

Творческая деятельность Ивана Акиртава в основном была тесно связана с любимыми для него поэтами: Алексеем Ласуриа, Георгием Гублиа, Кумфом Ломиа, Багратом Шинкуба и др.

Вспоминает поэт, ученый, прозаик, драматург Георгий Гублиа: «Об Иване Акиртава громко говорили уже в период подготовки к Декаде 1957 году. Я часто видел его на литературных вечерах, очевидно, это давало ему духовную пищу для творческой работы.

Как-то прекрасным летним днем, подошел ко мне Ваня и пригласил к себе в гости (он тогда с семьей жил на Горийской). Приглашены были также Ражден Гумба, Алексей Чичба, Баграт Багателия. Поводом оказалась новая песня, которую он сочинил на мое стихотворение об Абхазии. Состоялось прослушивание. После небольшого обсуждения и маленьких замечаний, на которые указали Ражден Гумба и Алексей Чичба, мы все стали свидетелями рождения новой песни. Так было заложено начало нашей совместной творческой дружбы. Всего на мои стихи им было написано шесть песен, кстати, одна из них была приятным подарком к моему юбилею в 1978 году в селе Куланырхуа.

Наряду с большой заслугой Ивана Акиртава в деле создания самодеятельных хоровых коллективов в различных районах Абхазии, неутомимой организаторской деятельностью по проведению смотров, конкурсов, олимпиад, где он сам часто был почетным членом жюри, следует отметить и его необыкновенные человеческие качества. Я имею в виду большую заботу и внимание к своим родственникам. Мне лично довелось быть свидетелем его заботы и опеки над племянником (сыном сестры) Рашем Еник – студентом исторического факультета».

После завершения учебы в Сухумском музыкальном училище в 1960 году, Ивана Акиртава назначают на вакантную должность руководителя хора, и преподавателя пения в Сухумскую десятую среднюю школу им. Н. Лакоба. Здесь у него появляется возможность самостоятельно подобрать коллектив, обновить репертуар. Он, вкладывая в любимое дело частичку своей души, создает блистательный хор. Для создания хореографического коллектива, он приглашает, тогда еще молодого, Эдуарда Бебиа.

В день празднования столетия основания школы, зрители с восхищением слушали выступление хора учащихся. Успех превзошел все ожидания. Спустя день, Указом от 7 декабря 1963 года Иван Акиртава и Эдуард

Бебиа были награждены почетными грамотами Верховного Совета Абхазской АССР.

Более пяти лет 1960-1966 гг., проработал Иван Акиртава в десятой средней школе. Работа с детьми радовала и привлекала. Однако желание получить высшее образование не оставляло его и возникло твердое убеждение – продолжить учебу.

Владимир Кварчелия – один из выдающихся организаторов культурного развития Абхазии, заботящийся о воспитании национальных кадров, не мог не откликнуться на желание молодого специалиста продолжить учебу. Следует отметить, что немалую роль сыграл и Баграт Багателия, который в то время уже был студентом Московского музыкально-педагогического института им. Гнесиных. К нему (Баграту) летом на отдых приезжали преподаватели указанного учебного заведения, среди которых был и известный дирижер А. А. Юрлов (зав. кафедрой). Узнав об этом, Иван Акиртава едет в Гагру (в то время там жил Баграт Багателия) и с помощью Баграта знакомится с преподавателями, решая вопрос о возможности будущей учебы. Попытка поступить удалась. Иван Акиртава становится студентом заочного отделения хоро-дирижерского отделения. Одновременно с этим, имея достаточный опыт работы с детьми, он назначается директором музыкальной школы в городе Гудауте. Поставив работу на должном уровне, он в разное время назначается директором музыкальных школ в Новом Афоне, Ткварчале, Очамчырах. И везде поднимет уровень музыкального образования среди подрастающего поколения.

Доктор искусствоведения, профессор А. Х. Аргун вспоминает: «Впервые наша встреча состоялась в г. Очамчыра, куда Иван Акиртава был приглашен в качестве директора музыкальной школы. Я был директором Дома культуры. Его назначение повлекли за собой «революционные» изменения в системе укрепившейся действительности. Как известно, и это не секрет, большой привилегией в Очамчырском районе пользовалось грузинское население, а, значит, и в музыкальной школе редко, можно было встретить абхазского ребенка. Иван Акиртава очень остро воспринял это обстоятельство. Под его руководством были организованы методические экспедиции, по отбору талантливых музыкально-одаренных абхазских детей. Все это открыло путь абхазской детворе для получения музыкального образования. Меня восхищал его патриотизм, но, увы! Последовала немедленная реакция со стороны противников этого новшества. Жалобы и клеветнические письма заполнили отдел культуры района. Ваню Акиртава обвинили в национализме. Первый секретарь Очамчырского района Иван Гамсаратович Амичба, зная настоящее положение дел, всяческий поддерживал его. Но это продолжалось недолго. С переводом И. Г. Амичба на другую работу, Акиртава оставался без поддержки. В создавшихся условиях удержаться было невозможно. По истечении многих лет, когда я стал

министром культуры, Иван Акиртава был моим частым гостем. Наигрывал свои произведения. Являясь преподавателем музыкального училища, он ставил меня в курс проблем учебного процесса. Советовался по вопросам организации и проведения музыкальных смотров».

Наиболее плодотворным в творчестве Ивана Акиртава является работа в качестве руководителя Очамчырского районного хора (1970 г.). И, что самое примечательное, здесь он проявляет себя большим организатором, ему удается управлять одновременно несколькими самодеятельными коллективами в различных селах района. Этот период можно считать самым насыщенным и результативным. Глубоко изучив вокальные возможности района в целом, ему удается собрать лучших исполнителей и мастеров игры на народных инструментах. Об успехах районного хора и о его руководителе восторженно отзывалась газета «Советская Абхазия», в которой отмечалось: «Более 30 тысяч зрителей рукоплескали Очамчырскому районному хору под руководством композитора Ивана Акиртава – выступившего с большой концертной программой в селе Лыхны, в честь празднования столетия Лыхненского восстания».

К сожалению, учебу в институте, на четвертом курсе, из-за состояния здоровья пришлось прервать. Последовало длительное лечение в Абастумани, слишком были запущены легкие.

Образование (полный курс хоро-дирижерского отделения) И. Ч. Акиртава завершает в Тбилисской консерватории им. В. Сараджишвили. Но дружба с известным русским дирижером А. А. Юрловым продолжается. Как известно, ему (Юрлову) суждено было принять активное участие в создании хоровой капеллы Абхазии (1970 г.), директором которой и становится И. Ч. Акиртава. По воспоминаниям участников хоровой капеллы, Ивана Акиртава отличало удивительно теплое отношение к коллективу: «он близко принимал боль каждого как свою, учитывая тяжелое семейное положение отдельных вокалистов, он старался повысить оклад. Бывали случаи, когда давал деньги прямо из своего кармана».

Директор нынешней хоровой капеллы, народная артистка Абхазии Нора Аджинджал рассказывает: «Безусловно, Иван Чипсович Акиртава равно как и А. Ч. Чичба, принимал активное участие в первых шагах становления хоровой капеллы Абхазии. И шаги эти были нелегкими, проблем было много. Проводилась неутомимая работа, приходилось много ездить по деревням для подбора голосов. Неоценимой заслугой Ивана Чипсовича является открытие таких певцов для хоровой капеллы, как: Габлия Руслан (тенор), Шакая Райко (бас). Фактически весь первый состав был укомплектован при его активном участии. Первые годы капелла выезжала с концертами лишь по деревням Абхазии. В репертуаре наряду с классическими исполнялись и произведения местных композиторов – Раждена Гумба, Алексея Чичба, а также народные песни в обработке Ивана Акиртава. И

сегодня спустя много лет одной из ведущих певиц хоровой капеллы является ученица Ивана Чипсовича по музыкальному училищу – народная артистка Абхазии Манана Шамба».

Последние годы И. Ч. Акиртава, на преподавательской работе, в музыкальном училище, по классу хоровых дисциплин. В течение одиннадцати лет занимался воспитанием молодых специалистов. Его ученики и сегодня являются гордостью республики: Иван Шамба – заслуженный деятель искусств, Манана Шамба – народная артистка республики и другие.

Один из преподавателей музыкального училища, музыковед Виктор Семенович Васильев говорил: «Он был общительным и доброжелательным. Мне часто доводилось вести с ним беседы о классической музыке, а он в свою очередь неустанно говорил об абхазской народной. Показывал лады абхазской народной музыки. Я знал Ивана Чипсовича не только по училищу, мы – друзья по московскому институту им. Гнесиных, и поэтому наши беседы затрагивали и проблемы института, педагогов, учебный процесс. Мне даже посчастливилось побывать в его родовом доме в Мугудзырхуа. Это поразительное место, его дом находился на самой высоте, и вокруг лес. Я даже пошутил как-то: «Иван Чипсович, теперь я знаю, где ты черпаешь красоту для своих сочинений». Он, улыбнувшись, сказал мне: «Владимир Семенович, оставайтесь и попробуйте что-нибудь сочинить. Я всерьез принял его предложение, вдохновленный красотой Мугудзырхуа, создал поэму для фортепиано. Кроме всего, у меня училась его дочь Ирина (по сольфеджио) на хорошо и отлично».

Иван Чипсович Акиртава прожил не долгую жизнь – злая, многолетняя продолжительная болезнь рано подорвала здоровье. 19 декабря 1986 года музыкальная общественность Абхазии провела его в последний путь. Он умер в возрасте 49 лет.

Им написано более 30 песен (как в обработке, так и оригинальных), большая часть из них записана на фирме грамзаписи «Мелодия». Он также является автором музыки, целого ряда хореографических постановок, радиоинсценировки Ивана Царгуш «Кяхба Хаджарат» и др.

За большие заслуги в области развития и усовершенствования музыкальной культуры, правительством Абхазии был удостоен звания заслуженного работника культуры Абхазской АССР.

Его многогранное творчество как инструменталиста и певца, собирателя народного фольклора, руководителя и организатора хоровых коллективов и, наконец, композитора и педагога, является ярким примером подлинного служения родному народу в деле сохранения и популяризации сокровищницы народного творчества, развития и укрепления абхазской музыкальной культуры.

Ф. М. Кобахия

ВКЛАД О. Х. БГАЖБА В ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ ЖЕЛЕЗА В АБХАЗИИ

Целью его жизни является
достижение научной истины.
Н. А. Майсурян

Наша Родина – Апсны – дала миру многих не ординарных ученых.

В этой славной плеяде достойное место занимает Олег Хухутович Бгажба. Благодаря своим работам он стал широко известным исследователем, внесшим весомый вклад в развитие историко-археологической мысли Кавказа.

Важное место в многогранной научной деятельности Олега Бгажба занимают вопросы, касающиеся истории металлургии и металлообработки железа всего Кавказского региона. Данной проблематике автор посвятил серию научных работ, среди которых отдельные его исследования, посвященные фундаментальным проблемам металлургии железа.

Подтверждением этому является его докторская диссертация «История железообрабатывающего производства в Западном Закавказье (I тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)», защищенная более 20 лет назад в Москве. Она выполнена на высоком методологическом уровне, что, несомненно, отличает ее от работ таких авторов, которые преподносят читающей публике порой псевдоисторические опусы. В ней на фоне истории одного ремесла прослежена вся история Абхазии названного периода.

Данное исследование представляет собой первый опыт комплексного междисциплинарного монографического исследования железообрабатывающего производства конкретного региона на протяжении почти 2500-летнего периода, охватывающего эпохи раннего железа, античности и Средневековья. Многие ценнейшие примеры, выводы и заключения, стали возможны благодаря методу металлографии в археологии. Поэтому невозможно не отметить, что О. Х. Бгажба является первооткрывателем самых ранних для территории бывшего СССР мечей из дамасской стали (III-IV вв.), - верха ручные кузнечного творчества, найденных в Абхазии чем вполне можно гордиться.

Следует заметить, что базовой методологической основой такого важного исследования является тополого-технический метод ряда предметов

и явлений, находящихся в фарватере исследуемой тематики. В этой связи наблюдается максимальный учет аналогии и их типологическая, техническая, культурная и хронологическая позиция на сопредельных территориях.

Этот метод базируется преимущественно на широком археологическом материале Северо-Западного Кавказа, Восточного Закавказья, Малой Азии, Средиземноморья, Северного Причерноморья и Среднего Поволжья. В этом географическом пространстве для автора представляется научно обоснованным рассматривать Западное Закавказье в качестве древнейшего очага производства металлургии железа.

Подобный методологический характер представляется актуальным, так как он привел к накоплению целого ряда спорных позиций как в хронологии железного века Кавказа, так и в интерпретации археологических материалов, которым из-за скудности и порой разноречивости письменных источников придается существенное значение в решении этногенетических, социально-политических, экономических и других вопросов истории Западного Закавказья. Особый интерес в изучении железообрабатывающего производства на Кавказе представляют материалы с территории Абхазии. Более того систематическое накопление археологического материала для изучения развития железообрабатывающего производства позволило пересмотреть наиболее дискуссионные вопросы хронологии, периодизации и инвентаризации местных археологических комплексов.

Ведя свое исследование в русле сравнительной методологии, автору удалось продемонстрировать историко-культурные связи Абхазии с причерноморскими областями Малой Азии, в одной из которых проживали родоначальники железной индустрии – хатты-халибы, по языку родственные древним абхазам.

Академичность данного исследования объясняется еще и тем, что в ней привлекается широкий круг источников, а это является далеко нехарактерным явлением для значительного числа работ некоторых других авторов. Среди них значатся: древневосточные, античные, средневековые письменные источники. А также археологические, вещественные, металлографические т. е. кузнечные железные артефакты древней и средневековой Абхазии – в количестве 2500 экземпляров, этнографические и фольклорные материалы, связанные с кузнечным ремеслом абхазов и сопровождавшими его культами.

На базе металлографического анализа предельно четко прослеживается эволюция кузнечного ремесла Абхазии. Закономерности кузнечной продукций античной и средневековой Абхазии рассматриваются в органической связи местной традиционной и импортной новационной культур.

Считая Абхазию древнейшим очагом черной металлургии железа, автор предельно четко обозначает условия зарождения металлообработки

в Западном Закавказье. Наряду с ними в железоплавильном опыте выделяется наиболее примитивный для того времени «сыродутный способ» получения железа. Это технология культивировалась как в самой Абхазии, так и за ее пределами вплоть до XIX столетия.

Серию выявленных типологических признаков, как в сфере быта, так и между основными технологическими схемами, используемых при изготовлении железных предметов на широком пространстве Кавказа, автор аргументированно объясняет не только территориальной близостью регионов, но и главным образом их принадлежностью к единой малоазийской металлургической провинции.

Однако, основываясь на богатейшем археологическом материале, происходящим из памятников местной культуры, в том числе и смежных культурных комплексов, автор акцентирует внимание на месте и роли Западного Закавказья в развитии железообрабатывающего производства на Кавказе. В этой связи отмечается, что богатейший опыт в области кузнечного ремесла народов Западного Закавказья, в том числе Абхазии, внес значительный вклад в зарождение и развитие обработки черного металла на Кавказе.

Исключительную ценность представляют изложенные автором сведения в III разделе диссертации. В ней на основе этнографического, фольклорного материалов реконструируются структура и организация кузнечного производства. Четко прослеживается эволюционная линия, приведшая к преобразованию кузнечного дела в самостоятельную форму хозяйства. Учитывается, что на первоначальном этапе технологического прогресса металлургическое и металлообрабатывающее производства были едиными.

Период классового общества (время Абхазского царства) характеризуется дальнейшим процессом технологического развития форм кузнечного производства. Очевидно, в это время происходит разделение труда, в результате которого кузнец освобождается от обязанности заготовки сырья. Такой расклад в общей системе трудовой деятельности металлургов послужил главной предпосылкой для формирования прослойки кузнецов универсалов: топорников, оружейников, инструментальщиков, ювелиров и др.

Характерной чертой исследовательской работы О. Бгажба является попытка сопровождения научных силлогизмов соответствующими примерами из фольклорных традиций. Так, пример того, что кузнец на раннем этапе был ремесленником общины, ее универсальным мастером иллюстрируется данными абхазского фольклора. Согласно им, с помощью всемогущего кузнеца Айнара, происходят рождение и закалка героя. Таких стилистических закономерностей в работе предостаточно.

Известно, что металлообработка для кузнеца являлась достаточно сложным видом производства, требовавшим эмпирических знаний, про-

изводственных навыков, овладение которыми невозможно без длительного обучения[1]. В этом отношении интересны наблюдения О. Бгажба в области абхазского института кузнечества. Абхазские кузнецы передавали своим ученикам многовековый опыт правильной работы и обращения с кузней.

К числу значительных явлений данного исследования следует отнести то, что вопросы, связанные с отражением кузнечного ремесла в этнографии и фольклоре абхазов и других народов Кавказа, автором освещаются в русле сравнительного анализа. Такой подход позволил проследить генезис некоторых сюжетообразующих мотивов в связи с образами кузнецов и их связи с богами кузни, вывести их функциональные особенности до уровня идентификации. Однако некоторые положения, высказанные автором, требуют дальнейшего изучения. И все же его выводы и заключения значительно обогащают былую общекавказскую религиозно-мифологическую общность.

В целом, большая серия работ О. Х. Бгажба является достижением кавказской историко-археологической мысли. Главные соображения Олега Хухутовича в дальнейшем могут быть развиты в специальных работах и продолжены его последователями. О нем знают на Кавказе, в России, Франции, Германии и США.

Завершая выступление, могу с убедительностью отметить, что для Олега Хухутовича Бгажба жизненно важны не только его личные научные достижения и открытия, но и создание качественной научной школы, ее жизнеспособность, выражающаяся в продолжении его дела воспитанными им учениками.

[1] Зиняков Н. М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Изд-во Том. ун-та, 1988. С. 125.

М. Д. Кокоскир

БРАТЬЯ ЭМХАА

Об этой трагической истории нам поведала Изольда Александровна Званбая, врач-кардиолог, кандидат медицинских наук, зав медицинским отделом Литфонда.

«Я очень долго не знала всех подробностей этой истории. Но я обратила внимание на то, что когда мы приходили к людям в гости, то они всегда поднимали тост за родных братьев моей матери. Простой народ с глубоким уважением к ним относился. Когда я просила свою маму объяснить мне причину, она расстраивалась и плакала. Будучи уже взрослой, я попросила свою тетю, и она в подробностях поведала мне эту историю кровной мести, имевшей место в нашей семье.

Моим дедом по материнской линии был Омар Эмухвари. Княжеский род Эмхаа жил в селе Чхортол Галского района. Мой дед был владетельным князем в этой деревне. Он был уважаемым человеком, его любили все крестьяне. Все желали с ним породниться и дорожили родственной связью. Он крестил многих односельчан. Князь Омар многим помогал и никогда не эксплуатировал своих крестьян. Был плантатором, но для работы на чайных и табачных плантациях брал наемников. Для этого он ездил в Турцию и привозил их оттуда. По рассказам мамы, до 18 турков проживали на нашей усадьбе. Им выстроили специальный флигель, где они жили. Их кормили и оплачивали труд. Дедушка был очень коммуникабельным человеком, дружил со многими купцами из Санкт-Петербурга и Москвы. Они приезжали и устанавливали торгово-экономические связи. Дед Омар всем своим односельчанам раздал земельные участки, те работали на себя. Фамилия моей бабушки Лакербая, она тоже из Галского района. Одним словом, семья была очень благополучной.

Это был период смены власти. Сплошная советизация, меньшевиков стали притеснять. Многие уехали в другие страны. Кто-то подвергся репрессиям. А мой дедушка решил принять эту власть, и он не собирался покидать свою родную Абхазию. Он говорил, что родился в Абхазии и должен умереть здесь. В его семье было шестеро детей: четыре дочери и два сына. Старшего сына звали Худа, а по документам Арсен, ему было 18 лет. Младшего – Хвиви, а по документам Варлам, ему было 14 лет. Две дочери уже были замужем, но умерли молодыми, а их мужей расстреляли.

Одну звали Геге, она была замужем за Ачба. Другую – Таташь (Татьяна), она была замужем за Нырбея Маршан. Остались еще 2 сестры: моя мама Буца, 16 лет, и тетя Хикур, 17 лет.

Надо сказать, что близким другом моего деда был граф Грандилевский. Он жил в Сухуме, но очень часто приезжал в гости к деду. И вот в очередной его приезд, было решено старшего сына Гуду, который уже заканчивал начальную школу, отдать на учебу в Сухум. Дедушка хотел дать достойное образование своим детям. Особенно настаивала жена графа Грандилевского Жозефина Францевна. Моя мама говорила, что она была француженкой. Она обучала моего дядю французскому языку. Он закончил Сухумскую Горскую школу, живя все это время в семье Грандилевских. Когда они вместе приезжали в деревню, то Жозефина Францевна говорила с Гудой только на французском, чтобы он лучше выучил язык. Мы дети бегали вокруг них и ничего не понимали из их разговора. Как это было принято везде в Абхазии, все дети моего деда росли в крестьянских семьях до 8 лет. Тогда закон аталычества был очень распространен. Моя мама, например, воспитывалась в семье Бигвава. Она очень любила свою приемную семью, как-то призналась мне, что любила свою крестьянскую мать, больше чем родную, вечно занятую приемом гостей.

В один прекрасный день дед был приглашен в семью Очигава на какие-то семейные торжества. Он взял с собой старшего сына Гуду. В большой комнате, в зале сидели почтенные уважаемые люди. А молодежь находилась в соседней комнате, где они веселились, играли на гитаре, пели. Во взрослой комнате начались танцы. Образовался круг, в центре которого стал танцевать некий Пачулия, милиционер. Во время танца он приблизился к сидевшему в сторонке моему дедушке Омару. Как бы невзначай наступил ему на ногу. Дедушка отодвинулся, но Пачулия умудрился наступить на ногу второй раз. Когда он проделал это и в третий раз, мой дед, который был в черкеске и при оружии, схватился за нож. Но не успел его вытащить, как Пачулия, опередив, ранил его не смертельно. Дедушка однако потерял сознание и упал окровавленный на пол. Начался шум и переполох, все вскочили с мест. Кто-то заскочил в комнату молодежи и прокричал сыну, что его отца убили. Гуда забежал в комнату и увидел окровавленного отца. «Кто это сделал? – спросил он. Ему указали на Пачулия. Он, не рассуждая, вытащил нож и убил милиционера.

Началась вражда между обидчиками. Но все свидетели оправдывали поступок моего дяди, и, наоборот, порицали поведение Пачулия. Было совершенно очевидно, что он спровоцировал этот инцидент. В то время мужская честь высоко ставилась. За такое оскорбление надо было отвечать. Все поняли, почему дед оскорбился таким поступком. Крестьяне, которые любили его, встали на его сторону. Ведь он слыл добрым и лояль-

ным человеком в своем селе. Постепенно дело как-будто замяли. Прошло время, все успокоилось.

Через некоторое время рано утром в дом постучался незнакомый мужчина и сообщил моему деду, что его вызывают в сельсовет. Дедушка быстро оделся и без оружия отправился в дорогу. Не успел он пройти полдороги, как раздались выстрелы. Его убил наповал милиционер Кецбая Варлам. Надо еще раз напомнить читателю, время было смутное. Была низложена княжеская власть, полным ходом проходила советизация. Мой дед был владетельным князем, не пожелавшим уехать, несмотря на то, что были конфискованы все его земли. Похоронив главу своего рода, семья Эмухвари решила не мстить, а примириться с существующей советской властью.

Мой старший дядя Гуда продолжал учиться в Сухуме, проживая в семье графа Грандилевского. В один из дней к нему приехал молочный брат из деревни, и они прогуливались по набережной. Сзади них шли почтенные пожилые люди, княжеского происхождения. Один из них был по фамилии Дзяпш-ипа, он громко сказал другому, чтобы слышал Гуда: «Смотри он гуляет здесь по набережной, даже не подумав отомстить за своего отца!». Гуда повернулся, посмотрел на них и резко пошел вперед. У него испортилось настроение, и он отослал своего молочного брата домой. «Я не могу так жить, я должен что-то предпринять! – заявил он ему. Брат стал его отговаривать, но Гуда был непреклонен. Он пришел на квартиру Грандилевских и стал собирать свои вещи. Жозефина Францевна, которая любила его, как мать, стала убеждать его так не поступать. «Не сходи с ума, время такое смутное!» Но он, не послушав ее, поехал в свою деревню Чхортол.

Маме своей он объявил, что должен уйти в лес, хочет стать абреком, пока не отомстит за отца. Мать стала плакать и умолять его так не поступать. Он ни в какую не соглашался, стал собирать свои вещи. Увидев такую картину, его младший брат Варлам тоже решил последовать за братом. Горе матери удвоилось. В этот момент домой пришел их дядя, брат их отца. Его звали Отто. Увидев сборы семьи, он вдруг заявил: «Я не могу отпустить детей одних, я тоже пойду!». Так абреками стали три человека из рода Эмхаа.

11 лет они обитали в лесах Абхазии. Их не могли арестовать, они прятались то у одних людей, то у других. Их везде принимали, очень жалели, потому что знали, что эта трагедия случилась не по их вине. Сельчане принимали их, рискуя жизнями. Некоторых людей власти привлекали к ответственности за укрывательство, а потом освобождали. Некоторые их предавали и расплачивались собственными жизнями за это. К сожалению, было много крови. Погибло много невинных людей, которые не имели к этому делу никакого отношения.

Особо Гуда ожесточился и стал жестоко убивать, когда в одной перестрелке были убиты его дядя и младший брат. Но никогда он этого не делал

с целью наживы и грабежа. Для борьбы с ними были присланы из Москвы, из спецслужб НКВД следователи. Среди них был некий Соколов, которого впоследствии ранил Гуда. Позже Соколов написал книгу по этим событиям под названием «Абхазская повесть», где абсолютно исказил смысл этой трагической истории. Никогда абреки Эмхаа не продержались бы столько лет в лесах, если бы им не помогал абхазский народ.

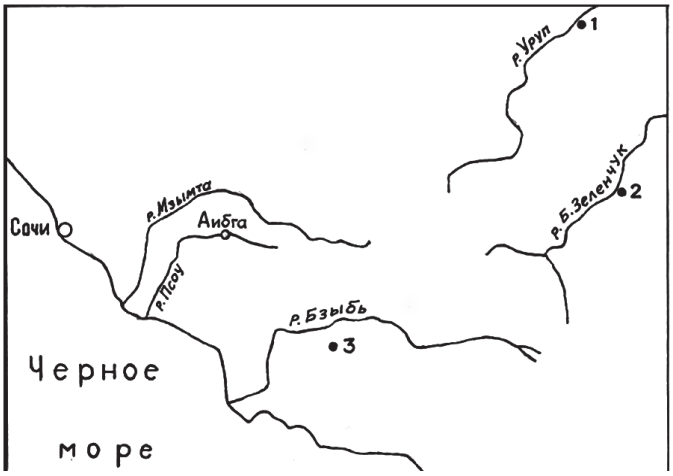
Со своими братьями постоянно держали связь их сестры: моя мама Буца и тетя Хикур. Их часто допрашивали и в один день посадили в тюрьму за то, что они не выдавали своих родных братьев и дядю. Пять лет они просидели в тюрьме. Однако справедливости ради надо отметить, что их очень жалели, отпускали на волю. Отношение к ним было добрым. Они могли пойти в город, на рынке купить себе продукты. Но обязательно должны были вечером вернуться в тюрьму. Моя тетя Хикур была красавицей. Когда они гуляли по тюремному двору, ее заметил заключенный по политическим мотивам Григорий Шервашидзе. Он без памяти влюбился в нее, и через дощатую перегородку передал ей обручальное кольцо. И после тюрьмы они поженились.

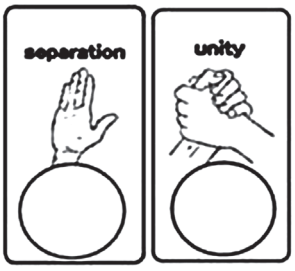
Многие сельчане и родственники приходили к сестрам,(тогда уже были на свободе) приносили тайно боеприпасы. Мама рассказывала мне, как ночью, в кромешной мгле они вдвоем шли в лес, оставляли в условленном месте еду и боеприпасы. Советская власть все у них отобрала. Дом, участки – все конфисковали. Семья осталась на улице. Удалось припрятать кое-какие ценности. Сестры жили в Очамчыре, в семье Махария. И туда иногда тайно приходили их братья.

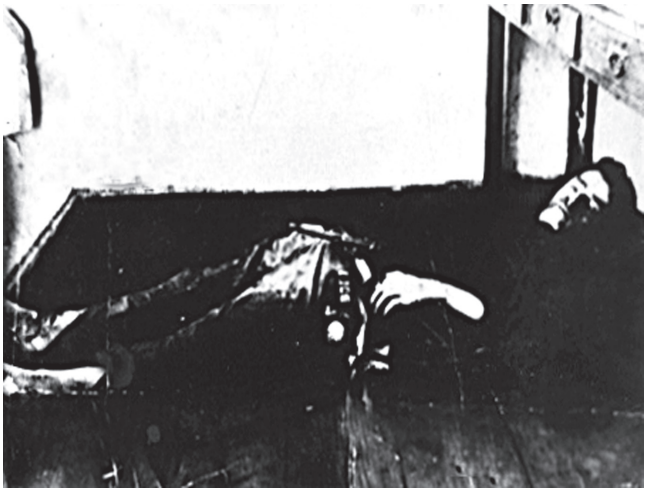
Однажды председатель ЦИК Нестор Лакоба вызвал мою маму и тетю и попросил, чтобы они выдали своих братьев. Он убеждал их, что это не может вечно продолжаться, что они когда-нибудь погибнут. «Мы их арестуем и через некоторое время выпустим!», – пообещал он им. Но они не согласились, потому что не верили обещаниям.

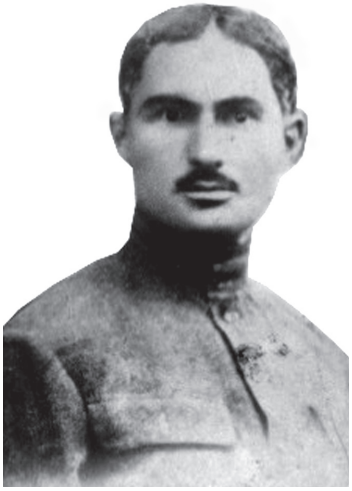
И вот наступил день, когда Гуда все же выследил убийцу своего отца – Варлама Кецбая. Он хотел убить его и только потом сдаться властям. Они встретились в лесу, Кецбая был на коне. Гуда выстрелил, и наездник упал на землю. Он лежал, распластанный на земле, раскинув руки виновник этих людских трагедий. Гуда не спеша подошел, взглянул в лицо противника и презрительно произнес: «Для тебя и одной пули достаточно!». Но как он ошибался!!! Не успел он отойти на несколько метров, как смертельно ранены выхватил ружье и выстрелил в спину уходящего. Оказалось, что эту роковую встречу спланировали. Гуду ждала засада. Из засады выскочили работники милиции и добили раненого абрека.

Арсен (Гуда) Эмхаа отомстил за своего невинно убиенного отца, кровная месть свершилась, но какой ценой!!!


р.Уруп
1
р.Б.Зеленчук
2
Сочи
р.Мзымта
Аибга
р.Псоу
р.Бзыбь
3
Черное
море


separation
unity





М. Д. Кокоскир

ИСТОРИЯ СЕМЬИ ДЖОТО ШЕРВАШИДЗЕ

Об этой трагической истории нам поведала Изольда Александровна Званбая, врач-кардиолог, кандидат медицинских наук, зав. медицинским отделом Литфонда. Будучи представительницей княжеского рода, она слышала её из уст своей мамы Буцы Эмухвари (Эмхаа), имевшей родственные связи с фамилией Шервашидзе. Их сестра Хикур Эмхаа была женой Григория Шервашидзе. Джото Шервашидзе – представитель владетельной фамилии, был его двоюродным дядей, жил в селе Эшере, имел там плантации. Но когда в центре Сухума был построен особняк греком Самуриди, он купил его и стал там с семьей проживать. Женой его была абхазка Маена Ачба. Когда началась советизация Абхазии, Джото почувствовал, что будут притеснять дворян и князей, и решил уехать. Собрав семью, он объявил им свое решение, мотивировав свой поступок опасением, что их всех могут убить. Слухи доносили страшные вести из России, где расправлялись с князьями.

У Джото Шервашидзе и Маены Ачба было два сына: старшего звали Дзика, а младшего Михаил. Оставив жену смотреть больную мать, Джото с сыновьями эмигрировал в Турцию. Они договорились, что после обустройства на чужбине, вызовут женщин к себе. В Стамбуле, Джото купил своей семье виллу. Именно в это время большевики издают указ о запрете въезда и выезда в Абхазию. Так была оторвана от своих детей и мужа Маена Ачба, оставшаяся со свекровью. Через некоторое время свекровь умирает, советская власть отбирает дом и все имущество конфискует. Единственное, что успела сделать мать семейства – снять и спешно продать в православный Сухумский храм большую люстру которая и поныне висит там. На эти деньги и на продажу других ценностей она купила себе двухкомнатную квартиру на Бзыбском шоссе, где мы и познакомились с ней.

40 лет семья жила раздельно друг от друга. Мать очень страдала в одиночестве без своих детей и мужа, потом с ней стала жить племянница – Нази Шервашидзе. Моя тетя тоже часто им помогала. В 50-е годы пошло потепление, начались поездки творческих коллективов за границу. Танцевальный ансамбль Грузии Сухишвили-Рамишвили выехал во Францию, в Париж. Примой-балериной ансамбля была Марина Мхеидзе, мама которой Вера Шервашидзе была родственницей Джото. На этот концерт пришел его сын Михаил (здесь его назвали Мишелем). После концерта он зашел за кулисы, чтобы узнать какие-нибудь новости из Абхазии о своей мате-

ри. Его познакомили с Мариной Мхеидзе, они разговорились и выяснили, что у них есть родственные связи. Но самое главное Мишель понял, что его старая мать жива и очень болеет. Он тут же написал ей трогательное письмо на ломанном русском языке и передал его Марине. Так впервые за 40 лет Маена Ачба получила весточку от своих детей. Мишель рассказал о своей семье. Оказалось, что отец его Джото после эмиграции долго не прожил. Брат Дзика уехал в Америку, в Лос-Анджелес искать счастье. Он стал голливудским актером, снялся в нескольких фильмах. Сам Мишель – крупный капиталист, хозяин нескольких заводов и фабрик во Франции. Живет безбедно и в роскоши.

Это письмо передали стареющей матери, и она немного успокоилась за своих детей. Я сама читала его неоднократно когда навещала ее на каникулах. С этого момента они стали переписываться. И все родственники, занимающие государственные посты, стали содействовать встречи матери со своими детьми. Разрешение брали в МИДе России. К тому времени ей уже было за 80 лет. Она стала терять память. В первой посылке, которую ей прислал Мишель находилась черная вязаная шаль и много разных лекарств, необходимых ей. Это была трогательная забота. Сын стал ежемесячно присылать посылки с вещами, которые она продавала, чтобы жить на вырученные средства. Даже мне достался отрезок ткани – тафта, модная в те времена советского дефицита. А через некоторое время ей написала письмо жена Мишеля – русская эмигрантка из Ростова. Ее первым мужем был известный русский художник Александров, у них подрастал сын Даниель. В 40-х годах они эмигрировали во Францию, но вскоре муж умер. Так в ее жизни появился Мишель, жена которого – богатая англичанка-аристократка, погибла при крушении корабля на море. Они объединили свои судьбы, воспитывая ее сына Даниеля. Она также написала, что брат Мишеля, Дзика, ставший Голливудским актером, так и не женился, хотя у него была бурная личная жизнь, и, к сожалению, рано умер. Это место в письме матери обычно не читали, щадя ее старость.

Маена Ачба часто просила пришедших к ней в гости людей прочесть письма ее сына и всегда недоумевала, почему он не пишет о своем брате Дзике. Ее это сильно тревожило. Вскоре все родственники стали ходатайствовать, чтобы организовать встречу Мишеля с матерью. Стали готовить ему документы, чтобы он под видом туриста приплыл на теплоходе в Сухумский порт и на пристани увиделся с матерью (туристам запрещалось выходить в город). Испытав стресс от сознания будущей встречи, она умерла накануне встречи, возможно, Мишелю сообщили горестную весть, и он прислал телеграмму. Когда ее зачитывали на похоронах, все присутствующие: и мужчины, и женщины рыдали навзрыд. Не суждено было встретиться матери и сыну!

Так трагически закончилась история семьи Джото Шервашидзе.

Архимандрит Дорофей (Дбар)

ЕРМОЛАЙ АДЖИНДЖАЛ КАК ЦЕРКОВНЫЙ ИСТОРИК[1] (К 85-летию со дня рождения)

Пожалуй, первым абхазским церковным историком мы можем назвать Михаила Ивановича Тарнава (1895–1941 гг.), опубликовавшего в 1917 г. работу под названием «Краткий очерк истории Абхазской Церкви»[2], хотя впоследствии церковная тематика и оставалась вне поля зрения этого автора. Правда, за четыре года до публикации М. И. Тарнава еще один абхазский историк – Симеон Михайлович Ашхацава (1886–1943 гг.) – публикует в «Сухумском вестнике» небольшую статью под названием «Краткий исторический очерк Абхазской Церкви»[3]. После двух этих публикаций в течение более полувека в абхазской историографии исследований по истории христианства в Абхазии мы не встречаем. Впрочем, небольшое исключение все-таки есть. Речь идет о статье Алексея Алексеевича Олонецкого (1893–1964 гг.) «Православная церковь как орудие колониальной политики царизма в Абхазии»[4] и отдельных работах абхазских археологов и искусствоведов, посвященных изучению исключительно христианских памятников на территории Абхазии.

В 1972 г. Ермолай Кесугович Аджинджал (в то время он был сотрудником отдела древней истории Абхазского государственного музея) публикует первую заметку по истории христианства в Абхазии «К вопросу о проникновении и утверждении христианства в Абхазии»[5]. Ермолай Аджинджал продолжает работу над этой темой в течение нескольких лет, и уже в 1980 г. в Трудах Абхазского государственного музея появляется его научная статья почти с тем же названием «К вопросу проникновения христианства в Абхазию»[6].

В 1987 г. Е. К. Аджинджал в ведущем советском академическом журнале «Вестник древней истории» публикует одну из лучших своих работ «Об од-

---

[1] Доклад на научно-практической конференции, посвященной Е. К. Аджинджал. Сухум, 28 июня 2018 г.

[2] Тарнава М. И. Краткий очерк истории Абхазской Церкви. – Сухум, 1917. – 20 с.

[3] Ашхацава С. М. Краткий исторический очерк Абхазской Церкви // Сухумский вестник, 5 января 1913 г.

[4] Олонецкий А. А. Православная церковь как орудие колониальной политики царизма в Абхазии. Б. М. и г. и. С. 133-149.

[5] Аджинджал Е. К. К вопросу о проникновении и утверждении христианства в Абхазии // Тезисы докладов и сообщений научной сессии Абхазского государственного музея. – Сухум, 1972. С. 17-18.

[6] Аджинджал Е. К. К вопросу проникновения христианства в Абхазию // Труды Абхазского государственного музея, 5 (1980). С. 152-165.

ном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе»[1]. В ней он рассматривает ряд вопросов, связанных с крещением предков современных абхазов во времена византийского императора Юстиниана Великого (483–565 гг.).

В 2000 г. издательством Сухумо-Абхазской епархии «Стратофил» была подготовлена и опубликована книга Е. К. Аджинджал «Из истории христианства в Абхазии»[2]. Книгу составляют четыре статьи, написанные в разное время. В издании они представлены как главы: «Проникновение христианства в Абхазию», «О дате крещения абхазов», «К истории Абхазской автокефальной Церкви» и «К истории Абхазского католикосата».

В предисловии к книге мною, в то время еще студентом Московской духовной академии, дается общая оценка исследованию и обозначаются некоторые обстоятельства из истории Православной Церкви Абхазии, которые в результате путаницы в историографии таким же образом нашли отражение и в труде Е. К. Аджинджал[3].

Так что мы по праву можем считать Ермолая Кесуговича единственным абхазским церковным историком советского времени.

И в завершение еще один факт: летом 2014 г. Е. Аджинджал привез в издательский отдел Священной Митрополии Абхазии папку с материалами, которые предложил опубликовать в виде книги под названием «АБАЗГИКА. Византийские сведения об Абхазии».

В папке были следующие материалы:

ксерокопии нескольких страниц одного из выпусков Словаря по раннесредневековой истории Восточной Европы (Glossar zur frьhmittelalterlichen Geschichte im цstlichen Europa, Serie B, Lieferung 7), изданного в 1979 г. в Висбадене[4];

фотокопии нескольких страниц нового издания того же выпуска Словаря с некоторыми дополнениями[5] (в обоих вышеуказанных изданиях были опубликованы статьи, в которых собраны выдержки из византийских источников об Абазгии и абазгах)[6];

---

[1] Аджинджал Е. К. Об одном аспекте ранневизантийской дипломатии на Кавказе // Вестник древней истории, 3 (1987). С. 174-187.

[2] Аджинджал Е. К. Из истории христианства Абхазии. –Сухум: Изд. «Стратофил», 2000. – 141 с.

[3] См. Там же. – С. 3-8.

[4] Glossar zur frьhmittelalterlichen Geschichte im цstlichen Europa. Herausgegeben von Jadran Ferluga, Manfred Hellmann, Herbert Ludat. Redaktion Athanasios A. Fourlas, Anastasios A. Katsanakis. Serie B: Griechische Namen bis 1025. Lieferung 7: Ἄβαροι (SchluЯ) – Ἀγάθυρσοι (Anfang). Franz Steiner Verlag GmbH Wiesbaden, 1979.

[5] Glossar zur frьhmittelalterlichen Geschichte im цstlichen Europa. Herausgegeben von Jadran Ferluga, Manfred Hellmann, Herbert Ludat, Klaus Zernack. Redaktion Athanasios A. Fourlas, Anastasios A. Katsanakis. Serie B: Griechische Namen bis 1025. Band I: Ἀαρων (1) – Ἀδριανούπολις (1). Franz Steiner Verlag GmbH Wiesbaden, 1980.

[6] См.: A. A. F. Ἀβασγία, Ἀβασγοὶ, Ἄβασκος // Glossar zur frьhmittelalterlichen Geschichte im цstlichen Europa. Serie B: Griechische Namen bis 1025. Lieferung 7: Ἄβαροι (SchluЯ) – Ἀγάθυρσοι (Anfang). Wiesbaden, 1979. – P. 208–228; A. A. F. Ἀβασγία, Ἀβασγοὶ, Ἄβασκος // Glossar zur

распечатанный текст перевода на русский язык статей из вышеуказанного Словаря, сделанного в свое время старшим научным сотрудником Института востоковедения Российской академии наук Евгенией Борисовной Смагиной (окончательно перевод был завершен в 2011 г.);

листок с кратким отзывом известного российского византиниста, профессора Михаила Вадимовича Бибикова к переводу Е. Б. Смагиной;

распечатка статьи самого проф. М. В. Бибикова «Новое издание латинских и византийских источников» (статья впервые была опубликована в сборнике под названием «Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования» (Москва, 1983 г.); по желанию самого Е. Аджинджал вышеуказанная статья должна войти в книгу в качестве приложения (на что учёный получил устное разрешение от профессорам. В. Бибикова);

статья самого Е. К. Аджинджал под названием «Основа основ истории», которой предстоит войти в готовящееся издание в качестве послесловия.

С моей стороны были учтены все пожелания Ермолая Кесуговича. Однако в процессе подготовки вышеназванных материалов к публикации в изначально представленные тексты были внесены некоторые изменения.

Во-первых, это коснулось названия книги. Автор принял предложенный нами вариант: «АБАЗГИКА. Сведения византийских источников об Абхазии и абхазах».

Во-вторых, мы посчитали необходимым дать все фрагменты сообщений византийских источников об Абхазии и абхазах сначала на языке оригинала (на древнегреческом) и в том порядке, в каком они были представлены в вышеуказанном Словаре. Единственное дополнение к оригинальным греческим текстам – некоторые пояснения к топографическим и топонимическим названиям на новогреческом языке, которые мы даем в скобках. При таком подходе мы обеспечим доступность этих очень важных для изучения истории Абхазии и Православной Церкви Абхазии сообщений древних источников и современным грекоговорящим читателям, которым также будет адресована эта книга.

В-третьих, параллельно с греческими фрагментами текстов из немецкого Словаря в книге они будут даны также в переводе на русский язык, выполненном Е. Б. Смагиной. Кроме того, переводы Е. Б. Смагиной были заново сверены с текстами на греческом языке и в них при необходимости внесены некоторые поправки и уточнения.

Надеюсь, что книга «АБАЗГИКА. Сведения византийских источников об Абхазии и абхазах», в подготовке которой немало усилий приложил Е. К. Аджинджал, увидит свет в ближайшие годы.

---

frьhmittelalterlichen Geschichte im цstlichen Europa. Serie B: Griechische Namen bis 1025. Band I: Ἄαρων (1) – Ἀδριανούπολις (1). Wiesbaden, 1980. – P. 208–228, 303 (Addenda).

Архимандрит Дорофей (Дбар)

О ВОСПИТАННИКЕ НОВОАФОНСКОЙ МОНАСТЫРСКОЙ ШКОЛЫ НЕСТОРЕ ЛАКОБА (К 125-летию со дня рождения)

НЕСТОР И АБХАЗИЯ

Нестор Лакоба, юбилей которого отмечается в этом году, навсегда останется в истории Абхазии ключевой фигурой. Эта роль отведена ему не только историками, но и самим народом Абхазии, что намного важнее.

Обратитесь к любому абхазу и попросите назвать имена правителей нашей страны в прошлом. Свой перечень случайный ваш собеседник начнет с царя Леона, далее, совершив колоссальный перелет во времени (через десять веков!), упомянет владетельного князя Келешбея Чачба, затем перейдет к совнаркому Нестору Лакоба и завершит перечисление именем Президента Владислава Ардзинба.

Выбор именно этих политических фигур из множества других правителей Абхазии, оставивших свой добрый или роковой след в истории, хоть и сделан интуитивно, не случаен. Вышеперечисленные руководители находились у истоков создания, укрепления и возрождения Абхазского государства на разных этапах его истории. В основе их деятельности была не только решительность (я бы сказал – дерзновение!), но и политическая дальновидность, и при этом они оставались совершенными прагматиками – каждый в условиях своего времени.

Не раз приходилось слышать при оценке деятельности Нестора Лакоба, что советизация Абхазии, произошедшая в период его руководства страной, послужила впоследствии причиной трагических событий в истории нашего народа.

В связи с этим проведу несколько аналогий. Если бы абхазский царь Леон в VIII веке перед лицом могущественной Византийской империи, идеологическим стержнем которой было Православие, стал бы строить государство по принципу языческих античных полисов-государств либо Римской республики, к чему бы это могло привести? Или же Келешбей Чачба, теснимый со всех сторон Османской империей, взялся бы реализовывать в своем княжестве идеи французской революции конца XVIII века? Нетрудно представить, чем бы это закончилось. Или же Владислав Ард-

зинба вместо строительства современной демократической республики занялся бы возрождением Абхазского средневекового царства и объявил бы себя царем? Это было бы не только безумием, но и заведомо обрекло бы на провал идею создания независимого Абхазского государства в его современном виде.

Нестор Лакоба в период больших потрясений в начале XX века (как, впрочем, и Владислав Ардзинба в конце того же века) оказался более дальновидным политиком, чем представители абхазской аристократии, настроенные на создание демократической республики. Как и его предшественник Келешбей Чачба, он не был фанатично привязан исключительно к одной политико-идеологической установке (эта свобода от каких-либо привязок и зависимостей является природной чертой абхаза). Большевизм нужен был Нестору, как и многим его соотечественникам и современникам, в том числе и как возможность, как «инструмент» спасения Абхазии от грузинских меньшевиков.

«Абхазцы, – писал в 1918 году в своих дневниках настоятель Сухумского кафедрального собора, протоиерей Георгий Голубцов, – не давая себе отчета в смысле совершившихся в России событий, видят в грядущих к ним русских большевиках спасителей от "грузинского ига" и потому с радостью ожидают к себе большевиков»[1].

Именно такое восприятие происходивших в то время событий подвигло и видного абхазского священника Георгия Ахан-ипа (Туманова) пожертвовать крупную сумму и передать эти деньги Нестору Лакоба на организацию революционно-крестьянского движения (Ради соблюдения исторической справедливости замечу, что последующие их взаимоотношения были, мягко говоря, не гладкими, хотя оба они – и Нестор Лакоба и о. Георгий Ахан-ипа – были воспитанниками Новоафонской монастырской школы).

Не потому ли после изгнания грузинских меньшевиков и установления советской власти в Абхазии Нестор Лакоба не репрессировал тотально абхазских князей и дворян, не подверг жестоким гонениям все духовенство Абхазии – как христианское, так и исламское?

В письме Иосифа Сталина от 19 октября 1929 года, в котором речь идет о так называемом «абхазском деле» (попытке снять с поста Н. Лакоба и назначить на его место либо Дмитрия Алания, либо Василия Агрба, кстати, бывшего священника Мгудзырхвской церкви), было отмечено следующее: «Ошибка товарища Лакоба состоит в том, что он: а) несмотря на свой старый большой опыт, сбивается иногда в своей работе на политику опоры

[1] Дневник настоятеля Сухумского кафедрального собора протоиерея Георгия Голубцова / Российская Церковь в годы революции (1917–1918 гг.). Сборник. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1995. С. 244. (Материалы по истории церкви, кн. 8).

на все слои абхазского населения (это – не большевистская политика); и б) находит возможным иногда не подчиняться решениям обкома (это – тоже не большевистская политика)» [1].

Еще один важный момент деятельности Нестора Лакоба. В фондах Церковно-археологического музея Священной Митрополии Абхазии хранится коллекция книг и географических карт, изданных в 20-е годы прошедшего века. Они свидетельствуют – по крайней мере для меня, – что в период правления Нестора Лакоба, в особенности с 1921 по 1931 гг. (до вхождения Абхазии в состав Грузинской ССР), им были созданы самые благоприятные условия для развития науки в нашей стране.

И, наконец, мы подходим к одному из самых драматичных моментов не столь уж давней абхазской истории, к подписанию союзного договора с Грузинской ССР в 1921 году и вхождению Абхазской ССР в состав Грузии на правах автономии в 1931- м.

Как расценивать эти весьма спорные в период правления Нестора Лакоба решения?

Следует отметить, что в первом событии Нестор прямого участия не принимал.

Как бы там ни было, оба эти события привели к трагическим последствиям, в особенности после того, как в 1931 году статус Абхазии был политически ущемлен: сам Нестор Лакоба был отравлен в Тбилиси, а вся его семья – мать, жена и несовершеннолетний сын – зверски убиты. Что произошло в те тяжелейшие годы с элитой абхазского общества, в том числе и с духовенством, думаю, напоминать не нужно. Это общеизвестно.

Во всей той истории, безусловно, ключевую роль сыграли безжалостные тираны Сталин и Берия. Но для нас, современных абхазов и наших нынешних руководителей, события того времени должны послужить серьезным уроком: тогда, за первым шагом руководства Абхазии, подписавшим в 1921 году союзный договор с Грузией в надежде на помощь Ленина и Троцкого (если что-то пойдет не так), неминуемо последовал и шаг второй – вхождение Абхазии в 1931 году в состав Грузии на правах автономии – со всеми вышеописанными последствиями унизительного умаления, ущемления статуса нашей страны.

Как историк я принципиально продолжаю настаивать на том, что любая форма нахождения Абхазии в составе любого другого государства всегда оборачивалась для нашего народа трагедией. И, увы, как учат уроки истории, будет оборачиваться…

Да, «хлебом насущным» мы будем обеспечены сполна…

---

[1] Партийный архив Грузинского филиала института М/Л при ЦК КПСС, ф. 13, д. 2960, оп. I, ч. III, лл. 5-6. Благодарю Зураба Агрба-Филиппаки за предоставленную копию этого документа.

Важно помнить и другое, что бывают трагедии с поправимым финалом, но могут случиться (не дай увидеть нам этого, Господь!) – и с неизменным трагическим концом.

НЕСТОР И НОВОАФОНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Общеизвестно, что Нестор Лакоба был воспитанником Новоафонской монастырской школы, созданной в 1876 г. для обучения грамоте абхазских мальчиков. (Сегодня в перестроенном здании этого дореволюционного учебного учреждения располагается прекрасная среднеобразовательная школа г. Новый Афон, носящая имя Нестора Лакоба). В 1905–1910 годах Н. Лакоба учился в Тифлисской духовной семинарии, откуда в 1911-м был исключен за участие в революционном кружке. Полагаю, «семинарская штудия» (я могу об этом судить, поскольку и сам прошел через нее) во многом помогла Нестору Лакоба в его последующей деятельности.

Весьма любопытен еще один факт из жизни Нестора Лакоба, совершенно неизвестный прежде. Оказывается, в 1923 году (за год до закрытия Новоафонского монастыря) Нестор задумал на базе всего комплекса монастыря создать большой детский городок. Об этом мы узнаем из письма, которое он направил 15 октября 1923 года в адрес Закавказского райкома.

«Находящийся на территории Абхазии Н. -Афонский монастырь, – пишет Н. Лакоба, – построенный скорее в соответствии с капризами русской буржуазии и высокопоставленных дам романовского происхождения, чем с требованиями “благочестивых иноков” из старого Афона, все еще продолжает находиться, к нашему стыду, в плену у монахов. Н. Афон является в хозяйственно–культурном отношении вполне благоустроенным: каменные и кирпичные здания, отвечающие последнему слову архитектуры (буржуазной); культурные участки (мандарины, маслины, сливы, виноград, и др. фрукты); скотный двор, мельница, пасека, сенокос, мастерские и др.; электричество и водопровод. Н. Афон в полукольце гор, высотою от 500 до 1100 футов, на берегу моря и при шумных водопадах и горных речках, походит на красивый, изящный городок.

Вопрос о том, как и в какой форме этот городок должна прибрать Советская власть к своим рукам и наиболее практически и целесообразно его обратить на пользу трудящихся масс, – не мало занимал ответ – работников Абхазии. Но этот вопрос, как ни странно, до сих пор все еще не получил своего законного, естественного разрешения. Общее же мнение, которое сейчас складывается в Абхазии, безусловно, говорит за то, что Н. Афон имеет немаленькое значение в общефедеративном

масштабе, если его умело и организованно приспособить к ДЕТСКОМУ ГОРОДКУ. Эта идея вполне осуществима практически – при необходимом и нужном внимании и содействии со стороны Закавказского райкома. При хорошей постановке дела, т. е. организации небольшого кадра хозяйственных спецов и умелого подбора командного состава сотен детей трудящихся (?), Новый Афон вполне может себя содержать, не вызывая почти никаких расходов со стороны правительства, если не принимать во внимание так называемых первоначальных расходов (организационных).

Исходя из вышеизложенного, прошу Закавказский райком срочно рассмотреть затронутый вопрос и решить его в принципе в удовлетворительном смысле. В видах практического начала полагал бы необходимым назначить компетентную (небольшую) комиссию и срочно командировать таковую в Абхазию для немедленного обследования вопроса на месте»[1].

В неопубликованной рукописи под названием «Воспоминания о жизни и деятельности архиереев и духовенства Сухумо-Абхазской епархии в период: от революции до времени вступления на кафедру митрополита Антония Гигинейшвили» (автором этих воспоминаний была верующая женщина, ее имя, к сожалению, нам неизвестно – прим. о. Дорофея) относительно уже закрытия Новоафонского монастыря сообщается следующее: «Новоафонский монастырь был закрыт в 1924 году. Обстоятельства закрытия были таковы. Накануне приехал в монастырь Нестор Лакоба, председатель Совнаркома (Совета народных комиссаров – прим. о. Дорофея) Абхазии. В трапезной собрались монахи. Он обратился к ним со следующими словами: «Дорогие отцы! Монастырь придется закрыть. Я долго отстаивал его, вы знаете, что он мне дорог, как и вам. Я – воспитанник монастырской школы, учрежденной покойным дорогим отцом Иероном (строитель и первый настоятель Новоафонского монастыря – прим. о. Дорофея) для абхазских мальчиков. В Москве категорически предложили мне закрыть его. Простите меня, но я не властен отменить или отсрочить это решение».

Я стояла снаружи около окна трапезной и все слышала. На другой день в монастырь прибыл целый отряд милиции. Мне и моим друзьям было известно, что с вечера в соборе начнется последняя прощальная служба – всенощное бдение. В десять часов вечера с колокольни монастыря раздался звон набатного колокола (два монаха раскачивали язык этого колокола). Мерные могучие звуки призывно неслись с горы, тревогой наполняя сердца. Все население Афона и ближних селений – Анухвы Абхазской и Анухвы Армянской – устремилось к монастырю. Ворота во

[1] Центральный архив новейшей истории Грузии, ф. 600, оп. I, д. 185, л. 6. Благодарю Зураба Датуашвили за присланную фотокопию этого документа.

внутренний двор, где расположен собор, были заперты, и их охраняла милиция. На наши просьбы открыть ворота и пропустить нас в собор на прощальную службу – в ответ мы слышали насмешки. В толпе слышались рыдания женщин. Вдруг молодая девушка-абхазка громко крикнула: «Абхазцы! На вас надо надеть юбки!». Мгновенно все смолкло. Затем раздался характерный возглас абхазцев: «Аҳаҳаит!», т. е. бросаться в атаку! В один миг всю милицию сняли и расшвыряли как котят, навалились на ворота, задвижка изнутри лопнула и ворота распахнулись. Мне не забыть этой ночи!. .».

Редактор **Л.С. Пачулия**
Корректор **Л. З. Клычева**
Компьютерный набор **Л.Р. Чамагуа**
Верстка **Н.Г. Гунба**

Формат 70х100 $^{1}/_{16}$. Тираж 300. Физ. печ. лист 16.
Усл. печ. лист 20,8. Заказ №36.

Республика Абхазия
РУП «Дом печати»,
г. Сухум, Эшба, 168.